

The Beatles

КАНТЕР ДЭНС

БИТЛЗ

Авторизованная биография

Annotation

Автор книги был свидетелем первых побед простых ребят из Ливерпуля, их шумного успеха, зарождения тех конфликтов, которые привели к распаду группы в 70-е годы.

Послесловие к книге написано известным советским рок-музыкантом и композитором, руководителем группы "Машина времени" Андреем Макаревичем.

- [Дэвис Хантер](#)
  - [Часть 1. ЛИВЕРПУЛЬ](#)
    - [1. Джон](#)
    - [2. Джон и «Кворримен»](#)
    - [3. Пол](#)
    - [4. Пол и «Кворримен»](#)
    - [5. Джордж](#)
    - [6. Джордж и «Кворримен»](#)
    - [7. В художественном колледже](#)
    - [8. От «Кворримен» до «Мундогз»](#)
    - [9. Стю, Шотландия и «Силвер Битлз»](#)
    - [10. «Касба»](#)
    - [11. Гамбург](#)
    - [12. Астрид и Клаус](#)
    - [13. Ливерпуль - «Литерлэнд» и «Кэверн»](#)
    - [14. Бег на месте - Ливерпуль и Гамбург](#)
    - [15. Брайен Эпстайн](#)
    - [16. Брайен подписывает контракт с «Битлз»](#)
    - [17. «Декка» и Пит Бест](#)
    - [18. Ринго](#)
    - [19. Ринго и «Битлз»](#)
  - [Часть 2. ЛОНДОН И ВЕСЬ МИР](#)
    - [20. Джордж Мартин и Дик Джеймс](#)
    - [21. Гастроли](#)
    - [22. Битломания](#)
    - [23. США](#)
    - [24. Великобритания и снова США](#)
    - [25. Последние гастроли](#)

- [26. Смерть Брайена Эпстайна](#)
  - [27. От наркотиков к Махариши](#)
  - [Часть 3. СЕГОДНЯ](#)
    - [28. Друзья и родители](#)
    - [29. Империя «Битлз»](#)
    - [30. «Битлз» и их музыка](#)
    - [31. Джон](#)
    - [32. Пол](#)
    - [33. Джордж](#)
    - [34. Ринго](#)
  - [НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
  - [ПОСТСКРИПТУМ 1978: РАЗРЫВ](#)
  - [ПАМЯТИ ДЖОНА ЛЕННОНА: ДЕКАБРЬ 1980](#)
  - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
-

Дэвис Хантер
THE BEATLES

«The Beatles»
The Authorized Biography
by Davies Hunter

Часть 1. ЛИВЕРПУЛЬ

1. Джон

Отец Джона, Фред Леннон, рос сиротой. Он жил и учился в ливерпульском сиротском приюте, ходил в высокой шляпе, длиннополом пальто и, окончив школу, получил, по его словам, шикарное образование.

Фреду было девять лет, когда в 1921 году скончался его отец, Джек Леннон. Джек Леннон родился в Дублине, но большую часть жизни провел в Америке. Профессиональный певец, он выступал там с известной группой «Кентукки Минстрелз», а расставшись с ней, Джек вернулся в Ливерпуль, где и появился на свет Фред.

Пятнадцати лет Фред покинул сиротский приют и вместе со своим шикарным образованием и двумя новыми костюмами ринулся в водоворот житейского моря, став для начала посыльным в конторе.

– Вы, может, решите, что я больно много о себе воображаю, только не прошло и недели с моего поступления на службу, как хозяин послал в приют за тремя новыми мальчишками. Он сказал, что если они хотя бы наполовину так же расторопны, как я, то не пропадут у него. Хозяин считал меня колоссальным парнем.

В шестнадцать лет Фред ушел из конторы, нанялся на корабль и отправился в плавание. Его обязанности состояли в том, чтобы звонить в колокол и в случае необходимости прислуживать за столом. Фред говаривал, что был лучшим официантом, но особо из-за этого не заносился. Он просто честно признавался, что, пока судно не заполучало на борт Фредди Леннона, Ливерпуль оно не покидало. Так-то.

Незадолго до начала своей ослепительной морской карьеры Фред повстречался с Джулией Стенли. Их первое свидание произошло ровно через неделю после того, как Фред вышел из приюта.

– Красивая была встреча. Я был в новом костюме. Мы сидели в Сефтон-парке с приятелем - он учил меня знакомиться с девчонками. Я купил портсигар, котелок и не сомневался, что против такого ни одна не устоит. И вот мы заприметили одну девчушку. Я к ней подхожу, а она говорит: «Ты выглядишь как дурак». «А ты просто прелесть», - ответил я и сел рядом. Все было совершенно невинно. Я еще ничегошеньки не понимал. Она заявила, что, если я собираюсь сидеть рядом с ней, пусть немедленно сниму эту идиотскую шляпу. Я снял и выбросил ее в озеро. С тех пор так и не ношу шляп.

Фред и Джулия встречались около десяти лет - когда Фред бывал на

берегу. Фред утверждал, что мать Джулии обожала его, а вот отец не слишком-то привечал. Зато именно отец научил Джулию играть на банджо.

– Мы с Джулией частенько играли и пели. Теперь бы нам не было равных. Однажды она сказала мне: «Давай поженимся». Я стал говорить, что надо, как положено, объявить о помолвке, чтобы все было как у людей. А она мне: «Пари держу, тебе просто неохота жениться». Вот так я и женился, вроде как в шутку. Женился... - обхохочешься. Семье Стенли, однако, было не до смеха. - Мы знали, что Джулия встречается с Альфредом Ленноном, - рассказывает Мими, одна из четырех сестер Джулии. - Он был симпатичный парень, ничего не скажешь. Но мы прекрасно понимали, что от него никому не может быть никакого проку, в том числе и Джулии.

Бракосочетание состоялось в Отделе регистрации гражданских актов в Маунт-Плезант 3 декабря 1938 года. Никто из родственников не пришел. В десять часов утра появился Фред, он оказался первым. Джулии и в помине не было; тогда Фред ушел и попытался одолжить у своего брата денег. Когда он вернулся, Джулии все еще не было. Фред позвонил в кинотеатр «Трокадеро». Джулия пропадала там дни и ночи - она обожала эту обстановку. И хотя никогда не работала в «Трокадеро», в брачном свидетельстве в графе «профессия» Джулия написала: «Билетерша». Для смеха.

– Я поговорил с одним из ее парней в «Троке», - сказал Фред. - Там все меня обожали. «Если ты втюрился в Джулию, - говорили ребята, - крути с ней на здоровье, мы подождем».

Наконец Джулия пришла. Свой «медовый месяц» они провели в кино. Потом Джулия вернулась к себе домой, а Фред - к себе. На другой день Фред отправился в трехмесячное плавание в Вест-Индию.

Джулия жила дома с родителями, и когда приезжал Фред, он останавливался у нее. После одной из побывок Джулия поняла, что беременна. Это было летом 1940 года. Ливерпуль здорово бомбили. Фред Леннон куда-то исчез.

Джулию поместили в родильный дом на Оксфорд-стрит. Ребенок родился во время жестокой бомбежки 9 октября 1940 года, в 6 часов 30 минут и был наречен Джон Уинстон Леннон. «Уинстон» возник как дань краткой вспышке патриотизма. Мими, увидевшая ребенка спустя двадцать минут после его рождения, назвала его Джоном.

– В тот миг, когда я увидела Джона, - сказала Мими, - все было кончено. Я пропала навсегда. Мальчик! Я задыхалась от счастья, без конца вертелась вокруг него и чуть не забыла о Джулии. Джулия обиделась:

«Родила-то его все-таки я!»

Когда Джону исполнилось полтора года, Джулия отправилась в порт, чтобы получить деньги, которые все же приходили от Фреда. Ей сообщили, что денег больше не будет.

«Альфред сбежал с корабля, - объявила Мими. - И никто не знает, что с ним теперь».

Спустя некоторое время он объявился, но Мими заявила, что хорошенького понемножку и пора с этим кончать. Фред и Джулия разошлись чуть больше года спустя.

– В конце концов Джулия встретила другого мужчину, за которого решила выйти замуж, - рассказывает Мими. - Джон доставил бы ей лишние хлопоты, поэтому я забрала его. Конечно, я и сама не могла с ним расстаться, но так было лучше для всех. Джон нуждался в настоящем доме и нормальной семейной жизни. Он и так уже считал мой дом наполовину своим. Джулия и Фред хотели, чтоб я его усыновила. Они просили меня об этом в письмах. Но мне так и не удалось добиться, чтобы они одновременно явились в контуру поставить свои подписи.

Версия Фреда относительно его «бегства» и дальнейшей судьбы брака с Джулией, естественно, несколько иная. Вспыхнувшая война застала его в Нью-Йорке, где до него дошли слухи, будто он приписан к судам «Либерти» [Суда «Либерти» («Liberty Boat») - специальные суда, построенные ускоренным методом и используемые для перевозки грузов из США и Великобритании во время второй мировой войны. - Здесь и далее примечания переводчиков] помощником стюарда, а не главным официантом.

– Я мог запросто потерять квалификацию. Конечно, я нисколечко не хотел ввязываться в войну, но смириться еще и с тем, чтобы потерять положение? Никогда! Капитан пассажирского судна, на котором я работал, дал мне хороший совет. Он сказал: «Фредди! Ступай напейся и потеряйся!»

Именно так Фред и поступил и в конце концов оказался на Эллио-Айленд. Ему снова предложили «Либерти». Фред ответил, что желает быть главным официантом на «Куин Мэри». Тем не менее его все-таки водворили на «Либерти» - судно направлялось в Северную Африку. Когда они прибыли на место, Фреда посадили в тюрьму.

– Однажды кто-то из поваров попросил меня пойти в каюту и принести оттуда бутылку. Я как раз пил, когда заявила полиция. Меня обвинили в том, что я вскрыл груз. Чепуха. Меня тогда еще и на борту не было. Но вся команда отбоярилась, кроме меня. «Пойман с поличным» - вот что мне припаяли. Я защищался, но ни черта не вышло.

Три месяца Фред провел в тюрьме. «Само собой, - сказал он, - Джулия не получала денег». У него их попросту не было. Но несколько писем он ей написал.

– Она любила получать от меня письма. Я писал: идет война, гуляй, милая, в свое удовольствие. Это была самая большая ошибка в моей жизни. Она пустилась во все тяжкие, нашла себе парня. И научил ее этому я сам.

Джон смутно помнит дни, проведенные им в семействе Стенли. Фред плывал, за ним присматривала мать; в то время ему было около четырех лет.

– Однажды дед взял меня погулять на Пир-Хед [Прибрежный район Ливерпуля]. Я был в новых башмаках, которые мне ужасно жали. Дед перочинным ножом разрезал задники, и тогда мне стало удобно.

Из рассказов матери у Джона сложилось впечатление, будто было и такое время, когда они с Фредом жили счастливо.

– Она часто вспоминала, как им было весело вместе. Фред, наверное, неплохо пел. Он присылал нам программы судовых концертов, в которых значилось и его имя, - он пел «Begin the Beguine».

Джулия, если послушать ее сестру, тоже только и делала, что пела.

– Она была веселая, остроумная, выдумщица, - говорит Мими. - Никогда не принимала ничего всерьез. Жизнь была для нее игрой. Она совершенно не разбиралась в людях, а если и раскусит кого, так поздно. Не она находила грех, - грех находил ее.

Джулия переехала к своему новому другу, Фред опять ушел в море, а Джон поселился у Мими. Во время одного из отпусков Фред решил навестить Джона.

– Я позвонил из Саутгемптона и побеседовал с Джоном по телефону. Ему было около пяти. Мы поговорили о том, кем он будет, когда вырастет, еще о чем-то. Английский у него был великолепный. Услышав его небрежную речь много лет спустя, я сразу понял: выпендривается.

Фред примчался в Ливерпуль, изнывая, как он говорил, от тоски по Джону, и явился к Мими.

– Не поехать ли нам в Блэкпул, - предложил я Джону, - порезвиться на пляже? Джон согласился. Я попросил разрешения у Мими. Она сказала, что не может отказать. И мы с Джоном уехали в Блэкпул, чтобы больше не возвращаться.

Вместе с пятилетним сыном Фред провел в Блэкпуле несколько недель в обществе своего друга.

– Тогда у меня было полно денег. После войны дела шли лучше некуда. Я спекулировал, привозил чулки для черного рынка. Думаю, они там в Блэкпуле до сих пор торгуют моим товаром.

Друг, с которым они жили в Блэкпуле, собирался переселиться в Новую Зеландию. Фред решил присоединиться к нему. Все уже было готово к отъезду, когда в дверях возникла Джулия.

– Она заявила, что хочет забрать Джона. Теперь у нее есть свой дом, хоть и небольшой, но уютный, и она желает, чтобы Джон жил с ней. Я сказал, что страшно привык к Джону за это время и хочу взять его с собой в Новую Зеландию. Неужели она больше совсем меня не любит? Почему бы ей не поехать со мной? Не начать ли нам все сначала? Она сказала: нет. Все, что ей надо, – это Джон. В результате мы поругались, и я решил: пусть Джон выбирает сам.

Я позвал его. Он прибежал, взобрался ко мне на колени, прижался и спросил, когда она уйдет. Пусть уходит. Я сказал: нет, ты должен решить, с кем ты хочешь остаться, с ней или со мной. Он сказал: «С тобой». Джулия спросила его об этом еще раз, но Джон снова сказал, что со мной.

Джулия пошла к двери и была уже почти на улице, когда Джон бросился ей вдогонку. Тогда я видел и слышал его в последний раз, пока мне не сказали, что он стал «Битлом».

Джон вернулся в Ливерпуль с Джулией, но тетушка Мими решительно потребовала, чтобы Джон жил у нее. Джон, Мими и ее муж Джордж поселились втроем в принадлежавшей им половине дома на Менлов-авеню, Вултон, Ливерпуль.

– Я никогда не заговаривала с Джоном о родителях, – рассказывает Мими. – Старалась оградить его от переживаний. Может быть, я беспокоилась чересчур сильно. Не знаю. Мне хотелось, чтобы он был счастлив. Джон благодарен Мими за все, что она для него сделала. – Она была удивительно добра ко мне. Постоянно волновалась, беспокоилась обо мне, без конца напоминала родителям, чтобы они думали обо мне, чтобы они как следует заботились о ребенке. Так как они ей доверяли, то в конце концов позволили ей забрать меня.

Джон переселился к тете Мими. Она любила его как сына. Была достаточно строгой, не баловала, но ни разу не ударила, ни разу не крикнула. Телесные наказания и брань она считала родительскими слабостями. Самое страшное наказание состояло в том, чтобы не замечать Джона.

– Он не выносил этого. «Мими, это же я, почему ты меня не замечаешь?» – приставал он. Мими не мешала развитию его индивидуальности. – Наша семья славилась индивидуальностями. Мама никогда не соблюдала условностей, и я тоже. Мама не носила обручального кольца, и я не ношу.

Если Джону хотелось побаловаться, к его услугам был дядя Джордж - слабое звено в воспитательной системе Мими. Дядя Джордж держал торговлю мясом и молоком.

– Я то и дело находила под подушкой Джорджа записочки от Джона: «Дорогой Джордж, пожалуйста, выкупи меня сегодня ты, а не Мими». Или: «Дорогой Джордж, возьми меня в «Вултон Пикчерз» [«Woolton Pictures» - название кинотеатра (англ.)].

Мими позволяла Джону два развлечения в год: зимой - посещение рождественской пантомимы в ливерпульском театре «Эмпайр» и летом - поход на диснеевский фильм. Существовали, однако, и другие удовольствия, правда меньшего масштаба. Такие, как участие в большом пикнике, который местный детский дом Армии спасения устраивал каждое лето.

Едва услышав звуки оркестра Армии спасения, Джон начинал подпрыгивать и кричать: «Мими, скорей! Мы опоздаем!»

Учился Джон в начальной школе в Довдейле. - Директор школы мистер Эванс говорил мне, что этому мальчику палец в рот не клади. Он может все, но только если захочет. Ничего обязательного он делать не желает.

Спустя пять месяцев Джон уже читал и писал, ему помогал дядя Джордж. Правда, правописание Джона всегда нас смешило. «Ветрянка», например, превращалась у него в «ветреницу». Однажды он поехал на каникулы к моей сестре в Эдинбург и прислал оттуда открытку: «Финансы поют романсы». Я храню ее до сих пор.

Мими хотела провожать Джона в школу, но он не позволил. На третий день он заявил, что Мими устраивает из него посмешище и чтобы она больше не появлялась. Так что ей приходилось тайком красться вслед за ним на расстоянии не менее двадцати ярдов, чтобы убедиться, что с мальчиком все в порядке.

Из песен Джон больше всего любил «Let Him Go, Let Him Tally» и «Wee Willy Winkie». У него был хороший голос. Он часто пел в хоре церкви святого Петра в Вултоне. Джон регулярно посещал воскресную школу и в пятнадцать лет сам захотел конфирмоваться. Он рос верующим, хотя ему никогда не навязывали религию.

До четырнадцати лет Мими давала ему на карманные расходы всего пять шиллингов в неделю.

– Я хотела, чтобы он узнал цену деньгам, но все оказалось бесполезно. Чтобы раздобыть еще денег, Джон должен был заработать их, помогая в саду. Он отлынивал до последнего. Наконец мы слышали, как он с яростью

отворял дверь сарая, вытаскивал оттуда газонокосилку и носился со скоростью шестьдесят миль в час по клочку газона, а потом врывался за деньгами. Но они никогда не имели для него значения. Он сорил ими направо и налево.

В семь лет Джон начал писать небольшие книжки. Мими хранит их до сих пор. Первые выпуски назывались «Спорт. Скорость. С картинками. Изданы и иллюстрированы Дж.У. Ленноном». В книжках были анекдоты, карикатуры, рисунки, фото звезд футбола и кино. Джон сочинял истории с продолжением и в конце каждый раз писал: «Если вам понравилось, милости просим через неделю, будет еще интереснее».

– Я обожал «Алису в Стране чудес» и рисовал всех действующих лиц. Писал стихи вроде «Джебберуоки» [Джебберуоки - сказочное чудовище, персонаж детского шуточного стихотворения-«абракадабры»]

Я становился то Алисой, то «Просто» Уильямом [Персонаж рассказов Ричмела Кромптона о непослушном и очень смешном мальчишке]. Сам придумывал истории Уильяма, в которых участвовал. Когда я начал писать серьезные стихи, со всякими там переживаниями, то стал изменять почерк, писал неразборчиво, чтобы Мими не смогла прочитать. Я напускал на себя суровость, а на самом деле был вовсе не такой.

Я любил «Ветер в тростниках» [«Ветер в тростниках» - книга К. Грехема (1859-1932), относящаяся к классике английской детской литературы]. Я прочел эту книгу и почувствовал, что должен прожить ее сам. Мне захотелось стать главарем школьной банды, чтобы заставить ребят играть со мной в мои игры, в те, о которых я только что прочел.

Светловолосый малыш, Джон пошел в родню с материнской стороны. Его всегда принимали за родного сына Мими, и ей это льстило. Чужим людям она в таких случаях не возражала.

Бдительная тетушка не спускала с Джона глаз, пытаясь не допустить, чтобы он якшался с уличной шпаной.

– Однажды я шла по Пенни-лейн и наткнулась на плотное кольцо мальчишек, следящих за дракой. Вот бандиты, подумала я. Они были из другой школы, не из той, где учился Джон. Потом ребята расступились и появился, волоча за собой пальто, один из хулиганов, - о ужас, это был Джон. Джон очень любил, когда я рассказывала ему эту историю. «В этом ты вся, Мими, - говорил он. - Все хулиганы, только не я».

В играх с соседскими ребятами он всегда должен был быть главным, - рассказывала Мими. - Но в школе это стало гораздо опаснее. У него была собственная банда, готовая отдубасить любого, не признававшего первенство Джона. Айвен Вон и Пит Шоттон, два его ближайших друга,

говорили, что драка - это основное состояние Джона.

К ним Мими притерпелась: как-никак дети соседей, занимавших, как и ее семья, по полдома; но других она не выносила.

– Сколько помню себя в «Довдейле», я дрался и дрался без конца; если кто-то был сильнее меня, я давил на психику, пугал, кричал, что мокрого места от него не оставлю, и тот верил, что я и вправду могу все это сотворить.

Случалось подворовывать яблоки. А то, бывало, сядем на Пенни-лейн на трамвайную колбасу и катим целые мили. Страх - полные штаны.

Среди ровесников я был Королем Пином. С малолетства знал все на свете ругательства, которым меня обучила одна знакомая девчонка.

Моя шайка шарила по магазинам, мы приставали к девчонкам, стаскивали с них трусы. Когда раздражался скандал и всех хватали, я один не попадался. Боялся порядочно, но из всех родителей одна Мими так ничего и не знала.

Папы и мамы «других мальчиков» ненавидели меня, они запрещали своим детям играть со мной. Если я встречал их, у меня всегда были наготове крепкие выражения. Большинство учителей считали меня последним подонком.

Когда я стал старше, мы уже не просто набивали карманы всякими сладостями из лавок, но понемногу начали приторговывать курувом.

На первый взгляд жизнь с любящей, ласковой, но твердой Мими казалась вполне благополучной. Но хотя Мими никогда не заговаривала с Джоном о родителях, в его голове бродили смутные воспоминания о прошлом, и, по мере того как он рос, все больше и больше вопросов, остающихся без ответа, тревожили его.

– Один или два раза Джон спрашивал меня о Джулии, - говорит Мими. - Но я не хотела посвящать его в подробности. Как можно? Ведь он был счастлив. Неужто стоит ему знать, что его отец не слишком-то порядочный человек, а мать нашла себе другого? Джон был так счастлив, он все время пел.

Джон вспоминает, как на вопросы, которыми он допекал Мими, всегда получал один и тот же ответ.

– Мими объясняла, что мои родители разлюбили друг друга. Она ни разу не сказала прямо ничего плохого об отце или матери.

Вскоре я забыл отца. Будто он умер. Но мои чувства к матери оставались неизменными. Я часто думал о ней, и до меня просто не доходило, что она живет всего лишь в пяти или десяти милях от меня.

Однажды мама пришла навестить нас. Она была в черном пальто, лицо

окровавлено. Видимо, произошел какой-то несчастный случай. Я пришел в ужас, не мог смотреть на нее. Вот моя мать, думал я, вся в крови. Я убежал в сад. Я любил ее, но это меня не касалось. Я смалодушничал, хотел отгородиться.

Джон считал, что загнал все свои горести глубоко внутрь. Мими же заодно с тремя другими тетушками - Энн, Элизабет и Харриет утверждают, что, на их взгляд, Джон был, что называется, душа нараспашку, солнечная натура.

«С утра и до позднего вечера Джон был счастлив», - утверждают они.

2. Джон и «Кворримен»

Средняя школа «Кворри Бэнк», куда Джон поступил в 1952 году, представляла собой небольшое учебное заведение в пригороде Ливерпуля Аллертоне неподалеку от дома Мими.

Школа была основана в 1922 году. Конечно, не чета большому и знаменитому ливерпульскому «Институту», расположенному в центре города, но тем не менее «Кворри Бэнк» пользовалась хорошей репутацией. Двое ее выпускников - Питер Шор и Уильям Роджерс - стали впоследствии министрами лейбористского правительства.

Мими была довольна, что Джон учится не в городской, а в местной средней школе: все же будет на глазах. Вместе с Джоном в «Кворри» поступил и Пит Шоттон, но другой его близкий друг, Айвен Вон, пошел, к счастью для себя, в «Институт». Из всей шайки Джона только этот парень проявлял склонность к учебе и понимал, что находиться в одной школе с Джоном - значит остаться без образования. Но после уроков Айвен, как и прежде, был полноправным членом шайки, приводил к Джону ребят из своего «Института», пополняя ими банду.

– Первым я привел Лена Гарри. Я не приводил к Джону кого попало. Долго выбирал, кого с ним знакомить.

Джон совершенно четко помнит свой первый день в «Кворри»

– Я посмотрел на эти сотни ребят и подумал: «Черт подери, я должен передрасться с каждым в отдельности и со всеми вместе, как в «Довдейле». Там-то я наконец добился своего.

Здесь попадались ребяташки будь здоров, жесткие. Я понял это в первой же драке. От боли я терял выдержку. Не то чтобы это были настоящие драки. Я просто без конца сквернословил, орал, а потом р-раз - наносил молниеносный удар. Дрались до первой крови. А если мне казалось, что у кого-то удар посильнее моего, я говорил: «Ладно, ну его, бокс, давай лучше поборемся».

Я был агрессивен, потому что хотел прославиться, стать первым. Лидером, а не пай-мальчиком. Пусть все делают то, что я хочу, смеются над моими анекдотами и считают меня боссом.

В первый же год Джона застукали с порнографическим рисунком. - Учителя, ясное дело, пришли в восторг. Потом он сочинил непристойное стихотворение, и Мими обнаружила его.

– Оно было спрятано под подушкой. Я отнекивался, говорил, что меня

заставили переписать его для другого парнишки. Конечно, я сам написал его. Я постоянно натыкался на такие стихи и все думал, кто же их сочиняет... Потом решил тоже попробовать.

Сначала у меня были благие намерения выполнять хоть какие-нибудь из школьных заданий, как в «Довдейле». Ну а если что не сделаю, то, решил, так прямо и скажу. Но вдруг я понял, что это чистый идиотизм. Ты просто подставляешься, и все, и я начал врать напрапалую.

Спустя год Леннон и Шоттон воевали со всей школой, всеми ее правилами и требованиями. Пит считает, что без Джона - своего постоянного союзника - он бы в конце концов сдался. Но Джон - никогда.

– Вдвоем, - говорит Пит, - гораздо легче поставить на своем. Если дела шли совсем уж скверно, можно было вместе посмеяться. Это было здорово. Пит признается, что теперь, оглядываясь назад, не находит их проделки такими уж смешными, но все равно не может удержаться от смеха, вспоминая о них.

– Первую взбучку от старшего преподавателя мы с Джоном, помнится, получили совсем малышами. Когда мы вошли, тот сидел за столом и что-то писал. Мы с Джоном должны были стать по обе стороны от него. И вот пока он, не вставая из-за стола, распекал нас, Джон стал полегоньку дергать его за волоски на макушке. Преподаватель был почти совершенно лысым, но несколько волосков на голове все же торчали. Он не мог понять, кто его щекочет, и все время почесывал лысину, продолжая ругать нас на чем свет стоит. Это был конец. Я корчился от смеха. А Джон самым натуральным образом описался. Правда. У него лило из штанишек - они были коротенькие, - вот почему я и думаю, что мы были тогда маленькими. У его ног постепенно образовалась лужа, а учитель все оглядывался по сторонам и повторял: «Что такое? Что такое?»

У Джона были явные способности к рисованию - в отличие от всего остального оно давалось ему легко, - он шутя справлялся с любыми заданиями. Пит же проявлял одаренность в математике. Джон всегда ревновал Пита к его увлечению математикой, в которой сам ровно ничего не смыслил. Он всячески старался помешать Питу.

– Джон отвлекал меня, сбивал, клал прямо перед моим носом рисунки. Некоторые из них были непристойными, но, главное, они всегда были смешными. Я не мог сдержаться и прыскал. Кошмар. На меня напал безудержный хохот, я ржал как безумный, не мог остановиться.

Даже когда замаячила первая порка у директора, Джон не потерял самообладания и не стушевался. Он вошел в кабинет директора первым, а я ждал его за дверью. Сжавшись от страха, я дрожал в ожидании наказания.

Мне показалось, что прошла целая вечность, хотя Джон исчез в дверях несколько минут назад. И вот дверь отворилась и появился Джон - он полз на четвереньках, издавая дикие вопли. Я чуть не лопнул от смеха. До меня дошло, что двери двойные, а между ними небольшой тамбур, и из кабинета никто Джона увидеть не мог. Теперь наступила моя очередь, но у меня на лице сияла улыбка. И это наверняка не могло им понравиться.

С каждым годом Джон учился все хуже и хуже. Если в первом классе он считался одним из самых сильных учеников, то к третьему году его перевели в поток «В». Дневник Джона пестрил такими замечаниями: «Безнадежен. Паясничает. Грубит. Мешает учиться другим ученикам». В дневнике была графа, где могли высказать свои соображения родители. Мими написала: «Всыпать ему по первое число».

Дома Мими не ругала его, но она понятия не имела, насколько он съехал, до какой степени не желает ни с чем считаться.

– Мими побила меня только один раз. За то, что я стащил деньги из ее сумочки. Я всегда подворовывал у нее конфеты, но в тот раз зашел слишком далеко.

К этому же времени относится сближение Джона с дядюшкой Джорджем.

– У нас были прекрасные отношения. Он был добрым, славным. Но в июне 1953 года, когда Джону было почти тринадцать лет, у Джорджа произошло кровоизлияние в мозг, и он умер.

– Это случилось совершенно внезапно, в воскресенье, - рассказывает Мими. - За всю свою жизнь он ни разу не болел. Для Джона это была большая потеря, они очень любили друг друга. В любой ссоре между мной и Джоном Джордж всегда оказывался на его стороне. Они часто гуляли вдвоем, и я ревновала к тому, что им было так хорошо. Джона, конечно, потрясла смерть Джорджа, хотя он ни разу не показал этого.

– Я не знал, как надо проявлять печаль на людях, - говорит Джон, - что полагается говорить и делать, поэтому ушел к себе наверх. Приехала моя кузина и вскоре тоже поднялась ко мне. У нас обоих сделалась истерика. Мы начали хохотать и не могли остановиться. Потом я чувствовал себя очень виноватым.

Примерно тогда же, когда скончался дядя Джордж, в жизни Джона появился другой человек - его мать Джулия, которая стала играть все более и более важную роль в его становлении. Она никогда не теряла связи с Мими, хотя в разговорах с Джоном Мими очень редко упоминала о ней. Джулия заворуженно следила за тем, как Джон растет, мужает, становится личностью. Джон, став подростком, пришел в еще больший восторг от нее.

К этому времени у Джулии уже были две дочери от человека, к которому она ушла. - Джулия подарила мне первую цветную рубашку, - говорит Джон. - Я стал ходить к ней домой. Видел там ее нового типа, но он не произвел на меня впечатления. Я прозвал его Дергунчиком. Впрочем, он был неплохой дядька.

Джулия стала для меня чем-то вроде молодой тети или старшей сестры. Чем старше я становился, тем чаще ссорился с Мими. Уик-энды я стал проводить у Джулии.

Пит Шоттон и Айвен Вон, ближайшие друзья Джона, отчетливо помнят тот период, когда Джулия заняла прочное место в жизни Джона и стала оказывать огромное влияние не только на него, но и на них самих.

Пит вспоминает, что впервые услышал о Джулии, когда они учились не то во втором, не то в третьем классе в «Кворри Бэнк». Чуть не каждый день их стращали, наказывали, угрожали исключением. Родители Пита и тетушка Мими пугали ребят как могли. Но они смеялись над всем этим, особенно когда оставались одни. А потом появилась Джулия и начала в открытую хохотать вместе с ними над учителями, мамами, всеми.

– Она была потрясающая, - говорит Пит. - С ней была не жизнь, а лафа. Когда мы рассказывали ей, что с нами должно случиться, она просто-напросто говорила: «Забудь». Мы обожали ее. Она одна была точь-в-точь как мы, своя в доску, понимала нас. Во всем находила смешное.

Джулия жила в Аллертоне, и они часто заходили к ней после уроков. Иногда и Джулия навещала их.

– Однажды она надела на голову штаны, будто это шарф, и вышла так на улицу. Штанины свисали на плечи. Джулия делала вид, что не понимает, отчего все прохожие шарахаются в разные стороны. Мы падали от смеха. В другой раз мы прогуливались по улице, и Джулия надела очки без стекол. Она останавливала знакомых и приводила их в полное недоумение, потому что посреди разговора вдруг просовывала палец сквозь оправу и начинала тереть глаз. Люди просто столбенели.

Айвен думает, что именно Джулия способствовала бунтарству Джона. Она поддерживала его, смеялась над всем, над чем смеялся он. Мими же была с ним строга, пусть и не больше, чем все матери, старавшиеся, чтобы их сыновья не пили и не курили. Мими пришлось немножко отпустить вожжи, но Джон, конечно, предпочел ей Джулию и теперь дневал и ночевал у нее. В семье именно она была уродом. Она хотела, чтобы Джон, и без того на нее похожий, стал ее полной копией.

К этому моменту Джона перевели уже в 4 «С»; впервые он попал в самый слабый поток.

– На этот раз мне действительно стало стыдно, я оказался среди безнадежных тупиц. В потоке «В» мне в общем нравилось, не то что в «А», где были сплошные пай-мальчики, эти вонючки проклятые. На экзаменах я стал шпаргалить. А что толку мне было соревноваться с этими недоделанными? Я стал учиться хуже некуда.

Заодно с Джоном все ниже съезжал и Пит Шоттон. - В общем я и ему поломал жизнь, - признает Джон. Ко второму полугодю четвертого класса он оказался на двадцатом, то есть последнем, месте в самом слабом потоке. «Можно определенно сказать, что его ждет провал», - написал учитель в дневнике Джона.

На пятый год в школе появился новый директор, мистер Побджой. Он сразу понял, что Леннон и Шоттон - главные школьные заводилы. Но похоже на то, что он установил какой-то контакт с Джоном, чего до сей поры не удавалось ни одному из учителей. Слишком хорошо они знали, что он из себя представляет.

– Он и в самом деле был совершеннейшим хулиганом, без конца устраивал всякие каверзы. Я никак не мог понять его. Однажды даже высек. Признаюсь в этом с сожалением, потому что я противник телесных наказаний. Эта система досталась мне в наследство, и я вскоре избавился от нее.

Мистер Побджой был несколько удивлен, когда Джон не сумел сдать экзамены уровня «О» [в 14 лет в Англии сдают экзамены по уровню «О» - «Ordinary» (обычный). Количество экзаменов колеблется от 4 до 8. Если экзамены не сданы, учащийся направляется на работу].

– Мне казалось, что ему ничего не стоит осилить их. Он провалился, не добрав одного балла по каждому предмету. Именно поэтому я помог ему поступить в Художественный колледж. Я знал, что он одаренный мальчик, и считал, что надо дать ему возможность попробовать свои силы.

Когда речь зашла о будущем. Джона, Мими отправилась к директору.

– Он спросил меня, что я собираюсь делать с Джоном. Я же в ответ спросила, что он собирается делать с Джоном, ведь мальчик пробыл у них пять лет.

Идея поступления в Художественный колледже понравилась Мими, хотя она, вероятно, не представляла себе, насколько повезло Джону, когда его туда приняли.

– Я хотела, чтобы он имел в жизни твердый заработок, получил настоящую профессию. Мне не давали покоя воспоминания о его отце, о том, что с ним произошло, но, само собой разумеется, Джону я не могла сказать об этом. Оглядываясь назад, на школьные годы, Джон не

испытывает никаких сожалений.

– Время показало, что я был прав. Они оказались неправы, а не я. Ведь они все там же, не правда ли? Так что это они провалились.

Все эти учителя были дураками, кроме одного или двух. Мне было наплевать на них. Я просто хотел веселиться. Только одному учителю нравились мои карикатуры. Иногда он даже уносил их к себе домой.

Учителям бы подождать, дать парню время, поощрить его увлечения. Я, например, всегда интересовался рисованием, много лет шел первым по нему, но никто не обратил на это ни малейшего внимания.

Я был весьма разочарован тем, что в «GCE» [«GCE» - «General Certificat of Education» - название аттестата зрелости в Англии] и не пахло искусством, а потом мне стало все равно. Единственное, что им надо было, - это аккуратность. Я никогда не был аккуратным. Обыкновенно я смешивал все краски вместе. Одно из наших заданий состояло в том, чтобы изобразить «путешествие». Я же нарисовал горбуна с бородавками. Это явно не привело их в восторг.

И все-таки у меня было счастливое детство. Я стал агрессивным, но никогда не был несчастным. Я веселился и хохотал. Честно говоря, мне все время представлялось, что я - Папаша Уильям.

К концу учебы Джон стал интересоваться поп-музыкой, хотя именно против нее Мими всегда восставала. Ей никогда не нравилось, когда Джон еще малышом распевал песни, услышанные им по радио.

Джон не занимался музыкой, у него не было никакого музыкального образования. Он сам выучился кое-как играть на губной гармошке. Дешевую губную гармошку подарил ему дядя Джордж.

– Я собиралась учить его музыке еще в раннем детстве, - говорит Мими, - хотела, чтобы он брал уроки игры на фортепьяно или на скрипке. Но он ни в какую не соглашался. Все, что было связано с «уроками», отвращало его. Он хотел немедленных результатов, не требующих никаких усилий.

Единственным человеком, поддержавшим его музыкальные увлечения, оказался кондуктор автобуса, ходившего по маршруту Ливерпуль - Эдинбург. Мы каждый год отправляли Джона вместе с его кузинами к моей сестре. На старенькой, выдавшей виды гармошке, полученной им от дяди Джорджа, Джон всю дорогу наяривал свои мотивчики, без сомнения выводившие из себя всех пассажиров.

Но кондуктор пришел от него в восторг. И когда они добрались до Эдинбурга, он сказал: приходи завтра на автобусную станцию, и я подарю тебе настоящую, хорошую губную гармошку. Джон не спал всю ночь и

явился на станцию ни свет ни заря. И точно, гармошка была отличная. Джону было в то время, наверное, лет десять. Впервые в жизни он удостоился похвалы. Вряд ли кондуктор подозревал, к чему это приведет.

Поп-песни, которые обыкновенно слушал Джон, если уж слушал, исполняли Джонни Рей и Френки Лейн. «Но я не слишком увлекался ими».

Да и никто не увлекался ими серьезно, во всяком случае среди британских сверстников Джона Леннона. До середины 50-х годов поп-музыка была довольно далека от реальной жизни. Она приходила из Америки и была результатом деятельности причастных к шоу-бизнесу профессионала, одетых в ослепительные костюмы, расточающих ослепительные улыбки и исполняющих ослепительно прекрасные баллады, адресованные главным образом продавщицам и молодым мамашам.

А потом произошли три события. 14 апреля 1954 года Билл Хейли и его группа «Кометс» записали «Rock Around the Clock». Понадобился год, прежде чем эта песня достигла Великобритании. Но когда это произошло, когда песня зазвучала как лейтмотив кинофильма «Джунгли грифельных досок», вот тогда рок-н-ролл ударил по Великобритании и в кинотеатрах стали ломать кресла, с мясом вырывая сиденья.

Второе событие датируется январем 1956 года: Лонни Донеган выпустил «Rock Island Line». Эта песня была вовсе не похожа на дикую рок-музыку, несмотря на название. Дело было в другом. Новое и интересное заключалось в том, что ее исполняли на инструментах, доступных всем и каждому. Лонни Донеган популяризировал скиффл [Скиффл (skiffle - англ.) - музыкальный стиль, популярный в Англии 50-х годов; осваивался на танцплощадках, на улице; состав: гитара, банджо и тичестбас]. Впервые оказалось, что играть и петь мог любой - ни знания, ни талант не требовались.

Даже на гитаре, самом сложном инструменте в скиффле, мог играть кто угодно - достаточно было выучить несколько простеньких аккордов. С другими инструментами вроде стиральной доски или ударных в виде жестянок из-под чая справиться мог каждый идиот.

Третьим и, конечно, глобальным событием в поп-музыке 50-х годов стало появление Элвиса Пресли, самой крупной фигуры в поп-музыке всех времен до «Битлз». Он запел в начале 1956 года. А в мае его песня «Heartbreak Hotel» заняла первое место в хит-парадах четырнадцати стран.

Появление Элвиса Пресли можно было легко предугадать. Достаточно было взглянуть на Билла Хейли, на его тучную фигуру человека явно средних лет, начисто лишенную всякой сексуальности, чтобы с уверенностью сказать: эта новая, захватывающая музыка, рок-н-ролл,

должна вызвать к жизни достойного себя исполнителя.

Именно рок оказался той музыкой, которая взволновала всю молодежь. И Элвис покорила мир пением своих песен.

– До Элвиса ничто не действовало на меня по-настоящему, - говорит Джон.

Все будущие «Битлз», как и миллионы их сверстников, оказались под влиянием рока. Они помнят, как группы появлялись в каждом классе, каждой школе, на улице и дома. Ночами напролет длились танцевальные вечера - группы скиффл выстраивались в очередь, чтобы показать себя. Впервые в истории человечества музыка перестала быть собственностью музыкантов. Любой человек мог пойти и попробовать. Все равно что подарить краски обезьяне. Ведь в конце концов когда-нибудь у какойнибудь что-нибудь да получится.

Когда началось это безумие, у Джона Леннона не было ни гитары, ни другого инструмента. Однажды он одолжил у приятеля гитару, обнаружил, что не умеет на ней играть, и отдал ее обратно. Но он знал, что его мама, Джулия, играет на банджо, и отправился к ней. Джулия купила ему подержанную гитару за десять фунтов. На ней было написано: «Гарантируем отсутствие трещины». Джон взял пару уроков, но ничему не научился. Вместо этого Джулия показала ему несколько аккордов на банджо. Первая мелодия, которую он выучил, была «That'll Be The Day».

Дома ему приходилось заниматься подальше от глаз Мими. Она разрешала ему упражняться на застекленной террасе перед домом - пусть играет там сколько влезет. «Гитара - это неплохо, Джон, - говорила ему Мими по десять раз в день. - Но с ней ты на жизнь не заработаешь».

– В конце концов мы создали свою школьную группу. Кажется, тот парень, который это придумал, не вошел в нее. В первый раз мы встретились у него дома. Там были Эрик Гриффитс - гитара. Пит Шоттон - стиральная доска, Лен Гарри и Колин Хансон - ударные и Род - банджо.

Наше первое выступление состоялось на Роз-стрит в День Империи. Праздник происходил прямо на улице. Сценой служил открытый грузовик. Конечно, нам ничего не заплатили.

После этого нас приглашали играть на разных вечеринках, свадьбах, иногда перепадала кое-какая мелочь. Но в основном мы играли для своего удовольствия. Вполне естественно, что группу назвали «Кворримен». Одевались они по моде, в стиле «тедди-бой» [«Тедди-бой» (teddy boy - англ.) - некто вроде нашего «стиляги», но с хулиганскими замашками, специфически одетый, с цепями, которые пускались в ход во время драки], носили высокие прически с зачесанными назад волосами, как Элвис. Джон,

безусловно, был самый истовый «тедди» из всех. Внешность Джона стала еще одной из причин, по которой, увидев его раз в жизни или даже довольствуясь одними лишь слухами о нем, родители других мальчиков противились их общению с ним.

В начале 1956 года, когда Джон якобы всерьез взялся за учебу, участники группы «Кворримен» встречались нерегулярно, от случая к случаю. Не играли неделями. Состав группы постоянно менялся, в зависимости от того, кто на какую вечеринку намеревался отправиться или в каком месте хотел выступить.

– Мы создавали эту группу вроде как в шутку, - говорит Пит Шоттон. - Все кругом увлекались скиффлом и пытались что-нибудь изобразить. Я играл на стиральной доске, потому что ничего не смыслил в музыке. Просто раз я друг Джона, значит, обязан играть в этой группе. Поскольку возглавлял группу Джон, все постоянно ругались между собой и, бывало, именно из-за этого покидали «Кворримен».

– Я ругался с ребятами именно для того, чтобы они уходили. Поругался - скатертью дорога, - говорит Джон.

Постоянным участником «Кворримен» был Найджел Уалли. Время от времени он играл с ними сам, но чаще договаривался о выступлениях, то есть исполнял роль менеджера.

То же самое происходило в ливерпульском «Институте», где группы вырастали из-под земли, как грибы после дождя.

15 июня 1956 года Айвен Вон привел еще одного парня из «Института», чтобы познакомить его с Джоном.

– Я знал, что это отличный парень, - говорит Айвен. - К Джону я всегда приводил только отличных парней.

Поводом для встречи стал праздник в приходской церкви недалеко от дома Джона. У него было здесь полно знакомых, и он хотел показать им свою группу.

Своим однокашникам Айвен много рассказывал о Джоне и его группе. Он знал, что Джона это волнует.

– В тот день Мими сказала мне, что я совсем докатился, - вспоминает Джон. - Превратился в настоящего «тедди-боя». Мне показалось, что во время концерта я вызвал отвращение у всех, не только у Мими. Чуть ли не вчера я увидел свою фотографию, сделанную тогда в Уолтоне. И что ж? Вполне симпатичный молодой парень.

О концерте у Джона сохранились смутные воспоминания. Дело в том, что он напился, хотя до совершеннолетия ему было еще далеко. Остальные помнят все отлично, в особенности тот друг, которого привел с собой

Айвен, - Пол Маккартни.

– Этот день был днем, когда я встретил Пола и когда все закрутилось.

3. Пол

Джеймс Пол Маккартни родился в Ливерпуле 18 июня 1942 года в платном родильном отделении Уолтонской больницы.

Пол - единственный из «Битлз», появившийся на свет в таких роскошных условиях. Он происходил из рабочей семьи, шла война, и если он родился с таким шиком, то только потому, что его мать когда-то работала старшей сестрой в этом отделении. Когда она пришла туда рожать своего первенца, ее приняли с распростертыми объятиями и обращались с ней как с кинозвездой.

Выйдя замуж за будущего отца Пола, Мэри Патриция, мать Пола, ушла из больницы за год до его рождения. Ее девичья фамилия - Мохин; как и муж, она была родом из Ирландии.

Джим Маккартни, отец Пола, четырнадцатилетним мальчиком начал зарабатывать на жизнь в «А. Ханней и Ко» на Чепел-стрит, ливерпульской фирме, что занималась куплей и продажей хлопка. Джим разносил образчики сырья. В отличие от жены Джим не был католиком. Он всегда считал себя агностиком. Джим родился в 1902 году в многодетной семье и был одним из семерых детей - трех братьев и четырех сестер.

По общему мнению, ему очень повезло, когда, окончив школу, он получил работу на хлопковом предприятии. Индустрия хлопка достигла своего расцвета, и Ливерпуль стал главным поставщиком хлопка на ланкаширские прядильные фабрики. Влез в хлопковое дело - считай, что обеспечил себя до конца дней.

В качестве разносчика Джим Маккартни получал 6 шиллингов в неделю. Ему полагалось обойти будущих клиентов и ознакомить их с образцами. Фирма «Ханней» ввозила хлопок, распределяла его по сортам и продавала на прядильные фабрики.

Джим отлично работал и к двадцати восьми годам получил повышение - должность торговца хлопком. Для простого парня это был большой успех. Обычно торговцы хлопком происходили из среднего класса. Джим всегда одевался с иголки, не без щегольства, и производил приятное впечатление благодаря открытому и доброму выражению лица.

После повышения ему стали платить 250 фунтов в год - не бог весть что, но жить можно.

Джим был слишком молод, чтобы участвовать в первой мировой войне, и слишком стар, чтобы сражаться во второй. Впрочем, его все равно

не взяли бы в армию, так как он слышал только на одно ухо - в десять лет Джим упал с большой высоты и повредил себе барабанную перепонку. Но его сочли подходящим кандидатом для работы в оборонной промышленности. И когда хлопковая биржа из-за войны закрылась, его направили в Нейпирс, на инженерные работы. В 1941 году, достигнув тридцати девяти лет, он женился и поселился с молодой супругой в меблированных комнатах в Энфилде. Днем Джим работал в Нейпирсе, а в ночь, когда родился Пол, гасил фугаски на крыше. Он имел право приходить в больницу в любое время, а не в установленные для обычных посетителей часы, так как его жена была здесь своим человеком.

– Ну и урод, - подумал я. - Невыносимый. Страшный. Один глаз у него был открыт, а другой закрыт, он все время орал. Его взяли на руки, чтобы показать мне, и я увидел какой-то чудовищный кусок красного мяса. Вернувшись домой, я долго плакал, впервые за многие-многие годы.

Несмотря на то что жена Джима была медицинской сестрой, любая болезнь вызывала у него непереносимые страдания. Больничный запах приводил его в ужас, и этот ужас по наследству передался Полу.

– Но на следующий день он уже стал больше похож на человека. Хорошел на глазах. И в конце концов превратился в очаровательного малыша.

Однажды, когда Пол играл в садике перед домом, его мать обнаружила у ребенка на лице несколько пылинок и сказала, что отсюда нужно переезжать. Работа в Нейпирсе над производством двигателя для одного из истребителей приравнивалась к службе в военно-воздушных силах и поэтому Джим получил дом в Уолласи, в районе Наулси. Тамошные дома принадлежали муниципалитету, но некоторые из них предназначались для работников министерства авиации.

– Мы обычно называли их полудомиками, такие они были маленькие, хлипкие, с голой кирпичной кладкой внутри. Но все-таки это было лучше, чем меблированные комнаты, особенно когда есть маленький ребенок.

Служба в Нейпирсе закончилась раньше, чем война. Джима перевели в ливерпульский отдел Санитарной корпорации временным Инспектором: он должен был обходить мусорные свалки и следить, чтобы санитарные служащие исправно исполняли свои обязанности.

Джим зарабатывал в корпорации очень мало, поэтому его жена снова пошла работать патронажной сестрой, пока в 1944 году у нее не родился второй сын, Майкл.

Мэри Маккартни всегда больше нравилось быть медсестрой, чем заниматься патронажем. И притом рабочий день с девяти до пяти - это

чересчур много, как в конторе. Поэтому через некоторое время она вновь возвратилась к акушерству. Взяла две акушерские ставки по месту жительства, что означало уход и присмотр за всеми беременными женщинами на большой территории. Акушеркам также предоставлялось муниципальное жилье. Один ее участок находился на Вестерн-авеню, второй - на Ардвик-роуд. Ее вызывали каждую ночь. Джим говорит, что жена слишком много работала, гораздо больше, чем ей следовало, но она всегда была чересчур трудолюбивой.

Самые ранние воспоминания Пола - ему было тогда три или четыре года - связаны с мамой. Он помнит, как кто-то вошел в дверь и протянул ей гипсовую собаку.

– В знак благодарности за то, что она приняла роды. Она постоянно получала подарки в этом духе. Еще я помню, как прятался от кого-то, а потом вышел и дал им по голове железякой. Но гипсовая собака была, по моему, раньше.

К ранним воспоминаниям о матери относятся и ее попытки исправить его произношение.

– Я говорил на местном наречии, как все ребята, жившие рядом. Однажды Мать стала ругать меня за то, что я неправильно говорю, а я в ответ начал передразнивать ее. Она обиделась, и от чувства вины перед ней мне стало очень неуютно.

Когда Пол пошел в начальную школу на Стоктон-Вуд-роуд, семья жила в Спике. Мать не хотела посылать его в католическую школу, потому что невзлюбила эти учреждения в свою бытность патронажной сестрой. Вслед за Полом туда же отправился и Майкл.

– Помню, директриса говорила, как хорошо обращаются с младшими детьми эти два мальчика, - вспоминает Джим, - всегда защищают их. Она говорила, что Майкл - прирожденный лидер. По моему, она думала так, потому что он вечно спорил. Пол был гораздо спокойнее, осторожнее. Майк вечно лез на рожон. Пол же избегал неприятностей.

Когда школа оказалась переполненной, они перешли в другую начальную школу, Джозефа Уильямса, она находилась в Гейтейкре, за городом.

Становясь старше. Пол все больше и больше совершенствовал свой дар тихой дипломатии - делал все очень спокойно, как его мать, не в пример шумному Майклу.

– Однажды я за что-то лупил Майкла, - говорит Джим. - Пол стоял рядом и кричал Майклу: «Скажи ему, что ты этого не делал, и он перестанет». Майк же продолжал утверждать, что сделал это, - не помню

уж что. А Пол всегда умудрялся вылезти сухим из воды.

– Я был довольно хитрым, - говорит Пол. - Если меня когда-нибудь наказывали за плохое поведение, я обязательно прокрадывался к родителям в спальню, когда там никого не было, и понемножку отрывал бахрому у занавесок: вот вам, вот вам, думал я злорадно.

Пол с легкостью сдал экзамены на одиннадцать с плюсом и поступил в ливерпульский «Институт». Это была самая известная ливерпульская средняя школа. В 1825 году в Ливерпуле основали Институт механики, отсюда она и получила свое название. В этом же здании располагался и Художественный колледж, который до 1890 года являлся частью «Института». Ливерпульский университет имеет такое же происхождение. «Институт» стал обычной средней мужской школой примерно к концу прошлого века. Среди его выпускников - Артур Аски, Джеймс Лейвер, министр юстиции Моррис и покойный Сидней Силвермен.

Майкл тоже сумел сдать экзамены в «Институт», но через некоторое время оказался в самом слабом потоке. Пол учился превосходно и всегда был среди сильнейших.

– Пол умудрялся делать уроки и одновременно смотреть телевизор, - говорит Джим. - Я протестовал, говорил ему, что невозможно совмещать и то и другое. Но однажды я попросил его сказать мне, что он видел по телевизору, и он рассказал мне все в подробностях, хотя за это же самое время написал сочинение. Безусловно, у него были достаточно большие способности, чтобы учиться в университете. - Я всегда мечтал об этом. Хотел, чтобы он получил какое-нибудь ученое звание, и тогда можно было бы не беспокоиться за его будущее. Но когда Пол узнал о моих намерениях, он стал нарочно учиться хуже. Пол всегда успевал по латыни, но когда я сказал, что латынь понадобится ему в университете, он забросил ее. Пол необычайно рано развился в сексуальном отношении. - Однажды я нарисовал непристойный рисунок для класса. Я частенько это делал. Я так сложил листок с рисунком, что видны были голова и ноги женщины, но, когда листок разгибали, она оказывалась совершенно голой, даже с волосами внизу живота, хотя я понятия не имел, как они выглядят. Типичное школьное творчество. По ошибке я оставил рисунок в верхнем кармане моей рубашки. Именно там я обычно хранил талоны на обед, и мама всегда перед стиркой проверяла, не забыл ли я их вынуть.

В один прекрасный день я пришел домой, и мама протянула мне рисунок с вопросом: «Твоя работа?» Я сказал: «Боже упаси, конечно нет, честное слово, нет». Я сказал, что это нарисовал Кении Алпин, мальчик из нашего класса. Наверное, это он засунул рисунок ко мне в карман. Я бы

признался, если бы это я нарисовал. Отпирался я в течение двух дней. А потом все-таки признался. Стыдно было до невозможности.

Проучившись год и получив по латыни 90 баллов, Пол остыл к учебе.

– В течение первого года все шло просто и легко. Я был аккуратен, горел жаждой знаний, - мне казалось, что иначе и быть не может. А потом все пошло вкривь и вкось. За все школьные годы не нашлось человека, который объяснил бы мне, в чем смысл моего учения, зачем я учусь. Отец, конечно, все время говорил, что необходимо получить диплом и все прочее, но я никогда не прислушивался к этому. Слишком часто это повторяли. У нас были учителя, которые либо били нас линейками, либо засоряли нам мозги рассказами о том, как они провели отпуск в Уэльсе или что делали в армии.

От домашних заданий можно было сдохнуть. Я просто не мог усидеть дома в летний вечер, когда все другие ребята играли на улице. Напротив нашего дома, в Ардвике, было поле, и из окна я наблюдал, как все веселятся.

В нашем районе мало кто учился в «Институте», и меня дразнили «институтским пудингом» или еще «хреновым институтским пудингом».

Я же мечтал только о женщинах, деньгах и одежде. Я немного подворовывал, ну, например, курево. Мы заходили в пустые магазины и, выждав, когда хозяин отлучится в жилую часть помещения, хватали все, что попадетсЯ.

В течение многих лет мечтой моей жизни было заполучить 100 фунтов. Мне казалось, что с такими деньгами дом, гитара и машина мне обеспечены. Так что, если бы у меня оказались деньги, я, наверное, покатился бы по наклонной.

Впрочем, Пол все же не был закоренелым бездельником. В 1953 году он получил премию за сочинение - специальную Премию Коронации, книгу под названием «Семь королей Англии» Джеффри Триза, изданную Хайнеманом, которая до сих пор стоит у него на полке. За все сочинения он всегда получал отличные оценки.

– Помню, однажды школьный инспектор спросил, как мне удалось написать сочинение на такую чисто техническую тему, как горное дело. А я узнал обо всем из радиопередачи. Эти наушники просто чудо - лежишь себе в кровати и слушаешь радио. Здорово развивает.

Джим своими руками провел к кровати каждого из сыновей по паре наушников, чтобы заставить их раньше ложиться спать и чтобы они поменьше дрались друг с другом. Они действительно много дрались, но не больше, чем любые другие братья. Майкл, например, злил Пола тем, что

обзывал его «Жирнягой».

– Ребенком Пол был очень красив, с огромными глазами и длинными ресницами, - говорит Джим. - Люди говорили: «Ох, он разобьет не одно девичье сердце». Но в раннем отрочестве был период, когда он вдруг располнел.

Маккартни уехали из Ардвика, когда Полу было около тринадцати. Его мать перестала работать акушеркой на дому, а позже вновь стала патронажной сестрой.

Семья поселилась в муниципальном доме по адресу: Аллертон, Фортлин-роуд, 20. Дом стоял в низине, неказистый, старенький, но чистый и аккуратный. Менлов-авеню находилась теперь всего лишь в двух милях.

Они недолго пробыли на Фортлин-роуд - Полу должно было вот-вот исполниться четырнадцать, когда его мать вдруг стала ощущать боли в грудных железах. Эти боли продолжались три или четыре недели, то усиливаясь, то утихая: она объясняла их менопаузой. Ей было тогда сорок пять.

– Это, наверное, связано с возрастными изменениями, - говорила она Джиму. Она советовалась с разными врачами, но они соглашались с ней и рекомендовали поменьше думать об этом. Однако боли не проходили, а становились все сильнее и сильнее.

Однажды Майкл, неожиданно вернувшись домой, застал мать плачущей. Он подумал, что она плачет из-за того, что они с Полом натворили что-нибудь. «Ведь мы были порядочными подонками». Он не стал спрашивать ее, в чем дело. Она ничего не сказала. Но теперь она решила обратиться к специалисту. Диагноз был - рак. Ее оперировали, и она умерла. С того момента, когда она впервые почувствовала острую боль, не прошло и месяца.

– Я был убит, - говорит Джим. - Не верил, не понимал, что произошло. Это было ужасно и для мальчишек. Особенно для Майкла, ведь ему сравнялось всего двенадцать и он был очень близок с матерью. Не то чтобы они сломались, нет. Горе доходило до них постепенно.

– Я не могу отчетливо вспомнить тот день, когда нам все сказали, - говорит Майкл. - Помню только, что кто-то из нас, не помню кто, глупо сострил. Потом мы оба долго переживали.

Пол помнит, что произошло: «Пошутил я. Первое, что я сказал, было: «Что же мы будем делать без ее денег?»

Но всю ночь они оба проревели в своих постелях. Много дней Пол молился, чтобы она вернулась.

– Дурацкие молитвы, знаете, такие: «Если она вернется к нам, я буду

всегда очень-очень хорошим». Я подумал, какая глупость вся эта религия. Молишься, молишься, и все бесполезно, ничего не сбывается, - как раз тогда, когда больше всего в этом нуждаешься.

Оба мальчика уехали из дома на время похорон и поселились у своей тетушки Джинни.

– Я думаю, отец не хотел, чтобы мы видели, как он убивается. У тети Джинни было скучно. Да еще и спать приходилось в одной кровати.

Самые большие заботы свалились на Джима. Он никогда не занимался домашним хозяйством - так было заведено его женой. А теперь, в пятьдесят три года, он должен был поднять двух мальчиков, двенадцати и четырнадцати лет, в самые их трудные годы. У него появились и денежные проблемы. Жена, работая акушеркой, приносила в дом денег больше его, что и отметил Пол с такой жестокостью. В 1956 году зарплата Джима составляла всего лишь 8 фунтов в неделю. Весь прочий рабочий люд стал ощущать какие-то признаки благоденствия, но как раз в хлопковой индустрии, где вы якобы должны были чувствовать себя спокойно всю жизнь, наступил спад.

Очень помогали Джиму две его сестры - тетушка Милли и тетушка Джинни. Одна из них раз в неделю приходила на Фортлин-роуд и делала полную уборку в доме. Когда мальчики были маленькими, тетушки часто забирали их из школы.

– Особенно тяжело бывало зимой, - говорит Джим. - Возвратившись из школы, мальчикам приходилось приниматься за топку. Стряпал же я.

Но больше всего у меня болела голова оттого, что я не мог решить, как же мне вести себя как родителю. Когда была жива жена, я их ругал. Я строго наказывал их, коли заслуживали. Жена же была с ними доброй и мягкой. Если в виде наказания их лишали ужина, то именно она, чуть позже, приносила им в постель что-нибудь поесть.

Теперь мне предстояло решить, кем же я буду: отцом, матерью или тем и другим; а может быть, положиться на них, стать их другом и выкарабкиваться всем вместе?

Мне часто приходилось полагаться на них. Я говорил им: «Когда вернетесь из школы, не заходите в дом, если там нет одной из ваших тетушек». Иначе они начали бы приводить своих друзей и превратили бы дом бог знает во что.

Скажем, я возвращаюсь домой, а пяти яиц как не бывало. Сначала они не признавались; они, мол, понятия не имеют, что стряслось с яйцами, но потом раскалывались: «ах да, вспомнили - мы угостили друзей яичницей». В общем и целом они вели себя хорошо. Но я очень тосковал по жене. Ее

смерть подкосила меня.

Майкл совершенно не понимает, как отцу удалось справиться с ними.

– Мы были ужасными, жестокими. Отец оказался большим молодчиной. И все это время у него не было женщины. Представить себе не могу. Пол очень многим обязан отцу. Оба мы ему обязаны.

Братья только и делали, что издевались над его доморощенной философией.

– Вот опять идет со своими двумя «остями», - говорили они про отца. Потому что Джим часто объяснял им, что две самые главные вещи на свете - это терпимость и сдержанность.

– Терпимость - это исключительно важное качество, - говорит Джим. - Они, например, как многие дети, смеялись над калеками. Я пытался объяснить, как бы им это не понравилось, окажись они сами на их месте. И сдержанность. Очень много бед случается из-за отсутствия сдержанности. Часто слышишь, как люди говорят: «Я бы побесил этого мерзавца», совершенно не задумываясь над тем, как на самом деле можно помочь такому человеку. Джим всегда думал о том, как сделать людям лучше. Он обладал природным обаянием и предупредительностью по отношению ко всем, но речь идет не об обходительности продавца, а о чем-то гораздо более глубоком и искреннем. Останься они на руках менее вдумчивого, менее отзывчивого отца, вся их жизнь после смерти матери пошла бы наперекосяк.

От матери Пол унаследовал умение работать и преданность делу. Он из тех людей, которые в случае необходимости всегда добиваются того, что хотят. В определенном смысле Пол презирал школу со всеми ее испытаниями, экзаменами и прочим не меньше Джона. Но какая-то частичка в его натуре никогда не позволяла ему распуститься окончательно, вовремя заставляла включиться в любую тяжелую работу и совершить рывок, достаточный, чтобы наверстать упущенное. Джон стал совершенно неуправляемым и не желал участвовать ни в чем. Полу это претило.

Его брат Майкл считает, что смерть матери непосредственно повлияла на Пола в одном:

– Все это началось сразу после смерти матери. Одержимость. Одержимость стала его спутником на всю жизнь. Потерял мать и нашел гитару? Не знаю. Может быть, в тот момент это помогло ему отключиться. Но отключиться от чего?

4. Пол и «Кворримен»

Ребенком Пол не проявлял к музыке особого интереса. И Майкл, и Пол взяли два или три урока фортепьяно, тем дело и кончилось.

– Мы сделали ошибку, что начали учить их музыке летом. Учитель приходил к нам домой, а в дверь беспрерывно стучали ребяташки и звали Пола и Майкла выйти погулять. Тогда я заставил сыновей ходить к учителю домой, но это продолжалось недолго.

Джиму хотелось также, чтобы Пол пел в Ливерпульском кафедральном хоре.

– Я послал его туда, но он нарочно дал петуха во время прослушивания. Правда, потом Пол недолгое время пел в хоре церкви святого Барнабаса, неподалеку от Пенни-лейн.

Но вскоре дядя подарил Полу старенькую трубу, и он научился подбирать на ней разные мелодии. Музыкальный слух он унаследовал от отца. В детстве Джим самостоятельно научился играть на рояле. Среди всех родителей «Битлз» только отец Пола обладал каким-то музыкальным опытом.

– Меня никто никогда не учил, - говорит Джим. - Я просто сидел и подбирал что-то на плохоньком пианино - кто-то подарил его нам еще в Эвертоне, когда мне было лет четырнадцать. Пианино привезли из «Северного музыкального магазина», как сейчас помню эту марку - «НЕМС» [«North End Music Stores» («NEMS») - «Северный музыкальный магазин» (расположенный в северной части города, на северной окраине) (англ.)]. У меня было хорошее чувство ритма, и я мог справиться с любой мелодией. Во всяком случае, ни разу не опозорился.

Вскоре после того, как Джим начал работать, он собрал небольшую группу рэгтайм, чтобы играть на танцах. Это было в 1919 году, когда Джиму исполнилось семнадцать лет.

Первое публичное выступление группы состоялось на танцах в зале святой Екатерины на Вайн-стрит в Ливерпуле.

– Мы хотели выкинуть что-нибудь эдакое, натянули на физиономии черные маски и придумали себе название: «Мелодии в масках». Но не прошло и половины концерта, как мы совершенно взмокли и черная краска потекла. Так родилась и умерла группа «Мелодии в масках».

Мы сменили название на «Группа Джима Мака». Участники выступали в смокингах, бумажных манишках и бумажных манжетах.

Отличная штука. За пенни можно купить двенадцать пар. А разницы с настоящими никакой. Я руководил этой группой четыре или пять лет, но не постоянно. Я считался боссом, но на самом деле мы все были более или менее равны.

Однажды мы сопровождали первый местный показ фильма «Царица Савская». Понятия не имели, что играть. Во время гонки на колесницах мы наяривали популярную тогда песенку «Thanks for the Buggy Ride», а когда царица Савская умирала, мы играли «Horsey, Keep Your Tail Up».

Началась вторая мировая война, у Джима была уже семья, и он забросил свою исполнительскую карьеру, хотя дома частенько садился за пианино.

– Пол никогда не проявлял интереса к моей игре, но обожал слушать музыку в наушниках, лежа в кровати. И потом вдруг, в четырнадцать лет, потребовал гитару. Не знаю, чем было вызвано это желание.

Его гитара обошлась в 15 фунтов, и поначалу Пол не мог извлечь из нее ничего вразумительного. Подумали даже, что все дело в том, что он - левша. Тогда он дернул гитару торговцу и добился, чтобы ее переделали.

– Трубу я не очень любил. Гитара же мне страшно понравилась, потому что было достаточно выучить несколько аккордов, и играй себе на здоровье, да еще и петь можно одновременно.

Как и большинство его друзей, Пол начал следить за эстрадной музыкой с двенадцати лет. Первый концерт, который он посетил, состоялся в ливерпульском театре «Эмпайр», - выступала группа Эрика Деланея. В ту пору Полу было двенадцать лет. А в четырнадцать он уже выстоял целый час в очереди, чтобы увидеть Лонни Донегана, и это вместо обеда!

– Помню, он опоздал. И для заводских девчонок написал коротенькие записочки, в которых объяснял, что они задержались по его вине.

Обычно мы топтались у дверей артистической и ждали, чтобы кто-нибудь вышел и помог нам раздобыть автограф. Однажды, я стоял в очереди, чтобы получить автограф Уи Уилли Харриса. Пол ходил также в театр «Павильон». - Там шли шоу с раздеванием. Они устраивали на сцене полный стриптиз, догола. Некоторые были ничего себе. Странно, что нас на это пропускали. Впрочем, это было всего лишь развлечение, нормальное, хоть и грязноватое.

Как и прочие, и Джон среди них. Пол испытал на себе влияние периода скиффла, а также ранних роков Билла Хейли. Но - и вновь это было похоже на путь Джона - сразил его наповал лишь Элвис Пресли.

– Это было потрясающе здорово. Если я был в плохом настроении, то ставил пластинку Элвиса и сразу же чувствовал себя великолепно,

изумительно, - я не понимал, как делаются эти пластинки, просто волшебство какое-то. «All Shook Up!» Ох, до чего же здорово!

Когда у Пола появилась гитара, он стал пытаться подражать Элвису и другим знаменитостям. Лучше всего имитировал он Малыша Ричарда.

– В жизни не слышал ничего отвратительнее, - признается Джим. - Ужас какой-то. Уши вянут. И только много лет спустя, когда в одном концерте с «Битлз» я услышал Литтл Ричарда, то понял, как превосходно подражал ему Пол.

– В ту минуту, когда он взял гитару, - говорит Майкл, - все было кончено. Он пропал для всех. У него не оставалось времени ни думать, ни есть. Он играл на гитаре в уборной, в ванной, везде.

Примерно в это же время появилась гитара у школьного друга Пола, Йена Джеймса, из Дингла. Йен и Пол вместе шатались теперь со своими гитарами.

Они играли, обучая один другого тому немногому, что умели.

– Мы приходили на ярмарку, - говорит Пол, - слушали самые последние мелодии на игральных автоматах и пытались их подобрать. Старались заодно подцепить каких-нибудь пташечек, но у нас ни разу ничего не вышло. Я не умею знакомиться с ходу.

И Пол, и Йен Джеймс носили совершенно одинаковые белые спортивные пиджаки в крапинку с накладными карманами, что, несомненно, явилось следствием популярности песен «A White Sports Coat». А также черные «дудочки».

– Мы разгуливали повсюду вместе, одинаково одетые, и считали себя неотразимыми. Причесывались под Тони Кертиса. Немало часов тратили, чтобы привести себя в должный вид.

Джим Маккартни пытался отговорить Пола от такой манеры одеваться, но у него ничего не получилось.

– Пол был очень хитрый, - вспоминает Майкл, - когда он покупал себе брюки, то прежде всего показывал их отцу, чтобы он воочию убедился, какие они широкие, и одобрил покупку. Потом Пол уносил их и переделывал. И если отец замечал изменения, Пол клялся на Библии, что уже показывал ему эти брюки и отец разрешил ему носить их.

– Я очень боялся, что из него получится настоящий «тедди-бой», - говорит Джим. - Мне снились страшные сны. Я снова и снова запрещал ему ходить в узких брюках. Но он добился своего. У него были длинные волосы, уже тогда. Он возвращался из парикмахерской точно такой, какой уходил, и я спрашивал: «Что, закрыто, что ли?»

Девушками Пол интересовался не меньше, чем гитарой. - Близость с

женщиной я познал впервые в пятнадцать лет. Думаю, это все же рановато. В классе я испытал это первым. Она была старше и крупнее меня. Все произошло у нее дома. Она должна была присматривать за ребенком, пока мама куда-то ушла. На следующий же день я, конечно, разболтал все в школе, всем и каждому. Оказался настоящим предателем.

Пол хорошо помнит летний день 1956 года, когда Айвен сказал, что хочет сходить в приходскую церковь Уолтон повидаться с ребятами из группы, в которой он иногда выступает, хотя в тот день играть с ними не собирался. Пол сказал, что и он с удовольствием пойдет посмотреть на них, - хорошо бы еще девчонок каких-нибудь прихватить.

– Они неплохо играли, - говорит Пол. - Джон играл на гитаре - соло, как на банджо, с типичными для банджо аккордами; видно, ничего другого он не умел.

Остальные вообще ничего не понимали, бренчали как попало, и все. Они исполняли такие вещи, как «Maggie May», слегка изменив слова. Джон сам их придумал, потому что не знал настоящих.

Выступление проходило на открытом воздухе, посреди большого поля. Во время игры Джон внимательно наблюдал за слушателями. Он сказал мне потом, что в тот день впервые попытался оценить и почувствовать аудиторию, понять, как лучше стоять: например, боком к публике или лицом.

Я был, как обычно, в своем белом блейзере и черных дудочках. Правда, во время обеденного перерыва в школе я сузил их еще сильнее. Они меня так обтягивали, что все просто обмирали.

Потом я зашел в церковный холл, чтобы познакомиться с ними. Поболтал, похвастался немного. Показал им, как надо играть «Twenty Flight Rock», и напел слова. Они их не знали. Потом я исполнил им «Be Wor a Lula» - эту песенку они тоже знали с грехом пополам. Изобразил им кусочек из моего шоу «Литтл Ричард» - короче говоря, познакомил их со всем своим репертуаром. Помню, как во время моей игры один тип, от которого разлило пивом, придвигался все ближе и ближе, дышал мне прямо в затылок. «Что делает этот старый пьянчуга?» - подумал я. Потом он сказал, что «Twenty Flight Rock» - его любимая вещь. И я понял, что это настоящий знаток.

Знатоком оказался Джон. Он только что выпил несколько банок пива. Ему было шестнадцать, а мне всего четырнадцать! Настоящий взрослый мужчина. Я научил его еще нескольким аккордам, которые знал. Вообще-то мне их показал Йен Джеймс. Потом я ушел. Я чувствовал, что произвел на них впечатление, они поняли, что я за птица.

Пит Шоттон, однако, не припоминает, чтобы Пол произвел на группу Джона особенно сильное впечатление. Но, начисто лишенный всякой музыкальности, Пит вряд ли был в состоянии оценить «Twenty Flight Rock» даже в самом блестящем исполнении. - Во время той первой встречи я не обратил на Пола особого внимания, - говорит Пит. - Он показался мне очень тихим, но ведь так всегда бывает, когда человек впервые встречается с группой незнакомых парней. Я не ревновал к нему, во всяком случае в тот первый раз. Он был настолько моложе! Я не видел в нем будущего соперника. Мы с Джоном были самыми близкими корешами. Я всегда дружил с ним. Только из-за того, что любил его.

Джон вспоминает, что после встречи с Полом долго думал, прежде чем на что-то решиться. Это было совершенно не похоже на него - думать вместо того, чтобы немедленно принять решение.

– Наверное, оттого, что я был раздосадован, - говорит Джон. - И это замедлило мою обычную реакцию.

«Twenty Flight Rock» в исполнении Пола жутко на меня подействовал. Он явно умел играть на гитаре. Я сказал себе: ведь он не хуже меня. До сих пор я был королем. А если я его возьму, что будет? Если брать его, - рассуждал я, - придется держать парнишку в узде.

Но он был так хорош, что взять его стоило... Да еще и вылитый Элвис! Мне он годился по всем статьям.

Примерно через неделю Пол поехал на велосипеде к Айвену по Менлов-авеню. Он катил из Аллертона мимо поля для гольфа. На обратном пути Пол встретил Пита Шоттона.

– Пит сказал, что они говорили обо мне. «Хочешь в нашу группу?» Я сказал: «О'кей, договорились».

Первое публичное выступление Пола как участника группы «Кворримен» состоялось на танцах в «Консерветив клуб» на Бродвее. Пол в этот вечер собирался исполнить собственное небольшое соло, может быть «Twenty Flight Rock», но что-то помешало этому.

После танцев Пол сыграл Джону несколько собственных мелодий. Он пытался сочинять с того времени, как начал играть на гитаре. Первая песня, которую он показал Джону в тот вечер, называлась «I Lost My Little Girl». Не желая ни в чем уступать Полу, Джон немедленно стал тоже сочинять. Он уже давно начал обрабатывать и приспосабливать чужие слова и мелодии для своих целей, но собственных мелодий не сочинял, пока не появился Пол со своими. Не то чтобы первые песни Пола, да и Джона, чем-нибудь поражали. Как правило, их сочинения были довольно простыми и неоригинальными. Но когда они сошлись вместе, подначивая друг друга, их

осенило вдохновение и они решили отныне сочинять песни только сами. И с того дня никогда уже не отступали от этого решения.

– Я начал развиваться в совершенно другом направлении, - говорит Пол. - Когда я узнал Джона, все изменилось. Дружба с ним стала счастьем. И хотя он был на два года старше меня, а я был совсем ребенком, мы думали обо всем одинаково.

В последующие месяцы Пол и Джон были всецело заняты тем, что узнавали друг друга. Они проводили вместе каждую свободную минуту. Вместе прогуливали школу, шли домой к Полу, пользуясь тем, что отец был на работе, ели яичницу и учили гитарные аккорды. Пол показал Джону все аккорды, которые знал. Все, чему научила Джона Джулия, владевшая банджо, оказалось совершенно бесполезным. Пол был левшой, и Джону приходилось дома заниматься перед зеркалом, чтобы приобрести правильные навыки.

Пит Шоттон почувствовал, что постепенно отходит в тень. - Мои выступления в группе вскоре прекратились, - говорит Пит. - Мы играли где-то на вечеринке. Какую-то муру. Мы с Джоном гоготали как сумасшедшие, покатывались от смеха, рассказывали анекдоты. А потом он взял мою стиральную доску и треснул ею об мою башку. Я свалился и лежал, обливаясь слезами, а вокруг шеи валялись обломки доски. Больше мне не захотелось играть в группе. Я и раньше неловко себя чувствовал, мне не нравилось стоять на виду у всех. Я стеснялся.

Айвен Вон давно уже расстался с группой, хотя продолжал дружить с Джоном дома, а с Полом в школе.

Пол все больше и больше склонялся к тому, чтобы привести в группу одного своего школьного друга. Этот парнишка примерно в то же время, что и все остальные, увлекся скиффлом, роком и Элвисом, но преуспел во всем этом больше, чем другие мальчишки. Пол подумывал о том, чтобы познакомить его с Джоном. Он был еще моложе, чем Пол, но, думал Пол, это неважно, поскольку парень очень уж хорош.

Айвен Вон пришел в раздражение. Он первым привел к Джону из «Института» Лена Гарри и Пола Маккартни. Деятельность этого рода он считал своей прерогативой. Ему не понравилось, что Пол тоже хочет кого-то привести.

Этот новый друг был не только гораздо младше, он не напускал на себя умный вид, как это делал Пол. Джордж Харрисон - так звали нового мальчика - был записной «тедди-бой». И Айвен совершенно не понимал, какой интерес он может представлять для группы «Кворримен».

5. Джордж

Джордж Харрисон - единственный из «Битлз», выросший в большой и дружной семье. Он самый младший из четырех «Битлз» и самый младший из четырех детей Харолда и Луизы Харрисон. Джордж родился 25 февраля 1943 года в доме № 12, Арнолд-Гроув, Уэйвертри, Ливерпуль.

Миссис Харрисон - плотненькая, веселая, очень приветливая и легкая на подъем женщина. Мистер Харрисон - худой, медлительный и педантичный, любил делать все с чувством, с толком, с расстановкой. Он оставил школу в четырнадцать лет и начал работать в фирме, выпускавшей катки для белья, которыми пользовались домохозяйки в дни большой стирки. Он получал 7 шиллингов и 6 пенсов в неделю за то, что на тачке развозил эти катки по домам и затаскивал их внутрь.

Юношей он хотел записаться во флот, но мать не разрешила. Его отец был убит в Монсе во время первой мировой войны, и, наверное, поэтому мать испытывала отвращение ко всем родам войск. Но она позволила ему записаться в торговый флот. С 1926 по 1936 год он прослужил стюардом в море, на линии «Уайт Стар».

С женой Луизой он познакомился в 1929 году. «Нет, уж эту историю дай рассказать мне», - заявляет она.

– Ничего смешнее вы никогда в жизни не слышали. Однажды на улице я познакомилась с ним и с какими-то другими ребятами. Один из них сказал: «Дай-ка нам твой адрес. Я завтра отправляюсь в Африку и пришлю тебе оттуда флакончик духов». Я подумала: «Что ж, флакончик духов - это флакончик духов», но Харолд выхватил мой адрес и был таков.

Его первое письмо вызвало целый переполох. На конверте красовался флаг «Уайт Стар», поэтому я сразу поняла, что письмо от него. В день, когда пришло письмо, у нас на кухне сидел глухонемой, он зашел попить. Мать всегда была очень добра к людям.

В те времена письма были большой редкостью, во всяком случае для нас. Глухонемой нагнул и поднял мое письмо, хотя был неграмотный. Я успела увидеть, что на конверте написано «Мисс Луиза Френч», и попыталась вырвать у него письмо. Но кто-то меня опередил, и оно пошло по рукам; все, умирая от хохота над поцелуями, которые он мне посылал, прочитали его раньше меня. Пришлось прогладить письмо утюгом, чтобы разобрать, что там написано.

Бракосочетание Харолда и Луизы состоялось в Отделе регистрации

гражданских актов 20 марта 1930 года. Так как невеста была католичкой, а жених - нет, они не могли обвенчаться в церкви. Ее отец приехал из Вексфорда, Ирландия, и поначалу писал свое имя на ирландский манер, через «Ф». Он был ростом в шесть футов два дюйма и одно время работал комиссионером в «Нью-Брайтон Тауэр», а потом фонарщиком.

– Когда он ушел на первую мировую войну, моя мама стала фонарщицей. Однажды она забралась на высокий фонарь, а кто-то случайно отодвинул стремянку. Она повисла на руках, держась за перекладину, но не удержалась и упала. В это время она была на восьмом месяце беременности. Но ребенок родился замечательный. Весом в девять фунтов.

После свадьбы Харолд и Луиза поселились в доме № 12 по Арнолд-Гроув и прожили там восемнадцать лет. Это был стандартный двухэтажный домик, с двумя комнатками на каждом этаже, который обходился в 10 шиллингов в неделю. Всего несколько миль отделяли его от тех мест, где жили Джон Леннон и Пол Маккартни. Харолд продолжал служить в торговом флоте, а Луиза работала в зеленой лавке; она оставила работу незадолго до рождения своего первого ребенка - Луизы - в 1931 году. Вскоре после этого Харолд решил уйти из торгового флота - ему эта работа и без того уже осточертела, но в основном его решение было продиктовано желанием почаще видеть детей.

– Я был в ту пору стюардом первого класса и получал 7 фунтов в месяц. 25 шиллингов из этой суммы я каждую неделю посылал домой, жене. Мне никогда не хватало денег, даже когда у нас на борту оказывались представители «голубой крови» - так мы называли денежных тузов, отваливавших щедрые чаевые во время больших круизов. В свободное время я работал парикмахером. Хотелось накопить денег, чтобы спокойно списаться на берег и поискать работу.

– В письмах он жаловался на тяжелую жизнь, - говорит миссис Харрисон. - Мол, не успеет он перед сном снять брюки и повесить их на веревку, как уже снова надо их надевать, хотя они еще качаются.

Харолд списался на берег в 1936 году. Во время депрессии. В течение пятнадцати месяцев он жил на пособие.

– С двумя детьми мне разрешили получать 23 шиллинга в неделю. Из них я должен был отдавать 10 шиллингов за квартиру, а на остальное надо было всех прокормить и заплатить за уголь.

В 1937 году ему удалось устроиться кондуктором в автобусе, а в 1938 году он стал водителем. В 1940 году родился их третий ребенок, Питер, а в 1943-м появился на свет Джордж, четвертый ребенок и третий сын.

– Я захотел взглянуть на него в самый первый день, - говорит мистер Харрисон. - Ну и дела! Я просто обалдел. Копия меня в миниатюре. Нет, подумал я, такого не бывает, не можем же мы быть так похожи - я, да и только.

– Джордж всегда был очень самостоятельным, - говорит миссис Харрисон, - он не признавал никакой помощи. Посылая его в мясную лавку, мы передавали с ним коротенькую записочку для миссис Квирк, но он выбрасывал ее, едва выйдя за дверь. Бывало, миссис Квирк увидит его рожицу над прилавком и спросит: «Ты принес записочку?» «А мне она ни к чему, - ответит Джордж, - пожалуйста, дайте мне три четверти фунта самой лучшей свиной колбасы». Ему было тогда немногим больше двух с половиной лет. Все соседи его прекрасно знали.

Им с большим трудом удалось добиться, чтобы Джорджа приняли в начальную школу. Нарастал послевоенный демографический взрыв. Школы были переполнены.

– Я попыталась устроить его в католическую школу, ведь он был крещен католиком. Но мне ответили, что раньше шести лет его не примут. Я не стала ждать; он был такой умный и развитой, что я все-таки послала его в обычную начальную школу.

Ею оказалась школа в Довдейле. Та самая, в которой уже учился Джон Леннон. Он был на два с половиной года старше Джорджа и опережал его на три класса. Они не знали друг друга. Но в одном классе с Джоном учился брат Джорджа, Питер, и знаменитый впоследствии ливерпульский комик Джимми Тарбук.

– Помню, как в первый день вела его в школу по Пенни-лейн, - рассказывает Луиза Харрисон. - С самого начала Джордж захотел оставаться обедать в школе. На следующий день, когда я снимала с вешалки свое пальто, он сказал: «Пожалуйста, не провожай меня!» «Почему?» - спросила я. «Потому что, - ответил Джордж, - я не хочу, чтобы ты была как те мамы, которые судачат у ворот». Он всегда терпеть не мог любопытных матерей. Ненавидел соседей, перемывавших всем косточки, чуть что распускавших слухи.

Однажды - это одно из самых ранних воспоминаний Джорджа - он вместе с братьями Питером и Харолдом отправился покупать живых цыплят по 6 пенсов за штуку.

– Мы принесли их домой. Мой и Харолда оба сдохли, - рассказывает Джордж, - а цыпленок Питера все рос и рос на заднем дворе. Он стал огромным и злобным. Все люди настолько его боялись, что заходили только через парадный вход, а с черного - ни за что. Мы съели его на Рождество.

Пришел парень и свернул ему шею. Помню, как он висел вниз головой, на веревке.

Джорджу было шесть, когда они переехали из Уэйвертри в муниципальный дом в Спике.

– Дом был очень симпатичный, современный. После типового домишки, как две капли воды похожего на соседний, он показался мне мечтой жизни, - говорит Джордж. - В этом новом доме можно было из коридора попасть в гостиную, потом в кухню, потом опять в коридор и вновь в гостиную. В первый день я только и делал, что бегал кругами по этому маршруту.

Дом № 25, Аптон-Грин, Спик. Родители встали в очередь на жилье восемнадцать лет назад, когда Луиза была еще крошкой.

– Дом был совершенно новый, - говорит миссис Харрисон. - Но я возненавидела его с первой минуты. Взять, например, садик! Мы вложили в него столько сил, ухаживали за ним, старались, чтобы он был аккуратным, а соседские хулиганы камня на камне не оставляли от всех наших трудов. По ночам крали цветы. Район-то был трущобный - муниципальные власти нарочно поселили здесь вместе хорошие и плохие семьи, надеясь, что хорошие повлияют на плохие. Джордж неплохо успевал в начальной школе.

– После экзамена, - рассказывает Джордж, - учитель спросил, кто, по нашему мнению, сдал экзамен успешно. Поднялась только одна рука. Это был коротышка толстячок, от которого ужасно смердило. Честно говоря, печальная получилась история. Он умудрился оказаться единственным, кто провалился.

Учителя завели привычку в виде наказания сажать тебя рядом с такими вот вонючками. И эти несчастные очень страдали. Все учителя такие. Чем сильнее зажаты в тиски они сами, тем больше вымещают свои неприятности и беды на детях. Они все неучи. Я всегда так считал. И только из-за того, что они старше и в морщинах, тебе положено считать, что они все знают.

Джордж поступил в ливерпульский «Институт» в 1954 году. Пол Маккартни уже учился там, опережая Джорджа на год. Джон Леннон четвертый год занимался в школе «Кворри Бэнк».

– Я покидал «Довдейл» с сожалением. Директор, Поп Эванс, сказал нам, что мы, конечно, чувствуем себя теперь большими и умными мальчиками, но в следующей школе мы снова станем малышами. Что за бессмыслица! Потратить столько сил, чтобы стать большим, и все напрасно!

В первый же день в «Институте» Тони Уоркман прыгнул из-за двери мне на спину и сказал: «Ну что, пацан, драться хочешь?»

Некоторое время Джордж чувствовал себя выбитым из колеи и никому не нужным. Он все же пытался выполнять домашние задания и прижиться, но в конце концов совершенно разочаровался и потерял всякий интерес к школе.

– Я не выносил, чтобы мне диктовали. Какойнибудь шизик, только что кончивший колледж для учителей, гнусавил дурацкий текст, и считалось, что я обязан его записать. Я бы все равно потом ничего не понял. Но они не заморочили мне голову. Дурачье.

Самое худшее начинается, когда ты потихоньку растешь, а они берут тебя за глотку и насильно заставляют стать частью общества, как они выражаются. Они изо всех сил стараются изменить чистый детский образ мыслей и навязать вместо него свои фальшивые иллюзии. Все это до крайности меня раздражало. Я пытался остаться самим собой. Они же хотели превратить всех в стройные ряды маленьких лакеев.

В «Институте» Джордж с самого начала пользовался репутацией изрядного пижона. Майкл Маккартни, брат Пола, был на год моложе его. Он помнит, что Джордж начал ходить с длинными волосами, когда это и в голову никому не приходило.

Бунт Джона Леннона выражался в разного рода пакостях и постоянных драках, Джордж протестовал своим внешним видом, одеждой, что выводило из себя учителей ничуть не меньше.

Но одна из причин, почему Джордж ходил с длинными волосами, заключалась в том, что он терпеть не мог стричься. Чтобы сэкономить деньги, отец продолжал стричь всю свою семью сам, как во флоте. К этому времени ножницы его стали ржавыми и тупыми.

– Им было очень больно, - вспоминает миссис Харрисон, - и они ненавидели стрижку.

– Да, пожалуй, ножницы малость притупились, - признается мистер Харрисон.

– Притупились?! Ты шутишь, милый. Хорошенькое дело, притупились... - возмущается миссис Харрисон.

– Джордж ходил в школу, нацепив школьную кепку на самую макушку, еле прикрывая ею копну волос, - говорит миссис Харрисон. - И в очень узких брюках. Тайком от меня он садился за швейную машинку и суживал брюки. Однажды я купила ему отличные брюки, и он первым делом сузил их. Узнав об этом, отец велел немедленно распороть швы обратно. «Не могу, папа, - сказал Джордж, - я уже отрезал лишнее». У него на все был

готов ответ. Однажды он отправился в школу, надев под школьный пиджак желтый канареечный жилет, принадлежавший его брату Харри. Но Джорджу казалось, что он выглядит в нем потрясающе.

– У меня не было денег, и кричащей одеждой я стремился хоть чем-то выделиться, это был своего рода бунт. Авторитеты ничего не значили для меня. Никто не может научить жизни. Надо самому проделать весь путь испытаний и ошибок. Мне всегда удавалось остаться самим собой. Не знаю, как я научился этому, но у меня получалось. Они не сумели сломить меня. Оглядываясь назад, я радуюсь этому.

В течение первых трех лет он то и дело попадал в какие-то переделки. «Харрисон, Келли и Уоркман, встаньте и выйдите вон!» - эта фраза была у меня на слуху постоянно. Если же не «вон», то в угол», - говорит Джордж.

Когда наступила мода на остроносые туфли, Джордж заимел громадную пару из синей замши.

– Один из учителей. Неженка Смит, все время приставал ко мне по поводу этих туфель. Мы прозвали его Неженкой, потому что он всегда был очень изящно одет. Он сказал: «Харрисон, это не школьная обувь!» Я хотел спросить его, а что такое школьная обувь, но не стал.

Настоящее имя Неженки Смита - Алфред Смит, это был брат дяди Джона Леннона - Джорджа.

– Я чуть в обморок не упал, когда узнал об этом много лет спустя от Джона.

К концу четвертого года пребывания в «Институте» Джордж стал поспокойнее и реже попадал во всякие истории.

– Я научился держать язык за зубами. С несколькими учителями у меня существовала взаимная договоренность. Они позволяли мне садиться на последнюю парту и там мирно спать, потому что таким образом я не баламутил весь класс. Если даже день был теплый и солнечный, все равно неудержимо клонило в сон под окошечко, которую плел какой-нибудь старикан. Часто я просыпался без четверти пять и обнаруживал, что все уже ушли домой.

Харри, старший брат Джорджа, к этому времени уже окончил школу и стал работать помощником слесаря. Лу, его сестра, училась в колледже, а Питер готовился стать столяром.

Харолд, отец Джорджа, продолжал водить автобус и активно участвовал в профсоюзной деятельности. Он буквально пропадал на Финчлейн, где находился центр Ливерпульской корпорации водителей и кондукторов. В 50-е годы он более или менее постоянно проводил там субботние встречи, принимая гостей.

– На наших глазах началась карьера комика Кена Додда. Мы видели его в клубе, где он перехватывал рюмочку, - он был очень смешной, но боялся сцены. Наконец он согласился выступить. У него был номер «Дорога в Манделей» - он выступал в шортах и колониальной шляпе. Можно было умереть от смеха. По-моему, сейчас он и вполнину не такой смешной, как тогда.

Харолд Харрисон был доволен, что Джордж, как казалось ему, нормально учится. Единственный из трех его сыновей, он ходил в среднюю школу, и Харолд надеялся, что Джордж выйдет в люди. Старательный, добросовестный профсоюзный деятель, он мечтал о большом будущем Джорджа, уверенный, что своей работой дает ему такой шанс. Так же, как тетя Джона - Мими и отец Пола - Джим, он считал образование единственным путем не только к успешному продвижению в жизни, но и к уважению в обществе. Большинство родителей жаждет, чтобы их дети получили хорошую работу, которая надежно обеспечила бы их жизнь. Но это особенно характерно для людей поколения Харолда Харрисона, который на своей шкуре испытал, что такое депрессия 30-х годов, когда он остался без работы на долгие годы и должен был содержать семью на пособие для безработных.

Индивидуализм и отрицание всяких авторитетов Джордж, видимо, унаследовал не от отца. Тяжелые времена, которые выпали на долю Харолда, особенно в молодости, выработали в нем жажду устойчивости, надежности существования. Но мать всегда была союзницей Джорджа. Она хотела, чтобы все ее дети были счастливы. Ей было совершенно все равно, чем они увлекаются, лишь бы им это нравилось.

И даже когда Джордж начал интересоваться черт те чем, во всяком случае чем-то бессмысленным и уж наверняка не ведущим ни к уважению в обществе, ни к обеспеченности, мать поддержала его.

Миссис Харрисон оказалась не только веселой и легкой на подъем. На свой манер, она, в отличие от всех родителей «Битлз», по-настоящему любила жизнь во всей ее полноте.

6. Джордж и «Кворримен»

Миссис Харрисон всегда была любительницей попеть и потанцевать. Вместе со своим мужем она почти десять лет вела класс бальных танцев в клубе водителей и кондукторов на Финч-лейн.

Ребенком Джордж не выказывал ни малейшего интереса к музыке, во всяком случае насколько помнят его родители. «Но он всегда с удовольствием соглашался показать свой спектакль, если его об этом просили, - говорит миссис Харрисон. - Он прятался за спинку стула и устраивал кукольный театр».

И только когда Джорджу вот-вот должно было исполниться четырнадцать, он вдруг стал, приходя домой, на всех клочках бумаги рисовать гитары.

– Однажды он сказал мне: «Тут у одного парня, в школе, есть гитара, за которую он заплатил 5 фунтов, но он уступит мне ее за 3. Купишь?» Я сказала: «Конечно, сынок, если ты хочешь». В тот момент у меня была кое-какая работенка, я снова пошла в зеленую лавку, как до замужества.

Первое сильное музыкальное впечатление произвел на Джорджа Лонни Донеган.

– Я и раньше уже знал некоторых поп-певцов, таких, как Фрэнки Лейн и Джонни Рей, но они меня мало трогали. Может быть, не дорос еще. А вот Лонни Донеган и скиффл - это было по мне.

Первую гитару, которую мать купила ему за 3 фунта, он вскоре забросил, и она провалялась в шкафу, никому не нужная, три месяца.

– Там был винт, которым дека прикреплялась к корпусу, - вспоминает Джордж. - Когда я начал учиться, я снял деку, а потом не смог приделать ее обратно. Поэтому и засунул гитару в шкаф. В один прекрасный день я снова вспомнил о ней и уговорил Пита починить гитару.

– Джордж хотел научиться играть сам, - говорит миссис Харрисон, - но не сумел. «У меня никогда ничего не выйдет», - говорил он. «Выйдет, сынок, выйдет, имей терпение». И он не бросал, брался за гитару снова и снова, так что даже кровь из пальцев шла. «Выйдет, сынок, выйдет», - повторяла я Джорджу.

Он занимался до двух или трех часов ночи, а я сидела и слушала. И каждый раз, когда он говорил мне: «У меня никогда ничего не выйдет», я ему отвечала: «Ты добьешься, сынок, добьешься».

Честно говоря, даже не понимаю, почему я так его поддерживала.

Наверное, потому что он хотел и этого было для меня достаточно. Должно быть, я крепко запомнила, как много всего хотела в детстве и как никто никогда не поощрял меня.

Поэтому, когда к Джорджу пришло это увлечение, я помогала ему изо всех сил. Наконец он продвинулся настолько, что я уже ничего в этом не понимала. «Ма, ты правда ничего не понимаешь в гитаре?» - спросил он меня однажды. Я ответила: «Нет, не понимаю, но ты продолжай учиться. Я уверена, что ты добьешься своего». Он сказал: «Нет, я не в этом смысле. Мне нужна новая гитара, лучше. Эта больше похожа на губную гармошку. Есть ноты, которые невозможно взять, потому что их попросту нет на ней, как на некоторых губных гармошках». Такие вот дела с этой гитарой за 3 фунта.

Я сказала: «Конечно, я помогу тебе купить новую». Новая гитара стоила 30 фунтов. Кажется, электрическая.

Пит тоже взялся за гитару. Помнится, первым получил гитару именно он. Купил за 5 шиллингов сломанную, склеил ее, собрал, натянул струны, и получилось прекрасно.

– Мать действительно поддерживала меня, - говорит Джордж. - Главное, никогда ни от чего не отговаривала. Я мог заниматься, чем хочу. И отец тоже. Это было самое ценное в них. Когда детям ставят палки в колеса, они все равно рано или поздно своего добиваются, так уж лучше не мешать им. Родители позволяли мне поздно приходить и даже выпить, если мне хотелось. В результате я покончил с ночными бдениями и выпивкой, как раз когда все начали этим заниматься. Наверное, я потому и не выношу спиртного, что прошел через это в десять лет.

– Однажды Джордж пришел домой, - вспоминает миссис Харрисон, - и заявил, что договорился о прослушивании в Клубе Британского легиона, в Спике. «Ты с ума сошел, ты ведь даже еще не пробовал играть в группе», - сказала я ему. Но он ответил: «Не беспокойся, справлюсь и с группой».

Для своего звездного часа в Спике Джордж подобрал такой состав: две гитары (его брат Питер и их приятель Артур Келли), жестянки из-под чая и губная гармошка. Сам Джордж играл на гитаре. Они ушли через черный ход, крадучись вдоль изгороди позади дома. Джордж не хотел, чтобы любопытные соседи пронюхали об их намерениях.

Когда они пришли в зал, обнаружилось, что настоящих артистов еще нет. Им пришлось идти напрямиком на сцену и играть век, ночь напролет, потому что профессиональные музыканты так и не появились.

– Они вернулись домой взбудораженные, перекрикивали друг друга, - рассказывает миссис Харрисон. - Сперва я просто не могла понять, что же

произошло. Потом они показали мне те 10 шиллингов, которые каждый из них заработал. Первое профессиональное выступление. Тот, что играл на чайной жестянке, выглядел плачевно, с окровавленными от игры пальцами, залитым кровью «инструментом». После этой ночи они назвали свою группу «Ребелз» [«Rebels» - «Бунтари» (англ.)]. Написали это название красными буквами.

У Джорджа не было группы, в которой он играл постоянно. Он переходил из одной в другую, до тех пор пока благодаря Полу не стал участником группы «Кворримен».

Он первым подошел к Полу познакомиться вскоре после того, как начал учиться в «Институте». Они ездили вместе в автобусе, Джордж помнит день, когда мать Пола заплатила в автобусе за них обоих. Когда наступили времена скиффла, у каждого из них была гитара, и они стали закадычными друзьями.

– Как-то вечером Пол зашел ко мне домой, чтобы взглянуть на мой самоучитель игры на гитаре, в котором я ровно ничего не понимал. Гитара все еще валялась в шкафу. Мы освоили по самоучителю пару аккордов и умудрились выучить песню «Don't You Rock Me Daddy» - обошлись двумя аккордами. Мы с Полом играли для себя, не участвовали в группах, слушали друг друга и перенимали у ребят все, что те умели делать лучше нас.

Джордж с Полом стали проводить вместе все свободное время, не расставаясь и на каникулах. Это началось задолго до того, как Пол познакомился с Джоном и группой «Кворримен».

Пол уже играл с «Кворримен», прежде чем к ним присоединился Джордж; это было, наверное, не раньше 1958 года, точной даты никто, конечно, не помнит. Но Джордж далеко не сразу стал постоянным участником группы. Он все-таки был еще очень молод, хотя играл на гитаре все лучше и лучше, и поэтому его часто приглашали на вечера.

– Впервые я увидел группу «Кворримен», когда они выступали в «Уилсон-холл» в Гарстоне. Пол играл с ними и сказал, что мне можно прийти послушать. Я бы все равно пошел, чтобы убить время и заодно посмотреть, не смогу ли я присоединиться к какой-нибудь группе.

Пол познакомил меня с Джоном. В другой группе выступал в тот же вечер один гитарист, Эдди Клэйтон. Потрясающий. Джон сказал, что если я играю так, как он, то пожалуйста, милости просим. Я исполнил им «Raunchy», и Джон разрешил мне играть с ними. «Raunchy» был моим коронным номером. Например, мы ехали куда-нибудь на втором этаже автобуса, и Джон кричал: «Джордж, давай «Raunchy»!»

– Но Джордж никогда не был доволен собой, - говорит миссис Харрисон. - Он все время рассказывал мне, что другие играют в сто раз лучше, чем он. А я ему говорила, что и у него получится так, если будет вкалывать.

Джон вспоминает, что не сразу пригласил Джорджа в группу только из-за того, что тот был слишком мал. - Это уж чересчур. Джордж был совсем маленьким. Я и слышать о нем не хотел сначала. Пацан и пацан. Однажды он пригласил меня в кино, но я сделал вид, что занят. Я не принимал его всерьез, пока не узнал поближе.

Мими всегда отмечала, что у Джорджа такой типичный ливерпульский говорок. «Тебя ведь всегда тянет к вульгарным типам, не правда ли, Джон?» - говорила она.

– Мы пригласили Джорджа участвовать в нашей группе, потому что он владел гитарой гораздо лучше нас всех. Мы многому у него научились. И каждый раз, узнавая новую гармонию, сочиняли песню, построенную на ней. Мы прогуливали школу и просиживали у Джорджа до вечера. На вид он был гораздо младше Пола, а Пол со своим детским личиком выглядел лет на десять.

Джордж говорит, что специально не отходил от Джона, постоянно вертелся около него. В это время Джон собирался поступать в Художественный колледж, хотя, несмотря на все усилия Мими, по-прежнему напускал на себя нарочито агрессивный вид эдакого работяги.

– Джон произвел на меня сильное впечатление, - говорит Джордж, - более сильное, чем Пол. Я влюбился в его джинсы, фиолетовые рубашки и баки. Вообще все ребята из Художественного колледжа мне понравились. Джон ехидничал, язвил, все время подкалывал, но я не обращал внимания или платил ему тем же, и это срабатывало.

– Во встрече с Полом, - говорит Джон, - не было ничего особенного. Никакого обожания, ничего такого. Мы просто подошли друг другу. Так оно и пошло. И все получалось. Теперь же нас стало трое, мы думали обо всем одинаково.

В группе «Кворримен» появлялись и другие участники, они приходили и уходили - одни не могли выдержать характер Джона, другим становилось скучно. Троица из «Кворримен» нуждалась в партнерах, потому что три гитары даже в те времена - это было слишком мало для того, чтобы составить группу. Им до зарезу нужен был ударник, но даже самые неспособные, а уж сколько их перебивало, не оставались с ними.

Постепенно группа «Кворримен» выходила за рамки скиффла. Стиральные доски и жестянки из-под чая - это уже выглядело несерьезно.

Все они предпочитали рок-н-ролл, преклонялись перед Элвисом и подделывались именно под его стиль. Слушая радио, старались подобрать точно такие же аккорды, корпели над этим дома часами.

Джон - глава группы - добывал приглашения от разного рода менеджеров, которые неплохо наживались на всеобщем помешательстве, царившем вокруг рок-н-ролла. Однако получать регулярные приглашения было совсем нелегко. Групп развелось великое множество, и большинство из них играли куда лучше, чем «Кворримен».

Зато теперь к их услугам были два дома: один - Джорджа, куда можно было приходиться когда угодно, и другой - Пола, предпочтительно в отсутствие отца. Они получили возможность заниматься, писать музыку, рисовать или валять дурака. Мими, естественно, не могла допустить, чтобы порог ее дома переступили какие-то «тедди».

- Иногда Пол подъезжал на велосипеде к нашим дверям, - рассказывает Мими. - Он прислонял велосипед к забору, смотрел на меня своими телячьими глазами и спрашивал: «Здравствуйте, Мими! Можно мне зайти?» «Ни в коем случае», - отвечала я.

Джорджем Мими тоже отнюдь не увлеклась. - Джон все уши мне прожужжал со своим Джорджем, какой это славный мальчик, как он мне понравится. Чего только он не делал, чтобы Джордж произвел на меня хорошее впечатление. «Он для тебя последнюю рубашку снимет», - говорил Джон. Наконец я сказала, чтобы он привел его к нам. Он явился с мальчишкой, подстриженным ежиком и одетым в розовую рубашку. Ну знаете ли! Может быть, я несколько старомодна, но школьник не должен так одеваться! Пока Джону не исполнилось шестнадцати, он ходил только в форме.

Так что в основном ребята занимались у Джорджа на Аптон-Грин. Однажды Харрисоны пришли домой и обнаружили на Джордже такие узкие джинсы, каких еще не видывали.

- Харолд онемел, - вспоминает миссис Харрисон. - Когда он увидел эти джинсы, он просто полез на стену. Джордж сказал, что джинсы ему подарил Джон. Потом он вскочил и стал выкидывать разные коленца. «Как же я буду танцевать без узких джинсов?» - спросил он, продолжая выделывать балетные па. В конце концов мы расхохотались. Джордж никогда не грубил нам, но всегда мог обвести нас вокруг пальца.

Миссис Харрисон была на кухне, когда Джордж впервые привел в дом Джона Леннона. «Это Джон!» - крикнул Джордж. «Здравствуйте, миссис Харрисон», - сказал Джон и подошел пожать мне руку. Не понимаю, что потом произошло, но Джон почему-то упал и, падая, свалился на меня, и

мы оба оказались при этом на диване. В это время вошел отец. Посмотрели бы вы на его лицо, когда он увидел верхом на мне Джона! «Что здесь происходит, черт подери?!» «О'кей, папа!- сказал Джордж. - Все в порядке. Это Джон».

– Джон всегда был немного сумасшедший. И никогда не унывал, точно так же, как и я.

7. В художественном колледже

Джон приступил к занятиям в Художественном колледже осенью 1957 года. Он появился там в невысказанно тесных джинсах и длиннейшей черной куртке. Бдительность Мими он обманывал таким образом: поверх джинсов Джон нацеплял обыкновенные старые брюки, а на автобусной остановке, оказавшись на безопасном расстоянии от дома, скидывал их и оставался в джинсах.

– В Художественном колледже все принимали меня поначалу за «тедди». Со временем я стал одеваться несколько скромнее, но все равно под «тедди», ходил в дудочках и в черном. Артур Баллард, один из лекторов, сказал, что мне следовало бы несколько изменить внешний вид и не носить такие вызывающе узкие джинсы. Артур Баллард был добрым, и если меня не выгнали, то только благодаря его заступничеству. На самом деле я был не «тедди», а рокер. «Тедди» я только притворялся. Доведись мне встретить настоящего Тедди, с цепями и с его шайкой, я бы со страха наделал в штаны. Я стал очень самоуверенным и постепенно вообще перестал обращать внимание на Мими. Пропадал целыми днями. Носил что хотел. Вечно приставал к Полу, чтобы и он плюнул на своего отца и надевал, что ему нравится. Я никогда не любил работать. Рисовать, делать иллюстрации - это все-таки интереснее. Но моей специальностью оказались шрифты. Я что-то там такое пропустил, и они засунули меня в этот поток. Весь класс состоял из вонючих аккуратистов. Мне так же хотелось заниматься шрифтами, как прыгать с парашютом. Ясно, что все экзамены я завалил. Я не уходил оттуда только потому, что работать было еще хуже; уж лучше просиживать штаны в колледже, чем каждый день вкалывать на работе. Однако мне всегда казалось, что я выкарабкаюсь. Были моменты сомнений, но я чувствовал, что все это до поры до времени. Что-то должно произойти. Когда Мими выбрасывала мои рисунки или стихи, я говорил: «Ты пожалеешь об этом, когда я стану знаменитым». И я в это верил. На самом деле я не знал точно, кем хочу стать, но в финале я видел себя не иначе как эдаким чудаковатым миллионером. Я фантазировал, как женюсь на миллионерше и сбудутся мои заветные желания. Во что бы то ни стало сделаться миллионером! Если не получится честным путем, значит - бесчестным. Я был готов к этому - ведь ясно, что никто не собирался отвалить миллион за мои картины. Но мне не хватило смелости стать преступником. Я был слишком большим трусом для этого.

Я бы никогда ни на что не осмелился. Вообще-то мы с одним парнем собирались обокрасть магазин, хотели сделать это продуманно, а не хватать с прилавка что попало; ночью мы наблюдали за магазином, изучали обстановку, но так и не решились ограбить его.

Джулия, с которой Джон проводил все больше и больше времени, по-прежнему одобряла его образ жизни. Она фактически вытеснила Мими. Он доверял ей. Джулия говорила с ним на одном языке, любила и ненавидела те же вещи и тех же людей, что и Джон.

– В тот уик-энд я как раз был в доме Джулии и Дергунчика, - говорит Джон. - В дверях показался легавый и сказал, что произошла автомобильная катастрофа. Все шло точно как в кино. Спрашивал меня, являюсь ли я ее сыном и все прочее. А потом он выложил нам, зачем пришел, и мы оцепенели. Это было самое страшное, что случилось со мной за всю мою жизнь. За какие-то несколько лет мы с Джулией так сблизились... Мы понимали друг друга. Она была самая лучшая на свете. Я думал: черт, черт, черт! Все к чертовой матери! Дольше я ни перед кем не отвечаю. Дергунчику было еще хуже, чем мне. Потом он спросил: «Кто же теперь будет смотреть за детьми?» И я возненавидел его. Проклятый эгоист. Мы приехали на такси в больницу «Сефтон Дженерал», она лежала там мертвая. Я не хотел на нее смотреть. Всю дорогу я истерически бормотал что-то водителю такси, нес какую-то чушь, и он в ответ время от времени кивал мне. Я отказался смотреть на нее. А Дергунчик пошел. Вернулся сам не свой.

Джулия умерла 15 июля 1958 года. Катастрофа произошла рядом с домом Мими.

– Я всегда провожала ее до автобусной остановки, - рассказывала Мими. - Но в этот вечер она ушла рано, примерно без двадцати десять. Одна. И буквально через минуту раздался дикий скрежет. Я выскочила из дома, она была уже мертва. Машина сбила ее прямо у моего крыльца. В семье никто точно не знает места, где это произошло, - я никому не говорю. Они проходят мимо него каждый божий день, им было бы слишком больно это сознавать. Для меня Джулия не умерла. Я никогда не была ни на ее могиле, ни на могиле матери. Они обе живы для меня. Я так любила их. У Джулии была красивая душа.

– Смерть Джулии наверняка была страшной трагедией для Джона, - говорит Пит Шоттон. - Но он ни разу этого не показал. Как вовремя порки - учителя секли его, а Джон хранил полную невозмутимость. Никогда не проявлял свои чувства открыто.

Все друзья Джона тотчас узнали о катастрофе. Его приятель Найджел

Уалли последним говорил с Джулией. Он встретил ее, когда она вышла из дома Мими и хотела перейти улицу к автобусной остановке.

– Джон никогда не заговаривал о Джулии, ни с кем не делился, - продолжает Пит. - Но он вымещал свои чувства на девушках. Помню, как одна из них кричала ему: «Не смей срывать на мне свою злость, я не виновата, что твоя мать умерла».

Мать Джорджа, миссис Харрисон, помнит, как тяжело Джон переживал смерть Джулии. Ребята продолжали заниматься в их гостеприимном доме, где всегда находили поддержку.

– Вечером я дала им фасоль и тосты. Это было за несколько месяцев до смерти матери Джона, - он только начинал сближаться с ней. Я услышала, как он сказал Полу: «Просто не понимаю, как ты можешь сидеть здесь как ни в чем не бывало, когда у тебя умерла мать. Если бы со мной случилось такое, я бы с ума сошел». Когда умерла мать Джона, он не сошел с ума. Но совершенно перестал бывать у нас. Я погнала к нему Джорджа, чтобы тот заставил его снова начать заниматься и не давал ему сидеть дома и предаваться отчаянию. Вместе они много чего испытали и всегда помогали друг другу, даже в те далекие ранние годы. Джордж безумно боялся, что теперь умру я. Он не спускал с меня глаз. Я сказала ему, чтобы он не дурил. Я вовсе не собираюсь умирать.

Смерть Джулии сблизила Джона с Полом. У них было теперь общее горе. Но студенты Художественного колледжа говорят, что смерть матери ожесточила Джона, он совсем не считался ни с чьими чувствами, шутки его стали еще более безжалостными.

Телма Пиклз, одна из многочисленных знакомых девушек Джона, рассказывала, что большинство из них поразились ему, его отношению к жизни, говорили, что никогда не встречали больше таких людей, как Джон.

– У Джона всегда не было денег, - говорит Телма, - настоящий бродяга, вечно кланчил у всех взаймы, заставлял покупать ему жареную картошку, выпивку, выпрашивал курево. Наверное, и по сей день многим должен. Но он обладал такой магнетической силой, что всегда мог выпросить деньги. Был совершенно бешеный, говорил людям непереносимые вещи. Он мог проявить невероятную жестокость. Мог подойти на улице к каким-нибудь старикам и до смерти напугать их диким криком. Если он видел инвалида или уроды, то отпускал громкие замечания вроде, например, таких: «Некоторые пойдут на что угодно, лишь бы не загреметь в армию». Он любил рисовать страшные картины. Мне, правда, они казались потрясающими. Например, женщин, склонившихся над детьми и любующихся ими. Дети же были уродцами со страшными лицами. Это

было очень жестоко. В день, когда умер папа римский, он нарисовал на него несколько совершенно чудовищных карикатур. Вот папа, схватившись за ворота, стоит у колонн при входе в рай, он пытается туда проникнуть, а под карикатурой подпись: «Но это же я, папа римский».

Джон никого не уважал, - продолжает Телма, - но его всегда окружали поклонники. Одна девушка была безумно влюблена в него, все время плакала. У него были комплексы. Он стеснялся своих очков и ни за что не хотел их носить. Даже в кино. Однажды мы пошли на фильм с Элвисом, он и тогда не надел очки. В этом фильме показывали неприличную рекламу нейлоновых чулок, Джон ничего не разглядел, и мне пришлось потом все ему пересказывать. Я никогда не относилась серьезно к его музыке. Он сообщал, что написал новую мелодию, и это было для меня истинным чудом - просто оттого, что кто-то может сочинять. Но оценить, насколько его музыка хороша, я не могла. То, что люди способны сочинять мелодии, - это и есть самое невероятное. Я понимала, что он может стать знаменитым, но понятия не имела как. Он был ни на кого не похож, отличался абсолютным своеобразием. Кем он должен стать, чтобы прославиться? Может быть, комическим актером?

Джон в основном подтверждает рассказ Телмы. Но его собственные воспоминания совершенно сухи и лаконичны, ни ностальгии, ни юмора в них не сыщешь. Так было, и все тут. «Так как у меня в колледже денег не было, я должен был или одалживать, или воровать», - говорит он. Мими рассказывает, что выдавала ему на карманные расходы 30 шиллингов в неделю, и не может понять, на что он их тратил.

– Я все время тянул монеты из таких собачонок, как Телма. Конечно, у меня был жестокий юмор. Это началось еще в школе. Однажды мы возвращались из школы и успели пропустить несколько стаканчиков. В Ливерпуле полным-полно каких-то уродов. Например, эти лилипуты, которые продают газеты. Вообще-то я никогда не обращал на них никакого внимания, но в тот день они чудились мне повсюду. И это так нас смешило, что мы просто не могли остановиться - все хохотали и хохотали. Наверное, таким образом мы скрывали свои чувства. Я бы никогда не причинил боль калеке. Просто такие у нас были шутки, такие привычки.

В колледже Джон познакомился еще с двумя студентами. Стюарт Сатклиф учился на одном курсе с Джоном, но в отличие от него подавал большие надежды как художник. Очень изящный, худощавый, артистичный, нервный, со взглядами ярого индивидуалиста. Они с Джоном быстро стали друзьями. Стюарт восхищался манерой Джона одеваться, вести себя, атмосферой, которую Джон создавал: настоящая сильная

личность, подавлявшая свое окружение. В свою очередь Джон отдавал должное знаниям и художественной интуиции Стюарта.

Стюарт не умел играть ни на одном инструменте и мало что знал о поп-музыке, но был совершенно потрясен, услышав, как Джон и его группа играют во время обеденных перерывов в Художественном колледже. Он всегда говорил, что они играют великолепно, еще в ту пору, когда их манера не производила ни на кого ни малейшего впечатления. Пожалуй, Джордж и Пол немножко ревновали к Стюарту и его влиянию на Джона, хотя Джон никому не показывал, насколько восхищается Стюартом. Джон непрерывно нападал на Стюарта и всячески пытался задеть его. Пол не отставал от Джона и тоже поддевал Стюарта, хотя искусство живо интересовало его и, подобно Джону, он почерпнул у Стюарта множество новых идей - и чувство современности.

В Художественном колледже Джон сблизился и с Синтией Пауэлл, ставшей впоследствии его женой.

– Синтия была такой тихоней, - говорит Телма, - полная противоположность нам. Она жила на другой стороне реки, в респектабельном районе. Ходила в элегантных костюмах, была очень хорошенькая, но рядом с Джоном ее невозможно было представить, она ему явно не подходила. Джон же без конца повторял, какая она замечательная. Я ничего не могла понять. Я бросила колледж на год, а когда вернулась, узнала, что они вместе. Я надеялась, что он теперь немного успокоится, придет в себя, но получилось совершенно наоборот.

Синтия Пауэлл была сверстницей Джона и, так же как и он, занималась изучением шрифтов, но в течение первого года они не замечали друг друга и вращались в разных кругах: она - застенчивая, утонченная девушка с той стороны реки, а он - шумный ливерпульский «тедди-бой».

– Я была в ужасе от него. В первый раз я обратила на него внимание во время лекции, позади него сидела Хелен Авдерсон и гладила его по волосам. Во мне что-то запротестовало. Сначала я почувствовала раздражение. Но потом поняла, что это ревность. Впрочем, я с ним совершенно не общалась, если не считать, что он крал у меня линейки и кисти. Джон выглядел тогда отвратительно. Он ходил в длинном твидовом пальто, которое перешло к нему после смерти дяди Джорджа, с набриолиненными, зачесанными назад волосами. Он нисколько не нравился мне. Весь какой-то неряшливый. Но у меня и возможности не было познакомиться с ним. Я не входила в его окружение. Была благовоспитанной девочкой - во всяком случае, я так считала.

– Маменькина дочка, - говорит о ней Джон. - Воображала. Мы все

смеялись, издевались над ней. Завидев ее, мы с Джеффом Мохамедом кричали: «Тихо! Не выражайтесь! Синтия идет».

Впервые они заговорили друг с другом во время занятий. - Оказалось, что мы оба близорукие, - говорит Синтия. - Мы обсудили это. Джон совершенно забыл наш первый разговор. Нехорошо с его стороны. Но я все помню. После этого я обнаружила, что прихожу в класс раньше всех, чтобы сесть рядом. И после занятий я поджидала его во дворе, в надежде перекинуться с ним словечком. Он и не думал ухаживать за мной. Не подозревал, что нравится мне. Естественно, я никак не проявляла свои чувства, я и не могла. Думаю, ему и теперь в голову не приходит, сколько времени я тратила/чтобы увидеть его.

Настоящее знакомство Синтии с Джоном состоялось во время Рождества, в 1958 году, на втором курсе.

– Я пришел на танцевальный вечер, - говорит Джон, - злой был как черт и пригласил ее танцевать. Джефф Мохамед все уши мне прожужжал: «Ты нравишься Синтии». Во время танца я предложил ей пойти на завтрашнюю вечеринку. Она сказала, что не сможет. Она занята.

– Так и было, - говорит Синтия. - Почти так. Я уже три года встречалась с одним мальчиком, и мы должны были пожениться. Джон расстроился, когда я отказалась. Тогда, сказал он, пойдём и выпьем после танцев. Сначала я отказалась, а потом пошла с ним. Я ведь на самом деле все время хотела этого.

– Я был в восторге, - говорит Джон, - что сумел ее уговорить. Мы выпили, а потом пошли домой к Стюарту, по пути купили рыбу с жареной картошкой.

После этого они стали проводить вместе все вечера, да и днем ходили в кино, вместо того чтобы посещать лекции.

– Я боялась его. Грубиян. Никогда ни в чем не уступал. Мы все время ссорились. Я думала: если я уступлю сейчас, так будет всегда. Оказалось, он просто меня испытывал - я не имею в виду секс, - выяснял, можно ли мне доверять, я должна была доказать ему, что можно.

– Я был в истерическом состоянии, - говорит Джон. - И в этом заключалась вся беда. Я ревновал ее абсолютно ко всем. Я требовал от нее абсолютной верности, в особенности потому, что сам не соблюдал ее. Я срывал на ней все свои разочарования и огорчения, был полным неврастеником. Однажды она ушла от меня. Это был ужас.

– Я не выдержала, - говорит Синтия, - никаких нервов не хватало. Он пошел и поцеловал другую девушку. - Но я не мог без нее. Я позвонил ей. - Я не отходила от телефона, ждала его звонка. Синтия не спешила

представить Джона своей матери. Ей хотелось подготовить мать к такому удару.

– Он никогда не блистал хорошими манерами и выглядел неряшливо. Мама, однако, отнеслась ко всему спокойно. Просто молодец. Я уверена, что она, конечно, надеялась, что все это как-нибудь рассосется само. Но мама не стала ничему мешать. Преподаватели предостерегали меня: не надо с ним встречаться, пострадает моя учеба. И действительно, вся работа пошла насмарку, а преподаватели продолжали приставать ко мне. Молли, уборщица, однажды увидела, как Джон бил меня, действительно колошматил будь здоров. «Глупышка, - сказала Молли. - Зачем ты с ним связалась?»

– Целых два года я находился в какой-то слепой ярости, - говорит Джон. - Либо я был пьян, либо дрался. Точно так же я вел себя со всеми знакомыми девушками. Что-то неладное творилось со мной.

– Я все надеялась, что это у него пройдет, но не была уверена, что смогу долго выдержать. Я валила все на его прошлое, на Мими, на колледж. Просто ему не надо было учиться в колледже. Учебные заведения не для Джона.

8. От «Кворримен» до «Мундогз»

К концу 1959 года название «Кворримен» перестало существовать. Пол и Джордж учились в «Институте» и уже давно не имели никакого отношения к средней школе «Кворри Бэнк»; Джон посещал Художественный колледж. Группу называли то так, то сяк, не ломая голову, брали первое попавшееся название. Однажды объявили себя «Рейнбоуз» [«Rainbows» - «Радуга» (англ.)], потому что вышли на сцену в разноцветных рубашках.

Джордж играл в группе уже около года, и, по его воспоминаниям, «Кворримен» не сделали за это время заметных успехов, хотя сам Джордж справлялся с гитарой все лучше и лучше.

– По-моему, в первый год нам даже не платили. В основном мы играли на вечеринках у наших друзей. Куда бы нас ни позвали, мы брали гитары, шли и играли там за бутылку кока-колы, тарелку фасоли, и, пожалуй, все. Деньгами запахло, когда мы начали участвовать в конкурсах скиффла. Мы проходили первые туры и старались продержаться как можно дольше, мечтали победить. Но ведь за участие не платят, платят только за победу, а эти туры казались нескончаемыми. Выглядели наши выступления, надо сказать, странно: ни одного ударника и человек пятнадцать гитаристов.

Миссис Харрисон болела за Джорджа и его группу, но мистер Харрисон очень беспокоился. Он продолжал, хоть и безуспешно, бороться с длинными волосами Джорджа, с его манерой одеваться; он проигрывал эти сражения главным образом из-за миссис Харрисон, которая держала сторону Джорджа. «Это его волосы, - заявляла она. - Почему кто-то должен распоряжаться собственностью другого?»

– Я очень хотел, чтобы он как следует учился в школе и получил потом хорошую работу, - говорит мистер Харрисон. - Я страшно расстроился, когда понял, что парень просто помешался на этой группе. Я-то прекрасно понимал, что такое шоу-бизнес, каким надо быть ушлым, чтобы пробиться, добраться до вершины, а потом стать еще во сто крат более ловким, чтобы удержаться на ней. Я совершенно не мог понять, на что они рассчитывают. Двое других моих сыновей были при деле: Харрис стал хорошим слесарем, а Питер столяром. Я мечтал о том, чтобы и Джордж вышел в люди, овладел бы настоящей профессией, но Джордж заявил, что собирается бросить школу. Он не желает быть канцелярской крысой. Хочет работать руками.

Оказывается, они с матерью давно уже все решили, а я об этом и понятия не имел. Он не стал сдавать переводные экзамены. Просто ушел - и дело с концом.

Джордж начал работать летом 1959 года, в шестнадцать лет. - Мне было совершенно ясно, что я не освою никакой профессии. При всех стараниях я в лучшем случае одолел бы два экзамена уровня «О». Без них даже в дерьме не дадут копать. Не больно-то они мне были нужны. Я пробыл в школе до конца семестра, прогуливая все занятия, чтобы проводить время с Джоном в его Художественном колледже. Мы с Полом болтались там целыми днями. Потом я бросил школу и долго не мог найти работу. Понятия не имел, что делать. Отец очень хотел, чтобы я пошел в подмастерья, поэтому я попытался сдать экзамены на ученика в Ливерпульской корпорации, но провалился. Наконец инспектор по трудоустройству молодежи нашел мне место в большом универмаге - я должен был украшать витрины. Я пошел туда, но место оказалось занятым. Вместо этого мне предложили учиться на электрика. Что ж, с удовольствием. Все лучше, чем ходить в школу. Наступала зима, в просторном цехе было тепло, и большую часть времени мы играли в стрелки. Тем не менее я начал подумывать, не эмигрировать ли мне в Австралию. Во всяком случае, я стал всячески склонять к этому отца. «Давайте уедем все вместе», - говорил я ему, так как был слишком молод, чтобы решиться на такое в одиночку. Потом меня заинтересовала Мальта, потому что мне попались на глаза туристические проспекты. Потом Канада. Я достал нужные анкеты, но, обнаружив, что подписываться за меня должны родители, бросил это дело. Меня не оставляло чувство, что все равно что-нибудь да подвернется.

Джим Маккартни изо всех сил старался вырастить своих сыновей серьезными людьми. Во всяком случае. Пол, к радости Джима, продолжал ходить в школу. Но так как все остальное время он проводил с Джоном и Джорджем, играя на гитаре, у него, по существу, не было возможности выполнять домашние задания.

И все-таки Пол умудрился остаться в группе «В», где изучались английский и иностранные языки. С экзаменами уровня «О» было слабо, ему удалось сдать только живопись.

Пол задумался, не бросить ли все это, но где он будет работать? Отец по-прежнему настаивал, чтобы Пол продолжал ходить учиться в колледж. Проще всего было как раз его послушаться. В школе ничто не мешало заниматься музыкой сколько душе угодно. Пол остался на второй год, поскольку не набрал достаточно баллов, чтобы перейти в шестой класс. Он

вновь прослушал курс по уровню «О», сумел сдать еще четыре экзамена и перешел в шестой класс.

– В школе я подыхал от скуки, но один преподаватель, по английскому, был просто потрясающий, Дасти Дорбанд. Только он мне и нравился. Дасти Дорбанд любил современную поэзию и рассказывал нам про «Леди Чаттерлей» [Полное название - «Любовник леди Чаттерлей» - роман английского писателя Д. Лоуренса (1885-1930)] и «Рассказ мельника» [«Рассказ мельника» - входит в цикл «Кентерберийские рассказы» английского поэта Дж. Чосера (1340?-1400)] задолго до того, как все заговорили об этих книгах. «Все считают их порнографией, а это вовсе не так», - утверждал он.

Искорка заинтересованности, зажженная учителем, удержала его в шестом классе, хотя юноша все равно бездельничал. Официально Пол готовил два предмета - английский и специальность, чтобы сдать экзамены по уровню «А» [«А» - «Advanced». Следующая после «Ordinary» («О») ступень образования, дающая право поступления в высшее учебное заведение (англ.)]. Предполагалось, что по окончании колледжа он поступит в педагогический институт и станет в дальнейшем преподавателем. Все знали, способностей у него более чем достаточно, и Джиму это было очень приятно.

– Вся эта музыка, которой он так увлекался, никогда не интересовала меня, - говорит Джим. - И Билл Хейли мне ни капли не нравился, - никакой мелодии. Но однажды я вернулся домой в половине шестого и услышал, как они играют. И тогда я понял: они научились! Это уже не шум - они научились играть по-настоящему.

Джиму хотелось теперь сидеть с ними, давать советы, подсказывать, намекать, как он бы сыграл это на их месте в доброе старое время, когда существовала группа Джима Мака. Почему они не играют прекрасные старые мелодии, действительно прекрасные. Например, «Stairway to Paradise»? «Stairway to Paradise» - это же прекрасный номер! Джим рассказывал, как он руководил группой, как они преподносили свои номера.

Они отвечали: «Спасибо большое, нет, не надо, лучше сделай нам чаю, а, папа?» Конечно, сделаю, соглашался Джим. Но если им не по душе «Stairway to Paradise», то как насчет настоящих джазовых номеров, таких, как «When the Saints»? Он бы подсказал им, как исполнять их по-настоящему. «Нет», - сказали они, на этот раз более твердо.

В конце концов Джим ограничился приготовлением для них еды. После смерти жены он научился вполне сносно готовить. К своему

большому удовольствию, Джим обнаружил, что если двое его сыновей, Пол и Майкл, были привередами и всегда ели плохо (Пол, когда был занят, вообще отказывался от еды), то Джон и Джордж с отменным аппетитом поглощали любое блюдо в любое время дня и ночи.

– Я скармливал им все, что оставалось после Пола и Майкла. Кончилось тем, что я прямо говорил им: вот остатки, будете доедать? Я по сей день делаю для Джорджа крем. Он говорит, что мой десерт - самый вкусный в мире.

Группа вводила усовершенствования, ребята собрали несколько усилителей, добиваясь мощного звучания ударных в отличие от мягкого постукивания в скиффле. - Но каждый год, - замечает Пол, - равнялся пяти. Теперь они большей частью играли в рабочих клубах и на церковных церемониях, отказываясь обслуживать вечеринки. Выступали в «Уилсон-холл» и в автобусном депо на Финч-лейн. Все чаще и чаще участвовали в конкурсах, как и все начинающие группы.

– Нас все время обходила одна женщина, она играла на ложках, - вспоминает Пол. - Еще мы уступали группе «Санни Сайдерс», у них был сильный номер, с лилипутом.

К нам пришел парень, пианист, его звали Даф. Одно время он играл с нами, но отец не разрешал ему поздно возвращаться домой. Посреди номера Даф мог ни с того ни с сего вскочить, и только его и видели.

Во время выступлений они одевались как «тедди»-ковбои: черные-белые ковбойские рубахи, черные галстуки-шнурки, к карманам прикреплены белые висюльки.

Однако гораздо больше времени, чем на сцене, они проводили дома у Джорджа или Пола.

– Мы возвращались домой и курили травку, пользуясь трубкой моего отца, - говорит Пол. - Иногда приводили с собой девчонок. Или сидели и рисовали портреты друг друга. Но больше всего играли на гитарах и сочиняли песни.

За два года совместной работы Джон и Пол написали пятьдесят песен. Только одна из них вошла в их репертуар: «Love Me Do».

Принимаясь за работу, они начинали с того, что выводили: «Еще одна оригинальная композиция Джона Леннона и Пола Маккартни».

Оба они приобретали все большее мастерство в игре на гитарах, причем не без помощи телевидения, благодаря которому осваивали приемы звезд того времени.

– Однажды я наблюдал, как группа «Шздоуз» аккомпанирует Клиффу Ричарду. Я слышал, какое отличное вступление они записали к пластинке

«Move It», но никак не мог взять в толк, как это у них получается. - Посмотрел по телевизору - и все понял! Я опрометью бросился из дома, вскочил на велосипед и помчался к Джону, захватив с собой гитару. «Понял!» - закричал я, и мы, не мешкая, начали заниматься. Так мы научились придавать некоторый блеск началу наших номеров. В «Blue Moon» я уловил и интересные гармонии.

Ребята принимали участие во всех конкурсах, даже самых захудалых, поэтому они страшно разволновались, когда в Ливерпуль приехал известнейший организатор такого рода состязаний. Объявление в газете «Ливерпул эко» гласило: «Известный «открыватель звезд» мистер Кэррол Левис прибывает в Ливерпуль искать таланты». Его телевизионное шоу будет записываться в Манчестере, но он устроит прослушивание в Ливерпуле в театре «Эмпайр», чтобы выяснить, есть ли в Ливерпуле таланты, достойные участия в манчестерской программе.

Джон, Пол и Джордж, как и большинство ливерпульской молодежи, отправились на прослушивание. Когда оно закончилось, ребята получили приглашение участвовать в манчестерском шоу.

Миссис Харрисон помнит их восторги по этому поводу. - Джордж чуть с ума не сошел, когда в один прекрасный день получил по почте письмо. Я совершенно не понимала, в чем дело. Письмо было адресовано некоей группе под названием «Мундогз» [«Moondogs» - «Лунные собаки» (англ.)].

Это название было придумано с ходу для шоу Кэррола Левиса. На афише значилось: «Джонни и Мундогз». Тогда в каждой группе обязательно был лидер, как, например, Клифф Ричард в «Шэдоуз». Они поставили первым имя Джона. Тем более что, если уж на то пошло, он и был лидером.

«Мундогз» выступили в манчестерском шоу с умеренным успехом. Представление Кэррола Левиса было построено таким образом, что по окончании каждая группа выходила снова и исполняла несколько тактов из своего номера, и публика либо аплодировала как сумасшедшая, либо не выказывала никакого одобрения. Именно эти аплодисменты и выявляли победителя.

Но поскольку «Джонни и Мундогз» были бедными ливерпульскими парнями и у них не было машины, на которой они возвратились бы в Ливерпуль, они не смогли ждать. Шоу заканчивалось очень поздно, еще чуть-чуть - и они пропустили бы последний поезд в Ливерпуль. Денег, чтобы заплатить за ночлег в гостинице, у них тоже не было, поэтому, когда наступило время решающих аплодисментов, их уже и след простыл.

Естественно, это выступление не принесло им победы. Их даже не

заметили, не обратили на них внимания, они не услышали ни слова одобрения от местных «открывателей талантов». Для Джона, Пола и Джорджа это было большим разочарованием. Возможность соприкосновения с настоящими профессионалами, померещившаяся им, оказалась упущенной.

9. Стю, Шотландия и «Силвер Битлз»

В Художественном колледже Джон и Стюарт очень подружились. В свободное время Стюарт разъезжал вместе с группой и наблюдал за их репетициями. Вместе с Джоном им удалось уговорить совет колледжа купить магнитофон, нужный якобы всем студентам. Джон забрал магнитофон и стал записывать на нем группу, чтобы слушать себя со стороны. Они купили также усилители - «для танцев в колледже». На самом деле они использовали их для своей группы.

Стю по-прежнему увлекался живописью, хотя все его время поглощали Джон и группа. Он представил несколько полотен на выставке Джона Мурса, одной из самых представительных не только в Мерсисайде, но и во всей Британии. Джон Мурс был выходцем из богатой ливерпульской семьи, нажившей состояние на футбольном тотализаторе и владевшей фирмой по доставке товаров почтой. Стюарт Сатклиф, учащийся Художественного колледжа, получил премию в шестьдесят фунтов - огромная сумма и серьезный успех для столь юного художника.

Джон, его лучший друг, оказывавший на Стюарта самое большое влияние, немедленно нашел прекрасный способ распорядиться этими деньгами. Стю постоянно жаловался, что лучше бы он играл на каком-нибудь инструменте, вместо того чтобы днем и ночью околачиваться возле группы. Джон сказал, что теперь у Стю появился шанс играть вместе с ними. Пусть купит на свои шестьдесят фунтов бас-гитару, неважно, что он не умеет играть, они его научат.

Пол и Джордж горячо поддержали эту мысль, так как группе не хватало одного участника. Насколько помнит Джордж, Стюарт выдвинул альтернативу - он хотел бы купить или бас-гитару, или ударные. Группе нужно было и то и другое, потому что при трех солирующих гитарах им бы подошли в качестве сопровождения и бас-гитара, и ударные.

– Стю совершенно не умел играть, - говорит Джордж, - мы показали ему все, чему научились сами, и он довольно быстро освоился и стал подыгрывать нам во время выступлений.

В эти первые дни, как явствует из фотографий, Стю чаще всего становился спиной к зрителям, чтобы никто не подглядел, как мало аккордов он знает.

Они получали все больше приглашений, но по-прежнему зарабатывали гроши и играли в рабочих клубах и на танцах. По мере того как бум вокруг

бит-групп охватывал весь Ливерпуль, повсюду плодились клубы для подростков. В основном ими стали наводнившие страну сотни и сотни кофейных баров, где можно было выпить чашечку кофе-эспрессо под сенью бамбука и прочих растений, типичных для такого рода заведений. Ливерпульские клубы иногда устраивали шоу для подростков, во время которых могли найти себе применение многочисленные бит-группы.

Бит-группы никогда не выступали в таких респектабельных клубах, как «Кэверн» [«Cavern» - «Пещера» (англ.)], предоставлявших свою сцену исключительно джазовым музыкантам и джазовым оркестрам, - джаз считался более высоким искусством. Непрезентабельные, любительские, состоящие из «тедди-боев» бит-группы котировались несравненно ниже. Бит-группы зачастую состояли из монтеров, чернорабочих - словом, искусство рабочего класса. А на него принято смотреть сверху вниз.

– Мы всегда были антиджазистами, - говорит Джон. - Это не музыка, а дерьмо, еще глупее, чем рок-н-ролл, для студентов в пуловерах от «Маркса и Спенсера». Из джаза ничего путного нигде не вышло, везде одно и то же: сидят и поглощают под него пинты пива. Мы возненавидели его, потому что в самом начале именно из-за джазистов нам не давали играть в приличных клубах. Нас даже не хотели прослушать, раз мы не джаз.

К этому времени бит-группы старались напичкать электричеством все свои инструменты, обзаводились электрогитарами, усилителями, чего никогда не бывало в скиффле. Вслед за Элвисом появились и другие рок-певцы, такие, как Литтл Ричард и Джерри Ли Льюис, породившие тьму подражателей в Великобритании.

Средоточием этого нового для Великобритании явления стал Лондон. Первый английский певец рок-н-ролла, вступивший на стезю американских звезд и получивший национальное признание, был кокни [Лондонский обыватель (англ., пренебр.)] Томми Стил - он выступал в кофейных барах. Вслед за ним появился Клифф Ричард - точная копия Элвиса. Молодежь полюбила его даже больше, чем Томми Стила.

Джон, Джордж и Пол вроде и не знали о Томми Стиле, во всяком случае, они не помнят, чтобы он произвел на них впечатление. Зато они люто ненавидели Клиффа Ричарда и группу «Шэдоуз»

Джон говорит, что Клифф напускал на себя вид примерного христианина и это уже тогда бесило их. Заодно они ненавидели и те эстрадные баллады, которые продолжал петь Клифф Ричард, на манер Перри Комо и Фрэнки Воона.

Пол, единственный из них, всегда пытался чего-то добиться, готов был поступиться понятиями «нравится - не нравится», лишь бы найти кого-

нибудь, кто им поможет. Он старался пробить для группы хоть какую-нибудь рекламу в местных газетах. Примерно в это время он написал письмо журналисту, мистеру Лоу, с которым встретился однажды в пабе. «Дорогой мистер Лоу!

Простите, что я так долго не писал Вам, но надеюсь, что еще не поздно. Сообщаю Вам некоторые подробности о нашей группе.

Она состоит из четырех человек: Пол Маккартни (гитара), Джон Леннон (гитара), Стюарт Сатклиф (бас-гитара) и Джордж Харрисон (вторая гитара). Группа называется...

Этот состав может показаться скучным, но благодаря выдающимся музыкальным способностям, значительно превосходящим средний уровень, мальчики добиваются исключительного разнообразия. Основа их ритма - это оф-бит, но особенность их игры в последнее время заключается в том, что оф-бит накладывается на фоновый акцент на сильной доле - он-бит; в результате общее ритмическое ощущение напоминает четыре четверти джазовой музыки. Возможно, это результат влияния мистера Маккартни, в прошлом руководителя одного из самых популярных в 20-е годы местных джаз-оркестров - «Джаз-оркестра Джима Мака».

Однако главным образом группа увлекается современной музыкой - достаточно сказать, что за последние три года Пол Маккартни и Джон Леннон написали более пятидесяти мелодий, баллад и темповых номеров. Некоторые из мелодий - чисто инструментальные («Looking Glass», «Gatswalk» и «Winston Walk»), другие сочинены в расчете на вкусы современной публики: «Thinking of Linking», «The One After 909», «Years Roll Along» и «Keep Looking That Way».

Группа с удовольствием делает новые аранжировки таких хорошо известных старых песен, как «Ain't She Sweet», «You Were Meant For Me», «Home», «Moonglow», «You Are Sunshine» и других.

И в заключение несколько слов о самих мальчиках. Джон, руководитель группы, учится в Художественном колледже и, помимо того что прекрасно играет на гитаре и банджо, является великолепным карикатуристом. Его многообразные интересы распространяются на живопись, театр, поэзию и, разумеется, пение. Ему девятнадцать лет, он является основателем группы. Полу восемнадцать лет, он занимается английской литературой в Ливерпульском университете. Как и другие участники группы, играет не только на гитаре, но на фортепьяно, ударных и...»

Это все, что осталось от красочной мешанины из правды и вымысла, - остальное, к сожалению, потерялось. Разумеется, Полу не было еще

восемнадцать лет и он не учился в Ливерпульском университете, зато, как он и признавался, у группы действительно не было названия. Позже, в 1959 году, они начали всерьез думать над тем, как себя именовать. В свое время для прослушивания у Кэррола Левиса им пришлось стать «Мундогз». Могло случиться так, что и сейчас их вот-вот позовут на новое ответственное прослушивание.

Именно тогда впервые прозвучало слово «Битлз». Никто не помнит точно, как это случилось. Пол и Джордж просто говорят, что однажды явился Джон и заявил, что теперь они называются именно так.

Ребята всегда были болельщиками Бадди Холли и его группы «Крикетс» [Слово имеет два значения: 1) сверчок, 2) спортивная игра, распространенная в Англии. «Crickets» - «Сверчки» (англ.)]. Им нравилась и музыка, и название его группы. Оно имело два значения, одно из которых, чисто английское, американцы не могли оценить. Ребята жалели, что не догадались раньше назвать себя «Крикетс».

Размышляя над названием «Крикетс», Джон задумался, нет ли еще каких-нибудь насекомых, чтобы воспользоваться их названием и обыграть его. В детстве он очень любил играть в слова - извел на эти игры горы тетрадей. «И вот я придумал: beetles [«Жуки»(англ.)], только писать будем по-другому: «beatles» [«Beatles» - «гибрид» двух слов: beetle - жук и to beat - ударять (англ.)], чтобы намекнуть на связь с бит-музыкой, - такая шутивная игра слов».

Так на самом деле возникло это название. Просто и ясно. Хотя в течение многих лет ребята в ответ на вопросы о происхождении слова «Beatles» какую только околесицу не городили. Чаще всего они заявляли, что к ним в окно залетел человек на ковре-самолете и сообщил, что отныне они так называются.

Название, придуманное Джоном, понравилось им всем, но они долгое время считали, что просто «Битлз» - это недостаточно звучно.

Как-то раз ребята встретили приятеля, Каса Джонса, лидера группы «Кас энд Казановас», и тот спросил, как они теперь именуются. Ребята ответили: «Битлз». Кас сказал: «Кошмар». Нужно, чтобы у группы было длинное название, как, например, у него. Почему бы не назвать себя, к примеру, «Лонг Джон и Силвер «Битлз»? [«Long John and Silver Beatles» - «Длинный Джон и Серебряные «Битлз» (англ.)] Просто «Битлз», по его мнению, чересчур коротко и просто. Они не обратили внимания на этот совет. Но когда подошло время ответственного прослушивания и у них спросили название группы, они ответили: «Силвер «Битлз». «Силвер «Битлз» они оставались до конца 1959 года.

Ответственное прослушивание проводил не кто иной, как знаменитый Лэрри Парне, в то время король британского рок-н-ролла, в команде которого состояли такие ребята, как Томми Стал, Билли Фьюри, Марта Уайлд, Даффи Пауэр и Джонни Джентл.

Слоняясь по клубу «Джакаранда», где постоянно играли многие бит-группы, ребята прослышали, что в Ливерпуль приезжает Ларри Парне. «Джакаранда» принадлежал живущему в Ливерпуле валлийцу Алану Уильямсу, так же как клуб «Блу Энжел», в котором Ларри Парне собирался проводить прослушивание.

Они явились к нему на прослушивание без ясного представления о своем названии - и только когда один из помощников Парнса спросил, как их объявлять, заявили: «Силвер «Битлз». У них по-прежнему не было ударника. Тот, который играл с ними, пообещал прийти, но обманул. Снова они оказались без ударных.

«Силвер «Битлз»» вырубил ударник из другой группы, который согласился принять участие в их выступлении. Он носил имя Джонни Хач и считался в то время одним из трех лучших ударников Ливерпуля. Существует фотография «Силвер «Битлз»,» сделанная во время этого прослушивания. Сзади с весьма высокомерным и скучающим видом сидит за ударной установкой Джонни Хач. Как и всегда, трудно разглядеть Стюарта. Он Повернулся спиной к Ларри Парнсу, пытаясь скрыть от него класс своей игры на бас-гитаре.

Прослушивание проводилось, чтобы подыскать группу, которая могла бы аккомпанировать Билли Фьюри. Ни одна группа не показалась Ларри Парнсу достойной этой чести, но он предложил «Силвер «Битлз»» двухнедельное турне по Шотландии, чтобы аккомпанировать одному из последних, пока еще неизвестных своих открытий - Джонни Джентлу. Разумеется, речь шла не об их гастролях. «Силвер «Битлз»» играли второстепенную роль. Тем не менее это был первый ангажемент, заключенный с ними как с профессионалами, и настоящее турне, пусть короткое, не высшего разряда.

Джордж, которому в ту пору только шел шестнадцатый год, мог воспользоваться для поездки двухнедельными каникулами. Пол в это время должен был сидеть над своим циклом «О», но ему и в голову не приходило отменять турне из-за такой смехотворной причины, как экзамены и получение диплома. Айвен Вон, его друг по «Институту», помнит, как спорил с ним, уговаривал не делать глупостей, не бросать подготовку к экзаменам.

Полу каким-то образом удалось убедить отца, что у него каникулы.

Будто бы им сказали, что надо сделать передышку. Он обещал, что вернется точно к экзаменам и что ему полезно перед ними встряхнуться. Не удивительно, что он завалил все предметы, кроме одного.

Для турне по Шотландии ребята обзавелись другим ударником, Томасом Муром. Они отправились к нему домой, чтобы пригласить его в группу, - оказалось, что тот живет на пособие. Больше они ничего не помнят о нем. Томас Мур - настоящие имя и фамилия.

«Силвер «Битлз», находясь в состоянии эйфории, вызванном грядущими первыми профессиональными гастрольями, пожелали изменить свои имена - тогда была такая мода.

- Менять фамилию было страшно интересно, - говорит Пол. - Чувствуешь себя истинным профессионалом. С программой, со сценическим именем.

Пол превратился в Пола Рамона. Он понятия не имеет, откуда взялся этот Рамон. «Наверное, где-то слышал такую фамилию. Мне казалось, что «Рамон» звучит очень романтично, вроде «Валентине» [Знаменитый голливудский актер немого кино].

Джордж стал Карлом Харрисоном, в подражание одному из своих героев Карлу Перкинсу.

Стюарт был теперь Стю де Стил, в честь художника. Джон не помнит точно, как назвал себя, кажется Джонни Силвером.

Турне проходило на самом севере Шотландии, в небольших танцевальных залах северо-восточного побережья. Из географических названий Пол запомнил только Инвернесс и Нэрн. Он посылал отцу открытки такого содержания: «Работа идет полным ходом. У меня даже просят автографы».

Джордж подружился с звездой турне - Джонни Джентлом, что вызвало некоторую ревность со стороны остальных участников группы. Джонни Джентл пообещал после окончания турне подарить Джорджу старую рубашку Эдди Кокрена.

Как и всегда, они беспрерывно ссорились между собой, но больше всего доставалось Стюарту, новичку, последним вступившему в группу. Джон, Джордж и Пол на опыте многолетнего общения уже знали, что подобные свары ничем не кончаются и не имеют никакого значения. Если они к чему-то и приводили, то разве что к новым ссорам.

- Мы были жуть какие парни, - рассказывает Джон. - Говорили Стю, чтобы он не сидел с нами или не ел с нами. Командовали: «Проваливай отсюда!» - и он уходил.

Одну из гостиниц, где они остановились, только что покинули

эстрадные актеры, среди которых был карлик. Они разузнали, в какой постели спал этот карлик, и велели лечь на нее Стю. Они уж, во всяком случае, не станут спать в постели карлика. И пришлось Стю ее занять. «Так он учился жить с нами, - говорит Джон. - Все это очень глупо, но мы были именно такими». После треволнений шотландского турне наступило полное затишье. Ларри Парне больше ничего им не предлагал. Теперь он признает, что упустил великолепный шанс, но тогда у него было полным-полно знаменитых солистов и он не обратил внимания на группу. «Битлз» вернулись к своим танцам с подвыпившими «тедди», работягами, у которых выдался свободный вечерок, или играли в весьма сомнительных заведениях. Вскоре после гастролей по Шотландии ребята получили несколько предложений выступить в ночных клубах со стриптизом на Аппер-Парламент-стрит. Они должны были сопровождать известной специалистке по стриптизу Дженис, по мере того как она раздевалась.

– Она сама заказывала нам музыку, - вспоминает Джордж. - Например, «Gypsy Fire Dance». Но поскольку мы не умели играть по нотам, ее заказы мало что значили для нас. Мы играли «Ramrod», а потом «Moonglow» - я только что выучил эту вещь.

Примерно в это же время им удалось получить парочку приглашений в «Кэверн» - клуб на Мэтью-стрит, хотя он по-прежнему оставался оплотом джаза. В этом клубе им сыпались записки с просьбами не играть рок-н-ролл, и поэтому следующим номером они объявляли самый что ни на есть настоящий джаз. «Теперь слушайте наш добрый старый номер Фэтса Дюка Эллингтона Ледбелли [Набор из имен трех известных американских джазменов] «Long Tall Sally». И начинали играть бит-музыку. Само собой разумеется, что такие выходки не нравились хозяевам клуба и не помогали получать новые приглашения.

Большую часть времени ребята проводили сидя дома друг у друга; если заводились деньги, они отправлялись в клубы, короче говоря - бездельничали.

– Шотландия пробудила слабые надежды, мелькнули первые проблески профессиональной работы, - вспоминает Джордж. - Мы возвратились в Ливерпуль, и все надежды рухнули. Если мы получали больше двух приглашений в неделю, то уже были в восторге. Нам удавалось заработать не больше 15 шиллингов за вечер и, конечно, сколько душе угодно яиц, тостов и кока-колы.

10. «Касба»

За неимением ничего лучшего ребята возвратились в клуб «Касба». Они играли здесь раньше, до поездки в Шотландию.

Клуб «Касба» основала миссис Бест, невысокая темноволосая подвижная женщина. Она приехала из Индии, из Дели. Со своим будущим мужем, Джонни Бестом, в прошлом менеджером в профессиональном боксе, она встретилась в Индии, во время войны. Супруги возвратились в Ливерпуль и купили огромный четырнадцатикомнатный викторианский дом № 8 по Хэйманс-Грин в весьма уважаемом районе Вест-Дерби.

Старший сын миссис Бест, Пит, родился в 1941 году. Он учился в одной из лучших средних школ Ливерпуля. Пит сдал пять экзаменов уровня «О» и перешел в шестой класс. Он собирался стать преподавателем.

Красивый, великолепно сложенный сын миссис Бест был немного застенчив и оттого казался иногда мрачным, необщительным, в особенности по сравнению с его энергичной матерью. Когда Пит стал приводить домой своих школьных друзей, миссис Бест всячески поощряла это.

В 1959 году во время летних каникул, когда Пит перешел в старшие классы, ему и всей его компании пришлось в голову попросить миссис Бест отдать в их распоряжение огромный подвал; вместо того чтобы слоняться по всему дому и без конца слушать пластинки, они разгребут, расчистят его и приспособят для себя.

– Сначала они собирались устроить там нечто вроде собственной «пещеры», - говорит миссис Бест. - Потом надумали организовать молодежный клуб, такой же, как и множество других в городе. Мы же предложили сделать его частным клубом с членским взносом в один шиллинг, чтобы избавиться от шпаны и «тедди-боев».

Основатели клуба решили пригласить несколько бит-групп, из тех, что в огромном количестве развелись в Ливерпуле. Они не сомневались, что многие просто руками и ногами уцепятся за такую возможность. Миссис Бест, с ее деловым чутьем, полностью поддержала идею сына и его друзей.

Они обратились к группе «Кворримен». Девушка, знавшая одного из членов этой группы, посоветовала пригласить именно их, потому что, по ее словам, «Кворримен» прекрасно играют. Ее знакомым оказался не Пол, не Джон, не Джордж, а Кен Браун, время от времени выступавший вместе с группой, один из тех ее участников, что постоянно сменяли друг друга.

Как только Джон, Пол и Джордж узнали, что где-то ищут группу, они помчались туда не раздумывая. Им тут же вручили малярные кисти, и около недели они помогали убирать и красить подвал. Джон позвал на подмогу и свою подружку, Синтию Пауэлл.

– Помню, я попросила Джона, - говорит миссис Бест, - загрунтовать стену. Когда я вернулась, он кончил красить, но вместо грунтовки покрыл все маслом. Джон был настолько близорук, что не отличал одно от другого. Я пришла в ужас от того, что краска не успеет высохнуть вовремя. В день открытия у клуба все еще не было названия. - Однажды вечером я спустилась вниз посмотреть, что у них делается. Обстановка была чертовски таинственная, повсюду какие-то маленькие темные уголки. Нечто в восточном духе. Мне вспомнилась кинокартина, которую я только что видела, с Хеди Ламарром и Шарлем Буайе в главных ролях, - кажется, она называлась «Алжир». Герои этого фильма отправлялись в Касбу. Так я выбрала название для нашего заведения - клуб «Касба». Я ведь приехала из Индии, и мне очень понравилось это название.

Клуб открылся в конце августа 1959 года. В первый же вечер там собрались почти триста человек. Группе «Кворримен» оказали великолепный прием. Казалось, клубу суждена долгая жизнь.

– Я была очень счастлива, - говорит миссис Бест. - Конечно, не за себя, а за Пита. У него брезжили смутные намерения заняться шоу-бизнесом, и мне подумалось, что открытие клуба «Касба» поможет ему приобрести некоторый опыт. Может быть, он преодолет робость, почувствует себя более уверенно.

Клуб процветал. Здесь можно было выпить кофе, съесть пирожное и послушать «Кворримен». На уик-энды в клубе набиралось до четырехсот человек. В скором времени число членов клуба возросло до трех тысяч. Пришлось нанять вышибалу, Фрэнка Гарнера, который не впускал «тедди-боев».

В течение двух месяцев все шло как нельзя лучше, а потом с «Кворримен» случилась размолвка. Каждый из ребят получал по 15 шиллингов за вечер. Однажды Кен Браун не пришел, и Пол, Джон и Джордж выступали без него.

– Я заплатила каждому из них по 15 шиллингов, а потом, когда встретила Кена, дала и ему столько же. Но та тройца считала, что Кену не следует платить, потому что его не было. Они заявили, что раз ставка группы за один вечер 3 фунта, то те трое, кто играл, должны были разделить между собой 3 фунта, а не получать по 15 шиллингов каждый.

Так, припоминают миссис Бест и Пит, возникла почва для разногласий.

Остальные просто ничего не помнят. Как бы то ни было, после распри из-за денег Кен Браун ушел из группы «Кворримен», а вскоре после этого покинули клуб и сами «Кворримен». В это время Пит Бест, видя, как хорошо идут дела у группы, но главным образом для собственного удовольствия, стал пробовать играть на малом барабане. Когда Кен Браун расстался с «Кворримен», они с Питом решили создать новую группу. Разумеется, при активной поддержке миссис Бест. Кен и Пит нашли еще двоих ребят и назвали себя «Блэкджекс».

– Они были очень хороши, - говорит миссис Бест. - Я вспоминаю, как Рори Сторм, пользовавшийся тогда огромной популярностью, бросил им вызов, чтобы посмотреть, чья группа соберет больше народу. Рори собрал 390 человек, а «Блэкджекс» - 450, самую большую аудиторию за все время.

«Кворримен» совершили турне по Шотландии и стали «Силвер «Битлз», но в тех случаях, когда не подворачивалось ничего другого, соглашались выступить в клубе «Касба». «Блэкджекс», с Питом Бестом в качестве ударника, стали там постоянной группой. В последующие годы они сделали большие успехи, и Пит Бест принял решение посвятить себя шоу-бизнесу.

– Я собирался поступать в педагогический колледж. Я имел на это право, потому что сдал пять экзаменов уровня «О», но мне все это настолько надоело, что я бросил занятия и не стал сдавать экзаменов уровня «А».

Пит бросил школу летом 1960 года. Клуб «Касба» процветал по-прежнему, и для Пита там всегда хватало дела, но его группа постепенно стала распадаться. Кен Браун уехал на юг, а двое других ребят поступили на курсы, где были заняты полный рабочий день. Пит оставил школу, чтобы посвятить себя шоу-бизнесу, а теперь остался ни с чем.

Однако спустя пять недель, в августе 1960 года, ему позвонил Пол Маккартни.

– Пол спросил, сохранил ли я свою ударную установку, - говорит Пит. - Я ответил, что только что купил новый потрясающий набор. Пол сказал, что их приглашают в Гамбург, - не хочу ли я быть у них ударником. «Хочу», - ответил я. Мне всегда очень нравились эти ребята. Они обещали мне 15 фунтов в неделю, немалые деньги. В сто раз лучше, подумал я, чем ходить в педагогический колледж.

Я отправился в клуб Алана Уильямса «Джакаранда». Там я впервые встретил Стю. Мне устроили прослушивание. Я отколол им несколько номеров, и они сказали: «Отлично, поедешь с нами в Гамбург».

В то время как миссис Бест прекрасно справлялась со своими делами в

молодежном клубе, опытный специалист по ночным клубам Алан Уильямс тоже не дремал - его заведение стояло на ступеньку выше, чем кофейный бар для подростков. Он приглашал музыкантов не только в свой клуб, но и сватал группы в другие места, являясь одновременно антрепренером и менеджером. Именно он помог «Битлз» добиться прослушивания у Ларри Парнса. И хотя деньги за гастроли по Шотландии уплатил группе Ларри Парнс, они получили их через Алана Уильямса, организовавшего это турне.

Причины, по которым Алан Уильямс, владелец не слишком видного ночного клуба в Ливерпуле, стал экспортировать группы в Гамбург, достаточно сложны. Первый контакт возник, когда в клубе «Джакаранда» побывал немецкий моряк и услышал там группу из Вест-Индии, игравшую на стальных инструментах. Он вернулся в Гамбург и рассказал, как это здорово. После этого группу пригласили на гастроли в гамбургский ночной клуб. Алан Уильямс последовал за ними, надеясь заинтересовать владельцев подобных заведений другими ливерпульскими группами. Алан посетил единственный в Гамбурге клуб рок-н-ролла «Кайзеркеллер» и встретил там Бруно Кошмайдера. «Я в шутку сказал, что все лучшие английские рок-группы родом из Ливерпуля».

Кошмайдер прибыл в Великобританию, дабы лично удостовериться в этом, остановился в Лондоне и вскоре понял, что никто и слыхом не слыхал о ливерпульских группах. Он посетил клуб «Ту айз» [«Two I's» - «Two Eyes» - игра слов: «два я» - «два глаза» (англ.)] в Сохо, тогдашний центр рока в Британии (именно там играл Томми Стил), и подписал контракт с Тони Шериданом и его группой. Они имели в Гамбурге огромный успех, и вскоре Кошмайдер опять отправился в Лондон за новыми группами. Случайно Алан Уильямс оказался в клубе «Ту айз» в тот же вечер, когда туда пришел Кошмайдер. На сей раз Алан Уильямс искал работу для группы «Джерри энд Синиерз». Ему удалось организовать им гастроли в Гамбурге, и именно они оказались первой ливерпульской бит-группой, выступившей в Гамбурге.

«Джерри энд Синиерз» имели успех, и Алана Уильямса попросили прислать еще какую-нибудь ливерпульскую группу. Он подумал о Рори Сторме, но он и его ребята были уже заняты. Поэтому Алан обратился к «Битлз». Однако гамбургский контракт предусматривал группу из пяти человек, а у «Битлз» не было ударника. С ними играл иногда один ударник, уже немолодой человек, глава семейства, но он отказался поехать в Гамбург, так как этому воспротивилась его жена. И тогда ребятам пришла в голову мысль пригласить Пита Беста. Тот согласился, и теперь все было в порядке.

В доме Харрисонов к известию о поездке в Гамбург отнеслись сравнительно спокойно все, не считая Джорджа. Мать не запрещала ему ехать. Она, конечно, беспокоилась, потому что сыну было всего семнадцать лет и он впервые отправлялся за границу, да еще в Гамбург. Уж о Гамбурге она много чего наслышалась. - Но он этого хотел. Да и потом, им собирались прилично заплатить. Я верила в них, знала, что они наверняка будут иметь успех. А ведь до этого я только и слышала: «Эй, ма, нас пригласили играть, одолжи на автобус, я тебе отдам, когда стану знаменитым».

Поэтому миссис Харрисон собрала Джорджа в дорогу: вырвала из него обещание писать и дала с собой коробку домашнего печенья.

Джордж, при всей своей отчаянной молодости, был все-таки рабочим человеком. Но Пол и Джон - во всяком случае, официально - еще учились. Поездка в Гамбург раз и навсегда ломала их будущую карьеру.

Джим Маккартни, естественно, был категорически против отъезда сына. Пол только что сдал экзамены - искусство и английский, и все с нетерпением ждали результатов, от которых зависело, получит ли он место педагогическом колледже.

Майкл Маккартни, брат Пола, рассказывает, что Пол по обыкновению схитрил.

– Помню, мы с Полом как-то возвращались домой из школы,, и он мимоходом, как бы невзначай, обронил, что их пригласили в Гамбург. Я сказал: «Ничего себе!» Но Пол заявил, что он еще не решил, соглашаться или нет. Я завопил: «Да это же фантастика! Ты станешь настоящей звездой! Обалдеть можно». Пол спросил: «А как ты думаешь, отец отпустит меня?» Это был беспрюирышный ход - я сразу стал его сторонником и тоже стал уговаривать отца отпустить его. Он настолько взволновал меня, что я отчаянно захотел, чтобы он поехал.

Пол признается, что на самом деле очень сильно беспокоился.

– Мы целыми неделями бездельничали, не знали, куда себя деть. Бесконечно тянулись летние каникулы, и мне совершенно не хотелось возвращаться ни в школу, ни в колледж. Но никакой альтернативы не было, пока вдруг не возник Гамбург. И это означало, что мне не нужно возвращаться в школу. Появилось действительно стоящее занятие.

Оставалось убедить Джима. Пол уговорил прийти к ним Алана Уильямса, чтобы тот помог смягчить отца.

– Алан Уильямс никак не мог запомнить наших имен. То и дело называл меня Джоном.

Тем не менее он сумел убедить Джима в том, что четкая организация

турне обеспечена, а посетить такой город, как Гамбург, почетно и приятно.

– Мне кажется, в глубине души отец был очень доволен, - замечает Майкл, - хотя вида не подавал.

– Я знал, что они себя уже хорошо показали, - говорит Джим. - Это был их первый ангажемент, и они решили ехать. Полу только-только исполнилось восемнадцать. Он отгулял уже четыре недели школьных каникул. Получил студенческий билет. Я, конечно, поговорил с ним, знаете, как полагается, что надо, мол, вести себя как следует, быть порядочным человеком, а что еще мне оставалось? Я боялся, что в Германии он будет недоедать. Но он писал в каждой открытке: «Еды полно. Сегодня вечером ели то-то и то-то». Так что я успокоился.

Джим не слишком расстраивался, когда сразу же после отъезда Пола объявили результаты экзаменов уровня «А». Пол провалился по искусству, но прошел по английскому. Впрочем, теперь уже и Джим понимал, что все это не имеет значения.

Мими, тетушка Джона, сопротивлялась яростно. К этому времени она добилась того, что Пол и Джордж не приходили к Джону, а Джон не играл дома на гитаре. Она прилагала все усилия, лишь бы помешать Джону играть. С тех пор как возникла группа «Кворримен», в течение почти пяти лет Джон был вынужден в основном обманывать Мими и скрывать от нее, где и чем он занимается. Она знала, что он пишет какие-то ерундовые песенки, но и не подозревала о том, насколько сильно его увлечение.

Ей казалось, что он всерьез занимается в Художественном колледже, пока в один прекрасный день кто-то не доложил ей, что часы, отведенные для ленча, он проводит за игрой с группой. Она решила проследить за ним, чтобы собственными глазами убедиться в том, как низко он пал.

Обеденное время, которое она решила подвергнуть ревизии, пришлось как раз на выступление группы в «Кэверн». Они не играли там постоянно, потому что в «Кэверн» все еще царила джазовая музыка, но получали в этот клуб приглашения все чаще, поскольку посетители постепенно заинтересовались ими.

– В жизни никогда не слышала об этом ужасном месте! - сказала Мими. - Я потратила кучу времени, чтобы найти это подземелье. Догадалась пойти за толпой, потом спустилась куда-то по ступенькам, там стоял этот тип Рэй Мак Фолл и брал деньги. «Мне нужен Джон Леннон!» - сказала я. В оглушительном шуме протиснулась сквозь толпу. Низкий потолок, духота страшная. Девицы набились как сельди в бочку, вытянув руки вдоль тела. Как я ни старалась, мне не удалось даже приблизиться к сцене, иначе я бы стащила с нее Джона. В конце концов я попала в какую-

то артистическую уборную. Уборная! Одно название! Просто какой-то грязный закуток. Когда Джон ввалился туда, облепленный этими вопящими девицами, то сначала не заметил меня, потому что без очков он ничего не видит. Потом надел очки и узнал. «Что ты тут делаешь, Мими?» - «Очень мило, Джон, очень мило», - сказала я.

В тот день Мими добилась своего, и после обеда Джон вернулся в колледж. Она наседала на него, требуя, чтобы он продолжал учиться, прекратил эту идиотскую игру, подумал, что пора обзаводиться настоящей профессией. Но у Мими ничего не вышло, Джон не бросил играть.

– Ты пойми, - говорил Джон, - я не рабочий и никогда не буду рабочим. Как бы ты ни старалась, я все равно не буду вкалывать каждый день с девяти до пяти.

И вот возник Гамбург. Отъезд за границу на долгое время, разлука с Мими. Мими вспоминает, как Джон пытался заставить ее волноваться и радоваться так же, как он. «Мими, это же здорово, ты только представь себе, - говорил он ей, - я буду получать 100 фунтов в неделю, это же просто потрясающе».

Разумеется, насчет денег он несколько преувеличивал, но для пяти подростков перспектива была действительно заманчивой. Джон, конечно, ухватился за поездку как за удобный повод, чтобы распрощаться с колледжем. Он проучился там три года. Лектор Артур Баллард несколько раз спасал его от исключения. Джон провалил все экзамены и покидал колледж, не получив никаких свидетельств или оценок, - правда, он надеялся, что если с Гамбургом ничего не выйдет, то, может быть, его возьмут обратно. Заодно он собирался порвать с Синтией.

– У группы развелось полным-полно собственных поклонников, - говорит Синтия. - Я знала, что вокруг них крутилось множество девиц, но нисколько не ревновала. Ведь я была старше, и это придавало мне уверенности. Гораздо больше волновал меня Гамбург. Это было далеко, и Джон уезжал надолго. Ливерпульских девчонок я знала как облупленных, а о том, что творится в Гамбурге, не имела никакого представления. В Гамбурге с ними могло произойти все что угодно.

11. Гамбург

Гамбург - это Ливерпуль Германии. Крупный северный порт. Его жители на вид грубоваты, жестковаты, но в глубине души мягкие, чувствительные люди. Климат сырой и ветреный. Они говорят в нос, и по произношению гамбуржца легко узнают в любой стране. Даже географическое положение Гамбурга и Ливерпуля совпадает - 53 градуса северной широты.

Гамбург, однако, вдвое больше Ливерпуля, и, как издавна повелось думать, в нем процветает порок. Во всей Европе известны высокая преступность и сексуальная распущенность жителей Гамбурга. На Рипербан, гамбургской Сохо, больше ночных клубов со стриптизом, чем на любой улице мира.

В 1960 году, когда туда приехали «Битлз», и среди них совсем юный, семнадцатилетний Джордж, ни разу не целовавший девушку, падение нравов в Гамбурге достигло своего апогея. Имея статус свободного порта, город стал центром передачи оружия во время алжирского кризиса. Гамбург наводнили зарубежные гангстеры и деньги. Когда в августе 1960 года появилась Берлинская стена, многие восточные германцы и нелегальные иммигранты предпочли Берлину Гамбург. Возникшая между разными бандами война сосредоточивалась вокруг клубов.

Набирая официантов, отдавали предпочтение не их профессиональным достоинствам, а физической силе, чтобы в случае чего они могли справиться с бандой из соседнего клуба.

Алан Уильямс сам привез в Гамбург пятерку «Битлз». Они ехали в мини-автобусе через Харвич и Хук в Голландии. Из всей поездки Джон запомнил только тот день, когда они сделали остановку в Голландии, чтобы прошвырнуться по тамошним магазинам.

«Битлз» были в восторге от концертных костюмов, которые везли с собой, - как-никак первые настоящие костюмы для сцены, ведь они все-таки не профессионалы! Костюмы состояли из узеньких бархатных пиджачков, которые по просьбе Пола сшил им сосед. Только эти курточки и добавились к их обычной одежде «тедди-боев»: узким черным джинсам, белым рубашкам, черным шнуркам галстуков и соответствующим туфлям. Ну и, конечно, прическа! Зачесанные назад набриолиненные волосы в стиле Тони Кертиса.

– Когда мы приехали, нас встретил Бруно Кошмайдер, - говорит Пит

Бест. - Он отвел нас в «Кайзеркеллер». «Вот где мы, наверное, будем выступать», - подумали мы. По дороге нам встретился Хави Кейси, парень из ливерпульской группы, которая уже побывала в Гамбурге. «Кайзеркеллер» нам понравился. «Когда же мы переедем туда?» - спросили мы у Кошмайдера. Но он сказал, что мы будем жить не там. Нас повели в другой клуб - «Индра», - гораздо меньше. Было половина двенадцатого ночи, и в клубе сидели только два человека.

Нам показали артистическую уборную, которая оказалась мужским туалетом. Мы думали, что будем жить в гостинице, но вместо этого нас отвели в кинотеатр «Бэмби» и показали, где спать. - Какие-то трущобы Калькутты. По молодости и глупости мы не стали жаловаться. Свалились и заснули мертвым сном.

Алан Уильямс, доставивший «Битлз» в Гамбург и задержавшийся там на несколько недель, рассказывает, что некоторые участники группы «Синиерз» выражали недовольство появлением «Битлз». «Мне сказали, что такой серой и беспомощной группой я могу испортить все дело».

«Индра», где на следующий вечер начали выступать «Битлз», означает на немецком «Индия». Поперек улицы Гроссе Фрайхайт, где располагался клуб, в виде его символа был вывешен громадный слон. Но внутри это было маленькое занюханное помещение. Никому из «Битлз» не понравился клуб, но самым ужасным испытанием оказались ночевки в кинотеатре «Бэмби».

— Мы ложились поздно, - вспоминает Джон. - А ни свет ни заря нас будили звуки начавшегося утреннего сеанса. Мы попробовали было пройти в женский туалет, потому что там было почище, но толстые пожилые немки вытолкали нас оттуда.

Сначала нас принимали довольно прохладно. Потом менеджер велел, чтобы мы выступали на манер «мак шоу» [Испорченное немецкое «делание шоу» - из «make» (англ.) и «machen» (нем.)], как другая группа. Мы попробовали. Сначала, оказавшись в гуще клубных событий, конечно, трусили, но ливерпульская закваска сделала свое дело, и легенду о самоуверенности ливерпульцев мы оправдали. Во время первого выступления в стиле «мак шоу» я начал с того, что принялся скакать по сцене наподобие Джина Винсента. Каждый номер мы растягивали, минут на двадцать, чтобы получалось подольше. С тех пор мы всегда выступали в этом стиле. Однажды даже попытались сделать немецкий номер, лишь бы потрафить публике. Пол выучил «Wooden Heart» - очень популярную песню. Мы играли все лучше и чувствовали себя все увереннее. Это ощущение крепло, потому что со сцены нам случалось не уходить ночи

напролет. Выступления перед иностранной публикой пошли нам на пользу. Мы должны были выкладываться изо всех сил, должны были просто вылезти из кожи, чтобы нас наконец приняли. В Ливерпуле мы играли подряд не больше часа, исполняли наши лучшие номера, одни и те же, раз за разом. В Гамбурге же нам приходилось выступать по восемь часов подряд, так что поневоле надо было находить все новые способы играть. Мы наяривали что есть силы, громко: бах, бах, бах - немцы это обожают. - Когда пошли слухи, что мы устраиваем настоящее шоу, - говорит Пит, - в клуб стала набиваться масса народу. Мы играли семь вечеров в неделю. Сначала без перерывов до половины двенадцатого, до закрытия клуба, но когда повалил народ, то и до двух часов ночи. Мы видели много диких драк, видели, как люди раскачиваются на люстрах, спрыгивают со столов, ну прямо как в кино.

Во время выступления «Битлз» топали по сцене ногами, тем самым усиливая шум и подчеркивая бит. Пит Бест поначалу не слишком-то приспособился к ним, поэтому им самим приходилось очень четко отбивать ритм. Но с каждым днем Пит играл все лучше, впрочем, как и все они.

«Делание шоу», или «мак шоу», как говорят немцы, - вот что самое главное. Хотя «Битлз» были рок-группой, но в Ливерпуле они вели себя на сцене довольно сдержанно. Теперь их всячески поощряли устраивать шоу, что есть мочи распоясываться на сцене, и для Джона это, конечно, не представляло никаких затруднений. Он устраивал шоу постоянно, то подпрыгивая, то катаясь по сцене в полном экстазе, к вящему удовольствию местных рокеров, которые вскоре стали их преданными болельщиками. В Гамбурге до сих пор рассказывают о Джоне разные небылицы, с годами разукрашивая их все новыми и новыми подробностями.

- Это была тяжелая работа, - вспоминает Пит. - Но мы веселились вовсю. Чего только мы не вытворяли. У Джона была пара кальсон, ведь приближалась зима и становилось довольно холодно. Джордж поспорил с Джоном на девять марок, что Джону слабо пройтись по улице в одних кальсонах. Но Джон нацепил кальсоны, надел темные очки и в таком виде в течение пяти минут читал у витрины «Дейли экспресс». Мы наблюдали за ним, умирая от смеха.

Но спустя два месяца клуб «Индра» пришлось закрыть. Соседи жаловались на шум. Тогда «Битлз» перебрались в «Кайзеркеллер» Сцена там была очень старой, большей частью она представляла собой доски, положенные на ящики из-под апельсинов. «Битлз» решили проломить эту сцену насквозь, чтобы построили новую. Кончилось тем, что они действительно проломили ее своими прыжками, скачками и другими

кульбитами, но другой сцены не получили. Теперь они выступали прямо в зале, на голом полу.

– Я много пил, - признается Пит Бест. - Тут уж ничего не поделаешь. Нам все время присылали выпивку, и мы, конечно, напивались. У нас было полно девушек. До чего же это оказалось просто - я даже не представлял себе. Девушки и парни - чего проще. Все пошло по возрастающей. Тихие, забитые музыканты превращались в команду экстра-класса.

В «Кайзеркеллер» им пришлось работать напряженнее, чем когда бы то ни было. Группа, которую они сменили, возвратилась в Ливерпуль, а на ее место оттуда прибыла другая: «Рори Сторм энд Харикенз». Их наняли на шесть часов ежевечерне. Так как теперь в одном клубе оказались две группы, они играли попеременно. Но перерывы кончались слишком быстро, чтобы можно было успеть переключиться или пойти проветриться. Практически выходило так, что каждый вечер они играли по двенадцать часов.

– От пения у нас разболелись связки, - говорит Джон. - Немцы сказали нам, что, если глотать пилюли для похудения, меньше хочется спать.

Эти пилюли были безвредными, но потом ребята перешли к другим - «Блэк бомберз» и «Перпл хартс» [Название стимулирующих, возбуждающих таблеток, обладающих наркотическим воздействием]. К счастью, они не злоупотребляли ими и прием этих пилюль не вошел в привычку. Тем не менее именно так пробудился их интерес к наркотикам, пусть и умеренный. Все они попробовали, что это такое, за исключением Пита Беста, который не желал иметь к наркотикам никакого отношения. Все же ни пилюли, ни наркотики не взяли над ними верх; ребята не теряли над собой контроль, поскольку принимали их, действительно чтобы не засыпать. Они хотели бодрствовать - ведь им безумно все нравилось: они играли то, что им хотелось играть, выступали перед совершенно дикими гамбургскими подростками, а главное - играли, сколько душе угодно. Долгие часы работы доставляли им удовольствие.

Условия, в которых они жили, редко изобиловали удобствами. Не окажись они в такой дали от дома, скорее всего, давно уж собрали бы свои манатки и возвратились в Ливерпуль. Но ребята были за границей, в Гамбурге, и это исключалось. Все деньги они тратили в тот миг, когда получали. Удивительно, что не пострадало их здоровье. Они нерегулярно ели и почти не спали. «Когда столько играешь, поешь и не пропускаешь ни одной птички, тут уж не до сна», - признается Джон.

Джордж и Пол говорили по-немецки едва-едва. Пит знал немецкий лучше всех, потому что сдал этот язык по уровню «О». Джон и Стю не

знали и одного немецкого слова и не проявляли к этому языку ни малейшего интереса.

– Мы вопили на немцев по-английски, - говорит Джон, - обзывали их нацистами и посылали куда подальше.

Публика выла от восторга. «Битлз» совершенно покорили слушателей, превратили их в своих преданных поклонников, и пятерка ребят постепенно стала меньше бояться клуба, официантов и драк. Они видели, как официанты обчищают карманы подвыпивших посетителей, а поскольку денег гастролерам не хватало, однажды вечером Джон решил последовать их примеру.

– Наш выбор пал на английского моряка. Я думал, поболтаю с ним по-английски о том о сем, пообещаю, что мы приведем девочек. Мы стали поить его, он пил, пил и все время спрашивал, когда будут девочки. Мы же продолжали болтать, пытаюсь выведать, где он держит деньги. В конце концов мы дали ему как следует по башке и отпустили с миром. Ничего ему не сделали, не хотели обижать его.

«Битлз» непрерывно ругались между собой, но до серьезной ссоры дело не доходило. В основном доставалось новичкам - Стю и Питу. Стю обижался, а Пит не обращал на насکوки никакого внимания. Пит и помнить не помнит ни ссор, ни критики, ни насмешек, хотя другие члены группы этого не забыли.

Но Стю и Пит пользовались большой популярностью у публики, хотя, конечно, и не такой, как Пол, который всегда и всюду был самым большим ее любимцем. Стю появлялся на сцене в темных очках и вид имел самый вызывающий. Пит никогда не улыбался, не скакал, как Джон, - он хранил на лице мрачное, даже угрожающее выражение. Эта пара работала под Джеймса Дина, угрюмого и великолепного. А остальные, в особенности Джон, просто-таки выворачивались наизнанку.

– На днях Пол уверял меня, - рассказывает Джон, - что мы с ним часто спорили, кто же из нас все-таки лидер. Я этого не помню. В какой-то момент это перестало иметь значение. Я уже не стремился стать лидером во что бы то ни стало. Если и спорил, то из упрямства. Мы ссорились по пустякам, в основном потому, что чертовски уставали. Ведь мы были, по существу, детьми. Однажды Джордж прямо на сцене запустил в меня какой-то едой. Мы так долго торчали на сцене, что зачастую даже ели там. Ссора с Джорджем была глупейшей. Я пригрозил набить ему морду, не помню уж за что. Но тем дело и кончилось. Я его не тронул.

В основном же они очень дружили и друг с другом, и с Рори Стормом и его группой, в очередь с которой они выступали в «Кайзеркеллер».

С ребятами Рори «Битлз» познакомились очень близко. Тогда эта группа была гораздо известнее в Ливерпуле, чем они. «Рори энд Харикенз» получили предложение поехать в Гамбург раньше, чем «Битлз». «Битлз» позвали только потому, что Рори, имевший другие ангажементы, отказался от Гамбурга. Кроме команды Рори в Ливерпуле были и другие, более сильные, чем «Битлз», группы, например «Кас энд Казановас». Отправляясь в Гамбург, «Битлз» занимали, вероятно, третье или четвертое место в иерархии ливерпульских групп.

– Мы все знали Рори, - говорит Джордж, - он был крупной ливерпульской звездой - очень яркий, на сцене просто необузданный. - Джордж много раз слушал эту группу, потому что еще до того, как он присоединился к «Битлз», подумывал о группе Рори. - Я познакомился с Рори, потому что однажды пытался побаловаться с его сестренкой.

Ударник из группы Рори Сторма все свободное время сидел и наблюдал за «Битлз», требуя, чтобы они исполнили ту или иную песню.

– Мне не очень нравился этот ударник, - говорит Джордж. - Противный тип, с седой прядью.

Но этот «противный тип» превратился в самого лучшего из них всех, в Ринго.

Пит рассказывает, что запомнил Ринго с того времени, когда тот играл в группе Рори Сторма в «Касба». А вот остальные его не заметили. Это было задолго до того, как «Битлз» познакомились с ним как следует, но именно тогда в их жизни впервые возник Ринго Старр.

Кроме Ринго и других членов группы Рори Сторма, друзей в то время они не нашли. Ребята редко выходили из клуба и совершенно не стремились завести знакомство с немцами. «Какие-то придурки», - говорит о них Джон. Еще меньше их интересовали заходившие в клуб англичане. - Когда мы чуяли присутствие в клубе каких-нибудь представителей «британского дипломатического корпуса», мы уже наверняка знали, что, прежде чем кончится вечер, завяжется драка. Глотнув спиртного, они обязательно начинали вопить: «Вперед, Ливерпуль!» или «Вперед, Помпей!». Словом, банды британских ублюдков обязательно доводили дело до драки. Вечер кончался тем, что, подравшись с официантами из-за счета иди просто так, они валялись кругом полумертвые. Причем официанты пускали в ход и финки, и дубинки. Обычный финал в таких случаях. В жизни не встречал больше таких бандюг.

12. Астрид и Клаус

Нет ничего удивительного в том, что в Гамбурге «Битлз» не обрели немецких друзей. Большинство уважаемых гамбургцев редко заглядывают в район церкви святого Павла, особенно на Рипербан.

Но Клаус Фурман и Астрид Киршер там бывали. Совершенно случайно они наткнулись на «Битлз» и стали их первыми поклонниками-интеллектуалами. Они обнаружили у «Битлз» достоинства, которых до них никто еще не замечал.

Клаус родился в Берлине, в семье знаменитого врача. Он приехал в Гамбург в 1956 году и поступил в Художественную школу, специализируясь в рекламе. Кроме того, он занимался фотографией, благодаря чему познакомился с Астрид, ставшей его подругой.

Астрид происходила из добропорядочной гамбургской семьи среднего достатка. Она изучала фотографию. В 1960 году они оба оставили Художественную школу. Клаус делал рекламные плакаты для гамбургских журналов - в городе их издавалось великое множество. Астрид работала помощницей фотографа.

Они встречались уже два года, и Клаус переехал в квартиру на верхнем этаже того дома, где жила Астрид. Однажды вечером они слегка повздорили. Клаус отправился в кино один.

– Я решил пройтись. На Гроссе Фрайхайт я услышал, как из какого-то подвала несется дикий рев. Я зашел посмотреть, что там делается. В таких клубах я не был еще ни разу в жизни. Страшная картина. Жесткие ребята, настоящие рокеры, в коже с головы до ног. Но больше всего меня ошеломила группа, выступавшая на сцене с оглушительным шумом. Я тихонечко примостился в уголке и стал слушать.

Клубом оказался «Кайзеркеллер», но на сцене выступали не «Битлз», а другая группа, Рори Сторма, с Ринго на ударных. Зато соседями Клауса, не подозревавшего об этом, оказались «Битлз».

– Я смотрел на них во все глаза, уж очень забавно они выглядели. Особенно парень с высокой прической, в остроносых туфлях и темных очках, - позже я узнал, что это Стю. Солнечные очки были не настоящие, просто поверх обычных линз он прикрепил темные стекла. Потом они пошли на сцену, и я понял: это вторая группа. Они исполнили «Sweet Little Sixteen», пел Джон. Эти ошеломили меня еще сильнее, чем Рори Сторм. Я не мог отвести от них глаз. Мне захотелось подойти к ним, поговорить, но я

не знал, как это сделать. С одной стороны, я боялся всех этих рокеров, с другой - мне было неловко, я чувствовал себя не в своей тарелке. Но впечатление было потрясающее, - как это у них получалось? Играть вместе настолько слаженно, мощно и необычно! При этом они прыгали и скакали по всей сцене как угорелые. По-моему, это продолжалось часов восемь подряд. Клаус вернулся домой рано утром и рассказал Астрид, где он был. Астрид выразила недоумение - она-то провела время в клубе святого Павла. Клаус пытался убедить ее в том, что нашел блестящую группу. Но Астрид это было неинтересно. Она отказалась пойти с ним послушать «Битлз» и на следующий день. Клаус снова отправился в «Кайзеркеллер» один.

На этот раз он придумал, как познакомиться с ними. Клаус захватил особую конверт, который он сделал для популярной пластинки «Walk Don't Run». Как художник-дизайнер, он оформил уже два или три таких конверта, хотя в основном работал для журналов. Клаус надеялся, что «Битлз» захотят взглянуть на его работу.

Он все рвался подобраться к ним поближе. Наконец, когда группа в первый раз присела отдохнуть, Клаус подошел к Джону, решив, что он лидер группы. На ломаном английском языке, пользуясь скудным запасом слов, почерпнутым в школе, Клаус обратился к Джону и показал ему пластинку.

Джон отнесся к попыткам Клауса с полным равнодушием. «Помню, какой-то тип совал мне в руки обложку пластинки. Я так и не понял, чего он хотел», - вспоминает Джон. Он пробормотал что-то невнятное - у них, мол, художник Стю, пусть лучше ему покажет. Клаус стал проталкиваться к Стю, но в толпе не смог к нему пробиться. Ему пришлось вернуться на свое место, испуганному и растерянному. Клаус снова слушал музыку вею ночь напролет.

На следующий вечер, уже третий по счету, Клаусу наконец удалось победить предубеждение Астрид и уговорить ее пойти вместе с ним. Они направились в клуб втроем, захватив с собой друга, Юргена Фолмера.

– Я просто испугалась, когда вошла туда, - рассказывает Астрид. - Но стоило мне увидеть эту пятерку, как я забыла обо всем. Не могу объяснить, что я почувствовала. Я испытала потрясение. Не могла отвести от них глаз. Я всегда обожала «тедди». Мне нравилось, как они выглядят, - на фотографиях, в кино. И вдруг передо мной оказались целых три «тедди» с высоко зачесанными волосами, длинными баками. Я как села раскрыв рот, так и не двинулась с места. Атмосфера вокруг была довольно-таки устрашающая. Типичная рипербановская толпа. Сломанные носы, «тедди» - все как полагается. Мы, немцы, называем их

«Schlagers»[Существительное от немецкого глагола «schlagen» - «бить»]. Опасные ребята. Когда Клаус и Астрид начали бредить «Битлз», их друзья студенты повалили слушать группу. Они завели себе постоянные столики и заняли часть подвала. Теперь погоду в «Кайзеркеллер» стали делать студенты - воспитанные, одетые менее крикливо, хотя и очень модно.

Рокеры по-прежнему оставались в клубе, но уже не играли там первую скрипку. «Отныне это место стало нашим, - говорит Клаус. - Между нами и рокерами не возникло соперничества. Я даже подружился с несколькими, хотя раньше не знался с ними. Забавными были тамошние девчонки-рокеры, никогда таких не видал. Когда они танцевали, то были похожи на маленькие грибы. На них были короткие широкие юбки, надетые поверх пышных нижних.

Теперь «Битлз» почти все свободное время проводили в компании Клауса, Астрид и их друзей за разговорами и выпивкой. Музыканты не говорили по-немецки, но некоторые немцы кое-как изъяснялись по-английски.

– Неожиданно мы оказались среди художников, - вспоминает Джордж. - В основном это были экзистенциалисты.

– Грандиозные ребята, - подтверждает Пол. - Ничего общего с обычными немцами. Они все помешались на Стю, - он изображал им своего Джеймса Дина.

– Я прозвал их «экзистами», - рассказывает Джон. - Первые немцы, с которыми мне вообще захотелось разговаривать.

– Я совершенно не понимал произношения Джона, - говорит Клаус. - Но Джордж обычно говорил с нами очень медленно, и мы все понимали. До чего же смешно он выглядел! С торчащими ушами, с волосами, коротко подстриженными на затылке и немисливо высоко начесанными вперед.

Целую неделю Астрид ходила в клуб каждый вечер и наконец, набравшись храбрости, спросила, можно ли их поснимать.

– Нам было так хорошо с ними, что я даже почувствовала себя более защищенной. Я поняла, что все рипербановские рокеры любят их, обожают. Готовы пойти за них в огонь и в воду. - Астрид наскребла несколько слов и выпалила свое желание сфотографировать их. - Они, в общем-то, не возражали, хотя Джон позволил себе насмешливые замечания. При случае он с удовольствием крыл фрицев на чем свет стоит, никого не стесняясь. Меня он не трогал. Но внутри он, конечно, был не таким, каким хотел казаться.

Впрочем, реакция Джона не слишком уж ее интересовала. Ее интересовал Стю.

– Я влюбилась в него с первого взгляда. Да-да. Не какие-нибудь романтические бредни, - я влюбилась по-настоящему.

Однажды они все договорились встретиться на следующий день на Рипербане. Астрид повела их на расположенную неподалеку ярмарочную площадь и сфотографировала всех, а потом пригласила к себе домой на чашку чая. Пит Бест не пошел. - Вовсе не оттого, что я не хотел пообщаться, - мне просто надо было купить кожу для барабанов, старую я накануне пробил. Но четверо остальных приняли приглашение. Астрид угостила их чаем, и ребята пришли от этого в полный восторг. Они впервые оказались в немецком доме.

В комнате, где Астрид их угощала, было очень темно и таинственно. Когда глаза привыкали к полумраку, они могли различить только два цвета, - черный и белый. Все - стены, мебель, ковры - было или черное, или белое. У стен в кадках росли деревья, они изгибались под потолком и спускались вниз по противоположной стене. Окно было занавешено, горели свечи. Одна стена задрапирована черной материей. Кто-то из ребят отодвинул ткань, чтобы посмотреть, что же за ней скрывается, и увидел себя в зеркале. «Период увлечения Жаном Кокто», - пояснила Астрид.

Чайный стол оказался более прозаическим - сэндвичи с ветчиной.

– Вот это да, - сказал Джордж. - Бутеры с ветчиной. Понятия не имел, что немцы едят бутеры с ветчиной. - Хорошее доказательство глубокого знания Джорджем местных обычаев, сложившегося во время двенадцатичасовых бдений в «Кайзеркеллер». После чая Астрид отвезла их на своей машине в клуб; приближалось время ночного выступления.

Теперь Астрид не расставалась с фотоаппаратом и все время снимала их. Так появились первые профессиональные снимки «Битлз», лучше которых никто не мог сделать долгие и долгие годы. Умело используя свет, Астрид сумела снять их в полутенях. Трюк с полузатененным лицом, хотя и не был совершенно новым, заимствовали другие фотографы и впоследствии часто пользовались этим методом съемки. Астрид первой напала на бесценную жилу - фотогеничность «Битлз». Она водила ребят по всему Гамбургу, выстраивала вдоль доков, ставила на фоне заброшенной железной дороги и снимала, снимала, - лишь бы получились интересные фотографии. Конечно, хорошее качество печати и бумаги еще сильнее выявило бы, насколько великолепны работы Астрид, показало бы их во всей красе, но и на дешевенькой бумаге фотографии полны драматизма.

– Потрясающие снимки, - подтверждает Пол. - Никто не умел снимать нас так, как Астрид.

Во время этих первых съемок Астрид пыталась заговорить со Стю,

сказать ему, как ей хотелось бы снять его одного, сделать его портрет. Но он никак не мог понять, что она говорит. Он не мог объясняться по-немецки. Она - по-английски. Кончилось тем, что Астрид заставила Клауса учить ее английскому.

– Он чуть не свихнулся, пытаясь научить меня хоть чему-нибудь. Я была бездарной ученицей.

После того первого чаепития «Битлз» стали приходить к Астрид выпить чашку чая и перекусить каждый вечер. Хозяйка дома и Стю постепенно все больше сближались. Вскоре Стю стал приходить к ней уже один в другое время: они сидели вдвоем на ее черной кровати и разговаривали друг с другом с помощью немецко-английского разговорника.

– После Стю симпатию у меня вызывали Джон и Джордж. А уж потом Пит Бест. Он казался очень милым, но чересчур уж стеснительным. Пит бывал забавным, но настоящего контакта у нас так и не возникло. Его уже тогда как-то не замечали, он был сам по себе. Трудно шел на сближение и Пол. Приветливый, дружелюбный, он далеко превосходил всех популярностью и количеством поклонников. Пол вел все переговоры, объявлял номера и раздавал автографы.

Большинство поклонников считали его лидером. На самом деле лидером, конечно, был Джон, сильнейший из них, - я имею в виду, конечно, не физическую силу, а силу его индивидуальности. Стю же был самым умным. Мне кажется, они все так считали, во всяком случае Джон. Что касается Джорджа, то в разговорах о «Битлз» мы никогда не обсуждали, насколько он умен. Мы знали, что он неглуп, но пока еще Джордж оставался попросту милым ребенком. Юный, очаровательный и такой непосредственный! Что стоит, например, одна эта история с «бутерами» с ветчиной. У Джорджа было много поклонников. Юрген, например, носил плакатик, который гласил: «Я люблю Джорджа». Именно он положил начало этому обычаю. С Джорджем у меня сложились совершенно замечательные отношения. Он никогда еще не встречал таких девушек, как я, и открыто и необыкновенно мило показывал это. В конце концов, ему было всего семнадцать. Умная девушка, с собственной машиной, работает фотографом, ходит в кожаном пиджаке. Совершенно естественно, что я заинтересовала его. Ничего между нами, конечно, не было, никакого флирта. Я была на пять лет старше его, что позволяло мне быть с ним совершенно откровенной.

Всего два месяца спустя после первой встречи в ноябре 1960 года Астрид и Стю обручились. В складчину они купили друг другу

обручальные кольца, как полагалось по немецким обычаям. А потом на машине Астрид укатили на Эльбу.

– Как только мы научились объясняться друг с другом, мы решили пожениться.

Стю было всего девятнадцать, немногим больше, чем Джорджу, но он значительно превосходил его в общем развитии, зрелости мышления. Стю страстно увлекался живописью и никогда не остывал к ней в отличие от Джона, который все забросил; но так же страстно Стю увлекался и группой. Однажды вечером он прямо на сцене подрался с Полом. Хотя он был меньше и слабее Пола, но гнев придал ему силы. «В гневе он терял над собой контроль, впадал в истерику», - говорит Астрид. Драка произошла из-за Астрид; Пол как-то не так выразился о ней, но подробностей никто не помнит.

Напряженные отношения между Полом и Стю, мелочная ревность, ссоры были легко объяснимы. Оба они боролись за внимание Джона. В течение двух лет, пока не появился Стю, этим вниманием владел Пол. Совершенно очевидно, что Стю был необычайно талантливым, зрелым художником с широким кругозором. Даже младший брат Пола, Майкл Маккартни, еще по Ливерпулю помнит, как Пол ревновал Джона к Стю.

Труднее объяснить отношения между пятеркой «тедди» и группой гамбургских студентов. Студенты чтили моду и в одежде, и в образе мыслей. Клаус и Юрген начесывали волосы на лоб, «по-французски», как это тогда называлось. Их привлекала естественная, грубоватая, не укладывающаяся в рамки энергия, свойственная всем «Битлз».

«Экзисты» придумали для каждого из «Битлз» прозвища: Джон - Баки, Джордж - Красавчик, Пол - Малыш.

Теперь «Битлз» имели две группы преданных обожателей: рокеров и «экзистов». Первоначальный шестинедельный контракт несколько раз продлевали по требованию слушателей. «Битлз» провели в Гамбурге уже пять месяцев, приближалось Рождество. Ребята планировали попасть в еще более крупный и представительный клуб «Топ Тен». После успеха в «Кайзеркеллер» они, естественно, захотели попробовать свои силы и там.

«Битлз» предложили Петеру Экхорну, управляющему «Топ Тен», прослушать их. «Они мне понравились, и я предложил им контракт». И тут Джорджу сообщили, что он должен немедленно покинуть пределы страны.

– Каждый вечер во всех клубах объявляли, что все, кому не исполнилось восемнадцать лет, должны покинуть помещение. Наконец кто-то сообразил, что мне еще только семнадцать и у меня нет разрешения ни работать, ни жить за границей, - объясняет Джордж. - Я должен был уехать.

Уехать домой один. Это оказалось ужасно тяжело.

Астрид и Стю проводили его на вокзал, купили ему билет и усадили в поезд.

– Маленький Джордж стоял там потерянный и несчастный. Я дала ему в дорогу кулек сладостей и яблоки. Он обнял меня и Стю, на этот раз позволив своим чувствам вылиться наружу, чего «Битлз» никогда не допускали.

Четверка «Битлз» перешла в клуб «Топ Тен», но после первого же вечера на них свалились новые неприятности.

– Мы с Полом прибирались в «Бэмби», а Джон и Стю уже перевезли свои вещи в «Топ Тен», - вспоминает Пит Бест. - Мы зажгли свет, чтобы проверить, все ли сложено, как вдруг что-то загорелось - начался пожар. Огонь был совсем небольшой, но полиция больше трех часов продержала нас в тюрьме, а затем вынесла решение депортировать нас из страны. Оставались лишь Джон и Стю.

– Джон явился ко мне примерно через день, - рассказывает Астрид, - и сказал, что тоже уезжает домой, потому что у него отняли разрешение на работу. Ему пришлось продать кое-что из вещей, чтобы заплатить за билет.

– Кошмар, - вспоминает Джон. - Уезжать вот так, одному, - это ужас. На спине я тащил усилитель и до смерти боялся, что у меня его сопрут. Я ведь не заплатил за багаж. Даже не надеялся добраться до Англии.

В конце концов Стю тоже объявили, что он должен покинуть страну. Истинные причины их вынужденного отъезда, разумеется не считая Джорджа, которому не было восемнадцати, так и не выяснились. Возможно, они коренились во внутриклубной борьбе.

Единственным, кто достойно вернулся домой, оказался Стю. Он прилетел в Ливерпуль на самолете. У Стю болело горло. Астрид не хотелось, чтобы он окончательно разболелся, путешествуя сначала по суше, а потом по морю, и поэтому она купила ему билет на самолет.

Остальные добрались до Ливерпуля, как говорится, под собственными парусами. Блистательный опыт начала карьеры обернулся унижением и нищетой.

Они возвращались домой в одиночку или по двое, обносившиеся, без денег, без надежд. Некоторое время не встречались друг с другом. Они задавались вопросом, суждено ли когда-нибудь возродиться группе под названием «Битлз».

13. Ливерпуль - «Литерлэнд» и «Кэверн»

Джон вернулся из Гамбурга посреди ночи. Чтобы разбудить Мими, ему пришлось кидать камушки в окно ее спальни. - На нем были эти страшные ковбойские сапоги до колен, разрисованные золотом и серебром. Он бросил мне на ходу: «Заплати за такси, Мими». А я успела крикнуть ему в спину: «Где же твои 100 фунтов в неделю?»

- Ты все та же, Мими, - донеслось сверху, - ворчишь по поводу денег, хотя прекрасно понимаешь, как я устал. - А ты выкинь эти сапоги. Я тебя в таких не выпущу из дома. Джон лег спать. Он не выходил целую неделю, но не из-за сапог, а потому, что ничего другого ему не оставалось. Син, конечно, очень обрадовалась, что он приехал. Он писал ей все время. «Самые сексуальные письма со времен Генри Миллера, - говорит Джон. - Некоторые по сорок страниц. Надеюсь, ты их не выбросила?»

Джордж, добравшийся домой первым, представления не имел, что остальные последовали за ним.

- Мне было стыдно за все эти разговоры перед отъездом в Гамбург. Как-то вечером отец подбросил меня в город на машине, и мне пришлось одолжить у него 10 шиллингов.

Пол тоже бесцельно слонялся по дому, и вскоре ему пришлось объясняться с отцом. Джим с самого начала не хотел, чтобы сын бросил школу и ехал в Гамбург. Теперь, сказал он, хватит, придется Полу устраиваться на работу.

- Черт найдет дело для ленивых рук, - ворчал Джим, обнаруживая в этой тираде свежесть и глубину, достаточные для того, чтобы повторять ее целый день. Пол никогда не был бунтарем, всегда стремился всем понравиться - и в конце концов сдался.

- Я пошел на биржу труда искать работу. Они взяли меня запасным на грузовик. На почте я уже поработал на прошлое Рождество, поэтому теперь решил испробовать что-нибудь новенькое. Фирма называлась «Срочная доставка» и занималась рассылкой почтовых отправок в доках. Я садился на первые утренний автобус, отправлявшийся туда, покупал газету «Дейли миррор» и изо всех сил старался стать настоящим рабочим парнем, хотя на самом деле оставался «институтским пудингом». Я ездил в кузове грузовика и помогал разносить посылки. Сил нет, как это все иногда надоедало. По дороге в Честер я то и дело засыпал. Проработав у них около двух недель, я почувствовал себя спокойно - у меня была работа и

несколько фунтов в кармане. Но потом меня уволили. Прошло Рождество, и я снова оказался на мели. Отец опять взялся за свое, он твердил, что группа - это, конечно, очень мило, но на жизнь я так не заработаю. Я готов был уже согласиться с ним, если бы не поклонники, которые нет-нет да и напоминали, что мы все же способные ребята, что мы нравились, что из нас должен выйти толк, и настроение поднималось. Я нашел другую работу, намотчиком в фирме «Массии Когтинз». Для этого я должен был нацепить на себя защитную робу из ослиной кожи, встать над лебедкой и наматывать полторы электрических катушки в день, в то время как другие умудрялись сделать по восемь, а то и по четырнадцать. Но уж зато перерывы были чистым блаженством, нам давали хлеб с джемом, а потом мы с ребятами гоняли в футбол во дворе, сильно смахивавшем на тюремный. Иногда я вспоминаю, как это все тогда происходило - как поначалу я работал дворником, подметал мусор и считал, что так и надо. Но как-то раз парень из бюро обнаружил, что у меня есть документы об образовании, и это возбудило его подозрения - он решил, что наверняка у меня какие-то нелады с полицией. Потом он убедился, что со мной все в порядке, успокоился и предложил работу получше - наматывать катушки. Пообещал, что если я буду стараться, то не пожалею. Вот я и стал мечтать, как постепенно, работая все лучше и лучше, продвигаюсь вверх и становлюсь управляющим. Надо только вкалывать. А пока за то, что я наматывал катушки и варил чай, мне платили 7 фунтов в неделю. Наша группа снова начала выступать, но мне как-то не очень хотелось тратить на это полный рабочий день. Я продолжал наматывать катушки и смывался к ним только на обеденный перерыв или когда болел. Но в конце концов катушки я бросил. Проработал там всего два месяца. Мне почти понравилось быть рабочим. С этим малым, его звали Алберт, мы несколько раз душевно поговорили.

– Насчет Пола я скажу вам вот что, - говорит его отец Джим. - Он всегда был старательным парнем. Но ни одна из этих работ не понравилась ему. Он просто хотел меня ублажить.

«Битлз» вернулись из Гамбурга в начале декабря 1960 года. Они проскучали друг без друга всего три недели. Повези им хоть чуть-чуть, и они могли бы начать выступления в клубе тотчас по приезде.

Это, конечно, несколько скрасило бы печальный финал их вояжа. Пока они отсутствовали. Алан Уильямс решил построить большой бит-клуб на манер гамбургских. Теперь он отправлял к немцам столько групп, в том числе «Джерри энд Пейсмейкерз», что поневоле задумался над тем, куда же их девать по возвращении в Ливерпуль. Как раз перед тем, как прибыли

домой «Битлз», он открыл в Ливерпуле новый клуб «гамбургского типа» под названием «Топ Тен» и в качестве администратора взял туда Боба Вулера. Но через шесть дней после открытия клуб сгорел. Идеальная эстрада для «Битлз» исчезла раньше, чем они на нее ступили. Первое выступление «Битлз» после Гамбурга состоялось в клубе «Касба», принадлежавшем матери Пита Беста. Их встретили там с распростертыми объятиями, причем особенно отличился друг Пита, Нил Аспинал.

Нил дружил с Питом уже два года. Он фактически поселился в «Касба», уйдя из дома и снимая комнату у миссис Бест. Нил был одноклассником Пола, а с Питом учился вместе не в школе, а в «Институте». Он прекрасно знал и Джорджа. Их обоих чихвостили за курение. Сумасшествие, связанное со скиффлом, не коснулось его, хотя он симпатизировал местным группам. Вместе со всем своим классом Нил явился поболеть за «Мундогз» в театр «Эмпайр» во время прослушивания, которое устроил Кэррол Левис.

Нил оставил «Институт», сдав восемь экзаменов ступени «О», и теперь учился на бухгалтера. Он получал 2 фунта 10 шиллингов в неделю, бесплатные талоны на завтрак - словом, карьера его была, что называется, обеспечена. Вечера свои поначалу он посвящал занятиям на заочных курсах.

– Я терпеть не мог получать выволочки от какого-то типа, который находился за тридевять земель от меня. Это все равно что отправлять что-нибудь на луну только для того, чтобы на тебя же оттуда и нагадили.

Когда Нил начал вертеться в «Касба», его рвение к учебе на заочных курсах постепенно стало охладевать, а когда он переехал на житье в дом миссис Бест, остыло окончательно.

– Пит писал мне из Гамбурга все время, - рассказывает Нил. - Сообщал, что все идет здорово и что их просят остаться еще на месяц, потом снова на месяц и еще раз на месяц.

«Джерри энд Синиерз» вернулись из Гамбурга первыми. Пит порекомендовал их своей матери, и они выступили в «Касба». Группа очень выросла. Но, предупреждали они, подождите, вы еще не слышали теперешних «Битлз».

– Когда я узнал, что «Битлз» скоро будут дома, - вспоминает Нил, - я нарисовал кучу плакатов: «К нам возвратились легендарные «Битлз»!» Я расклеил их повсюду - на стенах, на дверях. Я никогда не слышал, как играет с ними Пит. Не представлял, какими они стали в Гамбурге.

Но, несмотря на энтузиазм Нила, выступление «Битлз» в «Касба» сразу организовать не удалось. Ни один из них не знал, чем занят другой, и

вообще ни одному из них не было известно, вернулись ли остальные.

– Целую неделю я понятия не имел, что Джон здесь, что он тоже уехал из Гамбурга, - говорит Пит Бест. - До самого января мы ничего не знали о Стю. И все же первое выступление «Битлз» состоялось в «Касба» и прошло с огромным успехом. - Да, это было потрясающе! - подтверждает Нил. - Они поразительно повысили свой класс. Их стали приглашать в другие клубы, число поклонников росло. Фрэнк Гарнер, вышибала, стоявший в дверях, стал развозить их на своем фургончике. Теперь я видел их очень часто, потому что именно в «Касба» они держали свою аппаратуру. Рори Сторм тоже возвратился из Гамбурга и стал играть в «Касба». Там творились большие дела.

Однако решающее выступление «Битлз» после Гамбурга состоялось 27 декабря 1960 года в «Литерлэнд-Таун-холл». Если какой-то день можно считать поворотным в их жизни, то именно этот. Все их последние достижения - совершенно новое звучание, новые трюки-неожиданно обрушились в тот вечер на Ливерпуль. Конечно, болельщики из «Касба», пришедшие в «Литерлэнд», немало способствовали успеху своих кумиров, и с этого момента начался тот путь, по которому в окружении неистовых почитателей двинулись «Битлз», ни разу не оглянувшись назад. «Полный вперед!»

Этим концертом они были обязаны Бобу Вулеру, диск-жокею в «Литерлэнд-Таун-холл». До наступления эры скиффла он работал на железной дороге. Сам Боб, конечно, не участвовал в разразившемся буме, поскольку ему было почти тридцать, но всячески способствовал развитию этого жанра.

– Это же просто чудо что такое! Подростки сами сочиняют и исполняют музыку - слыханное ли дело?

Идея создания ливерпульского клуба «Топ Тен», к сожалению, лопнула, хотя могла бы принести успех и Вулеру, и «Битлз». Огорчились все страшно, настроение испортилось. Особенно разочаровал плачевный финал гастролей в Гамбурге Джорджа - ведь этому предшествовали такие грандиозные проекты!

И вот тогда-то Вулеру удалось организовать выступление «Битлз» в «Литерлэнд-Таун-холл». Два раза в неделю здесь устраивали танцевальные вечера для молодежи. «Битлз» никогда еще не играли в таком большом зале. Оглушительный звук, топот, грохот впервые в их концертной жизни вызвали беспорядки. Каждый участник группы заработал за ночь 6 фунтов, самый высокий гонорар за всю карьеру.

– Детишки просто с ума посходили, - вспоминает Пит Бест. - После

выступления мы обнаружили, что они еще и разрисовали мелом наш фургончик, - тоже впервые.

Афиша в тот вечер преподносила их так: «Битлз» - прямым ходом из Гамбурга». Подростки, устроившие беспорядки в тот вечер и продолжавшие буйствовать на следующих представлениях, считали их немцами. Когда они раздавали автографы или вступали в разговор, со всех сторон неслись удивленные восклицания: «Как хорошо вы говорите по-английски!»

– Мы, наверное, и в самом деле были похожи на немцев, - вспоминает Джордж. - В кожаных штанах, ковбойских сапогах - ни одна группа так не одевалась. Мы странно выглядели, да и играли не так, как другие. Короче говоря, наше выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы. - В тот вечер, - рассказывает Джон, - мы наконец вылупились из яйца и стали самими собой. Оказывается, «Битлз» - знаменитости!

Именно тогда мы впервые поверили, что, наверное, чего-то стоим. До Гамбурга мы тоже были неплохого мнения о себе, но многого нам не доставало.

Изменились не только «Битлз», в их отсутствие важные перемены произошли в самой Британии. Теперь все группы обезумели в стремлении походить только на «Шэдоуз»

Успех Клиффа Ричарда привел к славе и самостоятельности всю сопровождавшую его группу: Джета Харриса, Тони Михена, Брюса Уэлча и Хэнка Марвина. Их пластинка «Апачи» штурмом покорила страну. Все копировали строгость их сценического облика: аккуратные серые костюмы, подобранные в тон галстуки, сверкающие начищенные ботинки. На сцене они делали не больше трех танцевальных шажков в одну сторону и трех - в другую. В их внешнем виде, так же как в музыке, все было приглажено, прилизано.

«Битлз», напротив, играли громко, необузданно, выглядели неряхами, творили на сцене бог знает что - словом, дикари, да и только. Они продолжали играть в стиле рок-н-ролл, который вошел в моду в Ливерпуле, когда они его покидали, но теперь постепенно сходил на нет. «Битлз» не только не изменили своей манере - теперь это был трижды рок-н-ролл, они усилили громкость, добавили топот, - они «делали шоу». В результате они создали свое, присущее только им, новое звучание. Это звучание отстояло от сдержанной манеры «Шэдоуз» на несколько световых лет. Звучание, от которого можно было или бежать, заткнув уши, или сойти с рельсов и впасть в буйный экстаз вместе с исполнителями.

– Все это сделал Гамбург, - утверждает Джон, - именно там мы

развернулись. Чтобы завести немцев и не отпускать их двенадцать часов подряд, надо было врубить изо всех сил. Останься мы дома, из нас не вышло бы ничего путного. В Гамбурге мы пробовали все, что приходило в голову. Подражать было некому. Мы играли то, что нам больше всего нравилось. А немцам - чем громче, тем лучше. Но только в Ливерпуле до нас дошло, какая разница между нами и всем этим дерьмом вроде Клиффа Ричарда.

Их взрывчатость, страстность, яркость индивидуальностей, способность увлечь аудиторию играли, конечно, немалую роль. Важно было и другое: новое, необычное звучание создали свои, ливерпульские ребята, «ливерпульская косточка», такие же, как те, кто их слушал, - грубоватые, резкие, без притворства - антиподы шоу-бизнеса.

Боб Вулер, диск-жокей, сменивший «Литерлэнд» на «Кэверн», первым напечатал статью, анализирующую творчество «Битлз». Она вышла спустя всего полгода после знаменательного концерта летом 1961 года в местной бит-газете в Мерсисайде. Вулер подытожил достижения того раннего периода, который начался концертом в «Литерлэнд-Таун-холл», когда они нанесли первый ошеломляющий удар по Ливерпулю. Вулер сделал это задолго до появления какой бы то ни было рекламы «Битлз» или кампании в их пользу.

«Как вы думаете, почему «Битлз» так популярны? Они возродили во всей своей первозданности музыку рок-н-ролла, истоки которой уходят в негритянскую песенную традицию Америки. Они нанесли удар по эстраде, выхолощенной певцами типа Клиффа Ричарда, сменивших вялой безжизненностью прежний напор. Исчезла искра, которая воспламеняла чувства. «Битлз» взорвали эту опостылевшую сцену. Материей «Битлз» стал вопль. Они вопили оглушительно, в сильнейшем возбуждении, надрывая слух и душу, олицетворяя бунт молодости.

Будучи, по существу, скорее вокалистами, чем инструменталистами, «Битлз» мыслили совершенно независимо и пели все, что им заблагорассудится, ради удовольствия, славы и денег. На престижных гамбургских гастролях они приобрели опыт. Они несут звуковую мощь, магнетическое обаяние личностей, - возьмите хотя бы Пита Беста в его яростном великолепии ударника, своего рода Джеф Чандлер - подросток. Талантливое владение удивительными по разнообразию голосами и вместе с тем простое и наивное звучание этих голосов в разговоре. Революцию ритма. Действо, которое от начала до конца являет собой нескончаемую цепь кульминаций. Культ сильной личности. Это безусловный феномен, бросающий открытый вызов менеджерам. Вот что такое потрясающие

«Битлз». Не думаю, чтобы такое явление когда-нибудь повторилось».

В новом, 1961 году после успеха в «Литерленд-Таун-холл» на «Битлз» одно за другим посылались приглашения выступить в самых различных крупных танцевальных залах. Как правило, концерты кончались беспорядками, особенно когда Пол пел «Long Tall Sally», обычный роковый номер, исполняемый, однако, на пике возбуждения и с грандиозным ударным ритмом. Они стали понимать, какое воздействие могут оказать на аудиторию, и пользовались этим вовсю, пока слушатели не теряли контроль над собой. Пол говорит, что выступления в танцзалах в раннюю пору их успеха наводили ужас.

– В танцзал «Гровнер» в Уолласи набивалась сотня тамошних парней, и, как только начиналась музыка, эта компания вступала в драку с таким же количеством ребят из Сикомба. Однажды вечером я даже не успел сообразить, что происходит, как они уже затеяли драку, и мне пришлось спасать свой усилитель, - усилитель фирмы «Эль Пико», мою любовь и гордость! Один «тед» сгреб меня в охапку и сказал: «Ни с места, сынок, если не хочешь отдать концы». В «Хэмблдон-холл» тоже дрались будь здоров. Один раз их оружием стали огнетушители. Когда мы играли «Hully Gully», дело всегда кончалось побоищем.

Владельцы залов нанимали кучу вышибал, чтобы предотвратить эти потасовки. Но вышибал использовали и для других целей.

– Помню, мы выступали в одном зале, - рассказывает Джон, - народу набилось столько, что яблоку негде было упасть. «Наверняка пришли какие-нибудь менеджеры, - говорили мы друг другу, - теперь у нас будет куча работы». Нам и в голову не приходило, что именно администрация нагнала в клуб толпу вышибал, чтобы они не дали другим менеджерам проникнуть на наше выступление. В результате никто к нам не подошел, кроме одного парня как раз из администрации этого дансинга, - он сказал, что мы ему понравились, и предложил нам дать целую серию концертов по 8 фунтов за вечер - на пару фунтов больше, чем мы получали! Мы дико обрадовались.

Начиная с 1961 года ребята могли бы зарабатывать гораздо больше, потому что спрос на их группу повышался с каждым днем и постепенно они стали обходить лидера ливерпульских групп Рори Сторма («Мистера Шоумейкера», как они его называли). Но у «Битлз» по-прежнему не было ни менеджера, ни истинного представления о себе. Они просто не знали себе цену.

– Мы не сразу поняли, что стали лучше всех групп, - говорит Джордж. - Как-то вдруг заметили, что собираем повсюду толпы народа. Люди

окружали нас, стремились познакомиться, они приходили на наши концерты не для того, чтобы просто потанцевать.

В группе по-прежнему продолжали подкалывать Стю и Пита Беста, но до драк, как это бывало в Гамбурге, уже не доходило. Зато не упускали случая, чтобы повздорить из-за места в фургончике или еды. Вспыхивали перепалки, кому сидеть за рулем, потому что место водителя считалось лучшим - оно не было завалено аппаратурой.

– Кто чаще всего ругался, так это мы с Джорджем, - рассказывает Пол, - мы ведь ровесники, а наш безусловный лидер, Джон, постарше. Вот мы с Джорджем все время и препирались, кому вести фургончик. Потом, когда у нас уже был собственный фургон, я забирал ключи и первым бросался на водительское место. Влезал Джордж и говорил: «Слушай, я думал, сегодня моя очередь. Ты ведь вчера вел». А я отвечал: «Видно, ты что-то спутал».

Успех в дансингах Мерсисайда, естественно, привел к тому, что им стали предлагать обосноваться в собственном клубе, где они выступали бы как постоянная группа, чтобы поклонники могли быть уверены во встрече с ними. Благодаря Бобу Вулери таким местом стал клуб «Кэверн». Клуб «Касба», расположенный вдали от центра Ливерпуля и, прямо скажем, довольно убогий, «Битлз» уже переросли.

В течение долгого времени «Кэверн» была главным музыкальным клубом в центре Ливерпуля, однако выступали там в основном джазисты. Даже когда летом 1961 года вышла статья Боба Вулера, процитированная выше, на другой странице той же самой газеты «Кэверн» рекламировался как джазовый клуб, хотя в нем уже преобладала бит-музыка и выступали «Битлз».

Клуб «Кэверн» расположен в доме № 8 по Мэтью-стрит, маленькой улочке в центре Ливерпуля, неподалеку от «НЕМС», главного магазина по продаже пластинок, в двух кварталах от здания газеты «Ливерпул эко» и совсем близко к Пир-Хэд.

Большинство зданий на Мэтью-стрит представляют собой плодово-овощные склады. На грязной, замусоренной улице всегда пахнет прелыми овощами и фруктами. День и ночь разгружаются грузовики. Девятнадцать ступенек вниз - и вы оказываетесь в клубе «Кэверн». В этом подвале раньше был винный погреб; под его высокими сводчатыми потолками темно и жутковато. Даже сейчас, когда здесь обосновались фешенебельный ресторан и ночной клуб - в залах нет никакой вентиляции.

Рэй Макфол, бывший бухгалтер, став хозяином «Кэверн» в 1959 году, сделал его джаз-клубом. Джонни Дэнкворт, Хамфри Литлтон, Экер Билк, Крис Барбер - все они играли там. Но мало-помалу позиции в клубе стали

отвоевывать бит-группы.

С января 1961 года, после возвращения из Гамбурга, постоянной группой «Кэверн» стали «Битлз», которые на первых порах играли там попеременно с полуджазовой группой «Свингинг Блуджинз».

– С января 1961 года до февраля 1962-го я вывел «Битлз» на сцену «Кэверн» 292 раза, - говорит Боб Вулер. - За свое первое выступление во время ленча они получили 5 фунтов, за последнее - 300.

Из этих слов можно судить не только о том, насколько сильное впечатление произвели «Битлз» на Вулера (с какой точностью он подсчитал все их выступления!), но и о том, как они работали.

– «Кэверн» мы любили, наверное, больше всего, - говорит Джордж. - Просто фантастика! Мы все время чувствовали связь с публикой, никогда не репетировали в отличие от других групп, которые продолжали подражать «Шэдоуз», играли для наших болельщиков, которые были точь-в-точь как мы сами. Они приходили во время обеда, чтобы послушать нас и сжевать свои бутерброды. Мы делали то же самое: играли и одновременно ели. Все происходило само собой, спонтанно.

– Это была самая настоящая дыра, - утверждает миссис Харрисон. - Там нечем было дышать. Пот лил с них в три ручья, капал на усилители, вызывая короткие замыкания. Но они продолжали петь и без усилителей. Джон кричал что-то публике, впрочем, как и все остальные. Они вопили в зал: «Заткнитесь!» Один Джордж никогда не произносил ни звука и не улыбался. Девушки часто спрашивали меня, почему он такой серьезный. Джордж отвечал: «Я лид-гитара, это другие могут лажаться и валять дурака, никто этого даже не заметит, а мне нельзя». Он чрезвычайно серьезно относился к своей музыке и к деньгам. Всегда интересовался, сколько им заплатят.

Миссис Харрисон по-прежнему оставалась одной из самых преданных болельщиц «Битлз». Она не только ездила за ними повсюду, но еще и прихватывала с собой родственников и друзей. Еще до отъезда ребят в Гамбург она как-то сидела в «Кэверн», когда туда ворвалась тетушка Джона Мими, чтобы за ухо стащить со сцены Джона.

– Я видела, как она оттуда выкатилась, - вспоминает миссис Харрисон. - «Потрясающие ребята!» - крикнула я ей вслед. Она обернулась и сказала: «Я рада, что хоть кто-то так считает». После этого я несколько раз встречала Мими. И она всякий раз говорила, что, не поддерживай я их, все жили бы в мире и согласии.

Тем, кто слышал «Битлз» в «Кэверн», навсегда врезались в память их выступления-экспромты. Группа «Шэдоуз» повлияла не только на стиль

игры других групп, но и на их сценическое поведение: выход на сцену, объявление номеров, прощание с публикой. «Битлз» же делали все по-своему. Если в аппаратуре что-нибудь ломалось, другие группы убегали за кулисы, как положено в большом шоу-бизнесе, и оставались там до тех пор, пока кто-то не вставит пробки. А «Битлз» заставляли весь зал вместе с ними хором петь «Coming Round the Mountains» или какойнибудь другой шлягер.

Миссис Харрисон была всей душой за ребят. Мими - против. Что касается Джима Маккартни, он потихоньку привыкал жить и так.

Раньше он проводил обеденное время поблизости от «Кэверн», околачиваясь в районе пабов и кафе по соседству с хлопковой биржей, высматривая возможных клиентов. Действительность была тяжела. Джим по-прежнему оставался самым обыкновенным продавцом, зарабатывал меньше 10 фунтов в неделю и еле-еле сводил концы с концами. Брат Пола, Майкл, к этому времени уже работал, но удача ему не сопутствовала. Он не смог поступить в Художественный колледж и после серии неудачных попыток на разных поприщах стал учиться на парикмахера.

– Я частенько приходил в «Кэверн» во время обеденного перерыва, - говорит Джим. - Вообще, им следовало давать надбавку за вредность. Всюду воняло потом. Когда Пол возвращался с работы, я буквально выжимал его рубашку. Ребята там приходили в неистовство, они дрались, чтобы пробиться поближе к сцене, или же хлопались в обморок от возбуждения, нагнетаемого всей этой атмосферой. И Пол, и все остальные на сцене были похожи на каких-то драных котов. Я несколько раз пробовал протолкнуться сквозь толпы ребят, но ни разу не смог. Поэтому обычно я шел в их крошечную артистическую и ждал, пока они вернутся туда со сцены.

Джим сидел там, конечно, не для того, чтобы получить автограф, - ему хотелось увидеть Пола. Он, который кухарил, мыл посуду, чистил кастрюли, скреб и убирал для Пола и Майкла за двоих, заменяя им мать, тратил свое обеденное время, чтобы сделать покупки на ужин.

– Я должен был идти в «Кэверн», чтобы накормить Пола сосисками, отбивными - чем-нибудь в этом роде. Я дико торопился, и мне едва-едва хватало времени, чтобы протиснуться через этих оголтелых поклонников и всучить Полу кусок мяса. «Не забудь, сынок, - предупреждал я. - Когда придешь домой и будешь разогревать, поставь духовку на 450 градусов [Имеется в виду шкала Фаренгейта]».

14. Бег на месте - Ливерпуль и Гамбург

С наступлением периода «Кэверн» успех группы, хотя бы в местном масштабе, был. Прошло пять лет, и они наконец создали собственное действо, приобрели окружение, состоящее из преданных поклонников - ливерпульцев.

Но за весь следующий, 1961 год почти ничего, заслуживающего внимания, не произошло. Они продолжали совершенствоваться как музыканты, ширились ряды и рос фанатизм их местных поклонников. Группа снова съездила в ФРГ, положив начало новой серии гамбургских гастролей, и опять имела там огромный успех. Но география успехов оставалась неизменной. Казалось, им на роду написано всю жизнь играть в Ливерпуле или в Гамбурге. Больше нигде ими не интересовались.

Второе турне в Гамбург началось в апреле 1961 года - Джорджу как раз стукнуло восемнадцать. Питер Экхорн, администратор клуба «Топ Тен», и Астрид помогли группе обзавестись всеми документами, обеспечивающими их права на работу. Питер Экхорн сохранил на память тогдашний контракт. В нем черным по белому написано, что они имеют право выступать ежедневно с семи часов вечера до двух часов ночи, за исключением суббот, когда им предоставляется возможность играть до трех часов ночи. «После каждого часа полагается перерыв не меньше пятнадцати минут».

В «Топ Тен» помещение было больше, а драк меньше, чем в двух других клубах, где они играли раньше. Он был лучше оснащен, отделан, да и публика другая. В основном это были «экзисты» - их стало здесь больше, чем раньше, - они поддерживали ребят приветственными возгласами; кое-кто из них, профессиональные фотографы, ложился прямо на пол, ища необычные ракурсы «Битлз» на эстраде, и кричал: «Польше пота, пжальста, польше пота!»

Астрид встретила ребят на вокзале: на этот раз, одетые в кожаные костюмы, они выглядели вполне достойно. В прежний свой приезд они в подражание Астрид надели кожаные куртки, но оставили джинсы и ковбойские сапоги. Кожаная куртка Астрид произвела большое впечатление на Стю, и он уговорил ее сделать ему полный кожаный костюм. Остальным тоже захотелось принарядиться, но заказанные ими дешевые костюмы треснули по швам раньше, чем ребята их обновили.

Именно тогда Астрид сказала Стю, что ей не нравится его «тедди-

бойская» стрижка, его напомаженные волосы. Он должен стремиться выглядеть, как Клаус и Юрген, их стиль ему больше пойдет. После долгих препирательств Стю согласился на новую прическу. Астрид пригласила вихры Стю щеткой, постригла его и придала ему человеческий вид.

Вечером, когда Стю заявился в «Топ Тен», все так и попадали на пол в истерике от его новой стрижки. Прошла половина концерта, прежде чем он сдался и снова зачесал волосы вверх. Но благодаря Астрид на другой вечер опять сделал попытку утвердить новый стиль. Его снова подняли на смех. Однако на следующий день с новой прической явился Джордж. Потом те же попытки предпринимал Пол, хотя время от времени он возвращался к привычному облику, так как Джон еще не принял своего решения. Пит Бест вообще не обращал никакого внимания на все эти глупости. Но - на свет появилась прическа «Битлз».

В том, что ребята надели пиджаки без лацканов, - тоже заслуга Астрид. Однажды она сшила себе костюм с таким жакетом, и Стю пришел от него в восторг. Астрид оставалось только соорудить подобную модель и для него, хотя поначалу все остальные издевались и хохотали над Стю: «Ты никак вырядился в мамочкин костюм, а, Стю?»

Во время вторых гастролей в Гамбурге «Битлз» неистовствовали еще сильнее, они стали принимать таблетки (все, кроме Пита Беста), чтобы продержаться в состоянии иступления до конца концерта.

– Но мальчики никогда не теряли контроля над собой, - говорит Астрид. - И пили тоже весьма умеренно, редко и понемногу.

Однако Джон по-прежнему был способен слегка пошуровать в лавке, если его совсем уж разбирало. Астрид говорила, что делал он это потрясающе, и Пит Шоттон, школьный друг Джона, с энтузиазмом поддерживает ее мнение.

– Да, Джон был таким, каким был, - считает Астрид, - тут уж ничего не поделаешь. Людей порой обуревают разные страсти, но они не дают им выхода. А Джон мог, потирая руки, сказать вдруг: «Ну вот что: давайте-ка обчистим магазинчик». Для развлечения. И не падайте в обморок от ужаса. Взбрело в башку - и все. Джон не любил долго ломать голову, как Пол. Сказано - сделано.

Джон продолжал рисовать и свои антирелигиозные карикатуры - изображал, например, распятие, у подножия которого стояли домашние шлепанцы. Вообще резвился, как ребенок. Однажды он сделал себе собачий ошейник, вырезал из бумаги крест, а потом, встав в проеме открытого окна и обращаясь к огромной толпе, которая собралась внизу, стал читать проповедь, подражая индийскому акценту актера Питера

Селлерса.

Во время этих гастролей «Битлз» записали первую пластинку, хотя Алан Уильямс уже во время их предыдущего приезда настоял на пробной записи. Но тогда было выпущено лишь пять копий, и этот шаг ни к чему не привел. Теперь их попросили аккомпанировать певцу из «Топ Тен» Тони Шеридану.

– Когда нам это предложили, - говорит Джон, - мы думали, что нет ничего легче. Ведь все пластинки немцев - это чистое дерьмо. Наша наверняка будет лучше. Мы записали пять своих номеров, но они их не приняли. Они предпочитали вещички вроде «My Bonnie Lies Over the Ocean».

Запись сделал Берт Кемпферт, немецкий дирижер и звукорежиссер. На пластинке с Тони Шериданом группа именовалась «Бит Бойз», потому что слово «Битлз» покупатели не понимали.

В этой записи их четверо. Пит Бест был все еще с ними. Он рассказывает, что работа проходила вполне нормально. Если не считать, что он врезал Тони Шеридану. Но Стю Сатклиф ушел от них.

– Мы обращались с ним иногда ужасно, - вспоминает Джон. - Особенно любил поиздеваться над парнем Пол. Потом я не раз объяснял Стю, что, если говорить серьезно, мы вовсе не относились к нему плохо.

Ребята чувствовали себя виноватыми перед Стю, но он покинул группу вовсе не из-за этого. Стю принял решение остаться в Гамбурге, жениться на Астрид и вновь заняться живописью. Он поступил в Художественный колледж благодаря покровительству выдающегося скульптора Эдуарде Паолоцци, шотландца, приглашенного туда в качестве преподавателя. Профессору даже удалось добиться от гамбургских властей стипендии для Стю.

Стю по-прежнему любил музыку и «Битлз», но он чувствовал, что его призвание - живопись, а не бас-гитара. Пол, несомненно, играл лучше его. Стю надо было уходить, что он и сделал. А покинув группу, подружился с ребятами крепче, чем раньше. Они поняли вдруг, насколько бессмысленны были их мелкие ссоры.

В июле 1961 года четверка «Битлз» возвратилась в Ливерпуль, оставив Стю в Гамбурге. Он успешно занимался в Художественном колледже.

– Стю обладал огромной энергией и неистощимой фантазией, - говорит Паолоцци. - В нем были заложены огромные возможности; обостренная чувствительность художника соседствовала с честолюбием - идеальное сочетание для успеха.

Вернувшись домой, в Ливерпуль, «Битлз» закатали специальное

приветственное шоу с участием другой ведущей ливерпульской группы, известной им с давних пор, - «Джерри энд Пейсмейкерз». Они менялись инструментами, играли на чем придется, например на бумаге или расческе. Объявили себя «Битмейкерами» - шутка для посвященных, которая безумно понравилась их поклонникам.

«Битлз» по-прежнему приходили в восторг от своей ставки - 10 фунтов в неделю. Но культ бита в Ливерпуле рос с неукротимой силой. Самым ярким доказательством тому послужило рождение газеты, целиком посвященной бит-группам. Для этой газеты, «Мерси бит». Боб Вулер и написал свою статью о «Битлз». Первый номер вышел 6 июля 1961 года. На страницах газеты на все лады обсуждались лидирующие группы - «Джерри энд Пейсмейкерз», «Рори Сторм энд Харикенз» с ударником Ринго Старром. Пожалуй, именно эти две группы можно было назвать ведущими. Вслед за ними по индексу популярности шли «Битлз» - во всяком случае, такой вывод можно сделать по первым номерам газеты. Именно группа «Битлз» проявила на ее страницах незаурядное чувство юмора, обнаружившееся, когда Джона попросили отстучать на машинке небольшую статейку об ее истории.

«Мерси бит», 6 июля 1961 года

**КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СОМНИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
«БИТЛЗ»**

Перевод с Джона Леннона

Давным давно жили-были три мальчика по имени Джон, Джордж и Пол, - так их окрестили. Они решили собраться вместе, потому что обожали собираться. Но когда они собрались, то задумались: для чего же мы собрались? И вдруг ни с того ни с сего у них выросли гитары, и начался страшный шум. Но они не обратили на это внимания. Тогда-а-а-а к трем мужичкам присоединился еще один, четвертый, еще меньше их, по имени Стюарт Сатклиф, который стал бегать вокруг них, и они сказали ему (цитирую): «Сынок, достань-ка бас-гитару, и все у тебя будет в лучшем виде». И он достал, но ничего хорошего из этого не вышло, потому что он не умел на ней играть. Тогда они надели на него и не слезали до тех пор, пока он не научился играть. Но у них не было бита, пока не появился

добрый старичок, который сказал (цитирую): «У вас нет барабанов!» «У нас нет барабанов», - прохрипели они в ответ. И тогда одни барабаны стали приходить, а другие уходить, и так без конца, одни приходили, другие уходили.

Однажды, оказавшись в Шотландии на гастролях с Джонни Джентлом, группа по прозвищу «Битлз» обнаружила, что музыка у нее не очень-то звучит, - оказывается, усилителей нет. И они обзавелись ими. Многие спрашивают: «Что такое «Битлз»? Почему «Битлз»? Хм, «Битлз»... и откуда взялось такое название?» Мы вам сейчас скажем. Им было видение. В огненном пироге явился человек и сказал: «Отныне и навсегда имя вам будет «Битлз», через «А» [то есть не «Beetles» - жуки, а «Beatles» от «beat» - бит (англ.)]. «Спасибо вам. Хозяин», - поблагодарили они его. А потом человек с отрезанной бородой спросил: «Вы согласны поехать в Германию (в Гамбург) и играть там для крестьян мощный рок за деньги?» И мы ответили ему, что ради денег будем играть все самое мощное на свете.

Но прежде чем уехать, надо было вырастить ударника, и мы вырастили барабанщика в Вест-Дерби в клубе под названием «Нечто вроде Касба», и то горе, которое мы вырастили, называлось Пит Бест. Мы крикнули: «Привет, Пит! Поехали в Германию!» - «Поехали!» Ту-ту-у-у-у! Через несколько месяцев Питер и Пол (МакАртрей, сын Джима МакАртрея, его отца) подожгли киношку, и немецкая полиция сказала: «Ах вы, негодники, убирайтесь домой и поджигайте там английские киношки!» Ту-тууу, осталось полгруппы. Но еще раньше гестапо заграбастало моего друга малютку Джорджа Харрисона (из города Спик), потому что ему было всего двенадцать лет и он был слишком мал, чтобы голосовать в Германии; но в Англии через два месяца ему исполнилось восемнадцать, и гестаповцы сказали: «Теперь можешь приезжать». Между тем в деревушке под названием Ливерпуль развелось множество групп в серых костюмах, и Джим спросил: «Почему у вас нет серых костюмов?» «Джим, нам не нравятся серые костюмы», - ответили мы. Мы поиграли немножко в клубах, а потом нам сказали: «А ну-ка езжайте в Германию!» Мы так и сделали. Ту-у-ууу! Стюарт ушел. Ту-у-ууу, ту-у-ууу - Джон (из Вултона), Джордж (из Спика), Питер и Пол - ту-у-туу! Все уехали. Спасибо за внимание от Джона и Джорджа (друзей).

Шутки и намеренные ошибки в статье Джона много раз воспроизводились в последующие несколько лет. Вся заглавная полоса второго номера «Мерси бит» была посвящена контрактам со звукозаписывающими фирмами, заключенными «Битлз» в ФРГ. Там же

красовалась и одна из их фотографий, сделанных Астрид, - пятеро членов «Битлз» на фоне железнодорожных путей. Под изображением Пола по-прежнему стояло: «Пол Макарта». В этом же номере можно было прочесть заметки по поводу моды, принадлежащие перу некоей Присциллы, сообщавшей, что отныне в моду вошли вечерние костюмы серого цвета. Автором их была Силла Блэк, которая работала в «Кэверн» то машинисткой, то гардеробщицей, а случалось, и пела на тамошней сцене.

Теперь «Битлз» стали основной группой «Кэверн», но их штаб не покидал дома Пита Беста - клуба «Касба». Миссис Бест занималась теперь еще и организацией танцевальных вечеров, но ее основные интересы, безусловно, сосредоточивались на «Касба». Миссис Бест утверждает, что одно время бытовало название группы «Пит Бест энд «Битлз». Пит отвечал за организацию их концертов, миссис Бест помогала ему.

«Касба» окончательно утвердилась в качестве основной базы «Битлз» с тех пор, как Нил Аспинал, друг Пита, по-прежнему живший в доме Бестов, купил за 80 фунтов старый автобус и начал возить в нем группу по всему Мерсисайду. За каждую поездку он получал с ребят по пять шиллингов.

– Вечерами мне тошно было от скуки. Я отвозил их куда-то, приезжал домой, занимался немного делами, а потом снова ехал за ними. Что за идиотизм? - подумал я однажды. В своей бухгалтерии я зарабатываю 2 фунта 10 шиллингов в неделю, а мог бы получать 3 фунта за три часа в «Кэверн». Поэтому в июле я послал свою службу ко всем чертям.

Нил стал их путевым администратором и остается им по сей день, хотя терпеть не может, когда его так называют. Его обязанности состояли в том, чтобы забирать Пита и всю технику из «Касба» и отвозить их на место концерта.

– Где бы они ни появлялись, всюду возникали беспорядки, - рассказывает Нил. - Стоило ребятам начать играть, как «тедди» разносили помещение. Однажды Джону даже палец сломали во время драки.

За «Битлз» следовали толпы поклонников; заработки, из которых они должны были теперь платить Нилу, доходили иной раз до 15 фунтов в неделю, но в остальном дело не двигалось. Единственным местом, где можно сделать себе имя, они считали Лондон.

Весь немалый тираж «Мерси бит», расхваливавшей «Битлз», мгновенно раскупался. Пит Бест лез из кожи вон, чтобы организовывать им все новые концерты, но именно из-за бесконечных разъездов они упустили много предложений. Впрочем, им будто и дела не было до всяких приглашений, они издевались над импресарио, проявлявшим к ним

интерес, порвали отношения с Аланом Уильямсом, который устроил им первые гастроли в Гамбурге. Алан говорит, что во время второй поездки в Гамбург они перестали отчислять ему проценты со сборов. «Битлз» же утверждают, что ангажемент в клубе «Топ Тен» получили сами, независимо от него, и поэтому не считали нужным делить с ним гонорар. Они поссорились, но потом снова помирились.

– Я счел это черной неблагодарностью, - вспоминает Алан. - А теперь понимаю, что промахнулся. Конечно, надо было держаться за них, но я ведь никогда не был настоящим бизнесменом - занимался всем этим ради удовольствия. Антрепренеры проявляли к ним полное равнодушие. Чтобы привлечь внимание нормального менеджера, они недостаточно зарабатывали и, помимо всего прочего, совсем не были похожи на чистеньких, аккуратненьких, хорошо воспитанных ребят во вкусе любого импресарио.

Между дневными и вечерними выступлениями ребята шатались по Ливерпулю, сидели в барах, пили кофе, заходили в музыкальные магазины и бесплатно слушали там пластинки. Всегда с пустыми карманами. Дэнни Инглиш, владелец паба по соседству с «Кэверн» (его потом снесли), вспоминает, как они часами сидели над кружками темного пива. Дэнни сказал им однажды, что давно пора поднести стаканчик барменше.

– Они долго препирались между собой, а потом спросили, что она пьет. Я сказал - черное пиво. «Сколько оно стоит?» - спросили ребята. Потом снова долго спорили, пока наконец не сложились каждый по четыре с половиной пенса и купили ей стакан «Гиннеса».

Дэнни Инглиш попробовал подкатиться к одному из своих завсегдатаев, Джорджу Харрисону, тезке нашего Джорджа, чтобы тот помог им. Джордж Харрисон имел свою колонку в газете «Ливерпул эко» с незапамятных времен. Но у Дэнни ничего не вышло. Множество групп добивалось внимания Джорджа, и самыми нечесаными, неряшливыми, непрезентабельными среди них были «Битлз».

Жизнь шла по-старому. «Битлз» впали в уныние. Все родители, кроме миссис Харрисон и миссис Бэст, по-прежнему твердо стояли на своих позициях и требовали от сыновей, чтобы те бросили эту ерунду и нашли себе настоящую работу.

– Я понимала, - говорит Мими, - что Джона всегда будет притягивать богема. Но все равно хотела, чтобы он где-нибудь работал. Он проморгал Художественный колледж и в двадцать один год все еще играл на дурацких танцуйках за 3 фунта. Какой мог быть в этом смысл?

В сентябре 1961 года в качестве подарка к совершеннолетию [в

Великобритании совершеннолетним считается гражданин, достигший 21 года] Джон получил от своей тетки из Эдинбурга некоторую сумму денег. Он не раздумывая решил потратить их на поездку в Париж вместе с Полом. Разумеется, Джордж и Пит Бест очень обиделись, когда их бросили так беспардонно. «А нам все надоело, - вспоминает Джон. - Нас кое-куда приглашали, но мы плюнули на все и уехали».

В Париже Джон и Пол встретили Юргена Фолмера, одного из своих гамбургских друзей. Они просадили в парижских клубах все деньги, и Джон наконец тоже сменил прическу - стал начесывать волосы на лоб.

– У Юргена были брюки клеш, - говорит Джон. - Но мы решили, что для Ливерпуля это чересчур. Что мы, женщины, что ли? Ведь наша публика в основном состояла из парней. Мы играли рок, одетые в кожу. Правда, баллады Пола все больше и больше нравились девушкам.

О том, что Юрген в Париже, Джон узнал от Стю. Хотя Стю оставил группу, чтобы посвятить себя живописи, они с Джоном продолжали переписываться. Сначала письма состояли из анекдотов и забавных историй наподобие тех, которые Джон сочинял в детстве для своих маленьких книжек. «Дядюшка Норман только что прокатился по собственным усам»; «P.S.: Королева Мария Шотландская была черномазая».

Джон сообщал Стю все приятные новости, рассказывал, что в Ливерпуле наконец появился клуб любителей «Битлз». (У Рори Сторма уже был такой клуб.) Но потом в письмах зазвучало разочарование: «Все это полное дерьмо. Я чувствую: что-то должно произойти, но когда?»

Джон стал посылать Стю и некоторые из своих серьезных стихов, которые никогда не показывал Мими. Обычно они заканчивались непристойностями или смущенными признаниями. Когда делиться было нечем, Джон исписывал страницы своих писем Стю такими стихами:

Я помню время, когда
Все, кого я любил, ненавидели меня,
Потому что я ненавидел их.
Ну и что, ну и что,
Какого хрена...
Я помню время, когда
Был от горшка два вершка.
Когда только говно
Воняло, а все остальное
Было красивым и благоухало.

Я не могу ни о чем вспоминать
Без печали.
Так глубоко во мне
Сидит эта печаль.
Так глубоко, что ее слезы
Превращают меня в зрителя
Собственной глупости.
И так без конца я треплюсь.
Эй, э-гей, нет, нет, нет.

Стю отвечал ему из Гамбурга похожими стонами отчаяния, с той разницей, что его тоска была посерьезнее. Стю писал свои письма от имени Иисуса Христа. Джон, поначалу принимая все это за шутку, немедленно перевоплощался в Иоанна Крестителя.

Однажды, в конце 1961 года, прямо в Художественном колледже Стю потерял сознание. Его принесли домой.

– У него были страшные мигрени, - говорит Астрид, - но мы считали, что это от переутомления.

На другой день Стю снова отправился в колледж, а в феврале 1962 года обморок повторился. Он снова упал, его привезли к Астрид и положили в его комнате. Прошло немного времени. Стю писал Джону длинные, на тридцати страницах, письма, делал бесчисленные наброски маслом и целыми днями ходил и ходил по комнате из угла в угол. Голова раскалывалась от боли, иногда он не выдерживал и срывался - из-за этих срывов Астрид и ее матери становилось все труднее ухаживать за ним. Стю начал лечиться, но улучшения не наступало. «Однажды он вернулся от врача и сказал, что не желает ложиться в черный гроб, как у всех. Он видел сегодня из окна белый, - пусть у него будет такой».

Стю умер в апреле 1962 года от кровоизлияния в мозг. «Он прожил так много за такое короткое время, - говорит Клаус. - Каждую секунду своей жизни он наполнял делом. Он видел в десять раз больше, чем все остальную. Он обладал поразительным воображением. Смерть Стю - это настоящая трагедия. Ему предстояли большие свершения».

Стю, безусловно, был очень одаренным художником. Профессор Паолоцци не сомневался в его блестящем будущем. Еще ребенком Стю получал в Ливерпуле солидные награды. После смерти его картины много раз выставлялись в Ливерпуле и в Лондоне. Он оказал огромное влияние на Джона и остальных «Битлз», по существу определив их стиль, - прически,

одежду, образ мыслей.

– Я очень уважал Стю, - признается Джон. - Только ему верил, знал, что только он скажет мне правду, как теперь я говорю Полу. Если Стю считал, что это хорошо, я верил ему.

И по сей день «Битлз» тоскуют по Стю. Трудно себе представить, что в 1962 году самый умный и способный из «Битлз» умер.

Смерть Стю подвела мрачный итог году бездействия и депрессии. Но то, чего так долго ждал Джон, было уже не за горами.

Чтобы быть точными, скажем, что это произошло в три часа пополудни 28 октября 1961 года. Молодой человек в черной кожаной куртке, по имени Раймонд Джонс, вошел в Ливерпульский магазин «HEMS», где торговали пластинками, и попросил пластинку «My Bonnie» в исполнении группы «Битлз». Брайен Эпстайн, стоявший за прилавком, принес свои глубочайшие извинения. Он никогда не слышал ни о такой пластинке, ни о группе «Битлз».

15. Брайен Эпстайн

Дело семьи Эпстайн основал дедушка, Айзек Эпстайн, еврейский беженец из Польши, приехавший в Ливерпуль на рубеже веков. Он открыл мебельный магазин «Айзек Эпстайн и Сыновья», на Уолтон-роуд. Дело перешло по наследству к его старшему сыну Харри, отцу Брайена.

Многие в Ливерпуле считают, что торговый дом «HEMS», впоследствии прославившийся на всю округу благодаря Брайену, возглавившему отдел пластинок, принадлежал Эпстайнам всегда. Но «HEMS» существовал задолго до Эпстайнов. Джим Маккартни помнит, как ему купили здесь пианино во время первой мировой войны.

«HEMS» стал собственностью Эпстайнов только с середины 30-х годов. Магазин «Айзек Эпстайн и Сыновья» стоял в конце квартала на Уолтон-роуд, и его хозяева жаждали расширить свое дело. Харри смекнул, что музыка, пластинки и прочие музыкальные дела легко вольются в торговлю мебелью, тем более что музыкальный магазин находился в двух шагах.

Харри породнился с Хайманами из Шеффилда, другой преуспевающей еврейской семьей, тоже торговавшей мебелью. Он женился на своей Куини в 1933 году; ей было восемнадцать, а ему двадцать девять.

Их старший сын, Брайен, родился 19 сентября 1934 года в частной родильной клинике на Родни-стрит-ливерпульской Харли-стрит [Название улицы в Лондоне, где живут и практикуют самые знаменитые и дорогие врачи]. Младший сын, Клайв, появился на свет спустя двадцать три месяца.

Наличие двух сыновей обеспечивало процветание фирмы Эпстайн на многие десятилетия вперед. Харри и Куини владели большим домом с пятью спальнями, расположенным в Чайлдуолл, одном из самых привлекательных жилых районов Ливерпуля. Эпстайны занимали особняк № 197 по Куин-драйв в течение тридцати лет, пока Клайв не женился и не ушел из дома. Теперь он принадлежит ливерпульскому настоятелю.

До начала войны Эпстайны жили на широкую ногу. Им прислуживали няня и горничная. Все воспоминания миссис Эпстайн о младенчестве Брайена сводятся к тому, что это был самый красивый ребенок на свете. Едва он научился ходить и разговаривать, как сразу обнаружился его пытливый ум. Он хотел знать все. Первое, что запомнил в жизни сам Брайен, - это чувство невероятного волнения, когда его повезли знакомиться с родственниками в Шеффилде. Он начал учиться, если это

можно так назвать, в детском саду в Биченхорсте, в Ливерпуле, где забивал молоточком деревянные фигурки в соответствующие отверстия деревянной доски. В 1940 году, когда мальчику исполнилось шесть лет, Ливерпуль стали бомбить, и семью эвакуировали сначала в Престатин, в Северном Уэлсе, а потом в Сауспорт, где расселилась большая еврейская община. Брайена определили в сауспортский колледж, где начался длительный и безрадостный период его обучения.

«Я раздражал всех, был белой вороной, - так писал Брайен в своей автобиографии в 1964 году. - Меня преследовали, ко мне приставали, надо мной издевались и ученики, и учителя. Родители не раз приходили от меня в полное отчаяние».

В 1943 году Эпстайны вернулись в Ливерпуль, и Брайен поступил в ливерпульский колледж - частную платную школу. На следующий год десятилетнего Брайена оттуда исключили.

– Официальной причиной назвали невнимательность и низкий уровень общего развития. На самом деле на уроке математики меня поймали, когда я рисовал голых женщин. Мне приписывали и другие проступки. И наверняка у меня была куча недостатков.

Брайен вспоминает, как вернулся домой, сел рядом с отцом на диван и отец сказал: «Ума не приложу, что с тобой делать».

Его мама считает, что Брайен преувеличивал свои школьные неурядицы. Она согласна с тем, что, конечно, никакой радости школа ему не приносила и никаких успехов он там не добился, но миссис Эпстайн думает, что в равной мере вина за это лежит и на системе школьного образования.

– Только что кончилась война. В школу было трудно поступить. Нынешней свободой там и не пахло. Если ученик не нравился им, они вышвыривали его, и дело с концом.

Брайену кажется, что, помимо его безусловного неумения приспособливаться, дело не обошлось и без антисемитизма. «Я помню, что меня обзывали «евреем», «жидом». Впрочем, это звучало не более оскорбительно, чем когда рыжеволосого паренька дразнили «рыжим».

После исключения из ливерпульского колледжа родители поместили Брайена в другую частную школу, но через несколько недель забрали его оттуда, легко разобравшись в псевдодостоинствах этой привилегированной школы, где любили воспользоваться услугами высокопоставленных родителей, уделяя минимальное внимание образованию, а максимальное - обиранию богатых пап и мам, отчаявшихся пристроить куда-нибудь своих детей.

В конце концов родители подыскали для Брайена довольно хорошую еврейскую подготовительную школу - «Биконс-филд». Здесь он увлекся верховой ездой и живописью - полюбил и то и другое и впервые в жизни получил поощрение.

В тринадцать лет он попытался сдать обязательные вступительные экзамены в старшие классы, необходимые для поступления в настоящую хорошую частную школу. Но с треском провалился, что, однако, не помешало родителям попытаться все же устроить его в одну из таких школ. Его поочередно не взяли «Регби», «Рептон» и «Клифтон». В конце концов Брайен поступил в школу в Вест-Кантри, куда принимали всех подряд, - главным здесь считались забота о здоровье и пребывание на свежем воздухе. Брайена заставляли играть в регби. Он был очень несчастен.

Но отец не сдавался и осенью 1948 года, в день четырнадцатилетия сына, сумел зачислить его в колледж «Рекин», пользующийся широкой известностью как солидное частное учебное заведение в Шропшире. Брайен без особого удовольствия думал о «Рекине», потому что начал кое-как привыкать к школе в Вест-Кантри. Он делал заметные успехи в живописи и наконец-то обзавелся друзьями. В своем дневнике он записал: «Я ненавижу «Рекин». Перехожу туда только потому, что так хотят родители. Мне дико жаль, за этот год я о многом думал, меня стали больше любить, это был колоссальный год в моей жизни».

Брайену удалось приспособиться к «Рекину», по крайней мере он научился с пользой проводить там время. Его увлечение живописью росло. Он стал первым учеником в классе по искусству и решил стать художником-дизайнером.

– Я написал отцу, что выбрал себе профессию дизайнера по одежде, но он воспротивился. Отец сказал, что молодому человеку не стоит заниматься такой ерундой.

Одновременно Брайен заинтересовался театром. Дома, в Ливерпуле, мать часто водила его на представления. «Сначала я брала его на развлекательные программы пруде «Фол де Рол». Но потом, стремясь развить его интеллект, повела на Питера Гленвилла. Ходила с ним на концерты в Ливерпульскую филармонию».

Брайен сыграл главную роль в школьной постановке пьесы «Христофор Колумб».

– Мы с Харри поехали посмотреть, что это такое, и просидели, не вставая, весь спектакль, - рассказывает миссис Эпстайн. - После окончания пьесы к нам подошел директор и спросил, как мы нашли Брайена в качестве звезды сцены. Но он был настолько хорош, что мы едва узнали

его!

В шестнадцать лет Брайен покинул «Рекин», не получив аттестата. Впрочем, никто и не надеялся, что он может успешно сдать экзамены. Отец все еще протестовал, он не желал, чтобы Брайен стал портным-дизайнером, но сын твердо решил оставить школу и начать работать. - Семь школ, одна другой поганее, - хватит, с меня довольно. Тем единственным, что я больше всего любил, мне не дали заниматься, и потому я был согласен на все. 10 сентября 1950 года худющий, розовощекий, кудрявый, полуобразованный мальчик, я приступил к своим обязанностям в семейном магазине в Уолтоне, в Ливерпуле.

Сначала Брайен продавал мебель и получал за это 5 фунтов в неделю. В первый же день он умудрился уговорить женщину, пришедшую покупать зеркало, прихватить еще и обеденный стол за 12 фунтов.

Он обнаружил, что из него получается прекрасный продавец и это занятие ему по душе. У Брайена стал просыпаться интерес к устройству и внешнему виду магазина. Отец, конечно, страшно обрадовался, что старший сын хочет пойти по его стопам и принять участие в деле. К собственному удивлению, Брайен сам стал получать удовольствие от отцовского бизнеса.

– У Брайена всегда был прекрасный вкус, - говорит его мать. - Он умел ценить красивую мебель.

Брайену не понравилось, как выглядят витрины их магазина. Он начал экспериментировать и искал смелые по тем временам решения: например, расставил на витрине стулья спинками вперед. Отец опасался, что сын торопится со своими начинаниями, в которых пока нет необходимости, но не жаловался, так как был счастлив, что его сын и наследник целиком погрузился в дело, назначенное ему судьбой. Чтобы Брайен поднабрался опыта, отец решил отправить его на полгода учеником в другую фирму, не имеющую к ним отношения.

Шесть месяцев Брайен провел в ливерпульском мебельном магазине «Таймс» на Лорд-стрит, за те же 5 фунтов в неделю. И здесь дела у него шли отлично. Когда Брайен покидал «Таймс», ему подарили паркеровскую ручку и карандаш. (Это была та самая ручка, которую несколько лет спустя он протянул Полу Маккартни, чтобы тот подписал свой первый контракт.)

Спустя шесть месяцев Брайен вернулся в Уолтон и взял на себя оформление всего магазина.

– Мне это страшно нравилось, особенно придумывать что-то новое. Но и самой торговлей я занимался с удовольствием, видя, как люди приходят в хорошее настроение и доверяют мне. Мне было приятно наблюдать за тем,

как настороженность во взгляде покупателя тает и сменяется выражением радостного ожидания, оправдать которое предстоит именно мне.

Ему пришлось немало поспорить насчет оформления витрин. - Все привыкли, чтобы они были битком набиты всякой всячиной. Я же предпочитал почти пустые - пусть там стоит, например, один стул. Я просто бредил современной мебелью. Они только входила в моду, и мне хотелось, чтобы все об этом узнали. «Если показать людям что-то красивое, - думал я, - они примут это».

9 декабря 1952 года, в самый разгар отважных проектов Брайена, направленных на процветание фирмы «Айзек Эпстайн и Сыновья», он был призван в армию. Если школа внушала Брайену ужас, то мысль об армии вызвала панику.

– Я был посредственным школьником, но в армии меня наверняка ожидала участь самого никудышного из всех солдат.

Он попросился в военно-воздушные силы и был назначен клерком в службе связи Королевской армии. Службу Брайен проходил в основном в Олдершоте.

– Жизнь там была как в тюрьме, и я делал все наоборот. Когда раздавалась команда: «Напраааво!», я поворачивался налево, когда командовали: «Смирна!» - я падал.

Он более или менее справился со строевой подготовкой и почему-то даже подумал, что его могут выбрать для участия в параде. Посвященном коронации. Шел 1953 год. Само звучание слова «коронация» зачаровывало, будоражило воображение, и Брайен подумал, что это должно быть интересно. Но его не выбрали. Он отправился в загул по пабам и клубам и напился.

В своем призыве Брайен оказался единственным выпускником закрытой частной школы, не дослужившимся до офицерского звания. Но когда он, как всегда безукоризненно одетый, появлялся во время увольнительных в фешенебельных клубах Вест-Энда, его, конечно, принимали за офицера.

После Олдершота ему повезло, он получил назначение в лондонские казармы «Риджент-парк» - предел мечтаний всех молодых офицеров. Брайен завязал в столице множество знакомств и недурно проводил там время. Однажды ночью он подкатил к казарме, сидя за рулем огромного автомобиля, в шляпе, светлом костюме в мелкую полоску, с зонтиком под мышкой.

Когда он вошел в казарму, часовые отдали ему честь, а двое караульных, встав по стойке «смирно», пожирали его глазами. Один из

служащих гаркнул: «Спокойной ночи, сэр!» Но офицера, сидящего внутри, было не так-то легко провести: «Рядовой Эпстайн! Завтра в 10 часов утра явитесь к начальству и доложите, что пытались выдать себя за офицера».

На некоторое время Брайену запретили выходить из казармы. Это было отнюдь не первое нарушение воинской дисциплины. Он неоднократно пренебрегал субординацией и уж как минимум никогда не мог выполнить правильно ни одного поручения.

– Армия начала действовать мне на нервы. Я действительно становился ненормальным. Я чувствовал, как деградирую, причем с такой силой, что пришлось пойти к казарменному врачу. Он посоветовал обратиться к психиатру. Консилиум психиатров постановил, что военная служба противопоказана рядовому Эпстайну. Врачи сошлись на том, что психика, эмоциональное и интеллектуальное состояние Брайена категорически несовместимы с военной службой. Спустя год он, отслужив в армии половину положенного срока, был комиссован по состоянию здоровья. Как и положено в армии, ему дали самую положительную характеристику. В ней Эпстайна аттестовали как «воздержанного, надежного и заслуживающего полного доверия солдата».

Брайен рассказывал о катастрофе, постигшей его в армии, бодро, чуть ли не намекая, что все это он подстроил нарочно. Но ни у кого не вызывало сомнений, что армия в значительной мере подорвала его душевное равновесие.

Всю дорогу в Юстон он бежал бегом и поспел на первый ливерпульский поезд. Вернувшись в семейный магазин, он впрягся в работу как вол. Как раз тогда заметно усилился его интерес к грампластинкам. Брайен всегда любил музыку, в особенности классическую, но и поп-музыка доставляла ему удовольствие. В то время больше всех ему нравился Эдмундо Рос.

Брайена опять захватило и то хобби, к которому он пристрастился в школе, - театр. Ему все чаще стало приходить в голову, что мир искусства, быть может, представляет для него больший интерес, чем торговля мебелью. Он познакомился со всем репертуаром ливерпульского театра «Плэйхаус» и все больше времени проводил, играя в любительских спектаклях или среди профессиональных актеров из «Плэйхаус». Особенно подружился он с двумя из них - Брайеном Бедфордом и Хелен Линддей.

Им казалось, что он мог бы стать хорошим актером. Театр увлекал его, он правильно все чувствовал, наверняка не был лишен таланта. Почему бы ему не попробовать поступить в Королевскую Академию драматического искусства? Они ему помогут. Брайен решил и поступил.

– Я прочитал режиссеру Джону Ферналду два отрывка: один из сборника Элиота «Сцены из клерикальной жизни» и Другой - из «Макбета». Бог знает почему, но меня приняли, даже не дослушав до конца. Быть может, сыграло свою роль то, что я не нуждался в стипендии.

Совершенно естественно, что отец Брайена не пришел в восторг от случившегося. В его списке самых идиотских и немужских занятий актерство уступало первенство только профессии модельера. Тем не менее факт оставался фактом: его двадцатидвухлетний сын и наследник вновь прервал свою карьеру. На этот раз, в отличие от армии, по собственному желанию. И, быть может, навсегда.

Брайен пришел в Королевскую Академию драматического искусства в том же году, что и Сусанна Йорк и Джоанна Данхэм. Алберт Финни и Питер О’Тул только что вышли из ее стен.

Будучи студентом Академии, Брайен работал понемногу в магазине пластинок на Чаринг-Кросс-роуд.

– По-моему, я учился успешно. В меня очень верил Джон Ферналд. Но постепенно актеры, образ их жизни начали вызывать во мне отвращение. Когда-то я возненавидел школьный уклад. И вдруг семь лет спустя снова оказался в схожей атмосфере «общей жизни». Мне была не по душе и эта обстановка, и люди. Я стал приходить к мысли, что появился здесь слишком поздно. Может быть, я и в самом деле родился настоящим бизнесменом?

С первого же дня занятий в Академии отец регулярно задавал ему вопрос, когда он вернется к делам. После каждого выходного дня, проведенного дома, он уговаривал Брайена не уезжать в Лондон. Во время летних каникул в 1957 году, перед началом четвертого семестра, отец после ужина в «Аделфи» снова предложил Брайену оставить учебу. Брайен согласился.

Отец задумал открыть в Ливерпуле новое отделение торгового дома, на этот раз в центре города, на улице Грейт-Чарлотт-стрит. Он рассчитывал на участие в деле Брайена. Клайв, младший сын, уже работал в фирме.

Брайен возглавил отдел грампластинок, взяв одного помощника. Открывала новый магазин певица Энн Шелтон. В первый же день выручка за пластинки составила 20 фунтов. В Уолтоне даже в лучшие времена такой отдел давал прибыли не больше 70 фунтов в неделю.

– Я бывал во многих магазинах, торгующих пластинками, - это же полный идиотизм! Стоит пластинке приобрести популярность, как она тотчас исчезает, - ее нет. Я же хотел добиться того, чтобы у меня всегда были любые пластинки, даже самые неожиданные. Я просто-напросто

утраивал количество пластинок, которые покупал один человек. Расчет был простой: если хоть один человек захотел эту пластинку, значит, найдутся и другие, - это точно. Даже «The Birth of Baby» я заказал в трех экземплярах, поскольку один человек ее купил.

Если случалось, что пластинки не было, клиенту предлагали оставить заказ. Каждый мог быть совершенно уверен, что его желание будет выполнено. Брайен придумал простой, но великолепный способ, благодаря которому в любой момент можно было узнать, распродана ли та или иная пластинка. Способ состоял в том, что края каждой папки, наполненной несколькими экземплярами пластинки, были соединены натянутой бечевкой. Если бечевка ослабевала, значит, именно в эту папку пластинки надо добавить. Несколько проверок в течение дня позволяли или немедленно пополнить запас пластинок, или сделать новый заказ.

Брайен, кроме того, составил собственный список из двадцати самых популярных пластинок, проданных в «НЕМС». Этот реестр тоже проверялся дважды за день. Тем самым Брайен одновременно делал рекламу и стимулировал и изучал покупательский спрос.

– В жизни не видела, чтобы кто-нибудь так много работал, - говорит его мать. - Казалось, впервые в жизни он нашел занятие, которое полностью его удовлетворяло. Брайен не отрицал этого.

– Я работал как лошадь. Кажется, так тяжело трудиться мне не приходилось ни до, ни после этого. Каждый божий день я начинал работу в 8 часов утра и заканчивал дела глубокой ночью. Все воскресенья напролет я проводил в магазине - составлял заказы.

В 1959 году, спустя два года после открытия отделения «НЕМС» на Грейт-Чарлотт-стрит, магазин мог похвастаться богатейшим ассортиментом записей классической и поп-музыки - отдел пластинок занимал два этажа магазина. Штат увеличился с двух человек до тридцати.

Дело пошло так споро, что решено было открыть новый филиал «НЕМС» на Уайтчепел, в сердце торговой части Ливерпуля.

Новый магазин открыл Энтони Ньюли. Брайен сумел установить с ним контакт через торговый отдел фирмы «Декка». Толпа, собравшаяся в день открытия магазина в центре Ливерпуля, напоминала скопище футбольных болельщиков, встречавших команду, выигравшую кубок. Ливерпуль такого еще не видывал.

Оба магазина процветали и расширялись. В августе 1961 года Брайен объявил, что в двух отделах «НЕМС» в центре Ливерпуля на Уайтчепел и Грейт-Чарлотт-стрит представлена «самая полная коллекция грампластинок на севере страны». Это заявление появилось в рекламном

отделе газеты «Мерси бит» от 31 августа 1961 года, той самой газеты, посвященной поп-музыке, которая начала выходить месяц тому назад. Сам Брайен никогда не увлекался поп-музыкой. Его любимым композитором оставался Сибелиус. Но как тонкий и умный бизнесмен, он понимал, что «Мерси бит» дает прекрасные возможности для рекламы и расширения рынка.

В том же издании он начал вести постоянную колонку под названием «Выпуск пластинок». Внизу стояла подпись: «Брайен Эпстайн из «HEMCS». Брайен делал обзор только что вышедших пластинок - эстрады, джаза и поп-музыки. В своем первом материале он сообщал, что «популярность «Шэдоуз» непрерывно растет». «Битлз», должно быть, стошнило от этого откровения.

Собственная колонка позволила Брайену свободно рекламировать свой магазин и заодно дать ход некоторым пластинкам. Но и «Мерси бит» не прогадала от сотрудничества с Брайеном Эпстайном. За четыре года, которые прошли с тех пор, как он, опустошенный и разочарованный, расставшийся с иллюзиями, покинул Королевскую Академию, Брайен стал крупной фигурой в пластиночном бизнесе Мерсисайда. Его имя и солидное положение в деловом мире придавало вес газете «Мерси бит».

Но очень скоро Брайен понял, что возможности расширения дела исчерпаны - дальше идти некуда. В Мерсисайде больше не существовало поля деятельности, к которому он мог бы приложить руки. Осенью 1961 года он снова почувствовал, как им овладевают неудовлетворенность и тоска. Его мать помнит, с чего это все началось.

— Он начал вдруг самостоятельно изучать иностранные языки. Особенно его привлекали Испания и испанский язык. Снова стал играть в любительских спектаклях.

Отец, конечно, забеспокоился: вдруг сын снова захочет куда-то уехать и бросит новые магазины, на которые сам потратил столько сил. Брайен тоже осознавал, что в нем рождалось стремление к чему-то новому, появлялось отвращение, пресыщение бизнесом. Однако три тогдашних самых близких его друга не припомнят, чтобы он стонал по этому поводу, хотя и подтверждают, что его явно беспокоили какие-то другие проблемы.

Когда магазин на Уайтчепел набрал силу, Брайен окунулся в светскую жизнь. Он довольно часто виделся со своим другом детства Джефффри Эллисом, жившим по соседству. Тот тоже ходил в частную школу «Элсмер Колледж», а потом уехал в Оксфорд, где прослушал курс лекций по праву. Джефффри считает, что Брайен отличался необычайной застенчивостью и неуверенностью в себе. После окончания Оксфорда Джефффри отбыл в

Нью-Йорк, где приступил к работе в страховой компании, - друзья потеряли связь на долгие годы.

Среди друзей Брайена значился и человек совершенно иного круга. Он закончил школу второй ступени и стал продавцом автомобилей, был остроумным парнем, ловко подражавшим ливерпульскому говору. «Однажды я случайно встретился с Брайеном в ливерпульском пабе в 1959 году и влюбился в него с первого взгляда».

Ни Джеффри, ни Терри не были в то время связаны с Брайеном по работе - они просто дружили. Но третий его приятель, Питер Браун, работал у Брайена. С течением времени он стал самым близким его другом.

Питер родился в Бебингтоне, учился в Римской католической гимназии, работал сначала в ливерпульском магазине Хендерсона, а затем у Льюиса, где стал заведовать отделом грампластинок.

Когда Брайен задумал открыть новый филиал «НЕМС» в Уайтчепел, он решил передать Питеру отдел на Чарлотт-стрит. У Льюиса Питер зарабатывал 12 фунтов в неделю, Брайен же предложил ему 16 фунтов плюс комиссионные, что показалось тому громадной суммой.

– Я быстро понял все, что касалось системы заказов, введенной Брайеном. В шесть часов магазин закрывался, и мы начинали заниматься заказами. На это уходило от сорока минут до двух часов.

Терри вспоминает, как ждал друзей, пока те закончат составлять заказы.

– Брайен говорил: «Встретимся после закрытия магазина». Я шел куда-нибудь поблизости промочить горло и просиживал там, бывало, до самого закрытия, дожидаясь их прихода.

При организации Уайтчепелского отделения возникла небольшая заминка, и Питер в течение двух месяцев решил поработать с Брайеном в магазине на Чарлотт-стрит.

– Хотя я и значился заведующим, но руководил всем он, босс, и мне было довольно трудно. Между нами не прекращались ссоры. Мы продолжали оставаться приятелями, но как в бизнесмен он, думаю, во мне разочаровался. Ему нравилось рассылать письменные указания своим служащим, хотя нас было раз, два - и обчелся. Его системный каталог - это верх совершенства. Мы практически не могли прозевать ни одной пластинки, пользующейся спросом. Представители фирмы «ЭМИ» [«ЭМИ» - аббревиатура, обозначающая название крупнейшей фирмы грамзаписи «Electrical Musical Industries»] говорили нам, что на Севере ни в одном магазине нет такого широкого ассортимента пластинок, как у нас.

Брайен по-прежнему был твердо, хоть и необоснованно уверен в том,

что не имеет успеха у девушек. Однако примерно в те дни он стал появляться с Ритой Харрис, служащей его магазина.

– Понадобилось много времени, прежде чем Брайен уразумел, что она влюблена в него, - рассказывает Питер Браун. - Мы часто ходили вместе обедать. Рита, Брайен, я и иногда еще кто-нибудь.

Роман Брайена с Ритой был самым серьезным в его жизни, но так ничем и не кончился. Любовь для Брайена всегда кончалась несчастливо. В нем вспыхивали бурные страсти, но они быстро угасали, и это вызывало у него сильное беспокойство. Он так и не сумел обрести себя в интимных отношениях. Но Брайен относил это на счет своей природы и никогда не пытался бороться с ней. Иногда он испытывал чувство саморазрушения.

– В Ливерпуле он всегда был совершенно одинок, - вспоминает Питер. - Брайену казалось, что ему некуда пойти, что нет места, где он смог бы посидеть с удовольствием. Лучше всего нам бывало в Манчестере. Брайен, Терри и я закатывались туда по субботним вечерам.

– Брайена пугали его неудачи и его еврейство. Я думаю, что антисемитизм мерещился ему там, где им и не пахло. А может быть, дело было не в самом еврействе. Скорее, в принадлежности к среде, которая, в общем-то, была ему совершенно чуждой, - среде преуспевающих провинциальных евреев - торговцев мебелью. Ведь истинное художническое призвание влекло Брайена к людям искусства. Он, конечно, с легкостью становился заправским бизнесменом, когда хотел этого. Тогда он начинал скрупулезно считать каждый пенни, но злился, что вынужден этим заниматься. Мы без конца ссорились из-за денег. Без конца. Он был расточителен до невозможности.

Проблемы личностных комплексов Брайена на этой ступени его карьеры легко преувеличить. Родители почти не догадывались о его терзаниях. Они никак не проявлялись, но мать Брайена помнит, как он потерял покой в тот момент, когда заработали оба отдела «НЕМС», как он стал стремиться изменить свою жизнь.

Осенью 1961 года Брайен отправился в самый длительный в его жизни пятинедельный отпуск, в Испанию. Он увозил с собой легкое чувство растерянности и разочарования в личной и деловой жизни. Наверное, это было не слишком серьезно. Просто ощущение неудовлетворенности. Четыре года, полностью отданные организации «НЕМС», измотали его - он слишком уж серьезно все воспринимал, как в свое время в армии. Были люди, которые считали его богатым избалованным маменькиным сыночком. Но каждый, кто видел его в действии, знал, что работать он умел в поте лица, неутомимый, очаровательный и веселый сын любящих родителей.

Тем не менее Брайена неудержимо тянуло в артистический мир, он ощущал настоящую потребность сменить поприще, наполнить свою жизнь. Казалось, выход его стремлениям могла дать Королевская Академия, но эта надежда дорого стоила Брайену, остановив его развитие на долгое время. Ведь нет ничего более тяжкого и разочаровывающего, чем стремление жить в мире искусства, когда художественные вкусы значительно превышают артистический талант.

Таков был двадцатисемилетний Брайен Эпстайн на 28 октября 1961 года плохой ученик, блестящий продавец мебели, непригодный к службе солдат, великолепный торговец грампластинками, неудавшийся актер, безупречный управляющий, - когда в его магазин зашел покупатель и попросил пластинку «Битлз».

16. Брайен подписывает контракт с «Битлз»

Знаменитая справочная система Брайена на этот раз не сработала. Все эти симпатичные бечевочки не помогли. Брайен Эпстайн вынужден был признать, что никогда не слышал о пластинке «Му Вонни» и о группе «Битлз». Между тем Брайену могло быть известно название группы. В конце концов, вот уже несколько месяцев он рекламировал свои товары и вел колонку в газете «Мерси бит». Слово «Битлз» не раз могло привлечь к себе его внимание. Впрочем, не надо забывать, что им руководили чисто профессиональные интересы коммерсанта, торгующего пластинками.

Брайен обращал внимание только на те группы, которые записывались на пластинки. Но ни одна из ливерпульских групп, упоминавшихся в газете «Мерси бит», этого не удостоивалась, поэтому естественно, что он просто не заметил каких-то «Битлз».

Разумеется, Брайен прекрасно знал, что в Ливерпуле полным-полно бит-групп и клубов. Но его это мало трогало, они не входили в круг его интересов. В двадцать семь лет он уже давно вышел из того возраста, когда околачиваются в кофейных барах и увлекаются бит-группами. Вот уже пять лет, как он всецело посвящал себя делу, и у него не оставалось времени для отдыха и развлечений, если не считать театра.

Однако Брайена задел за живое тот факт, что он понятия не имеет о пластинке, которую спросил парнишка, зашедший в его магазин. В конце концов, если эта группа, неважно какая и откуда, выпустила пластинку, он обязан об этом знать. И поэтому он твердо обещал Раймонду Джонсу достать для него пластинку и пометил в свой записной книжке: «Му Вонни», «Битлз». Проверить в понедельник».

Раймонд Джонс упомянул о том, что пластинка выпущена в ФРГ. Это уже облегчало задачу. Брайен позвонил в несколько магазинов, которые торговали иностранными пластинками. Но о «Битлз» никто и слыхом не слышал.

– Я мог бы остановиться на этом, но с давних пор для меня существовало только одно правило, которому я неукоснительно подчинялся: покупателю отказывать нельзя. Да и мое самолюбие было уязвлено: за каких-то два дня у меня трижды попросили совершенно неизвестную мне пластинку. В понедельник утром, еще до того, как я начал заниматься заказами, пожаловали две девицы и снова попросили пластинку.

Брайен связался со своими многочисленными ливерпульскими знакомыми и, к великому своему удивлению, выяснил, что «Битлз» - это не просто британская, а не немецкая, группа, но ливерпульская!

Он спросил продавщиц в своем магазине, что они знают о «Битлз». «О, это сказка!» Затем последовал новый сюрприз: Брайен узнал, что эти парни даже бывали у него в магазине. Он, без всяких сомнений, неоднократно видел их во второй половине дня, не имея даже представления о том, кто они такие.

– Одна из продавщиц сказала мне, что это именно те парни, которые раздражали меня тем, что битый день толкались у прилавков, слушали пластинки, но ничего не покупали. Такая нечесаная кожда в коже. Но поскольку девушки утверждали, что они очень симпатичные, я их не выгнал. Как бы то ни было, в послеобеденное время они были завсегдатаями магазина.

Брайен решил сам отправиться в «Кэверн» и разузнать подробности о «Битлз» и их пластинке. Коль скоро покупатели проявляли к ним такой интерес и учитывая, что это местная группа, ему, как толковому бизнесмену, следовало бы самому озаботиться их пластинками.

– Я, разумеется, не был членом клуба «Кэверн» и страшно стеснялся идти в молодежный клуб. Я боялся, что меня не пропустят. Поэтому я обратился за помощью в «Мерси бит». Они позвонили в «Кэверн», сказали им, кто я такой, и попросили, чтобы меня пропустили.

Впервые Брайен пришел в «Кэверн» на дневной концерт 9 ноября 1961 года.

– Темень, сырость, вонища, - я сразу же пожалел о своем порыве. Шум стоял оглушительный, из усилителей неслись в основном американские хиты. Помню, что, слушая шлягеры, которые они наяривали, я подумал: «Может быть, существует какая-то связь между «Кэверн» и моей «Двадцаткой лучших?»» Потом вышли «Битлз», и я впервые увидел их воочию. Весьма неопрятные и не очень чистые. Во время выступления они курили, ели, болтали друг с другом и в шутку обменивались тумачами. Они то поворачивались спиной к публике, то орали на слушателей и хохотали над собственными остротами. Но они, совершенно очевидно, вызывали колоссальное возбуждение. Казалось, от них исходит какой-то магнетизм. Я был покорен.

Особенно очаровал его парень, который больше всех орал и скакал по сцене. Брайен, поначалу не ведавший, кто есть кто, лишь впоследствии узнал, что парнем, от которого он не мог оторвать глаз, был Джон.

Но Брайен Эпстайн пришел сюда не для того, чтобы смотреть. Он

пришел заключить сделку. Диск-жокей Боб Вулер объявил в микрофон, что в зале присутствует мистер Эпстайн из «HEMCS»: «Давайте поаплодируем ему как следует».

Объявление возымело действие, и Брайен сумел пробраться поближе к сцене, откуда уже можно было докричаться до «Битлз».

– А вас каким ветром сюда занесло, мистер Эпстайн? - не без сарказма осведомился Джордж. Брайен объяснил, что у него спрашивают их немецкую пластинку, а он не знает, какая фирма ее выпустила. Не назовут ли они эту фирму? Джордж ответил, что компания называется «Полидор». Правда, теперь Джордж совершенно забыл, что разговаривал об этом с Брайеном. Остальные - Пол, Джон и Пит Бест - вовсе не помнят свою первую встречу с ним.

Чтобы более уверенно чувствовать себя в обществе подростков, Брайен стал брать с собой за компанию в «Кэверн» помощников, и среди них ближайшего - Алистера Тейлора, который днем стоял за прилавком в «HEMCS». (Брайен очень любил, чтобы в жизни магазина присутствовал обряд настоящего управляющего: к примеру, немногочисленному персоналу, который запросто разместился бы в телефонной будке, он рассылал записки.)

Брайену потребовалось некоторое время, чтобы привести в порядок свои мысли.

– Меня интересовала вроде бы только продажа пластинок. Но вскоре я обнаружил, что все чаще и чаще хожу в «Кэверн» просто для того, чтобы послушать и посмотреть. Потом вдруг поймал себя на том, что все чаще и чаще спрашиваю своих коллег, что значит быть менеджером группы. Как ими становятся? Как заключить с группой контракт, если предположить - я подчеркиваю, всего лишь предположить, - что хочешь стать ее менеджером?

Коллеги Брайена не были специалистами в этих вопросах. Они занимались не производством пластинок, а их розничной продажей.

Но во время поездки в Лондон по торговым делам Брайен больше, чем обычно, общался с такими людьми, как генеральный директор фирмы «ХМВ» [«ХМВ» - аббревиатура, обозначающая название фирмы грамзаписи «His Master's Voice»] на Оксфорд-стрит или управляющий магазина Кита Прауса; при этом Брайен старался запомнить все, что может ему пригодиться.

Он связался также с немецкой компанией грамзаписи и заказал 200 экземпляров «My Bonnie».

– Я был настолько околдован «Битлз», что не побоялся рискнуть, я был

уверен, что пластинки разойдутся. Думаю, что ко всему этому примешалось еще и то обстоятельство, что мне стало скучно заниматься только продажей пластинок. Я жаждал нового увлечения. Группе «Битлз», хотя не только я, но и они сами об этом не подозревали, тоже наскучил Ливерпуль. Им хотелось вырваться оттуда, хотелось новых впечатлений. Я начал разговаривать с ними во время дневных концертов. «Жаль, что вас не было вчера вечером, - как-то сказал мне Пол. - Мы давали автографы, и я расписался у одной девушки прямо на руке». Я почему-то всегда упускал самое интересное в их жизни.

Брайен выяснил, как обстоят у группы дела с менеджером. Оказывается, Алан Уильямс одно время работал с ними и организовал их первую поездку в Гамбург. «Я пошел к нему, и Алан сказал: «Это чудесные парни, но они все время будут вас подводить»».

3 декабря 1961 года Брайен пригласил ребят в свой офис в магазине на Уайтчепел. Он сказал, что пока просто хочет с ними поболтать, поскольку не все еще продумал.

Прежде чем позвать «Битлз» к себе, Брайен наблюдал за ними уже немалое время, однако сами ребята по-прежнему почти не замечали его. Кто-то там маячил на отшибе, но до той встречи с Брайеном «Битлз» смутно помнят общение с ним.

– Ловкий и богатый, вот и все, что я заметил, - говорит Джон. По словам Джорджа, это был типичный бизнесмен. На Пола огромное впечатление произвел автомобиль Брайена - «зодиак». Они решили попытаться с ним счастья.

На первую официальную встречу «Битлз» захватили с собой Боба Вулера, просто чтобы показать, что они не совсем одиноки в этом мире. Джон представил Боба как своего отца. Прошло много времени, прежде чем Брайен узнал, что Боб вовсе не отец Джона. И еще больше, пока он выяснил что Джон вообще понятия не имеет, чем занимается его отец и где он.

Джон и Боб Вулер пришли на место минута в минуту, как договорились - ровно в половине пятого. Вовремя появились Джордж и Пит Бест. Пола не было. Спустя полчаса Брайен, уже порядком раздраженный, попросил Джорджа позвонить Полу. Джордж вернулся и сообщил, что Пол принимает ванну. «Безобразие, - возмутился Брайен, - быть таким неточным!» «Неточным, но чистым», - парировал Джордж.

Наконец явился Пол, и они стали обсуждать планы «Битлз» на будущее, - что они хотят, какие условия их устроили бы. Никто из присутствующих не знал, как заключают контракты, поскольку никогда их

не заключали.

Они договорились увидеться снова в будущую среду. К тому времени Брайен уже навестил своего друга адвоката Рекса Мейкина. Брайен жаждал участия не меньше, чем совета. И услышал: «Поздравляю, еще одна эпстайновская идея. Сколько понадобится времени, чтобы вы к ней остыли?»

Наступила среда, «Битлз» встретились с Брайеном, и тот заявил, что хочет стать их менеджером. 25% сборов отчисляются в его пользу. «Устраивает?» - спросил Брайен. «А 20% не хотите?» - услышал он в ответ. Брайен объяснил, что 5% ему необходимы на покрытие тех больших расходов, которые предстоят в ближайшие несколько месяцев.

Контракт был подписан в следующее воскресенье в клубе «Касба», где жил Пит Бест и располагался штаб «Битлз». Каждый из «Битлз» подписал бумагу в присутствии Алистера Тейлора. Брайен своей подписи не поставил.

– Бред какой-то, - говорит Алистер. - Я расписался как свидетель подписи Брайена. Выглядел из-за него дурак дураком. Брайен так и не подписал этот контракт. - Я дал слово, и этого достаточно, я точно выполнял все, что обещал, и никому ни разу не пришлось беспокоиться по поводу моей подписи.

Брайен подтверждает, что «Битлз» охотно согласились работать с ним как с менеджером, потому что он им понравился.

– У меня были деньги, машина, магазин грампластинок. Думаю, все это сыграло не последнюю роль. Да и я им понравился. Для меня же самым привлекательным в «Битлз» было явное наличие у каждого из них яркой индивидуальности - это были личности, и личности невероятного обаяния.

Родители Брайена почувствовали - сын затевает что-то новое. После недели, проведенной в Лондоне, они, вернувшись, застали Брайена в ожидании «Битлз».

– Брайен попросил нас послушать их пластинку, - рассказывает его мать, - «Му Вонни». Он предупредил, чтобы мы не обращали внимания на пение, а слушали сопровождение. «Их ждет грандиозный успех, - уверял Брайен, - и я буду их менеджером».

Не дав отцу перебить себя, Брайен поторопился добавить, что не собирается отдавать группе все свое время, но не станет же отец возражать, если он чуть-чуть укоротит свой рабочий день?

Нельзя сказать, чтобы отец пришел в восторг: Брайен снова взялся за что-то новое, хорошо хоть, что на этот раз он останется в Ливерпуле. Брайен решил создать новую компанию, занимающуюся делами «Битлз», и

назвал ее «HEMС Энтeрпрайзиз» [«Предприятие HEMС» (англ.)] - в честь магазина пластинок.

– Очень удачное решение. Конечно, я мог бы руководить ими просто под названием «HEMС», без «Энтeрпрайзиз». Но через несколько лет, когда мы продали магазин «HEMС», это могло бы оказаться поводом для больших осложнений.

Клайв, брат Брайена, стал его партнером в «HEMС Энтeрпрайзиз».

– Отчасти я решился на это потому, что мне нужны были деньги, но не только: я надеялся заинтересовать Клайва, сделав его своим помощником, - объяснял Брайен. Следующая, третья поездка «Битлз» в Гамбург была запланирована задолго до появления Брайена Эпстайна. Прежде чем группа уехала оттуда в последний раз, Питер Экхорн из «Топ Тен» и несколько других менеджеров отправились в Ливерпуль в поисках талантов.

«Битлз» обещали Питеру Экхорну снова выступить в его клубе, но, когда тот приехал в Ливерпуль, чтобы обсудить с ними детали будущих гастролей и заодно поискать новые группы, он обнаружил, что делами «Битлз» ведает теперь Брайен Эпстайн.

– Брайен запросил гораздо больший гонорар, чем было договорено, - говорит Питер Экхорн. - Я попытался получить группу «Джерри энд Пейсмейкерз», но и тут ничего не вышло.

В результате Питер Экхорн возвратился в Гамбург с ударником - это было все, чего он смог добиться. Ударник, Ринго Старр, предназначался для участия в концертах Тони Шеридана.

Шло время, и новые владельцы гамбургских клубов стали делать «Битлз» более выгодные предложения. Одно из них, исходящее от Манфреда Вайслидера, открывшего в Гамбурге клуб «Стар», Брайен принял. Этот новый клуб должен был стать и больше, и лучше всех остальных. Вайслидер предлагал ребятам по 400 марок в неделю на каждого, то есть примерно по 40 фунтов. «Топ Тен» давал около 300 марок еженедельно.

Это были прекрасные условия, но несколькими месяцами ранее Брайен уже отстаивал еще более выгодную сделку, непосредственно в Ливерпуле. Как только Эпстайн стал менеджером «Битлз», он сразу же постановил, что группа будет играть не меньше чем за 15 фунтов в вечер.

Однако самая большая заслуга Брайена состоит в том, с какой молниеносной быстротой преобразились под его руководством «Битлз», как они научились вести себя на сцене, подавать свою музыку. От Брайена они впервые узнали, что такое дисциплина.

Брайен забрал у Пита Беста все ангажементы и поставил их на

твердую организационную основу. Он добился того, что каждый член группы твердо знал, когда и где он играет.

– Брайен аккуратнейшим образом расписал, что мы должны были делать, и от этого все показалось более реальным, - рассказывает Джон. - Пока не появился Брайен, мы жили как во сне. Толком не знали, что мы делаем, где согласились играть. Когда мы увидели все это на бумаге, наша деятельность приобрела смысл официальной работы.

Инструкции Брайена были великолепно отпечатаны на машинке, чаще всего на листах с его собственным вензелем, изящно выполненным типографским способом из двух букв - Б. и Э. Он ненавязчиво учил их модно, со вкусом одеваться, во время выступления не курить, не жевать резинку и не есть.

– Брайен пытался подчистить наш имидж, - говорит Джон. - Он заявил, что вид у нас неподобающий, что в порядочный дом нас на порог не пустят. Мы привыкли одеваться одинаково - и на сцене, и дома. Брайен уговорил нас надеть концертные костюмы.

Брайен научил группу, как надо выходить на сцену. Они привыкли появляться перед публикой как Бог на душу положит.

– Он сказал, что мы должны поработать над нашей программой и каждый раз во время выступления исполнять наши лучшие номера, а не то, что нам в голову взбредет, - вспоминает Пит Бест. - Объяснил, что нет смысла острить и обмениваться хохмами с ребятами, которые сидят в первых рядах, потому что сидящие сзади представления не имеют, что происходит впереди, - ведь в зале сидит не меньше 700-800 человек. Программу мы теперь строго разрабатывали, безо всякого дуракаваляния.

Изменилось решительно все, произошел поворот на 180 градусов. Впоследствии Джон слегка сожалел о том, что их подлакировали, поскольку чувствовал, что в какой-то мере они перестали быть самими собой, во всяком случае он, Джон. Тем не менее группа со всем соглашалась. В то время Джон понимал, что другого выхода нет, - придется менять обличье.

– Конечно, мы должны были показать себя наилучшим образом, - говорит Джон. - Нужно было понравиться репортерам, даже тем, которые задирали нос, притвориться, что они делают нам большое одолжение. Мы подыгрывали им - ах, как мило, что они согласны с нами поговорить. Лицемерили вовсю. Ради публицити мы разыгрывали целые спектакли: устраивали засады перед редакциями местных газет, музыкальных издательств.

Хотя между собой «Битлз» посмеивались, ехидничали и издевались

над всеми, кто и знать их не хотел, в глубине души они очень болезненно реагировали на неприятие и предубеждение, царившие по отношению к ним.

– В то время мы только и слышали: «Вы откуда? Ах, из Ливерпуля? - вспоминает Пол. - Да вы там ничего не деретесь. Слишком далеко. Если хотите чего-нибудь достичь, придется прокатиться в Лондон. Ливерпуль - это пустой номер». Годами только это мы и слышали.

Но Брайен выбрал правильный путь для того, чтобы привести группу в соответствие со столичной системой ценностей.

– Я ведь не изменил их. Я просто сконцентрировал то, что уже было в них заложено. Выявил личности. На сцене от них шли флюиды, которые не поддаются определению. Но эти флюиды испарялись из-за того, что они ели, курили, жевали и болтали с первыми рядами. Решившись стать менеджером «Битлз», Брайен встретился с их родителями. Брайен, конечно, в противоположность прежним знакомцам их сыновей произвел впечатление манерами и бросающимся в глаза достатком.

Колебалась разве что тетушка Мими, хотя именно на нее-то воспитание и прочие достоинства Брайена должны были повлиять самым благоприятным образом. Но все, что было так или иначе связано с бит-группами, раз и навсегда для нее не существовало.

– Когда я впервые услышала о Брайене Эпстайне, у меня сразу появились сомнения. Не то чтобы я имела что-то против него лично. Но он был слишком уж богат. Для него группа могла стать просто новой игрушкой, и ему, конечно же, было совершенно безразлично, утонут они или выплывут. Ему-то все равно, а они попадали в полную зависимость. Спору нет, Брайен оказался очень обаятельным. Но сомнения у меня оставались. Я подумала: «Всему этому придет конец. Он бросит их через два месяца, и все дела. А Джон и остальные не успеют даже ахнуть».

17. «Декка» и Пит Бест

Будучи владельцем лучшего на севере страны магазина грампластинок, Брайен Эпстайн мог позволить себе иной раз прибегнуть к своим связям, и они срабатывали. Не осталась равнодушной к нему и фирма «Декка».

В сфере торговли пластинками Брайен всегда был тесно связан с «Деккой». Он настойчиво склонял на свою сторону один отдел фирмы за другим, пока в конце концов не добился обещания от звукорежиссера приехать в Ливерпуль и посмотреть, чем это он так отчаянно хвастается.

К концу декабря 1961 года из фирмы «Декка» прибыл Майк Смит. И сразу успех. Брайен в экстазе. «Фантастическая удача! Звукорежиссер в «Кэверн»

На Майка Смита «Битлз» произвели сильное впечатление. Ему понравилось их звучание, и он обещал обеспечить им приезд в Лондон для прослушивания на студии. Во время прослушиваний идет проверка звучания, проверка исполнителей - их умения записываться. Конечно, такое студийное знакомство не бог весть что - в принципе подобные прослушивания ничего не решают. Но Брайен Эпстайн добился такого приглашения для группы «Битлз» из Ливерпуля.

Прослушивание было назначено на 1 января 1962 года. Брайен поехал в Лондон поездом. А «Битлз» - Джон, Пол, Джордж и Пит Бест - со своим администратором Нилом Аспиналом выехали на автобусе в канун Нового года.

– Я специально нанял огромный фургон. В Лондоне мне до сих пор бывать не приходилось, я и не мечтал об этом. На дорогу ушло десять часов, потому что возле Вулверхэмптона мы заблудились. В десять часов вечера мы приехали в Лондон, прямо в нашу гостиницу «Ройял» рядом с Рассел-сквер. И сразу отправились куда-нибудь перекусить. Сунулись в какую-то харчевню на Чаринг-Кросс-роуд. Вошли туда - настоящая шайка, - сели. А у них тарелка супа - 6 шиллингов! «Да вы шутите», - сказали мы. Тамошний вышибала велел нам тогда убираться. Мы и убрались. Пошли на Трафалгар-сквер, там по случаю Нового года было полным-полно пьяных и они падали в фонтан. Потом мы встретили на Шефтсбери-авеню двух накурившихся до одурения ребят, правда мы этого не поняли. А они как выяснили, что у нас есть фургон, так сразу стали проситься туда, чтобы покурить в фургоне свой гашиш. Мы заорали - нет, нет, нет! Совсем

зеленые еще были. Испугались дико.

На следующее утро Брайен явился в студию «Декка» первым, минута в минуту.

– Представители фирмы опоздали, и я очень разозлился. Не потому, что нам не терпелось записать свои песни, - просто опоздание означало, что нас принимают как людей второго сорта.

Наконец настала очередь «Битлз». Ребята достали свои старые, выдавшие виды усилители, но им сразу же велели положить их на место. «В гробу они видали нашу технику, - говорит Нил. - Пришлось работать с их аппаратурой, так что зря мы волокли наши усилители аж из самого Ливерпуля».

Началась запись, и Джордж сдавленным голосом, зажавшись, пропел «The Sheik of Araby». Пол нервно выдал «Red Sails in the Sunset» и «Like Dreamers Do». Хотя они захватили с собой ноты собственных песен, но свои сочинения петь не стали. Брайен советовал им не высовываться.

– Ребята порядком перепугались, - вспоминает Нил. - Одну песню Пол так и не мог спеть. У него все время срывался голос. Ребятам мешал красный свет. «А выключить его нельзя?» - поинтересовался я. «Если выключить красный свет, в студию начнут заходить люди», - ответили нам. Что-что? Мы даже не поняли, о чем идет речь.

Они кончили записываться около двух часов, и все как будто остались совершенно довольны.

– Майк Смит сказал, что запись получилась потрясающая, - говорит Пит Бест. - Мы решили, что дело в шляпе. В тот вечер Брайен пригласил нас на ужин в какой-то «Свисс Коттедж». Он даже заказал вина, но его почему-то так и не принесли.

Неделя шла за неделей, однако никаких новостей не было. «Битлз» по-прежнему выступали в Мерсисаиде, ожидая, что вот-вот объявится «Декка», превознесет их до небес и они прорвутся на большую эстраду. Наконец в марте Брайен с трудом выяснил через Дика Рау, хозяина Майка Смита в «Декке», что пластинку «Битлз» фирма выпускать не собирается. «Дик сказал мне, что там не понравилось, как они звучат. К тому же гитарные группы постепенно выходят из моды. Я ответил, что абсолютно убежден в том, что эти ребята станут куда более крупным явлением, чем даже Элвис Пресли».

Брайену вежливо посоветовали вернуться к тому, что получается у него лучше всего: к продаже пластинок в Ливерпуле. Другой совет касался способа грамзаписи - ведь он может, например, за сотню фунтов получить студию и нанять звукорежиссера. День-другой ушел на размышления. Но к

нему выказывали такое, на его взгляд, открытое пренебрежение, что, видимо, это была бы совершенно пустая трата денег.

– Я думаю, - говорит Джон, - что «Декка» ожидала услышать сложившуюся группу. Мы же записывали пробу. Им бы надо было угадать наши возможности.

Засим последовали долгие, безнадежные скитания по всем крупным фирмам грамзаписи. И каждая по очереди - «Пай», «Коламбия», «ХМВ» и «ЭМИ» - отказывала им. Компании помельче тоже говорили твердое «нет».

– Я последним узнал о том, что «Декка» нам отказала, - говорит Пит Бест. - Гораздо позже Джона, Пола и Джорджа. Из случайно оброненной фразы я понял, что им это стало известно уже несколько недель тому назад. «Почему же вы мне не сказали?» - спросил я. «Не хотели тебя огорчать», - ответили они.

Ребята попеременно овладевали то полное разочарование, то беспочвенный оптимизм, то надежда, что в конце концов все образуется.

– Несколько раз мы ссорились с Брайеном, - рассказывает Джордж, - упрекали его в бездействии, - он, мол, ничего не делает, все взвалил на нас. Это, конечно, ерунда. Мы прекрасно понимали, как он выкладывается. Просто мы стояли против них.

– Обычно мы поджидали Брайена на Лайм-стрит, - вспоминает Пол. - Он звонил нам, и мыл каждый раз надеялись, что услышим от него какие-нибудь хорошие новости. Но Брайен приходил с туго набитым бумагами портфелем, и когда мы заходили в «Панч энд Джуди», чтобы выпить по чашечке кофе, то узнавали, как «Пай», «Филипс» или еще кто-нибудь послали нас подальше.

– И все-таки мы по-прежнему верили, что прорвемся и станем первыми, - продолжает Джордж. - Когда все шло совсем погано и ровно ничего нам не светило, мы справляли особый ритуал. Джон кричал: «Парни, куда мы идем?» Мы вопили в ответ: «На верх, Джонни, на самый верх!» - «На самый верх чего?» - «На самую верхушку самой макушки, Джонни!»

Алистер Тейлор, помощник Брайена в «НЕМС», говорил, что нескончаемые путешествия Брайена по фирмам грамзаписи доводили его порой чуть не до слез. «Он давил на фирмы изо всех сил, но ведь существовало еще 10 000 групп, которые тоже давили как могли. У Брайена ничего не получалось».

В декабре 1961 года газета «Мерси бит» объявила конкурс на самую популярную группу. У Джона и Пола до сих пор хранятся несколько экземпляров этого номера с вырезанными для заполнения анкетами. Под

вымышленными фамилиями они заполнили дюжины таких анкет и везде на первое место поставили «Битлз», а на последнее «Джерри энд Пейсмейкерз». Они совершенно искренне боялись, что победит эта группа. Все, конечно, голосовали за себя, поэтому попытки схитрить самоуничтожились. Так или иначе, «Битлз» победили с огромным преимуществом.

Из этой победы Брайен выжал все возможное. На афише их выступления 24 марта громадными буквами было напечатано: «ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «МЕРСИ БИТ»! ЗАПИСАННЫЕ НА ФИРМЕ «ПОЛИДОР»! НАКАНУНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ТУРНЕ!» Их концерт состоялся в женском институте «Барнстон» - весьма скромная сцена для столь великих артистов.

Европейское турне, канун которого так рекламировался, представляло собой, разумеется, третью поездку «Битлз» в Гамбург. Они отправились туда ровно через неделю, в апреле 1962 года.

«Битлз» прилетели в ФРГ на самолете - впервые в жизни. «Это Брайен заставил нас лететь. По дороге всех выворачивало наизнанку», - признается Пит Бест.

На этот раз им предстояло играть в клубе «Стар», самом большом гамбургском заведении подобного рода. «Там даже занавес висел», - говорит Джордж. Астрид, горевавшая по Стю, сначала не бывала на их концертах, но ребята превзошли себя, чтобы заставить ее встретиться с ними, принесли ей подарки и обласкали ее. Астрид признается, что если у нее когда-то и возникали легкие подозрения по поводу их жестокосердия, то теперь они исчезли навсегда. «Никогда не думала, что они такие добрые», - говорит Астрид.

Тем временем в Великобритании Брайен предпринимал последние попытки хоть кого-то заинтересовать группой. Он решил в последний раз выложить для этого деньги.

Обычно он приносил в фирмы грамзаписи пленки, которые были в свое время сделаны специально для январского прослушивания в «Декке». Брайен считал, что если из записей «Битлз» удастся сделать пластинку, то это, с одной стороны, произведет большее впечатление, с другой - ее легче будет носить и показывать.

Отца Брайена все больше раздражала та пустая трата времени, которой он считал возню сына с «Битлз». «Я сказал отцу, что хочу отвезти мои записи в Лондон и попытаться в последний раз - пан или пропал». Отец согласился, считая, что это не потребует больше одного-двух дней.

Брайен отправился на Оксфорд-стрит, в фирму грамзаписи «ХМВ»,

представляющую собой обычный магазин, хотя и огромных размеров, один из филиалов обширной империи звукозаписывающей фирмы ЭМИ». Брайен поговорил со своим знакомым и посоветовался, как сделать из его пленок пластинку.

– Звукоинженер, осуществивший перепись, сказал мне, что получилось совсем недурно. Он даже решил подняться на этаж выше и замолвить словечко музыкальному издателю, Сиду Колману. Колман страшно разволновался, заявил, что хотел бы издать их, что он обязательно поговорит об этом со своим другом из «Парлофона» Джорджем Мартином.

Договорились, что на следующий день Джордж Мартин придет в «ЭМИ». «Парлофон», один из филиалов «ЭМИ», однажды уже отверг «Битлз». Джордж Мартин послушал пластинку и сказал, что ему нравится, как поет Пол и играет на гитаре Джордж. Это были два основных замечания. Мартину к тому же очень понравилось, как Джон спел «Hello Little Girl», а Пол - «Till There Was You»

Джордж Мартин обстоятельно и спокойно обсудил с Брайеном все вопросы и наконец сказал, что это очень «интересно». Достаточно интересно для того, чтобы устроить группе прослушивание.

Шел май 1962 года. «Битлз» были в Гамбурге. Брайен пулей вылетел из «ЭМИ» и отправил им телеграмму с доброй вестью.

– Мы еще валялись в постели. У нас шел за почтой тот, кто вставал первым. В этот день первым поднялся Джордж, он принес телеграмму: «Поздравляю мальчики «ЭМИ» предлагает сеанс записи. Пожалуйста отрепетируйте новый материал».

– Мы чуть с ума не сошли от радости. Джон и Пол начали срочно сочинять новую песню. Брайен приехал взглянуть на нас, заключил с нами новый контракт, кажется по 85 фунтов на каждого в неделю. Он считал, что «Love Me Do» очень подойдет для записи.

Клаус отмечает, что встреча с Брайеном Эпстайном в Гамбурге вызвала в нем разочарование. «Он мне совершенно не понравился. Робкий, стеснительный... Какая там сильная личность! Я представлял его себе совершенно иначе и, увидев Брайена, просто пал духом. Он произвел на меня удручающее впечатление. У меня сложилось свое представление о будущем менеджере «Битлз». Это должен был быть крупный босс, в высшей степени динамичный, а не какой-то неуверенный в себе новичок».

Но «Битлз» были наверху блаженства. Клаус вспоминает, в какой восторг они пришли от новостей из «ЭМИ», как побежали показывать свои контракты в «Полидор», - ведь там использовали их всего лишь как сопровождающую группу, а не как солистов.

– Однажды я отправился пройтись по набережной с Полом и Джорджем, и Джордж пустился в рассуждения по поводу денег. У него их будет куча, уверенно заявлял Джордж, он это чувствует. Он купит дом с плавательным бассейном, а потом еще и автобус для отца - ведь тот работал шофером, - вспоминал Клаус.

Ребята вернулись из Гамбурга в начале июня 1962 года. 6 июня в присутствии Джорджа Мартина состоялось их прослушивание в студии «ЭМИ» в Сент-Джонс-Вуд.

Расторопный Брайен заранее послал Джорджу Мартину красиво отпечатанный на фирменной бумаге список номеров, которые «Битлз» исполнят для него, если, конечно, мистер Мартин не возражает. Список включал несколько оригинальных сочинений: «Love Me Do», «P.S. I Love You», «Ask Me Why» и «Hello Little Girl». Но основу его составляли шлягеры типа «Besame Mucho».

Джордж Мартин прослушал все и сказал: «Очень мило». Они ему понравились. Наконец-то он наяву увидел ребят, о которых так много слышал от Брайена. Очень мило. Он даст им знать.

Тем и кончилось. Не то чтобы они сильно расстроились или сникли - нет. Но они ждали более определенной реакции. На следующий день «Битлз» возвратились в Ливерпуль и вновь включились в обычный круговорот разовых ночных концертов, которые предусмотрительно устроил им Брайен, пока группа выступала в Гамбурге. Первый концерт прошел в «Кэверн» в субботу вечером 9 июня под девизом «Добро пожаловать домой», а в понедельник им предстояло принять участие в радишоу Би-би-си, о котором тоже сговорился Брайен. После этого их концерты были расписаны с июля и до конца сентября: «Кэверн», «Касба», «Нью-Брайтон Тауэр», «Норвич Мемориэл-холл», танцевальный зал «Маджести», «Биркенхед», танцзал «Плаза», «Сент Хеленз», зал гольф-клуба «Ульме», концертный зал телефонной компании «Ройял Айрис Ривер Круиз».

Как обычно, Брайен посылал каждому из ребят отпечатанные на машинке памятки, где были указаны все детали предстоящих выступлений. Здесь же прописными буквами были выделены напоминания о том, как им надлежит себя вести: «Пятница, 29 июня, 1962 г. Танцевальный зал «Тауэр», Нью-Брайтон

Нил заберет вас между 6.45 и 7.00 часами вечера, чтобы привезти в «Тауэр» к 7.30. Это вечер Лича, он организовал для вас как главных звезд афиши блестящую рекламу. Имея в виду это, а также тот факт, что по целому ряду вопросов он шел в последнее время нам навстречу, я бы хотел,

чтобы вы отблагодарили его великолепным выступлением, одним из лучших ваших выступлений! К тому же это вечер накануне свадьбы Сэма! Соберется огромная аудитория, немало заплатившая, чтобы услышать и увидеть «Битлз». Программа, последовательность, костюмы, белые рубашки, галстуки и т.д. и т.п. - все должно быть продумано. Выступление продлится час.

Н.В. В номере «Мерси бит», который прилагается, название «Битлз» повторяется по грубому подсчету раз 15. Из 10 страниц «Мерси бит» «Битлз» фигурируют на шести. Реклама уже была, ее станет еще больше, поэтому жизненно важно соответствовать ей. Прошу ВСЕХ иметь в виду, что во время выступления СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ курить, есть, жевать и пить».

Все это время Брайен тщетно пытался договориться о выступлениях группы за пределами Мерсисайда. Летом ему наконец удалось устроить им концерт в Питерборо, но дело кончилось полным провалом. Никто не знал «Битлз», никому они не понравились. Как говорит Артур Хауз, пригласивший их менеджер: «Публика уселась на ладошки».

«Битлз» с нетерпением ждали известий от Джорджа Мартина. Он сказал, что даст знать, когда им надо будет приехать, чтобы записаться по-настоящему.

В конце июля Брайен получил наконец весточку от Джорджа Мартина, который предлагал им подписать контракт с фирмой «Парлофон». И теперь Мартин размышлял, какие песни им записывать. Брайен, так же как Джон, Пол и Джордж, был без ума от счастья.

Питу Бесту они ни о чем не сказали. - Вечером 15 августа мы играли в «Кэверн», - вспоминает Пит. - На другой вечер нам предстояла поездка в Честер, и я должен был отвезти туда Джона. Когда мы уходили из клуба, я спросил у Джона, в котором часу мне заехать за ним, чтобы отправиться в Честер. «Не надо, - сказал он, - я сам доеду». Я удивился: в чем дело? Но его уже и след простыл. Он выглядел испуганным. Потом позвонил Брайен и сказал, что хочет увидеться со мной и Нилом на следующее утро в своем офисе. Нил повез меня к Брайену на машине. Брайен был очень смущен и не излучал оптимизма, как обычно. Он никогда не скрывал своих чувств, и я сразу заподозрил что-то неладное. Брайен выглядел каким-то суетливым. Он сказал: «Я припас для вас не слишком хорошие новости. Ребята требуют, чтобы вы покинули группу и вместо вас пришел Ринго». У меня земля поплыла под ногами. Я был оглушен. Минуты две я не мог вымолвить ни слова. Потом накинулся на него с вопросами, но ничего вразумительного он мне не ответил. Джорджу Мартину, сказал он, не очень

понравилось, как я играю. Ребятам кажется, что я не подхожу им. Но ничего более определенного я не услышал. Наконец я сказал, что ж, раз так, пусть будет по-вашему. Я вышел, рассказал обо всем Нилю - он ждал меня снаружи. Наверное, я был очень бледным. Я сказал ему, что после двух лет работы меня вышвырнули вон. Непонятно почему. Мне не дали прямого ответа. Вышел Брайен и заговорил с нами обоими. Он спросил, смогу ли я играть с ними до конца недели, пока приедет Ринго. «Ага», - ответил я и ушел. Пропустил пару пинт пива. Я не сказал о том, что случилось, ни одной живой душе - не знаю, как это стало всем известно. Я никому не говорил.

Однако новость распространилась мгновенно, и в Ливерпуле поднялась буча. Газета «Мерси бит» вышла 23 августа с шапкой: «Экстренный выпуск «Мерси бит». «Битлз» меняют ударника». Причина не называлась; написано было, что музыканты расстались по-дружески. Но в конце статьи сообщалось, что 4 сентября «Битлз» отбывают в Лондон, чтобы записываться в «ЭМИ». Поклонники Пита Беста, хоть их набралось и не так много, как у Пола Маккартни, пришли в дикую ярость. Их кумира выкинули в тот момент, когда к «Битлз» наконец пришел успех. Они маршировали по улицам, торчали у магазина «НЕМС» с плакатами, пикетировали выход из «Кэверн» и вопили во время концертов. Они обрушивали свой гнев на Джона, Пола и Джорджа, но врагом номер один стал для них Брайен Эпстайн.

– Изгнание Пита Беста поставило меня в ужасное положение, - рассказывал Брайен. - Это была первая серьезная проблема, с которой я столкнулся. Буквально за одну ночь я стал самой ненавистной фигурой на бит-сцене. Два вечера я не мог приблизиться к «Кэверн», потому что ее осаждали толпы фанатиков, скандировавших: «Пит - всегда, Ринго - никогда» или «Пит - Лучший» [Игра слов: бест (best) - лучший (англ.)]. Но я не мог долго там не появляться, и поэтому Рэй Макфол нанял мне телохранителя.

Поклонники Пита Беста пытались добраться до «Битлз», чтобы сквитаться с ними. Сторонники Джона, Пола и Джорджа старались помешать им. А те, кто болел за Ринго, оставались в стороне от разразившихся баталий. Во время этих боев пострадали несколько девчонок; что касается «Битлз», то только Джордж удостоился фингала под глазом.

Ливерпуль кишел слухами. Мэл Эванс, тогдашний вышибала «Кэверн», говорил, что люди толкуют, будто все, дескать, вышло из-за того, что Пит не желал улыбаться. Другие настаивали, что причина - в

нежелании Пита изменить прическу. В любом случае мало кто считал, что к этому делу не приложил руку Брайен.

– Я знал, какой популярностью пользуется Пит. Изумительно красивый, всегда окруженный толпой обожателей. У нас были прекрасные отношения. Более того, именно его я узнал раньше всех, потому что понял, что действовать надо через Пита, да и познакомиться с ним было проще. Поэтому я страшно расстроился, когда эта тройка пришла ко мне как-то вечером и заявила, что Пита они больше не хотят. Они хотят Ринго. Такой вариант намечался уже давно, но я все же надеялся, что обойдется без этого.

Поскольку Брайена вовсе не радовало изгнание Беста, он придумывал этому разные оправдания. Говорил, например, что Пит не понравился как ударник Джорджу Мартину. Это было полуправдой, но вовсе не главной причиной, по которой от парня избавились.

– Я предложил Питу пристроить его в другую группу. Хотя меня несколько раздосадовало, что он не пришел в тот вечер в Честер, как обещал. Я ждал его. Я тогда просто не осознавал, что еще раз встретиться с ребятами было выше его сил.

– Как я мог? - говорит Пит. - Зачем же идти, если они не хотят больше со мной играть?.. Две недели я просидел дома, не знал, что делать. У дверей все время дежурили «пташки». Они разбили в саду лагерь и зазывали меня к себе.

Нил считает, что главный виновник происшедшего - Джордж. Джон был очень близок с Питом, а Пол никогда не сделал бы ничего подобного по собственной инициативе. Наверное, они все поговаривали об этом, но последнюю каплю подлил Джордж, так как именно он был самым оголтелым почитателем Ринго. Доказательство - фингал, который навесили именно Джорджу.

Самую простую теорию выдвинула миссис Бест. «Их сделал именно бит Пита Беста. Они завидовали ему и решили избавиться от него. Пит не представлял, сколько у него осталось поклонников. Тихий, стеснительный, лишний раз рта не раскроет - не то что некоторые. Пока не появился Брайен, он был их менеджером, устраивал им выступления, получал сборы. Я воспринимала их как его друзей. Столько помогала им с концертами, одалживала им деньги, кормила, когда они были голодные. Я вложила в них больше, чем их собственные родители».

Для гнева миссис Бест, безусловно, существуют оправдания. Изгнание Пита Беста - один из немногих неприглядных эпизодов в истории «Битлз». Что-то нечистое было в том, что Пита вышвырнули исподтишка.

Разумеется, большинство людей так бы и поступили, добившись, чтобы грязную работу выполнил менеджер. Но каждый из ребят, в особенности Джон, всегда были подчеркнута честны и открыты в отношениях друг с другом.

Правда и то, что Пит долго служил им верой и правдой. Но вот утверждение миссис Бест, что в дальнейшем «Битлз» лишь воспроизводили звучание, которое создал Пит Бест, очень далеко от истины. Хотя игра Пита на ударных, безусловно, способствовала успеху группы.

– Когда мы вернулись из Гамбурга, - рассказывает Пит, - я страшно громко играл на своем бас-барабане, выдавая очень мощный бит. Это была новость для Ливерпуля, там такого еще не слышали, - все играли в стиле «Шэдоуз». Даже Ринго в группе Рори Сторма стал копировать наш бит задолго до того, как все остальные ударники последовали нашему примеру. Именно такой способ игры на ударных рождал необычайно громкое звучание, которое мы давали.

Другие свидетели той поры считают, что Пит продержался с «Битлз» так долго вовсе не из-за своего мощного звука, - просто у них постоянно была проблема с ударником. Им нужен был настоящий хороший ударник, без которого они не могли двигаться вперед. И когда он появился, в него вцепились. Не потому, что он был каким-то особенным, а потому, что ребята знали, каково обходиться вообще без ударника.

– Но если я им не годился, не был «выдающимся», почему же я продержался в их группе два с половиной года? Почему они не взяли другого ударника, когда мы вернулись в Ливерпуль в первый раз? Их было полно. Почему они не пригласили Ринго тогда, а сделали это только теперь, когда к ним пришел первый крупный успех?

Трудно определить, что делает ударника просто хорошим, а что - выдающимся, но есть основания сомневаться в том, что Пит вписывался в группу как личность. Астрид и Клаус заметили это еще в Гамбурге, хотя сам Пит ни о чем не подозревал. В отличие от Пита Стю с самого начала понимал, почему на него нападают. Пит же ощущал себя неотъемлемой частицей бытия группы и, естественно, был совершенно поражен, когда вдруг после столь долгой совместной работы наступил разрыв.

И тем не менее ради будущего Пита, вне зависимости от того, что ожидало впоследствии самих «Битлз», надо было аккуратнее, честнее и увольнять его, и в особенности сообщить ему об этом. Может быть, прежде чем предложить Питу уйти, надо было подыскать ему работу в другой группе.

Теперь, конечно, легко рассуждать. Ведь тогда никто еще не знал,

какой успех ждет «Битлз» и что теряет Пит. Сами ребята чувствовали себя в какой-то степени виноватыми, но продолжали настаивать на том, что приняли решение сообща, а вовсе не один Джордж. Они всегда чуяли в Пите чужака, и его уход был предрешен.

– Мы струсили, когда надо было расстаться с ним. Взвалили все на Брайена. Но от нас такое ему было бы еще тяжелее услышать. Если бы мы заговорили с ним сами, то дело наверняка закончилось бы дракой. Так ушел Пит и упустил свой шанс в шоу-бизнесе. Но для «Битлз» у этого печального происшествия был и счастливый конец: Ринго Старр.

18. Ринго

Ричард Старки, или Ринго, - самый старший из «Битлз». Сегодня он был бы известен нам как Паркин, если бы дед Ринго не решил сменить фамилию. Когда мать его деда вторично вышла замуж и вместо Паркин стала Старки, дед Ринго тоже получил фамилию Старки.

В один прекрасный день Ринго задумал восстановить свое генеалогическое древо, но это привело, естественно, к страшной путанице. Выяснилось, правда, что род Старки уходит корнями на Шетландские острова.

Мать Ринго, Элси Глив, вышла замуж за его отца, Ричарда Старки, в 1936 году. Они работали в одной пекарне, где и познакомились. Крепенькая блондинка невысокого роста, она очень похожа на миссис Харрисон.

Поженившись, молодые поселились вместе с родителями Ричарда в Дингле. Дингл - самый отчаянный после Скотланд-роуд район Ливерпуля, расположенный в центре, неподалеку от верфей. Воздух там, конечно, хуже, чем в пригородах, где выросли Джон, Пол и Джордж.

– Дингл - это сплошные трущобы, - говорит Ринго. - Сотни людей живут в тесных коробах, мечтая выбраться оттуда. Стоит признаться, что ты из Дингла, как большинство людей с уверенностью объявят тебя пропащим человеком. Хотя это, конечно, ерунда.

Элси и Ричард Старки въехали в собственный домик на Мадрин-стрит незадолго до рождения Ринго. Унылая череда низеньких стандартных двухэтажных строений с террасами оставляла безрадостное впечатление, хотя улица и не принадлежала к трущобным. В доме было три комнаты на первом этаже и три - на втором, тогда как большинство окружающих домов располагало парой комнат на каждом этаже. В 1940 году квартплата составляла 14 шиллингов 10 пенсов в неделю.

– Все мы - выходцы из самой обычной, бедной рабочей семьи, - говорит Ринго, - хотя существует семейное предание, будто моя бабушка - богачка и дом ее обнесен хромированной оградой, - во всяком случае, такой, что блестит. А может быть, я все это придумал. Вы знаете, как это бывает: сам о чем-то мечтаешь, мама о том же рассказывает, вот и кажется, что ты все это видел своими глазами. На самом-то деле бабушка была очень бедна, она подняла четырнадцать детей.

Ринго родился после полуночи 7 июля 1940 года в доме № 9 по Мадрин-стрит. Он появился на свет с опозданием на неделю, и, поскольку в

нем было десять фунтов веса, пришлось применить щипцы. Ринго явился в этот мир с широко раскрытыми глазами и сразу стал осматриваться - что же делается вокруг.

– Я совершенно уверена, - говорила Элси соседям, - что он здесь уже бывал.

Элен было тогда двадцать шесть лет, а Ричарду - двадцать восемь. Они окрестили своего первого и единственного ребенка Ричардом. В рабочих семьях принято нарекать первенца в честь отца. Ласкательно мальчика называли Риччи, точь-в-точь как отца, - так и по сей день их называют каждого в своей семье.

Миссис Старки, мать Ринго, помнит, как, еще не оправившись после родов, она, лежа в кровати, услышала сигнал воздушной тревоги. Началась бомбежка Ливерпуля.

В Дингле тогда не было бомбоубежища. Первые серьезные налеты начались через несколько недель. Старки сидели дома и разговаривали с двумя соседями - при звуках сирены они бросились прятаться в яму для угля под лестницей. Риччи завопил, и тогда мать обнаружила, что впопыхах в темноте схватила его вверх ногами. Она перевернула малыша, и он спокойно проспал весь налет. Это еще одна история, ставшая достоянием всех соседей, которую Элси рассказывает по сей день.

Родители Риччи разошлись, когда ему было чуть больше трех лет. С тех пор Риччи видел своего отца всего три раза. Отец с матерью не драматизировали развод, как то случилось в семье Джона. Расстались они тихо и мирно. Элси взяла ребенка, супруги развелись.

Ринго с матерью остались на Мадрин-стрит в своем старом доме, но спустя некоторое время из-за высокой квартплаты они вынуждены были переехать за угол, по адресу Адмирал-гроув, 10. Здесь на каждом из двух этажей было по две комнаты, и плата за это жилище в 1940 году составляла 10 шиллингов в неделю.

Первые воспоминания Ринго касаются переезда - ему, кажется, было около пяти. «Помню, я сидел в кузове грузовика, перевозившего наши вещи в новый дом на Адмирал-гроув». Никаких сведений о расставании родителей он не сохранил. Помнит только, как дважды встречался с отцом: один раз малышом и второй - уже подростком.

– Однажды он пришел навестить меня, когда я лежал в больнице, и принес маленькую записную книжку. Он спросил, чего мне хочется. Во второй раз я увидел его у бабушки Старки, уже позже. Он предложил мне денег, но я не хотел с ним разговаривать. Думаю, все-таки мать настроила меня против него. Наверное, останься я с отцом, плохо относился бы к

матери.

Похоже, что в раннем детстве Ринго виделся с отцом чаще, чем он помнит, поскольку много времени мальчик проводил у бабушки Старки. Ведь прошло какое-то время, прежде чем его отец, продолжавший работать в пекарне, уехал из Ливерпуля и женился во второй раз. Мать Ринго не припоминает, чтобы сын переживал или расстраивался из-за их развода, - он никогда ни о чем не спрашивал.

– Иногда, правда, он говорил: «Жаль, что нас только двое». Во время дождя посмотрит, бывало, в окно и скажет: «Хорошо бы у меня были еще братья и сестры. А то не с кем слово сказать, когда на улице дождь».

В четыре года Риччи пошел в воскресную школу, а в начальную «Сент-Сайлас», всего в трехстах ярдах от дома, он поступил в пять лет. «Сент-Сайлас» - одна из национальных школ, построенных в 1870 году, - располагалась в красном, потускневшем от времени здании в викторианском стиле.

От отца Риччи Элси получала 30 шиллингов в неделю, но на жизнь их не хватало, поэтому ей пришлось пойти работать. До замужества Элси перебрала много мест. В том числе побывала и барменшей. Теперь она снова отправилась в бар. Веселая, общительная, Элси любила свое дело, да и часы работы ей подходили.

Она вернулась за стойку бара еще до того, как Ринго пошел в школу. Элси работала там утром и в обеденное время за 18 шиллингов в неделю. Ринго оставался или с бабушкой Старки, или с соседями. «Мне никогда не приходило в голову отдать Ринго в приют. Хоть со скрипом, но я справлялась. Шла война, и в барах было полно работы».

В шесть лет, едва начав ходить в школу, Риччи свалился с аппендицитом. Аппендикс лопнул, и у Ринго начался перитонит. Его положили в детскую больницу на Мертл-стрит, где дважды оперировали.

– Помню, как мне стало плохо, и как меня на носилках отнесли в машину «скорой помощи». В больнице сестра стала колошматить меня по животу - во всяком случае, я испытывал именно такое ощущение. На самом деле она, наверное, едва дотрагивалась до него. Меня на каталке привезли в операционную, и я попросил чашку чая. Мне сказали, что перед операцией нельзя пить чай, но, когда меня прооперируют, обязательно дадут чашечку. Потом у меня была кома, из которой я не мог выйти десять недель. В общей сложности я провел в больнице больше года.

Он было уже совсем выздоровел, когда решил показать мальчику, лежавшему рядом, подарок, полученный им по случаю дня рождения, и упал с кровати.

Родителям не разрешалось навещать детей. Считалось, что малышам это вредно, поскольку слишком их возбуждает. Но одно время состояние Риччи было настолько тяжелым, что матери позволили взглянуть на него ночью.

Риччи выписался из больницы семилетним мальчиком и вернулся в школу «Сент-Сайлас». На уроках он никогда не отличался особой сообразительностью, но после года, проведенного в больнице, отстал совсем безнадежно, не умел ни читать, ни писать. Если бы не Мэри Мэгуайер, он так никогда этому и не научился бы. Элси и мать Мэри были подругами детства, и Риччи полностью поручили младшей Мэгуайер.

– Я командовала им всюду, - вспоминает Мэри, - ведь я была на четыре года старше. Риччи стал настолько своим в нашей семье, что кто-нибудь то и дело стучал в нашу дверь и говорил: «Ваш Риччи натворил то-то и то-то». Когда он ел вместе с нами и на обед было тушеное мясо, я всегда вынимала из его тарелки лук. Он терпеть не может лук, я всегда ругала его за это.

Я помню его с трех лет. Гремела страшная гроза, я посмотрела из окна в сторону их дома и увидела, как они оба скорчились от страха в холле. Когда Риччи вышел из больницы, я начала учить его читать и писать. Он вовсе не был тупицей - просто много пропустил. Мы организовали все как следует. Я занималась с ним два раза в неделю, а его мать давала мне за это деньги на карманные расходы. Я купила «Книгу для чтения» Чемберса, мы садились за стол в их кухне и читали. Я присматривала за ним и по субботним вечерам, когда наши матери куда-нибудь уходили. Они оставляли нам лимонад и сладости. Однажды он снял рубашку, и я красками разрисовала ему всю спину. Теперь все это кажется глупостями. Однажды он привел познакомиться со мной девочку. Риччи категорически настаивал, что ее зовут Желатина. Я всегда любила его. С ним было легко, как с его матерью, - всегда спокойный, доброжелательный, веселый. У него были прекрасные огромные голубые глаза. Я даже не замечала, что у него большой нос, пока много лет спустя об этом не заговорила печать, и только тогда я увидела, что нос-то действительно великоват.

Многие годы Мэри оставалась лучшим другом Риччи, но, когда мама была на работе, он немало времени проводил и у двух своих бабушек.

– Мама моей мамы, бабушка Глив, жила одна, но у нее был друг по имени мистер Лестер, который часто приходил и играл для нее на губной гармошке. Им обоим было около шестидесяти. «Знаем, знаем, - подкалывали мы, - что за губные гармошки у вас там в темноте». Но бабушка не желала выходить за него замуж. В конце концов мистер Лестер исчез и женился на ком-то другом. Я обожал ходить к деду Старки, когда он

проигрывал большие деньги на скачках. Дед просто сходил с ума. Они с бабушкой были потрясающей парой. Иной раз даже дрались по-настоящему. Он работал в бойлерной в доке - настоящий докер, жесткий, грубый, но у него были золотые руки, и он мастерил мне чудесные игрушки. Однажды сделал большой поезд, в топке его паровоза горел всамделишный огонь. Дедушкин поезд чуть было не вызвал настоящие беспорядки на нашей улице. А я в этой топке иногда пек яблоки.

У Ринго почти не сохранилось воспоминаний о начальной школе «Сент-Сайлас», разве что о том, как он пропускал уроки или отбирал мелочь у детей на игровой площадке. «Еще мы таскали разную ерунду в магазине «Вулворт». Какие-то пластмассовые штучки, которые можно было «незаметно сунуть в карман». Однажды его тетя Нэнси обнаружила пропажу нитки жемчуга. Риччи объявился с этой ниткой у паба на Парк-стрит, где пытался загнать жемчуг за 6 шиллингов.

В двенадцать лет Ринго поступил в школу второй ступени «Дингл Вейл». Он не сдавал экзамены для поступления в школу-одинадцатилетку, поскольку не прошел собеседования, результаты которого определяли, стоит ли допускать к ним ученика.

– Учеба то нравилась ему, то вызывала отвращение, - говорит его мать. - Тогда он сачковал. Они собирались с приятелями и ошивались около школы до последнего звонка, после которого расходились, так и не зайдя внутрь. При этом они уверяли, что не смогли попасть в школу, потому что двери были заперты. После этого они уходили и целый день играли в Сефтон-парке.

Риччи исполнилось одиннадцать лет, когда его мать стала встречаться с маляром Харри Грейвзом. Он был лондонцем, уроженцем района Ромфорд. Грейвз часто болел, и доктор посоветовал ему сменить воздух. По совершенно необъяснимым причинам он решил испробовать воздух Ливерпуля. Грейвз до сих пор не помнит, почему так случилось. Через общих друзей - семью Мэгуайер - он познакомился с Элси. С самого начала у него сложились прекрасные отношения с Риччи. Два или три раза в неделю они вместе ходили в кино.

– Я сказала Риччи, что Харри хочет жениться на мне. Если бы сын возражал, я бы не пошла за Харри. Но Риччи сказал: «Выходи замуж, ма. Я ведь не всегда буду маленьким. Зачем тебе жить, как бабушка». Он имел в виду бабушку, которая не вышла замуж за мистера Лестера и его губную гармошку.

Харри Грейвз и Элси Старки поженились 17 апреля 1953 года, когда Риччи должно было сравняться тринадцать. Вскоре мать бросила работу.

Харри говорит, что они с Риччи никогда не сказали друг другу дурного слова. Элси, бывало, сердилась на мужа: когда она жаловалась ему на грубость Риччи, тот только улыбался в ответ.

В тринадцать лет Риччи снова тяжело заболел. Он простудился, простуда перешла в плеврит, отчего пострадало одно легкое. Риччи опять оказался на Мертл-стрит, а потом в детской больнице «Хесвол».

Чтобы поддержать и развлечь мальчика, Харри записал его в клуб болельщиков «Арсенала». Тоже неизвестно почему. Сам Харри был невысокого мнения об этой команде и всю жизнь страстно болел за «Вест Хэм». «Но в то время «Арсенал» блистал, и я подумал, что парню это должно понравиться».

Когда Риччи находился в больнице, в Ливерпуль случайно заехал менеджер «Арсенала» Том Виттекер. Харри написал Тому, как было бы мило с его стороны, если бы знаменитый менеджер навестил одного из своих юных и преданных болельщиков, лежащего в больнице. Мистер Виттекер не смог навестить Риччи, но написал ему ласковое письмецо, которым, по словам Харри, Риччи очень дорожил. Теперь, правда, он вообще ничего не помнит не только о письме, но и о клубе болельщиков «Арсенала».

Однако Риччи хранит самые благодарные воспоминания о Харри с того момента, как впервые увидел его. «Он приносил мне кучу американских комиксов. Харри - замечательный человек. Когда они с мамой ссорились, я всегда был на его стороне. Мне казалось, что она им верховодит, и мне было жалко Харри. От Харри я научился быть мягким. Понял, что никогда не нужно применять насилие».

На этот раз Риччи провел в больнице почти два года, с тринадцати до пятнадцати лет. «Чем только меня не пытались занять - даже вязанием. Из папье-маше я сделал большой остров и ферму с массой животных. В больнице у меня вышла драка с одним парнишкой. Он совсем свихнулся - трахнул меня по рукам тяжеленным подносом, чудом не раздробил мне пальцы».

Из больницы Риччи выписался в пятнадцать лет. Формально он должен был к этому времени окончить школу, а на самом деле ему почти не пришлось ее посещать. Риччи следовало вернуться в школу второй ступени «Дингл Вейл» и получить свидетельство, дающее право работать. Он так долго отсутствовал, что в школе все забыли о нем.

Чтобы восстановить силы, Риччи предстояло некоторое время пробыть дома, поправить здоровье, не позволявшее ему пока всерьез думать о работе. Мать очень беспокоилась, она не могла придумать, куда ему

податься. Элси знала, что Риччи нельзя поднимать тяжести, и в то же время он был недостаточно образован, чтобы заниматься умственным трудом.

Отдел трудоустройства молодежи предложил ему работу посыльного на Британской железной дороге за 50 шиллингов в неделю.

– Я пошел получать форму, но они выдали мне только фуражку. «Ну и вшивая работенка, - подумал я. - Здесь надо проторчать лет двадцать, пока получишь полную форму». Через шесть недель я оттуда ушел. Не только из-за формы. Я не прошел медицинского освидетельствования. Потом я шесть недель проработал барменом на корабле, который ходил в Северный Уэльс и обратно. Однажды я пошел на вечеринку, гулял всю ночь, напился в стельку, явился на работу, нагрубил боссу, и он сказал: «Получай расчет, парень».

Потом через друзей Харри Ринго получил работу в фирме «Хант энд Сан». «Пошел туда, чтобы выучиться на слесаря. Но прошло уже два месяца, а я все ездил на велике и собирал заказы. К тому времени мне исполнилось семнадцать, и это все начинало мне надоедать, - меня не брали даже в подмастерья. Я пошел поговорить с начальством, а там сказали, что у них нет места слесаря; если хочу, могу стать монтером. Я согласился - о'кей. В конце концов это тоже работа. Все кругом твердят, что, если у тебя есть специальность, все будет о'кей».

На самом деле никто не верил, что у Риччи все будет о'кей: маленький, слабый, полуграмотный, - что могло из него получиться?

– У Риччи было трудное детство, - говорит Мэри Мэгуайер, которая учила его читать. - Разбитая семья, две тяжелые болезни. Я только позволяла себе робко надеяться, что он будет счастлив. Не надо никаких успехов, ничего такого - ох! Просто пусть он будет счастлив.

Две долгие болезни, по-видимому, очень сильно повлияли на Риччи, ему трудно было приспособиться к школе, работе, - к жизни. Сегодня он не может вспомнить ни одного из имен своих школьных учителей, но никогда не забывает, как звали двух ухаживавших за ним сестер, - сестра Кларк и сестра Эджингтон.

Однако сам Риччи никогда не считал себя несчастным. Он уверен, что у него было прекрасное детство.

Можно усмотреть некоторую долю иронии в том, что, когда Риччи пришел в школу второй ступени «Дингл Вейл» за свидетельством, его там никто не узнал. Прошло всего несколько лет, и в День открытых дверей школьное руководство демонстрировало парту, за которой якобы сидел Ринго Старр. За то, чтобы посидеть и сфотографироваться за этой партой, брали 6 пенсов.

19. Ринго и «Битлз»

Мальчиком Ринго не проявлял ни малейшей склонности к музыке и не освоил ни одного музыкального инструмента. «Правда, в нашем отделении в больнице был оркестр. Четыре парня играли на цимбалах и двое на треугольниках. Я подключался, только если приносили барабан».

Он как раз начал обучаться ремеслу монтера, когда разразился бум вокруг скиффла. Риччи участвовал в создании группы под названием «Эдди Клейтон Скиффл», которая в обеденные перерывы устраивала концерты для остальных учеников.

Первые, подержанные, барабаны отчим купил ему еще в Ромфорде. Они стоили 10 фунтов. «Я привез их из Лондона в фургоне нашей фирмы, - вспоминает Харри. - Потом, когда стоял на Лайм-стрит и ловил такси, чтобы доехать до дома, увидел вдруг Джо Лосса. Я подумал, что если он поинтересуется, умею ли я на них играть, то ведь придется сознаться, что нет, не умею. Но Джо прошел мимо».

Первая ударная установка Ринго стоила 100 фунтов. Ринго попросил деда помочь ему сделать первый взнос - 50 фунтов.

– Когда дед отказывал внуку хотя бы в шиллинге, Риччи устраивал дикие сцены, - рассказывает Элси. - На этот раз дед ворвался ко мне со словами: «Эй, тебе известно, что надумал твой чертов болван?» Он всегда называл его «болваном». Но деньги дед ему все-таки дал. И Риччи вернул ему долг, до последнего пенса, отдавал по фунту из каждого недельного заработка.

Мать беспокоилась, что группа отнимает у Риччи слишком много времени, так как, наверстывая упущенное в школе, он должен был посещать уроки в техническом колледже «Ривер-дейл».

Но его отчим увлекся скиффлом и заразил своим интересом мальчика. Как-то вечером Харри встретил в баре одного парня, который сообщил, что играет в группе. Он согласился послушать Риччи, и Харри условился об их встрече. Риччи вернулся со свидания вне себя от гнева. Парень играл в группе «Прайз Силвер». Они решили дать ему громадный барабан, чтобы он повесил его себе на грудь и маршировал вместе с ними по улице, выбивая дробь. Впрочем, нельзя сказать, чтобы Риччи поражал успехами и в группе Эдди Клейтона. Хотя никакого Эдди Клейтона и не было. Когда создавалась группа, ее лидер Эдди Майлз из профессиональных соображений переименовал себя в Эдди Клейтона. Точно так же, как Джон,

Пол и Джордж сменили свои фамилии перед гастрольями в Шотландию. Наконец, проделав тот же путь, что и «Битлз», то есть пройдя через конкурсы скиффла, вечеринки и выступления в небольших танцевальных залах, Риччи оказался в группе Рори Сторма. Когда им предложили сезон у Батлина, Ринго пришлось решать вопрос с работой. Ему было двадцать лет, и впереди маячил год работы подмастерьем. «Все говорили, что я не должен уходить, и, наверное, они были правы, но мне очень уж хотелось смыться. Я тогда получал 6 фунтов в неделю у Ханта и еще около 8, играя по вечерам. Батлин предлагал мне 20 фунтов в неделю, с вычетами за жилье мне оставалось бы 16».

К тому времени группа Рори стала ведущей в Ливерпуле, и получить приглашение на тринадцать недель к Батлину означало предел мечтаний.

– Мы хотели прославиться и поэтому решили придумать себе звучные фамилии. Сам Рори Сторм уже дважды менял имя. По-настоящему его звали Элан, Колдуэлл, потом он стал Джетом Стормом и, наконец, Рори Стормом.

Именно у Батлина Ричард Старки получил имя Ринго. Иногда его называли просто Рингз [Ring - кольцо; rings - кольца (англ.)]. На шестнадцатилетие Элси подарила сыну первое кольцо. Второе, массивное золотое, которое он носит до сих пор, Ринго получил после смерти деда Старки. К двадцати годам он носил четыре кольца. У Батлина же фамилию сократили до «Старр», чтобы его соло можно было объявлять как «Старр Тайм» [«Star Time» - «Время звезды», здесь игра слов: «Starr Time» - «Время Старра» (англ.)]. Рингз превратился в Ринго, поскольку двухсложное имя хорошо звучит с односложной фамилией: Ринго Старр!

Вернувшись в Ливерпуль, Ринго справил свой двадцать первый день рождения дома, на Адмирал-гроув. Приглашены были все ведущие группы, кроме «Битлз», - «Джерри энд Пейсмейкерз», «Бит Три» и Силла Блэк. «Битлз» не пришли, - Ринго их просто не знал. Они жили в другой части Ливерпуля и были для него всего лишь одной из многих пытавшихся пробиться групп.

В крохотную гостиную на Адмирал-гроув - всего десять на двенадцать футов - набилось каким-то образом шестьдесят человек. Это число известно точно, потому что в конце вечеринки Ринго выстроил всех гостей на куче битого кирпича против дома и сфотографировал их.

Мать Ринго Элси давно уже знала Силлу Блэк, жившую по соседству, - на самом деле она была Силлой Уайт. Почти целый год они с другом приходили к миссис Старки по средам после работы. Силла выпивала свой чай, а потом делала Элси прическу. Тринадцать недель успешных

выступлений у Батлина не прошли даром. Посыпались новые приглашения. Группа отправилась на гастроли по военно-воздушным базам США во Франции, и Ринго утверждает, что это был сплошной кошмар. «Может, французы и не любят англичан, но уж мне-то они и подавно не понравились».

Дела у группы Рори шли настолько успешно, что они могли позволить себе отклонить первое приглашение в Гамбург. Однако позже ребята все-таки поехали в Гамбург и впервые в клубе «Кайзеркеллер» встретились с «Битлз». Ринго смутно помнил «Битлз» по Ливерпулю, он мельком видел их в клубе «Джакаранда», когда они учили Стю играть на бас-гитаре.

В Гамбурге Ринго общался с ними в перерывах, а иногда и играл в их группе. Он возвратился в Ливерпуль вместе с Рори, а потом снова отбыл в Гамбург в одиночку, чтобы аккомпанировать Тони Шеридану. Во время этой поездки он начал всерьез задумываться над тем, не остаться ли ему в Гамбурге навсегда. Ему предложили квартиру, машину и 30 фунтов в неделю за годичный ангажемент. Но Ринго решил вернуться в Ливерпуль и еще один сезон поиграть с Рори Стормом у Батлина. Именно тогда «Битлз» пригласили его в свою группу. Джон по телефону объявил Ринго, что бакенбарды тот может оставить, а вот прическу придется сделать гладкую.

Ринго пришлось смириться с множеством угрожающих писем и злобных выкриков, исходящих от поклонников Пита Беста. «Пташки обожали Пита. По сравнению с ним я был просто тощим бородатым чучелом. И Брайен не очень-то меня жаловал. Он считал, что у меня нет индивидуальности. И вообще, зачем брать вместо красавца какого-то драного кота?»

Все решили деньги. «Как раз тогда я получил еще одно приглашение - от «Кинг Сайз Тейлор энд Домино», они предлагали мне 20 фунтов в неделю. «Битлз» предложили 25. Я предпочел «Битлз».

Их пути могли не пересечься - такое случается в жизни со всеми, а значит, могло произойти и с ними. Незадолго до того Ринго чуть не эмигрировал в Соединенные Штаты. Однажды они с другом копались в пластинках и на одном из конвертов прочитали: «Лайткинг Хопкинс [Известный американский исполнитель блюзов] родом из Хьюстона, штат Техас». Ринго с другом немедленно отправились к консулу США в Ливерпуле и заявили, что хотят перебраться в Хьюстон, штат Техас. Консул сказал им, что сперва надо подыскать работу. Ринго выбрал завод. «И тут пришли огромнейшие анкеты с вопросами вроде: являлся ли дог твоего дедушки «красным». Я ничего не мог понять в этих вопросах. Сумей я заполнить те анкеты, я бы наверняка уехал».

С тех пор как Ринго оказался одним из «Битлз», легко вписавшись в группу и как человек, и как музыкант, она, несомненно, стала лидирующей в Ливерпуле. Менеджером у них теперь был джентльмен, и они наконец установили контакт с Лондоном. Но их успех, пусть пока и местного масштаба, начал потихоньку разрушать старые связи, которыми Ринго очень дорожил.

– Одно время в Ливерпуле было много групп, мы часто собирались вместе и играли друг для друга. Мы стали своего рода сообществом. Встречались в одних и тех же местах, развивались в одном направлении, играли друг для друга. Это было прекрасно. А потом, когда объявились фирмы грамзаписи и начали подписывать контракты, дружба пошла на убыль. Ведь одни пробились, а другие нет. Бывало, встретишь какого-нибудь знакомого, а он говорит: «Все отлично, парень, просто жуть берет. Только что записался, но они сказали, что пластинки не будет, потому что я слишком похож на Рэя Чарлза». Сообщество распалось. Все начали ненавидеть друг друга. Я перестал ходить в свои любимые места. Но то доброе старое время в Ливерпуле всегда оставалось мне дорого. Тот день рождения, когда мне исполнился двадцать один год и все пришли ко мне в гости...

«Битлз», теперь уже вместе с Ринго, ждали от Джорджа Мартина известий о точной дате их дебюта в грамзаписи. Тем временем в Ливерпуле все постепенно становилось на свое место. Брайен понял наконец, что руководить одновременно двумя магазинами грампластинок и бит-группой - чересчур большая нагрузка, отец давно говорил ему об этом. Он решил бросить ежедневную работу в магазине на Уайтчепел и назначил управляющим Питера Брауна.

Брайен сосредоточил свое внимание на «НЕМС Энтерпрайзиз», время от времени спускаясь из своего кабинета, чтобы посмотреть, как идут дела у Питера. Это кончалось ссорами. Брайен не выносил никакого вмешательства в установленный им идеальный порядок. Однажды разразился страшный скандал, и Питера уволили, но вскоре взяли обратно.

Но ни с кем из «Битлз» Брайен не ссорился никогда. Единственный инцидент, который чуть было не привел к раздору, касался Пола. Как-то вечером они заехали за ним, но Пол принимал ванну и отказался выходить. «Я кричал, чтобы они подождали, что я сейчас приду, всего через несколько минут. Но когда я вышел, они уже укатили вместе с Брайеном. «Ах так, - подумал я, - ну и хрен с вами!» Разозлился как последний идиот. Если они не могут меня подождать, то и я за ними не побегу. Сел и стал смотреть телик».

Подоплека этого происшествия была в другом: Полу вдруг взбрело в голову, что пора ему взбунтоваться.

– Мне всегда было больше всех надо, вечно я чего-то хотел, к чему-то рвался, умащивал менеджеров, сочинял анонсы. Может быть, я и возомнил о себе лишнего, а может, и в самом деле лучше всех справлялся с этими делами. Во всяком случае, всем занимался я.

Пол и Брайен слегка повздорили. Но Пол вскоре снова обрел свою активность. «Я понял, что изменяю себе как раз тогда, когда не занимаюсь этим».

Пол и Джон по-прежнему с огромным увлечением сочиняли новые песни, выпуская один за другим опусы, подписанные «Новая оригинальная композиция Леннона - Маккартни». А Мими, как и прежде, считала, что все это несерьезно. «Я всегда мечтала, как в один прекрасный день Джон вернется домой и скажет, что покончил с группой. «Скука смертная», - скажет он. Я последней поняла, как они хороши. К дверям стали приходиться маленькие девочки и узнавать, дома ли Джон. Я спрашивала: «А зачем он вам?» Они отвечали, что просто хотели бы на него посмотреть. Я не могла этого понять. Это же совсем маленькие девочки. Я знала только одну его настоящую девушку, Син».

Летом 1962 года Син обнаружила, что беременна. «Я не знала, собирается ли Джон жениться на мне. Но не хотела его связывать».

– Конечно, у меня был некоторый шок, когда Син все мне объявила, - говорит Джон, - но я сказал: «Да, нам надо пожениться». Я не был против.

Они зарегистрировали брак 23 августа 1962 года. «Накануне я пошел сообщить об этом Мими. «У Син будет ребенок, - сказал я, - мы собираемся завтра пожениться, ты придешь?» Мими только застонала в ответ».

Никто из родителей на церемонию не пришел. Судя по рассказам, все произошло точно так же, как двадцать четыре года тому назад, когда женились родители Джона. В том же Отделе регистрации гражданских актов. Джон, Пол и Джордж пришли в черном.

– На улице кто-то все время работал отбойным молотком, - вспоминает Джон, - и поэтому я ни слова не разобрал из всего, что говорил этот тип. А потом мы перешли через дорогу и поужинали цыпленком. Подарков я что-то не припоминаю. Мы этим никогда не увлекались. В общем, один смех.

Им хотелось сохранить свадьбу в секрете от поклонников, но одна из официанток в «Кэверн» видела, как ребята выходили из Отдела регистрации. Новость постепенно распространилась, хотя «Битлз» всячески отнекивались.

– Я думал, что если женюсь, так придется распрощаться с группой.

Все кругом твердили, что кончится именно этим. Мы никогда не брали в «Кэверн» своих девушек, считали, что иначе растеряем поклонниц. Оказалось, это чушь. И все же, став женатым, я почувствовал себя не в своей тарелке. Подумать только, я - муж! Да это все равно, что ходить в разных носках или с незастегнутыми штанами.

Синтия тоже ни в коем случае не хотела рекламировать их брак. «Достаточно того, что Джона всюду узнавали и гонялись за ним. Я не хотела попасть в такое же положение».

К тому времени число поклонниц «Битлз» возросло до астрономических размеров, они фанатично следили за каждым их шагом и раздражались воплями при первой удобной возможности. Но за пределами Ливерпуля о «Битлз» по-прежнему никто не слышал. Они продолжали ждать известий от великого знатока грамзаписи из Лондона Джорджа Мартина, который обещал сообщить им, когда он намеревается их записывать.

В Ливерпуле успех пришел к группе без рекламы, без всякого паблисити, поклонники сами открыли для себя «Битлз».

К числу почитателей группы принадлежала и Морин Кокс. Однажды она вместе с подружкой погналась по улице за Ринго - он только что стал одним из «Битлз». Ринго вылезал из своей машины. Они узнали его по легкой проседи. Морин выпросила у него автограф и записала номер машины. В этот час она как раз шла на вечерние курсы, где обучалась на парикмахера, - Морин только что бросила школу. «До сих пор помню номер его машины: М 466».

Морин Кокс - жена Ринго. Но первым она поцеловала Пола и до сих пор немного смущается при этом воспоминании.

Как-то вечером она сидела с подругой в «Кэверн», и та заявила, что Морин слабо поцеловать Пола. «Я ответила, что это ей слабо. А она опять - мне слабо, - в общем, мы поспорили. Тогда я протиснулась к артистической и, когда вышел Пол, поцеловала его. Моя подружка так огорчилась и взревновала, что разревелась. А мне-то на самом деле больше всех нравился Риччи. Пола я поцеловала на спор. Поэтому я дождалась, пока выйдет Риччи, и поцеловала его тоже.

Ринго ровным счетом ничего не помнит ни о поцелуе Морин, ни об автографе.

– Тогда это было в порядке вещей - все эти поцелуи. Начиналось с просьбы об автографе, следующий этап - дотронуться до кого-нибудь из «Битлз», а потом дошло и до поцелуев. Бывало, пробираешься на сцену - и вдруг оказываешься в чьих-то объятиях. Я и Морин принял за одну из

таких назойливых мух.

Но через три недели в той же «Кэверн» Ринго пригласил Морин потанцевать. Потом повез ее к себе домой, но вынужден был прихватить и ее подружку. Так продолжалось изо дня в день несколько недель. Морин говорила, что ей не хотелось признаваться подружке, что та лишняя. «Мне было немного страшно».

Хотя Морин не пропустила с тех пор ни одного выступления «Битлз» в «Кэверн», она вскоре поняла, что существуют поклонники куда более одержимые, чем даже она. - Они торчали около «Кэверн» с утра до вечера только ради того, чтобы хоть мельком взглянуть на них. Они выходили после дневного концерта и могли простоять там до вечера в очереди. Как-то Риччи и ребята вышли после концерта уже в полночь и увидели, как их болельщики с ночи выстраиваются в очередь на завтра. Ребята купили им несколько пирогов - это всех просто потрясло!

Надо было обязательно попасть в первый ряд, чтобы и самим видеть «Битлз» и чтобы они видели своих поклонников. Я-то никогда не становилась в очередь раньше, чем за два-три часа до открытия клуба. Я боялась. Сплошь и рядом девушки ссорились и дрались. Как только двери открывались, первые врывались внутрь, сбивая друг друга с ног. Когда выступали первые группы, девушки сидели в бигуди и джинсах. Но вот приближалось время выхода «Битлз», и девушки по очереди шли в женский туалет со своими косметичками, чтобы переодеться и подкраситься. И когда на сцену выходили «Битлз», они выглядели как картинки из журнала мод, будто только что пришли. Я думаю, их привлекали и музыка, и секс. Им до смерти хотелось, чтобы их заметили и познакомились с ними. Но и присутствие само по себе было очень важно. Когда появлялись «Битлз», начиналось что-то ужасное - дикие вопли, всеобщее сумасшествие. Встречи с Ринго Морин пришлось скрывать. - Иначе бы меня просто убили. Воткнули бы нож в спину. Это была часть их имиджа: все незамужние девчонки имеют равные шансы. Они как бы не имели права встречаться с парнем регулярно. В конечном счете некоторые, конечно, узнали обо всем. Они приходили ко мне в парикмахерскую, и тут уж я ничего не могла поделать. Я должна была их причесывать. Они угрожали мне: «Если ты еще хоть раз встретишься с Ринго Старром, отделаем так, что своих не узнаешь». Когда я выходила, они пихали меня. Угрожали и по телефону; «Мой брат тебе покажет». Как-то «Битлз» выступали в клубе «Локарно». Перед самым концом Риччи сказал мне, чтобы я незаметно вышла, села в его машину и там подождала. Только я села в машину, как подошла одна девушка. Наверное, она следила за мной. Спрашивает: «Ты что, ждешь

Ринго?» Я сказала: «Что ты, нет, конечно нет, он просто друг моего брата». «Ври больше, - разъярилась она, - я только что видела, как ты с ним разговаривала», я забыла закрыть окно и не успела опомниться, как она просунула в окно руку и расцарапала мне все лицо, а потом начала орать и отпускать в мой адрес изящные выражения. Я подумала: «Конец, сейчас меня прирежут». Еле успела поднять стекло. Иначе она открыла бы дверь и убила меня.

Часть 2. ЛОНДОН И ВЕСЬ МИР

20. Джордж Мартин и Дик Джеймс

Происхождение, пристрастия и уровень культуры Джорджа Мартина должны были, казалось развести его и «Битлз» на расстояние в миллион световых лет. Высокий красавец, он мог бы выступать в амплу героя-любовника, его манеры выдавали образование, полученное в элитарных школах, а выговор был приобретен не иначе как в школе дикторов Би-би-си. На самом же деле ранние годы жизни Джорджа мало чем отличались от начала пути «Битлз».

Он родился в 1926 году в Холлоуэе, в Северном Лондоне, в семье плотника. Сначала учился в Колледже иезуитов в Стамфорд-Хилле, потом семья переехала в Кент, где он поступил в школу графства Бромлей. Музыкальных традиций в доме не было, мальчиком он не получил никакого музыкального образования, но научился играть на фортепьяно самостоятельно, по слуху, и в шестнадцать лет руководил в школе собственным танцевальным оркестром.

Во время войны Джордж находился в войсках ВВС и закончил службу в звании лейтенанта. В 1947 году его демобилизовали, и он оказался не у дел. Слава Богу, нашелся человек, который слышал его игру на рояле во время концертов в воинских частях и теперь помог ему поступить в музыкальную школу «Гилдхолл». Он проучился там три года, выбрав в качестве второго инструмента гобой. Окончив школу, Джордж некоторое время оставался свободным художником, играл на гобое, то сидя в оркестровой яме, то взобравшись на эстраду одного из лондонских парков, где по воскресеньям выступали оркестры. Выше он не поднимался. Но и оркестрантом ему довелось быть недолго, его отстранили по той причине, что играл он недостаточно хорошо.

В конце 1950 года Джордж получил заманчивое предложение - занять место ассистента звукорежиссера в «Парлофоне», одном из небольших филиалов фирмы «ЭМИ». В то время Джордж не знал даже, что «ЭМИ» расшифровывается как «Электрикел Мюзикл Индастриз» (ныне это одна из крупнейших фирм звукозаписи в мире).

Хотя Джордж и получил эту работу благодаря музыкальному образованию, приобретенному в «Гилдхолл», ой стал специалистом по джазу и легкой музыке. В «Парлофоне» Джордж нашел широчайшее поле деятельности, но ничего сколько-нибудь яркого там не обнаружил. «В те дни «Парлофон» рассматривался как бедный родственник в сравнении с

такими крупными филиалами фирмы, как «ХМВ» или «Коламбия». Когда я пришел туда в 1950 году, мы еще писали на воске».

«Парлофон» был закуплен у Германии непосредственно перед войной. И с тех пор никакие усовершенствования этой фирмы не касались. Как и все вокруг, Джордж считал, что дни «Парлофона» сочтены.

Привычный символ этого филиала, точь-в-точь обозначение фунта стерлингов, не имеет никакого отношения к тем миллионам фунтов, которые принес фирме «Парлофон». Это просто один из инициалов основателя фирмы Карла Линдберга.

Жалованье Джорджа в «ЭМИ» было весьма скромным: 7 фунтов 4 шиллинга 9 пенсов в неделю. Чтобы свести концы с концами, Джордж по-прежнему, когда ему предлагали, участвовал в воскресных концертах в парках, а также устраивал выступления оркестров в школах.

С течением времени Джордж стал все чаще и чаще заниматься записями поп-музыки. Среди первых звезд, с которыми он работал, были Боб и Элф Пирсон, которые пели песни на тему «My Brother and I». Он также сделал пластинку «Пять братьев Смит», «Шотландские народные танцы», «Джимми Шенд и его оркестр». С последними он записал «Bluebell Polka», которая до сих пор имеет успех. Не оставил он без внимания и джаз, увековечив Джонни Дэнкворта и Хамфри Литлттона.

Появление в начале 50-х годов долгоиграющих пластинок стало настоящей сенсацией, хотя сейчас нам кажется, что они существовали всегда. «ЭМИ» и здесь опоздала, спохватившись только к 1954 году. Не могу понять, куда они смотрели. «Декка» наладила выпуск долгоиграющих дисков уже в 1952 году. Нам надо было преодолеть большое отставание».

Производство грампластинок в Британии 50-х годов погрязло в рутине и напоминало выход ежемесячных журналов. К примеру, «Парлофон» каждый месяц выпускал около десяти новых пластинок, производство которых планировалось на два месяца вперед, и назывались эти пластинки ежемесячными приложениями. В характере музыки всегда соблюдалось строгое равновесие.

Две пластинки представляли классическую музыку, две - джаз, две - танцевальную музыку в стиле Виктора Силвестра, и по две отдавались певцам и певицам. «Такой категории, как поп-музыка, просто не существовало. Мы выпускали только классику, джаз, танцы и вокал».

Ни в одной из этих сфер «Парлофон» не блистал звездами. Виктор Силвестр, например, принадлежал «Коламбии», одному из самых удачливых отпрысков «ЭМИ». Все певцы, чьи пластинки сулили баснословные доходы, приглашались из Америки, «Парлофону» не

доставался ни один из них.

Однако постепенно Джорджу Мартину удалось откопать для себя маленькую лазейку - он выпустил серию юмористических пластинок, хотя абсолютно все уверяли его, что их никто никогда не станет покупать. На одной из самых первых, под названием «Поддельный Моцарт и фальшивый фольклор», записался Питер Устимов. Джордж работал также с Питером Селлерсом, Фландерсом и Свэном, а позже сделал в Кембридже пластинку группы «Бийонд зе Фриидж», еще до того, как она появилась в Уэст-Энде.

Потом налетела буря скиффла и рока и полностью преобразила молодежную сцену, предоставив ее поп-музыке. Наконец и английские звезды начали записывать хиты, хотя до американцев им было по-прежнему очень далеко. Но бедняга «Парлофон», несмотря на все юмористические изыскания Джорджа, продолжал плестись в хвосте.

– Казалось, все уже обрели свою группу или певца, кроме «Парлофона». Я облазил все лондонские кофейные бары в поисках талантов.

Мартин, однако, не подписал контракт с Томми Хиксом (или Томми Стилом), поскольку тот показался ему точной копией Элвиса.

– Я умирал от зависти к «ХМВ» и «Коламбии», где записывались американские звезды, и другим компаниям, выпускавшим пластинки британских звезд, таких, например, как Клифф Ричард. В каком-то смысле это так просто! Достаточно, чтобы певец или группа нравились публике, и тогда вам остается всего лишь найти для них новую песню. Когда занимаешься юмористическими пластинками, каждый раз начинаешь с нуля.

По мере того как рок открывал новый необозримый рынок для покупателей-подростков, а продажа пластинок приобретала все большее значение, важность этого явления нельзя было не заметить. «Парлофон» же, и без того пользовавшийся незавидной репутацией, отставал все сильнее и сильнее.

В мае 1962 года «Парлофон», не подозревая о существовании подопечных Брайена Эпстайна, в отчаянии ждал появления на горизонте группы вроде «Битлз». Великий Джордж Мартин, каждое покашливание и замечание которого заставляло впоследствии «Битлз» почтительно замирать, в те времена вовсе еще не был таким уж великим.

Джуди Локарт-Смит, в те поры секретарша Джорджа Мартина, а ныне его жена, помнит впечатление, которое произвел на нее Брайен Эпстайн во время первой встречи. «Он был великолепно одет, прекрасно воспитан, отлично говорил - словом, ничего общего не имел с менеджерами с Чаринг-

Кросс-роуд». Джордж тоже был приятно поражен. «Но то, что он показал мне, - и певцы, и их песни - не произвело на меня особого впечатления. Правда, я обратил внимание на звук - они звучали очень необычно. Я сказал, что попробую их записать». Брайен покинул «Парлофон» в состоянии дикого восторга, а у Джорджа Мартина в памяти осталось лишь название еще одной группы, с которой можно было попытаться что-то сделать.

Он был настолько одержим желанием найти подходящую группу, что записывал всех подряд, давая тем самым шанс каждой.

– Я намеревался использовать их как сопровождение для какого-нибудь знаменитого певца вроде Клиффа Ричарда с «Шэдоуз». Я отчаянно хотел получить своего собственного Клиффа. Именно на такую волну я был настроен вначале, - я искал лидера. Но когда я познакомился с «Битлз», то понял, что из этого ничего не получится.

Впервые Джордж встретился с группой 6 июня 1962 года во время пробной записи в студии № 3 «ЭМИ», в Сент-Джонс-Вуд. В тот раз Брайен передал ему новый список песен.

– Мальчики выглядели очень привлекательными. Мне нравилось проводить время в их обществе, и это было странно, Потому что они ведь ничего из себя не представляли, а я был важной персоной. Мне должно было быть безразлично, нравлюсь я им или нет, но мне оказалось очень приятно, что, кажется, я им понравился. Выяснилось, что Джон - поклонник Питера Селлера и обожает те его пластинки, которые делал я.

Из списка Брайена Джордж выбрал только три или четыре номера, в том числе «Love Me Do» и «P.S. I Love You». Джордж считает, что это ранняя редакция песни «Love Me Do», поскольку сама по себе она его не поразила. Но звучание группы, они сами вновь очень понравились ему. «Я подумал, что ничего не потеряю, если подпишу с ними контракт. Хотя, честно говоря, у меня не было ни малейшего представления, что с ними делать, какие песни стоит записывать».

Джордж все еще был занят выпуском других пластинок, гораздо более важных для него в то время, например долго-играющего диска «Истеблишмент», сделанного в первом, недолго просуществовавшем лондонском ночном юмористическом клубе.

Именно на это время пришлось долгое ожидание «Битлз» и увольнение Пита Беста. А Джордж Мартин вовсе не торопился назначать дату приезда «Битлз», потому что не знал, что с ними записывать, стоит ли рисковать, писать ли их собственные композиции или найти для них композитора.

Наконец 11 сентября 1962 года Мартин привез «Битлз» в Лондон, чтобы записать их первую британскую пластинку: «Love Me Do» на одной стороне и «P.S. I Love You» - на другой.

– Я выбрал «Love Me Do», потому что эта песня все-таки показалась мне самой лучшей в списке. Особенно мило звучит в ней губная гармошка Джона.

Джордж Мартин уже знал, что Пит Бест покинул группу и ребята пригласили нового ударника. Но рисковать он не желал. Джордж решил вызвать в студию опытного ударника Энди Уайта, чтобы на всякий случай он был наготове. Джордж сообщил об этом Брайену, Ринго же ничего не знал.

Перед началом сеанса Джордж Мартин объяснил ребятам, чего он от них хочет. «Если вам что-то не нравится, говорите сейчас», - предупредил он.

– Ну что ж, для начала, - заявил Джордж Харрисон, - мне не нравится ваш галстук.

Эта шуточка не раз вспоминалась впоследствии, но тогда она не вызвала энтузиазма у Джорджа Мартина, потому что он надел новый галстук, которым очень гордился, - красные лошадки по черному полю, - купленный у «Либерти». Однако все рассмеялись, и работа началась.

Ринго записывался впервые и чувствовал себя очень неуверенно. Но он скис бы еще больше, если бы знал (а он не знал), что в студию на всякий случай приглашен другой ударник, который дожидается в коридоре.

Они начали с песни «Love Me Do» и сделали семнадцать дублей, прежде чем Джордж остался доволен. «Ринго показался мне довольно слабым ударником, он тогда не справлялся с дробью, да и до сих пор не справляется, хотя, конечно, сделал огромные успехи. Ринго годился для танцев, а мне нужен был настоящий ударник, более опытный, - словом, Энди».

– Студия подействовала на меня ужасно, я занервничал, струсил, - рассказывает Ринго. - Когда мы вернулись, чтобы делать вторую сторону, я обнаружил, что Джордж Мартин посадил на мое место другого парня. Жуть. Меня пригласили «Битлз», а теперь получалось, что я гожусь, только чтобы играть с ними на танцах, а для пластинки я оказался недостаточно хорош. Начали записывать «P.S. I Love You». На барабанах играл другой парень, а мне дали маракасы. Я подумал: ну вот и конец. Со мной обойдутся, как с Питом Бестом.

Потом они решили еще раз переписать первую сторону, с другим ударником, а мне дали тамбурин. Я был уничтожен. Бред какой-то.

«До чего же он гнилой насквозь, весь этот пластиночный бизнес, - подумал я. - А ведь меня предупреждали. Вот, приглашают других музыкантов, чтобы они сделали твою пластинку. Если я не нужен, лучше уйти сразу». Но никто ничего не говорил. Да и что они могли сказать? Или я? Мы были ребятами, с которыми обращались как с котятками. Вы ведь понимаете, что я имею в виду. Они были такие великие: лондонская фирма звукозаписи и все такое. А мы как миленькие делали, что прикажут... Когда вышел сингл «P.S. I Love You», на пластинке стояло мое имя, а ведь я играл только на маракасах, ударником был другой парень. Но, к счастью для меня, они оставили первый вариант «Love Me Do», где на ударных действительно играл я, так что все кое-как обошлось.

«Love Me Do», первая пластинка «Битлз», вышла в свет 4 октября 1962 года. Группа к тому времени вернулась в Ливерпуль и, как и прежде, играла в разных залах, в том числе и танцевальных. Ребята ждали выхода своей пластинки, которая должна была потрясти мир. Но этого не произошло.

Ливерпульские фанаты «Битлз» преданно покупали пластинку в огромных количествах, но, как и следовало ожидать, даже полная распродажа диска в провинциальном городе нисколько не повлияла на содержание списков самых популярных пластинок. Поклонники не только раскупили пластинку, они забросали радио письмами, в которых просили исполнить новую песню. Первым откликнулся канал «Радио Люксембург».

Мать Джорджа, миссис Харрисон, несколько часов просидела у приемника в тот вечер, когда, по словам Джорджа, должны были передавать их песню. В конце концов ей надоело ждать, и она отправилась было спать, но услышала вопли Джорджа - они поют! Джордж разбудил своим криком мистера Харрисона, весьма рассердившегося, поскольку на этой неделе он работал в первую смену.

– Когда я впервые услышал «Love Me Do» по радио, меня аж затрясло. Я вслушивался в лид-гитару и не мог поверить своим ушам. Но самым важным для нас оставалось попасть в двадцатку хитов.

Наконец они стали сорок девятым номером в классификации газеты «Нью рекорд миррор». На следующей неделе песня фигурировала уже в другой газете, «Нью мюзикл экспресс», где заняла двадцать седьмое место, на котором и продержалась некоторое время.

Благодаря этой пластинке Брайену удалось добиться первого выступления «Битлз» по телевидению. Правда, передача транслировалась только на север страны - это была программа «Места и люди» манчестерского канала «Гранада».

Между тем близилась новая поездка в Гамбург для выступлений в

клубе «Стар». Контракт на эти гастроли был подписан еще до выпуска пластинки. Ребята уезжали с неохотой, им казалось, что в их отсутствие популярность ее резко снизится. А в Гамбург предстояло ехать уже в четвертый раз. Однако, пока их не было, пластинка медленно, но верно пробивала дорогу вверх, и каждое новое перемещение «Битлз» праздновали на всю катушку. Самым высоким местом, на которое взобралась песня «Love Me Do», стало семнадцатое.

Джорджа Мартина сама песня по-прежнему не приводила в восторг. «Я не считал, что это так уж здорово, но я был потрясен реакцией на «Битлз», и меня совершенно поражало их звучание. Надо было выпускать следующую пластинку».

Мартин нашел песню, которая, по его мнению, могла стать верным хитом. Она называлась «How Do You Do It». Мартин послал песню «Битлз», но они ее категорически отвергли. Мартин настаивал на своем. В конце концов, это он - босс, и он хочет, чтобы «Битлз» записали именно эту песню. Значит, так тому и быть. Они же по-прежнему ругали песню и отказывались братья за ее исполнение.

Спорить с таким знающим и могущественным специалистом, как Джордж Мартин, было по меньшей мере неосмотрительно. Молодыми, неопытными и музыкально неграмотными провинциалами руководило, скорее всего, просто наивное упрямство.

– Вы отказываетесь от хита, - сказал Мартин. - Если будете так упорствовать, пеняйте на себя. Попробуйте-ка сами сочинить что-нибудь подобное.

– Самоуверенные ребятки, ничего не скажешь, - такими были, такими и остались. Но они действительно сочинили кое-что получше - «Please Please Me», песню, которая меня нокаутировала.

Тем не менее насчет песни «How Do You Do It» Мартин оказался совершенно прав. Спустя некоторое время он отдал ее другой группе Брайена Эпстайна, «Джерри энд Пейсмейкерз», и она заняла первое место.

Вторая пластинка «Битлз» «Please Please Me» была записана 26 ноября 1962 года, но вышла только в январе 1963-го. Чтобы записать ее, «Битлз» вернулись из Гамбурга, а потом снова уехали туда, в пятый, и последний, раз.

В конце года «Нью мюзикл экспресс» провела традиционный опрос общественного мнения. Группа «Спрингфилдз» получила наибольшее количество голосов - 21 843 - как самая популярная вокальная группа в Британии. «Битлз» потерялись где-то внизу со своими 3906 голосами, присланными, должно быть, из Ливерпуля. Но они были там! Они

существовали, хотя не обнаруживали ни одного из признаков группы, призванной спасти «Парлофон» и вывести на орбиту Джорджа Мартина.

Дик Джеймс - единственный представитель традиционного шоу-бизнеса, который вошел в окружение «Битлз» как профессионал и как друг. Он появился сразу вслед за Джорджем Мартином и, подобно Мартину, отчаянно ждал взрыва, который произведут «Битлз».

Дик Джеймс всегда занимался шоу-бизнесом. Лондонский еврей по происхождению, он вырос в окружении шустрого импресарио и будущих лидеров групп, которые, в случае чего, всегда тут как тут. Дик Джеймс обожал показуху, но все, за что брался, он делал совершенно искренне. Свой паренек, свой в доску, его так и хочется обнять, этого парня из Тин-Пэн-Элли [Tin Pen Alley - район Нью-Йорка, где рождаются, записываются и продаются все хиты]. Все обожают Дика Джеймса, хотя «Битлз» поддразнивают его за то, что он увлекается балладами. Они знают, что шлягер «When I'm Sixty Four» сделает Дика Джеймса счастливым. Дик Джеймс вообще счастливчик. Он, наверное, самый везучий паренек во всем их окружении. Когда Дик Джеймс встретился с «Битлз», он был музыкальным издателем-одиночкой, а теперь Дик Джеймс - миллионер, глава крупнейшего музыкального издательства, и, конечно, не только из-за «Битлз», но и благодаря собственному упорному труду.

Ричард Леон Вапник родился в 1920 году в лондонском Ист-Энде. Его отец, мясник, приехал из Польши в 1910 году, примерно в то же самое время, когда из той же Польши прибыла в Англию семья Эпстайн.

В семнадцать лет он стал профессиональным певцом и выступал с Элом Берлином (ныне импресарио) и его оркестром в «Криклвуд Палас». Во время войны Ричард служил в медицинских частях, - он, разумеется, ничего не смыслил в медицине, но зато играл в оркестре своего подразделения. Там он и выучился музыкальной грамоте. После войны он присоединился к Джералдо и немедленно превратился из Дика Вапника в Дика Джеймса. Многие годы он появлялся в составе самых разных оркестров, но в конце концов выбился в певцы-солисты.

— До самой верхушки я так никогда и не добрался. Когда я появлялся на сцене, никто как-то не впадал в истерику, как на концертах Доналда Пирса или Дэвида Уайтфилда.

Но зарабатывать он прекрасно, выпустил много пластинок, пусть и вполне заурядных. Первую он записал, находясь в отпуске, во время войны, в 1942 году, с оркестром «Примо Скалас Аккордной». Некоторое время работал с фирмой «Декка», не принеся ей сколько-нибудь значительной прибыли. Кончилось тем, что в 1952 году он оказался в «Парлофоне». Там

работал молодой, но подающий надежды блестящий специалист по звукозаписи Джордж Мартин, готовый настойчиво работать с любым молодым певцом. В 1955 году Дик Джеймс под руководством Мартина выпустил свою лучшую в жизни пластинку, из-за которой его помнят до сих пор. Это была песня-лейтмотив из телесериала «Робин Гуд». Она заняла девятое место в хит-параде - высшее достижение Дика Джеймса. Этот успех привел к тому, что Дик Джеймс получил свою пятнадцатиминутную программу на «Радио Люксембург», продюсером которой был еще один подающий надежды блестящий молодой человек - Филип Джонс.

Но несмотря на удачу с «Робин Гудом», Дик Джеймс не обманывался на свой счет, он понимал, что как певец не имеет большого будущего, особенно если учесть ход событий, - нашествие рока и скиффла и валом повалившую на них молодежь. «Я почувствовал, что грядет революция, а я нахожусь в неподходящем месте в неподходящее время». Ему только что исполнилось тридцать, а он уже несколько лет носил парик. «Только на сцене, конечно. А так, в жизни, я не надевал его. Это было бы нечестно».

Он пел до 1959 года, но редко и только в Лондоне, поскольку не хотел уезжать далеко от жены и сына. Постепенно он переключился на издательские дела. Дик Джеймс стал бесплатным ассистентом у Сида Брона, отца актрисы Элинон Брон. (Она появилась во втором фильме «Битлз» «Help!».)

В сентябре 1961 года Дик открыл на Чаринг-Кросс-роуд собственное музыкальное издательство, разместившееся в двух комнатах. К лету 1961 года издательство работало уже полным ходом, но хитов по-прежнему не выпускало.

Как-то к Дику зашел сын его друга и предложил для публикации песню, которую не смог пристроить в другом месте. Песня называлась «How Do You Do It». Дик Джеймс бегом помчался к своему старому другу по «Парлофону» Джорджу Мартину. Вот теперь-то и проясняется, почему Джордж так хотел, чтобы «Битлз» записали эту песню.

– Я сказал Джорджу, - говорит Дик, - что это просто блеск. Вдруг он и спрашивает: «А может, она подойдет моей новой группе из Ливерпуля?» «Что? Ливерпуль? Ты шутишь! При чем здесь Ливерпуль?» - удивился я.

Джордж Мартин понял, что эта песня принесет деньги, и уговорил Дика оставить ее здесь на некоторое время. Дик был страшно возбужден. «Наконец-то, - считал он, - я нашел настоящий хит». Но в ноябре 1962 года Дику позвонил Джордж и сообщил, что «Битлз» написали собственную великолепную песню «Please Please Me».

Для Дика Джеймса на этом дело вроде как и кончилось. Но Джордж Мартин сообщил, что в его кабинете сидит Брайен Эпстайн. Он никого не знает в Лондоне - может Дик согласится помочь ему? «Конечно, - ответил Дик, - я помогу, а можно мне издать эту песню, раз она такая уж хорошая, как говорит Джордж?»

Брайен должен был встретиться на следующее утро с другим музыкальным издателем, но он обещал Дик Джеймсу зайти к нему после и все обсудить.

– В половине одиннадцатого утра я был у себя в кабинете, когда на полчаса раньше, чем мы договорились, вошел Брайен. Он сообщил, что был у другого издателя. Брайен напрасно прождал его двадцать, пять минут. «Вам предлагается право первого издания», - сказал Брайен.

Он сыграл мне песню, и я сказал, что это самая потрясающая песня, которую я слышал в жизни. Могу ли я издать ее? Брайен Эпстайн, даром что только-только из Ливерпуля, парень был - палец в рот не клади. «Помогите мне сделать для них рекламу, и я отдам вам песню», - заявил он. Дик снял трубку и позвонил одному из своих старых приятелей Филипу Джонсу, в прошлом продюсеру песенной программы «Радио Люксембург». К тому времени он стал продюсером новой телевизионной поп-программы «Благодари свою счастливую звезду».

– Я обо всем договорился прямо тут же, по телефону. Я сыграл Филипу песню «Please Please Me», и она ему понравилась. Он обещал вставить ребят в свое шоу.

За пять минут Дик Джеймс организовал первое выступление «Битлз» по лондонскому телевидению. Вспомним, что манчестерский канал «Гранада» вел трансляцию только на север страны. Брайен, конечно, был поражен таким всемогуществом. Обеденного перерыва оказалось достаточно, чтобы Дик Джеймс стал музыкальным издателем группы «Битлз». Музыкальный издатель может жить припеваючи, если верно выберет композиторов, пишущих для него. Ведь все доходы делятся между издателем и композитором пополам.

В 50-е годы, когда Дик Джеймс сменил вокал на издательское дело, он легко мог прогореть. Наверное, надежнее было бы работать импресарио, и он это понимал. В течение десятилетий музыкальные издательства существовали за счет продажи нот; когда же разразился пластиночный бум и люди перестали музицировать дома на фортепиано, печатная музыкальная продукция перестала пользоваться широким спросом. Но, встретившись с «Битлз», Дик Джеймс, по существу, начал свою жизнь заново.

21. Гастроли

Начало 1963 года ознаменовалось для «Битлз» тем, что одна их пластинка уже была выпущена и со дня на день они ждали следующую. Их союз с Джорджем Мартином и Диком Джеймсом укрепился. Вскоре они должны были впервые выступить в лондонской телевизионной программе. И все-таки их по-прежнему никто не знал. Брайену Эпстайну было очень трудно организовать для них рекламу - не только национальную, но и местную.

Он обивал пороги «Ливерпул эхо», пытаясь добиться толку от Джорджа Харрисона, но безуспешно. Тогда он написал Дискеру, критику из «Ливерпул эхо», ведущему раздел пластинок. Впервые Брайен обратился к Дискеру в 1962 году и был крайне удивлен, когда получил ответ из «Декки», подписанный каким-то Тони Барроу.

В 1953 году Тони Барроу, семнадцатилетний ученик школы «Кросби», расположенной неподалеку от Ливерпуля, взял себе псевдоним Дискер. Он сохранил его и в Дерхэмском университете, и позднее, начав работать в «Декке», где сочинял тексты для конвертов. Он и сегодня остается Дискером, хотя стал старшим пресс-атташе «Битлз».

Брайен писал ему в первый раз в полной уверенности, что фирма «Декка» удовлетворена прослушиванием «Битлз» и намерена их записать. Тони Барроу посвятил этому абзац в своей колонке - первое упоминание о «Битлз» в печати. Но запись не состоялась, и Тони Барроу уже не горел желанием снова заниматься ими. Однако, как только вышла пластинка «Love Me Do», он тотчас вспомнил о «Битлз» в своей колонке Дискера.

После выхода пластинки его группы Брайен стал чаще навещать в Лондон. Встретившись там с Тони Барроу, он посоветовался с ним, как организовать мощную рекламу.

– Брайен представления не имел, как подавать пластинки, - я связал его с профессиональной прессой. Потом он посетовал, что не имеет пресс-агента, что вынужден сам размножать и рассылать копии текста. Брайен попросил помочь ему. И вот, не выходя из своего кабинета в фирме «Декка», я написал первое официальное сообщение для печати от имени группы «Битлз».

Ребят Барроу не видел ни разу, а называть свое имя или давать номер телефона не имел права, так как работал в «Декке». Кроме того, у него не было списка подписчиков. «Я нанял специалиста по паблисити, которого

знал раньше. Мы договорились с ним во время девятипенсового ленча в дешевой столовке Би-би-си. Со списком подписчиков и адресами теперь все было улажено».

Этим специалистом стал Эндрю Олдхам, проработавший некоторое время с Брайеном, а впоследствии ставшие менеджером группы «Роллинг Стоунз».

В это же время, в октябре 1962 года, «ЭМИ» раскачалась на скромную рекламу для их первой пластинки, но, в сущности, текст был дословным повторением творенья Брайена, который в свою очередь списал его у поклонников из клуба «Битлз». Там говорилось, что Джон больше всего любит черный цвет, тушеное мясо в пряном соусе и Карла Перкинса, а ненавидит бездарей и джаз. В графе «любимая марка автомобиля» он написал «автобус». Если верить этому рекламному листку, все «Битлз» преследовали одну цель: заработать кучу денег и уйти в отставку. Цель не слишком достойная - им полагалось бы мечтать о высоком профессионализме в своей области.

Тони Барроу ушел из «Декки» и начал работать для «НЕМС Энтерпрайзиз» с 1 мая 1963 года. Он занимал одну комнату в первом лондонском офисе Брайена Эпстайна на Монмут-стрит. В течение шести месяцев Тони разослал бесчисленное количество рекламных текстов, листовок, объявлений, большинство которых остались без ответа.

Музыкальные газеты отметили пластинки «Битлз», как только те появились на свет. Особенно внимательно они отнеслись к диску «Please Please Me», вышедшему 12 января, а 16 февраля эта песня заняла первое место в хит-параде. О чем тоже было достаточно выразительно написано. Однако большая пресса все еще не усматривала в этом никакого события.

Первое и единственное за полгода упоминание о группе в центральных газетах появилось в лондонской «Ивнинг стандарт» в феврале 1963 года и принадлежало перу Морин Клив. Песня «Please Please Me» в это время еще не стала шлягером № 1, а «Битлз» были неизвестны не только широкой публике, но даже фирмам грамзаписи. Однако мисс Клив слышала об их популярности в Ливерпуле. В своей статье она рассказала о том, как ливерпульские поклонники заставили манчестерское телевидение отснять их, а теперь очень беспокоятся, как бы «Битлз» не уехали из Ливерпуля. «Такие забавные, естественные», - писала о «Битлз» Морин.

Морин первая обратила внимание публики на их прически «во французском стиле» и описала, как они зачесывают волосы вперед, закрывая лоб. Морин вполне справедливо назвала стиль французским, поскольку он родился на континенте.

– Хотя поп-газеты и замолвили за «Битлз» пару слов, мне никак не удавалось заинтересовать ими хоть какого-нибудь журналиста или репортера из центральной прессы, - рассказывает Тони Барроу. - Это произошло лишь в октябре 1963 года.

Я бы с удовольствием объявил, что именно мои блистательные рекламные анонсы сделали «Битлз» знаменитыми, но это было бы неправдой. Центральная печать поздно спохватилась. Уже вся молодежь, не только ливерпульская, сходила с ума, а они так ничего и не замечали. Выпустив вторую пластинку, «Битлз» возглавили хит-парад, но большая пресса по-прежнему не видела в них будущего и хранила гордое молчание.

Простейшее объяснение этой спячки состоит в том, что в Британии никогда не случалось ничего подобного и британские журналисты прозевали сенсацию. Здесь привыкли ждать, когда новость обрушивается прямо на голову, - тогда газетчики всполошатся.

«Битлз» не замечала центральная печать, но в Ливерпуле их успехи освещались со всех сторон. 5 января 1963 года Дискер разразился подробным отчетом о выходе пластинки «Please Please Me», не упомянув, правда, о собственной немалой роли в рекламе группы.

Потихоньку к ним стал пристраивался и знаменитый Джордж Харрисон. В своей колонке «Вид со стены Мерси» (номер от 21 февраля) он поместил материал, посвященный предстоящему выступлению «Битлз» в телепередаче «Благодари свою счастливую звезду». Он сообщал, что написал статью еще до того, как «Please Please Me» вышла на первое место в хит-параде. Кроме всего прочего, музыкальный критик задавался вопросом, случаен ли успех группы, или ей суждено возглавлять хит-парад долгое время.

Но уже через пару месяцев он разошелся вовсю - пришла его пора хвастаться тем, что он носит те же имя и фамилию, что и самый знаменитый из Джорджей Харрисонов. Он рассказывал, что стал получать массу открыток с адресом «Джорджу Харрисону, Ливерпуль»: его поздравляли с днем рождения, забрасывали просьбами прислать прядь волос, - самое раннее проявление возникшей впоследствии среди поклонников мании обзавестись «кусочками» «Битлз». Только этого ему недоставало - ему бы самому иметь хоть немного волос, вот о чем он мечтал, а не о том, чтобы раздаривать последние.

Потеряли покой все жители Ливерпуля по фамилии Леннон, Маккартни, Харрисон и Старки - всю ночь им не давали спать звонки каких-то странных девиц.

Однако самой главной наградой за место в первой двадцатке хитов

стало не признание в «Ливерпул эхо», а приглашение на гастроли по всей стране. Не то чтобы это означало большой успех: все гастроли такого рода, построенные как разовые ежевечерние выступления в разных городах, обязательно включали и больших, и малых звезд. Но попасть в такой тур именно теперь было для них жизненно необходимо. Они жаждали вырваться за пределы Мерсисайда и выйти на национальную сцену, чтобы проверить, так ли действует их музыка на незнакомую публику, как на ребят из Ливерпуля, вместе с которыми они выросли. Кроме того, участие в таком турне как ничто другое обеспечивало рекламу пластинки - ведь она дублировалась в живом исполнении по всей стране.

Первое турне «Битлз» состоялось в феврале 1963 года при участии Хелен Шапиро. Звездой шоу была именно она. Два года тому назад она произвела сенсацию, став победительницей конкурса среди юных певиц.

Артур Хауз, импресарио этого турне, на своем поприще добился уже многого. Делом его рук были, например, гастроли Клиффа Ричарда. Хауз очень рано заметил «Битлз», еще до того, как они возглавили список хитов, и в конце концов стал их импресарио во всех британских гастролях, за одним-единственным исключением.

Как только Брайен узнал, что Артур Хауз занимается гастролями Клиффа Ричарда, он сразу же попытался связаться с ним. Раздобыв номер домашнего телефона Хауза, Брайен очень удивился, когда сумел обнаружить, что тот живет аж в Питерборо. Случилось это еще в 1962 году, когда Эпстайн обивал пороги всех фирм грамзаписи.

— Однажды в субботу в моей квартире в Питерборо раздался телефонный звонок. «С вами говорит Брайен Эпстайн из Ливерпуля», - сказал кто-то в телефонную трубку. У него, мол, есть роскошная группа, могу ли я сделать для них что-нибудь? Он сказал, что они называются «Битлз», и я расхохотался. «Господи боже мой, - подумал я, - опять двадцать пять! Опять какая-то группа с дурацким названием». Но я никогда не отказывал ни одной группе, не прослушав ее. Я сказал, что в Питерборо намечается шоу и они могут принять в нем участие. Не больше двух номеров в театре «Эмбасси» в шоу с Фрэнком Айфилдом.

Выступление в театре «Эмбасси» было первым выездом «Битлз» за пределы Мерсисайда. Группа провалилась. В тот самый вечер Артур Хауз и сказал: «Зрители сидели на ладошках». «Ничего удивительного в этом, пожалуй, не было. Фрэнка Айфилда так обожали, что можно было перетерпеть ради него два плохих номера».

Но Артуру Хаузу «Битлз» понравились. Он пригласил их еще в один театр неподалеку от Питерборо. Снова провал. И тем не менее Артур Хауз

заклучил с ними контракт. Это мало к чему обязывало, но контракт соединял его с «Битлз», если бы он захотел их пригласить. «Они очень нравились мне чисто по-человечески, а в Брайене я видел отличного бизнесмена. Он произвел на меня великолепное впечатление».

В январе 1963 года, когда наконец-то вышла пластинка, Артур воспользовался контрактом и пригласил «Битлз» принять участие в шоу Хелен Шапиро. На прилавках появилась вторая их пластинка, но, когда они отправились на гастроли, в феврале 1963 года, ничто не предвещало, что этот диск займет первое место в хит-параде. «Чтобы состояться, им потребовалось шесть месяцев. Меня ведь волнует только одно - касса. Если исполнители не состоялись, прибыли нет. Для импресарио не существует романтики. Один только тяжелый труд».

– Гастроли стали для нас отдохновением, - говорил Джон. - Чего стоило одно то, что мы наконец выбрались из Ливерпуля и перед нами открылись новые земли. Мы все время заболели «чемоданной» болезнью. Нам надоедала какая-то одна сцена, мы тотчас начинали собирать чемоданы, когда вдруг появлялась другая. Гамбург уже изжил себя, нас и там одолевало «чемоданное» настроение. Два последних раза мы отправлялись туда со скрипом - так не хотелось. Этой сценой мы уже были сыты по горло.

– Гастроли с Хелен Шапиро, концерты в настоящих театрах вызывали в нас радостное возбуждение, - рассказывает Ринго. - Мы уже как-то выступали в театре «Эмпайр» в Ливерпуле, когда Брайен устроил там шоу, чтобы хоть как-нибудь нас показать. Наши имена стояли на афише третьими. Один кокни, менеджер второй звезды, поскандалил с нами, - он никак не хотел, чтобы мы появились в том шоу.

А вообще, выступать в настоящих театрах - это просто красота. Мы ничего не понимали в таких вещах, как грим, потому что до сих пор никогда не участвовали в шоу. Понадобилось много времени, чтобы мы дошли до этого. По-моему, мы впервые обнаружили существование грима, наблюдая за Фрэнком Айфилдом. У него вдруг сделались сногшибательные глаза. Мы решили, что нам тоже надо попробовать. В результате мы скакали по сцене, как краснокожие дикари, вымазанные краской.

В начале гастролей с Хелен Шапиро «Битлз» не вызвали никакой сенсации. И только когда появилась их вторая пластинка и заняла первое место, на их выходы стали реагировать по-настоящему.

– Звездой оставалась Хелен, - говорит Ринго. - В ее артистической уборной стоял телевизор. Нам приходилось просить у нее разрешения,

чтобы посмотреть его. Нельзя сказать, будто на наших концертах зал ломился от публики, но, можете мне поверить, кое-чего мы добились.

Джон вспоминает, что в Глазго, бывало, раздавались отдельные вопли. Он считает, что тамошние зрители вопили, поскольку любили рок-н-ролл и сохраняли ему верность, тогда как другие уже перекинулись на группы типа «Шэдоуз». «В Шотландии все кричали как сумасшедшие - им, наверное, больше делать нечего».

«Битлз» были олицетворением рок-н-ролла. И квинтэссенцией этого стиля стала песня «Twist and Shout», которую они включили в свой репертуар во время гастролей. Хотя имя Ринго постоянно значилось на афише, его не покидало беспокойство, подходит ли он им. «В гостиницах я всегда прикидывал, с кем из ребят окажусь в номере. Они ведь так хорошо знали друг друга. Обычно Джон жил вместе с Джорджем, а я с Полом. И всегда все было в порядке».

Джон сохранил воспоминания о гастролях в самых общих чертах - в его памяти не задержалось ни одного названия мест, в которых они побывали. «Мы никогда не знали, где мы. По существу, везде повторялось одно и то же».

А вот Ринго запомнил один эпизод, приключившийся во время гастролей с Хелен Шапиро, - как их выдворили из бального зала. «По моему, это было в Карлайле. В гостинице, где мы жили, устроили бал, и мы решили на него заглянуть. Там набилось полно каких-то вылощенных чопорных типов. Нас, конечно, выперли - уж слишком мы были немые и нечесаные».

Когда диск «Please Please Me» победил в хит-параде, поклонники поп-музыки стали узнавать «Битлз». К концу гастролей они срывали не меньше аплодисментов, чем звезда шоу Хелен Шапиро.

После этих гастролей, уже с первым местом в активе, Артур Хауз немедленно отправил их в следующее турне. Оно началось в марте 1963 года. Звездами на этот раз были Крис Монтез и Томми Роу. «Битлз» стояли в афише третьими.

С каждым новым концертом их принимали все теплее. Группа приобрела известность в мире поп-музыки. Участие в телепередаче «Благодари свою счастливую звезду» поддержало успех пластинки. Они стали получать заявки на песни для других исполнителей. Одну они сочинили для Хелен Шапиро.

Новая песня Клиффа Ричарда «Summer Holiday» вскоре вытеснила с первого места «Please Please Me». Потом Клиффа сменили «Джерри энд Пейсмейкерз» с песней, от которой отказались «Битлз», «How Do You Do

It», - теперь она возглавляла хит-парад. С марта 1963 года в обиход поп-бизнеса вошло выражение «ливерпульское звучание».

Успех «Please Please Me» привел к тому, что первая долгоиграющая пластинка «Битлз», выпущенная в апреле 1963 года, вышла под тем же названием. На диске были воспроизведены обе стороны их первой пластинки плюс «Twist and Shout», «A Taste of Honey» и другие. Этот альбом оставался в списке хит-парада шесть месяцев.

В апреле 1963 года группа выпустила еще и свой третий сингл, «From Me To You», вновь возглавивший хит-парад и получивший премию «Серебряный диск».

Брайен тем временем заключал контракты с другими ливерпульскими артистами. Например, с Билли Крэмером. Он вставил в середину его фамилии «j» и соединил с новой манчестерской группой «Дакотас», выступавшей как сопровождение. Джон и Пол написали для Билли новую песню «Do You Want To Know a Secret». Песня заняла в хит-параде первое место.

Уже к апрелю 1963 года, когда вышла третья пластинка «Битлз», «From Me To You», любители начали сравнивать их пластинки и поговаривать, что они, похоже, стали сдавать. Диск-жокей Кит Фердайс написал: «Пение и гармонии хороши, искрятся остроумием, но текст носит исключительно коммерческий характер, а нынешняя мелодия вовсе не так хороша, как две первых».

Джон и Пол сочинили эту песню в автобусе, во время гастролей с Хелен Шапиро. Они, как обычно, писали простые, непритязательные стихи, пользуясь в названиях такими легкими для публики словами, как «me» и «you».

«Битлз» заключили еще один контракт на турне по стране с Роем Орбисоном. К организации этих британских гастролей Артур Хауз в первый и единственный раз не имел отношения. В тот момент его планы не предусматривали турне для «Битлз», но Брайен считал, что нужно ковать железо, пока горячо, на волне славы их пластинки. Группа не должна делать перерывов в гастролях.

Перед отъездом «Битлз» устроили себе короткие каникулы на Канарских островах на Тенерифе. Они поселились в доме, принадлежавшем отцу их гамбургского друга Клауса, связи с которым никогда не прерывали. Во время этого отдыха Пол чуть не погиб, когда слишком далеко заплыл и его понесло в открытое море.

Во время гастролей или в перерывах между ними «Битлз» использовали любую возможность, чтобы вернуться домой, в Ливерпуль.

«Мы, конечно, не упустили случая похвалиться, - признается Ринго. - Большие профессионалы, как же. Другие-то группы все еще вкалывали где придется».

Джон, несмотря на успехи, явно чувствовал себя не в своей тарелке, когда оказывался в Ливерпуле.

– Мы не могли открыто признаться в этом, но нам не очень нравилось возвращаться в Ливерпуль. Превратившись в героев местного значения, мы, в общем-то, нервничали. Когда мы выступали, в зале набивалось полно знакомых. Играть перед ними такими чистюлями было неловко. Мы боялись, как бы друзья не подумали, что мы продались. Хотя, впрочем, отчасти так оно и было.

Во время третьих гастролей, с Роем Орбисоном, «Битлз» не раз становились причиной беспорядков, правда не того масштаба, что впоследствии, когда о них заговорили в центральной прессе, пока еще игнорировавшей группу. Это было первое турне, в котором звездами стали они сами, и реакция, вызванная их выступлениями, уже несколько не отличалась от рева поклонников в ливерпульской «Кэверн».

Хотя Брайен и навел на них некоторый глянец шоу-бизнеса - по крайней мере так казалось Джону, ребята не прочь были, как и раньше, подурачиться на сцене, и, если барахла аппаратура, они веселились напропалую: «А теперь песня, сочиненная Виктором Силвестром, мамашей пламенных религиозных песнопений». В интервью музыкальным критикам они несли порой страшную околесицу. Морин Клив писала в «Ивнинг стандарт», что брать у них интервью - это все равно что общаться не с двумя, а с четырьмя братьями Маркс [Братья Маркс - известные американские комики].

Во время гастролей с Роем Орбисоном началась спекуляция билетами, возник черный рынок. После того как Джордж имел неосторожность сказать, что любит леденцы, их стали забрасывать конфетами во время выступлений; толпы осаждали их в театрах, гостиницах - везде, где бы они ни появились.

На афише Рой Орбисон и «Битлз» значились как исполнители одного ранга, но в самом шоу они выступали после Роя Орбисона, как главные звезды.

– После Роя было очень трудно выступать, - рассказывает Ринго. - Он клал зал на лопатки, и они вопили, требуя его выхода еще и еще. В Глазго мы стояли за кулисами и слушали гром аплодисментов, которыми его награждали. Он просто стоял там, пел, даже не двигался, - ничего. Когда наступала наша очередь выйти на сцену, мы толкались за занавесом,

шепотом подбадривая друг друга: «Угадайте, кто сейчас выйдет? Небось ваши любимчики?» Но как только мы оказывались на сцене, все было о'кей.

Правда, не для Нила Аспинала, их гастрольного администратора. Раньше он кружил по одним и тем же залам Ливерпуля, теперь все изменилось. Новая дорога, новая гостиница, новый театр и каждый день новые проблемы.

– Вечные трудности с микрофоном, - вспоминает Нил. - Ни один театр не ставил их так, как нам было нужно. Даже если на дневных репетициях мы растолковывали, где именно они нам нужны, вечером они все равно оказывались или не на тех местах, или недостаточно громко настроены.

Тамошние деятели никак не могли понять, что это не самодеятельность. Нам даже казалось, что они просто недостаточно серьезно относятся к нашей музыке. Мы бесились от злости. Брайен сидел в аппаратной, и мы кричали ему, что все не так. Брайен знаками показывал нам, что на большее они не способны.

Больше всего доставалось Нилу. Именно в его обязанности входило привезти «Битлз» вместе с аппаратурой в нужное время в нужное место и расставить все на сцене. По мере того как они обрастали тучами поклонников, представлявших даже физическую опасность и стремившихся стащить на память какую-нибудь частичку их оборудования, Нил уже практически не мог справиться со всеми своими обязанностями один.

– За пять недель я потерял сорок два фунта веса. Можете не верить, но это было именно так. Со ста пятидесяти четырех фунтов я спустил до ста двенадцати. Пять недель я не ел и не спал. У меня минуты свободной не было.

Пришлось взять Малколма Эванса, вышибалу из «Кэверн». Он присоединился к Нилу в роли еще одного путевого администратора и сохранял этот пост во время всех гастролей «Битлз». Оба они до сих пор с группой - их ближайшие и закадычные друзья.

Нил - худощавый, смышленный, спокойный, но твердый в достижении цели, с определенными воззрениями и уж никак не из тех, кто всем поддакивает. Внешне он немного похож на Джорджа. Мэл - здоровенный детина, простодушный, покладистый добряк, - словом, легкий в общении. Нил ради «Битлз» бросил работу бухгалтера. У Мэла служба была менее импозантной, но он великолепно с ней справлялся.

Когда в жизни Мэла появились «Битлз», чтобы полностью изменить ее, он уже одиннадцать лет проработал инженером на телевидении. Ему

было двадцать семь лет, они с женой растили одного ребенка, он без натуги выплачивал пай за вполне приличный дом на Аллертон-роуд в Ливерпуле. Гордый владелец собственного автомобиля, он получал хорошее жалованье - 15 фунтов в неделю. Мэл имел полное социальное обеспечение, оплаченный отпуск и гарантированную пенсию при уходе с работы. Казалось, ничего лучшего и не пожелаешь.

Однажды, это было в 1962 году, он вышел с работы и решил, что не станет прогуливаться по Пир-Хед, как обычно во время обеденного перерыва. «Я обнаружил маленькую улочку Мэтью-стрит, которой раньше не замечал. Пошел по ней и добрел до клуба «Кэверн». Никогда раньше я в него не заходил. Оттуда раздавалась музыка, настоящий рок, что-то вроде Элвиса. Я заплатил шиллинг и вошел».

С тех пор Мэл стал так часто заходить в «Кэверн», что ему предложили постоять у дверей, поработать вышибалой и получить право на бесплатный вход.

Около трех месяцев Мэл совмещал основную службу с заботами вышибалы в «Кэверн», а летом 1963 года Брайен попросил его оставить свое место инженера связи на телевидении и стать путевым администратором «Битлз». Во время гастролей Мэл должен был перевезти на автобусе всю аппаратуру из театра в театр, установить и проверить ее - до прибытия «Битлз», а после концерта ему надо было собрать аппаратуру и проследить за тем, чтобы в следующий пункт назначения она прибыла в целостности и сохранности.

Нил занимался непосредственно самими «Битлз». Мэл считает, что в первую неделю работы его можно было уволить шесть раз: «Прежде я никогда в жизни не видел вблизи ударной установки. И ни черта, конечно, в этом не смыслил. Пару дней Нил помогал мне, а вот как только я оказался предоставленным самому себе, на меня напал ужас. Огромная сцена - и на ней я с совершенно пустой головой. У меня потемнело в глазах. Я не знал, что куда ставить. Тогда я попросил помочь мне ударника из другой группы, - я ведь представления не имел, что каждый расставляет барабаны по-своему. Он и поставил их, как ему удобно. Но Ринго-то это совершенно не подходило. Самое худшее случилось в Лондоне в «Финсбери-Эмпайр», когда я потерял гитару Джона. К тому времени Джон играл на ней уже несколько лет. А тут она исчезла - и все. «Где мой «Джумбо»?» - спрашивает он, а я понятия не имею. До сих пор непонятно, куда она запропастилась. Не знаю, как я тогда жив остался...

Но до чего же здорово оказалось общаться с людьми, которых все время видишь по телевизору! Я обожал звезд, я и сейчас такой. Но вскоре,

конечно, я понял, что они стараются со мной познакомиться, подружиться ради «Битлз». Я их стал обходить за версту».

– Ему-то что, - вспоминает Нил. - Приехал пораньше, установил аппаратуру - и все дела. Популярность у него была немыслимая. Когда фэны устраивали ему овации, что-то орали, он только отщучивался. Ему-то не надо было драться с ними, сдерживать их натиск, пока шел концерт.

– Мои представления о «Битлз» вскоре изменились, - рассказывает Мэл. - До сих пор они были для меня четыремь замечательно красивыми людьми. Я смотрел на них как на богов. Но я понял, что это обыкновенные парни, вовсе не из золота. Они могли наорать на меня, а я не мог ответить им тем же. Надо было просто терпеть.

Самое страшное во время гастролей, свидетельствуют оба, и Нил, и Мэл, происходило в артистической уборной перед выступлением. Она была битком набита репортерами, полицией, театральными работниками, а снаружи туда же ломились толпы фэнов. «И вся эта орава валилась на мои плечи, - говорит Нил. - Я должен был заниматься ими, пока мы не наняли собственного пресс-агента. И еще я отвечал за то, чтобы ребята были сыты. Когда начинало твориться что-то невообразимое и кто-то позволял себе лишнее, Джон или кто-нибудь другой кричал: «Калеки, Нил!» Это означало, что от кого-то надо избавиться. Вначале это слово имело свой прямой смысл и означало, что где-то действительно появились калеки, но потом, с течением времени, «калеками» назывались все, кто путался под ногами.

С самых первых гастролей нас осаждали тучи калек. Они набивались в артистическую еще до нашего приезда в театр. Администрация впускала их, считая, что мы с удовольствием повидаемся с ними, раз уж мы такие простые милые ребята. Это был ужас. Их нельзя было сдвинуть с места. Что прикажете делать? Они сами не могли сделать ни шага. Так что мне и Мэлу приходилось выносить их на руках. Однажды вечером какой-то калека чуть не проткнул Мэлу шею своей клешней.

По мере того как увеличивалось количество поклонников «Битлз», калек становилось тоже все больше и больше. Имидж «Битлз» был таким милым, славненьким, - неизвестно почему. Они считали, что мы хотим видеть их, и если они не появятся, то мы прямо-таки расстроимся. А были и такие, кто считал, что рядом с «Битлз» чудом исцелится. Газеты об этом ни разу не писали, хотя здесь скрывалась одна из причин поклонения группе. Наверное, газетчикам фотографии калек, которых на руках тащат из артистической, казались не очень-то привлекательными.

Беспорядки на концертах стали возникать сразу же, с первых

гастролей «Битлз» по стране, но они все еще считались чисто ливерпульской группой, которая иногда выезжала в другие города из доброго старого Мерсисайда. В последний раз группа выступила в «Кэверн» 23 августа 1963 года. Джон побывал дома, в Ливерпуле, в день рождения своего сына Джулиана, названного в честь его матери Джулии. Когда он пошел навестить Син в больнице «Сефтон», ему пришлось заgrimироваться. Это было в апреле 1963 года, - в Ливерпуле каждого из них узнал бы первый встречный.

– И все-таки ничего у меня не вышло. «Вон один из них!» - услышал я чей-то крик и бросился бежать.

Через несколько дней после рождения сына Джон уехал с Брайеном в Испанию отдыхать.

Син переехала из крошечной квартирki в центре Ливерпуля и поселилась на Менлов-авеню вместе с Мими.

– Когда я везла Джулиана в коляске по Уолтону, ко мне все время подходили и спрашивали: «Вы Синтия Леннон?» Я отвечала: «Нет».

В 1963 году Полу исполнился двадцать один год. База «Битлз» все еще оставалась в Ливерпуле. Все поклонники, конечно, прекрасно знали о дне рождения своего кумира, поэтому он не смог отметить его у себя дома на Фортлин-авеню. Пришлось справлять праздник у тетушки Джинни, одной из сестер матери, которые очень помогали Джиму после ее смерти.

Вечеринка превратилась в многолюдную пьяную оргию наподобие той, что творилась на дне рождения Ринго или во время шумной встречи, которую устроили неистовые ливерпульцы своим любимцам, возвратившимся из Гамбурга. Кроме «Битлз» здесь показали себя и другие группы: «Формост», подписавшая с Брайеном контракт, а также только-только начавшая набирать силу ливерпульская группа «Скэффолд». В нее входили Роджер Макгоф, ливерпульский поэт, Джон Герман, комедийный актер и владелец небольшой модной лавки, и Майкл Макгир, бывший Майкл Маккартни, брат Пола.

Майкл продолжал работать парикмахером, но в свободное время выступал с группой «Скэффолд». Когда Пол стал ливерпульской знаменитостью, Майкл взял себе сценическую фамилию, чтобы никто не подумал, будто он хочет воспользоваться лаврами прославленного брата. Заодно он отказался и петь.

Во время празднования дня рождения Джон полез в драку с одним диск-жокеем, который еще до появления Брайена очень много сделал для «Битлз», доставая им ангажементы.

– Избил я его до полусмерти. Все ребра ему переломал. Распсиховался.

По-моему, он обозвал меня педиком. Потом он подал на меня в суд за избиение. Я отделался 200 фунтами, чтобы покончить с этим делом. Наверное, это была последняя настоящая драка, в которой я участвовал. В жизни «Битлз» закончилась целая эпоха. Наступал конец жестокому, высокомерному, агрессивному отношению Джона к жизни и окружающим. Наступал конец владычеству ливерпульской сцены, поскольку их гастроли стали привлекать внимание всей страны.

Вернувшись из Лондона в августе 1963 года, они выпустили свой четвертый сингл «She Loves You». Это было началом стиля «йе-йе» и национальной славы. Ливерпуль стал городом, где родились «Битлз».

22. Битломания

В октябре 1963 года над Британскими островами, не успевшими еще прийти в себя от скандала с Кристин Килер и Профьюмо, нависла битломания.

Нависла, захлестнула и не унималась в течение трех лет, охватив весь мир. Истеричные подростки всех цветов кожи и слоев общества пронзительно вопили «йе-йе», не слыша за собственными воплями музыки. Они находились в состоянии эмоционального, интеллектуального или сексуального опьянения. С пеной на губах, в слезах, они налетали на «Битлз», а то и попросту хлопались в обморок.

В течение трех лет это безумие владело всем миром. Каждая страна становилась свидетелем массового психоза, который совсем недавно казался невысказанным и которому вряд ли суждено повториться. Сегодня никто в такое уже не верит, а между тем вчера все это было правдой.

Битломанию как явление нельзя преувеличить, потому что сама битломания и есть преувеличение. Тех, кому все это кажется сказками, можно адресовать к ведущим газетам мира того времени, которые в километрах слов и фотографий запечатлели каждый шаг «Битлз» на пути завоевания земного шара.

Когда к 1967 году бум окончился, оставив после себя донельзя опустошенных или донельзя утомленных людей, трудно верилось, что все это было на самом деле. Разве могли все одновременно сойти с ума? Ведь в конце концов этому наваждению поддались люди всех возрастов, разного интеллектуального уровня, хотя, может быть, и не впадая в такое истеричное состояние, как подростки.

Лидеры мирового масштаба, крупные знаменитости, начинавшие с недоумения, критики «Битлз», в конечном счете вступали в соревнование между собой, чтобы показать, как прекрасно они знают группу, наперебой упоминали о ней, показывали, что они в курсе дела, что они понимают природу этого феномена общения масс, всего мира.

Шквал обрушился на Британию в октябре 1963 года, в неожиданной и весьма драматичной форме. Брайен Эпстайн признался, что он не был готов к этому. Он ожидал успеха, поскольку успех этот, собственно, уже состоялся. Но истерия? Нет, не ожидал.

«She Loves You», которая вышла в конце августа, тоже заняла первое место, повторив путь двух своих предшественниц. Уже в июне, когда у

песни и названия не было, тысячи поклонников успели заказать следующую пластинку «Битлз». Накануне дня, когда пластинка поступила в продажу, на нее собрали полмиллиона предварительных заказов.

К сентябрю положение «Битлз» в Великобритании стало уникальным. Первое место среди долгоиграющих пластинок по количеству проданных экземпляров занимал их альбом «Please Please Me», на первые же места вышли и их обычная пластинка «Twist and Shout», и сингл «She Loves You».

Но лишь в ночь на 13 октября 1963 года «Битлз», перестав существовать как интересный материал для статей о поп-музыке, превратились в новости для первой полосы.

Это был вечер, когда их имена стояли первыми на афише в лондонском «Палладиуме», шоу из которого транслировалось по телевидению в программе «Воскресный вечер в лондонском «Палладиуме». В тот вечер их выступление посмотрели 15 000 000 телезрителей.

Арджил-стрит, на которой находился «Палладиум», с утра была осаждена поклонниками. Прослышав об этих огромных толпах, туда устремились репортеры. Служебный вход оказался забитым болельщиками, горами подарков и телеграмм. Репетировать внутри помещения становилось почти невозможно из-за криков тысяч поклонников, запрудивших прилегающие улицы.

Другие телевизионные компании решили заслат репортеров своих программ новостей, чтобы они отсняли эти толпы, хотя шоу транслировалось конкурирующей телекомпанией. Застигнутая врасплох полиция не могла сдерживать людей. Было принято решение, что машина, на которой «Битлз» будут уезжать, подойдет к центральному входу, поскольку публика считала, что они выйдут из служебного. К тому времени «Битлз» ездили на машине «остин-принсес». Старый фургончик Нила с появлением хитов отслужил свою службу.

Полиция, придя в восторг от собственного хитроумия, поставила автомобиль недалеко от центрального входа, чтобы его не заметили. Это привело к тому, что, когда «Битлз» в сопровождении Нила действительно вышли, им пришлось искать машину, а потом в панике прорываться к ней целых пятьдесят ярдов, на которых их чуть не растерзали озверевшие фанатики.

На следующий день первые полосы всех газет были полностью забиты описаниями истеричной толпы, сопровождающимися красноречивыми фотоиллюстрациями массового психоза. В статьях не было ни слова о том, хорошо или плохо пели «Битлз», - единственной темой для обсуждения стал вызванный ими хаос.

– С этого дня, - говорит их пресс-атташе Тони Барроу, - все повернулось на 180 градусов. Моя работа изменилась раз и навсегда. Целых шесть месяцев я убил на то, чтобы пробиться в центральные газеты, и в ответ на все мои звонки я слышал твердое «нет». Теперь не осталось репортера, который не гонялся бы за мной. Отныне Тони вместе с Брайеном и другими пресс-атташе, которых пришлось взять на работу, занимались только отбором репортеров или журналистов, коим разрешалось взять интервью у «Битлз».

– Я ведь, по существу, никогда не был рекламным агентом вроде тех, которые обязательно существовали у других групп, создавая им паблисити и придумывая разные фокусы. Я этого не умел и ровным счетом ничего в этом не смыслил. Брайен тоже выступал против разных трюков: «Мы никогда этим не занимались, да и нужды не было».

В следующую среду всенародно объявили фамилии тех, кто, по мнению всех британцев, имеющих отношение к шоу-бизнесу, примет участие в самом главном шоу года «Королевское варьете». На этой афише среди прочих должно было появиться имя Марлен Дитрих.

Когда прозвучали их имена, «Битлз» собирались выступать в ливерпульском дансинге «Сауспорт». Все центральные газеты выслали репортеров и фотографов из своих местных бюро в Манчестере, чтобы дать материалы о реакции «Битлз» на главную новость. Газетчики надеялись услышать какие-нибудь язвительные замечания по отношению к королевскому семейству, но, к величайшему облегчению Брайена, обманулись в своих ожиданиях.

Представление «Королевского варьете» планировалось на 4 ноября. До этой даты ребята продолжали гастролировать по стране, а потом отправились за границу, в Швецию.

В Британии все концерты «Битлз» заканчивались одинаково - массовой истерией. Каждый день газеты почти слово в слово повторяли на первых полосах описания бесчинствующей толпы: менялись только географические названия.

Даже в таких маленьких городках, как Карлайл, где год назад ребят выгнали с бала в местной гостинице, собирались огромные толпы. В ночь на 24 октября шестьсот подростков выстроились в длиннейшую очередь за билетами. Многие принесли с собой спальные мешки и тут же улеглись. Некоторые провели в очереди около тридцати шести часов. Когда касса открылась и очередь тронулась с места, возникла давка, оказались разбитыми витрины магазинов, а девять человек попали в больницу. В более крупных городах количество пострадавших исчислялось сотнями.

Шведское турне, первый выезд «Битлз» в Европу после Гамбурга, явилось прямым следствием продажи их пластинок. Тираж «She Loves You» вскоре достиг миллиона экземпляров в Великобритании, получив «Золотой диск»; в Европе пластинка также расходилась очень хорошо, чего ранее никогда не случалось с британской поп-музыкой.

«Битлз» провели в Швеции пять дней, с 24 по 29 октября. И каждый миг их пребывания там освещался британскими газетами и шведскими радио и телевидением. Во время концерта в Стокгольме шведская полиция, чтобы утихомирить толпу болельщиков, не сумевших попасть на концерт, прибегла к помощи собак. В самом концертном зале сорок полицейских, вооруженных дубинками, охраняли сцену, чтобы на нее не смогли взобраться поклонники и поклонницы. Тем все же удалось прорвать полицейский кордон, - они ринулись на сцену и сбили с ног Джорджа. Слава Богу, полиции удалось восстановить порядок раньше, чем его растоптали.

К этому времени шведские поклонники, подобно британским, переняли у «Битлз» их манеру причесываться и одеваться. В Швеции этот стиль стал называться «Гамлет».

Сами «Битлз», в отличие от Брайена и Тони Барроу, считают, что битломания возникла несколько позже концерта в «Палладиуме». Они не отдавали себе отчет в размерах собственной популярности вплоть до 31 октября, когда прилетели из Швеции в лондонский аэропорт.

Разумеется, ребята знали о хаосе, возникшем двумя неделями раньше в «Палладиуме», знали о том, что по всей стране каждый их концерт сопровождается беспорядками. Но ведь это и раньше бывало, просто теперь приняло другие формы, а начиналось-то это еще в «Кэверн», но тогда детишкам не уделяли столько внимания. За время гастролей они привыкли, что их тайком привозили в зал и так же втихаря уводили оттуда. Лучше ускользнуть от своей популярности, чем столкнуться с ней лицом к лицу с риском быть убитым.

Но когда ребята приземлились в лондонском аэропорту, масштаб собственной популярности вдруг потряс их. Первое триумфальное возвращение из дальних стран, не считая приема в «Кэверн». Тысячи ревущих поклонников забили лондонский аэропорт и в течение нескольких часов не покидали его. Из-за царящей вокруг аэропорта неразберихи не могла проехать машина премьер-министра; на Мисс Вселенную, тоже высадившуюся в лондонском аэропорту, никто не обратил ни малейшего внимания. В течение последующих трех лет подобные сцены в аэропортах, стали обыденными.

«Королевское варьете», их второе крупное выступление в Лондоне, состоялось 4 октября в театре Принца Уэльского. Слушателей собралось, пожалуй, меньше, чем в «Палладиуме» но публика - теоретически по крайней мере - пришла более отборная, поскольку места стоили вчетверо дороже против обычного. Это было благотворительное мероприятие, на нем присутствовал весь состав воротил шоу-бизнеса, полусвет, высший свет, боссы всех рангов, - каждый мечтал хотя бы мельком взглянуть на членов королевской семьи. В зале присутствовали королева-мать, принцесса Маргарет и лорд Сноудон. Говорят, трудно выступать перед такой аудиторией. Существует тошнотворная традиция, заключающаяся в том, что все зрители хлопают или смеются только после того, как убедятся, какой эффект произвел тот или иной номер на представителей королевского семейства, сидящих в своей ложе.

Пол с самого начала вызвал взрыв хохота. «Битлз» вышли следом за Софи Такер [Такер Софи - знаменитая исполнительница эстрадных песен 20 - 30-х гг. в США], и Пол вдруг заявил: «До чего приятно выйти на сцену после нашей любимой американской группы».

В общем, выступление проходило, как обычно, - истерика началась, стоило им объявить, что они споют «She Loves You». Потом следовали «Till There Was You» и «Twist and Shout».

Джон, представляя следующий номер, сказал: «Те, кто сидит на дешевых местах, хлопайте в ладоши. А вы, - он сделал жест в сторону королевской ложи, - звякайте драгоценностями».

На следующий день острога облетела первые полосы газет, и все пришли в восторг от этого наглого намека, простодушной шутки по адресу королевского семейства. Конечно, она была совершенно безобидной. Но все же в ней присутствовала некоторая милая наглость, - разумеется, «милая», поскольку сами «Битлз» - «такие милые».

Королева-мать, разговаривая с ними после шоу, дала им понять, что прекрасно поняла намек. Она ответила шуткой на шутку, хотя, может быть, и невольно. «Где вы будете выступать в следующий раз?» - спросила она. «В Слоу», - ответили они, «О, - сказала королева, - это уже совсем рядом с нами».

На следующее воскресенье шоу было передано по телевидению и собрало у экранов 26 000 000 зрителей.

Отчеты об их концертах, помещенные на первых полосах, отличались редким однообразием в подаче материала. Даже такая газета, как «Дейли телеграф», считавшая ниже своего достоинства освещать сомнительные истории, связанные с поп-музыкой (теперь они с религиозным почтением

публикуют раз в неделю список десятка хитов), отводила по столбцу каждому случаю нарушения общественного порядка. Причем в течение долгого времени такие репортажи не обходились без упоминания о «драке подростков 28 октября за билеты на концерт поп-группы «Битлз»... То есть солидным читателям все еще считали нужным объяснять, кто такие «Битлз».

В парламенте дебатировался вопрос о том, необходимы ли стране тысячи новых полицейских, которые из-за «Битлз» будут сверхурочно выходить на службу, да еще подвергаясь опасности. Один из членов парламента как-то предложил полиции ретироваться, чтобы выяснить, чем все это кончится. К счастью, никто из членов парламента не принял предложения всерьез.

1 ноября «Битлз» отправились в новые гастроли. На этот раз объявленные в афишах как «Шоу «Битлз»». Группу можно было посылать теперь в одиночку, без других звезд, как то было, например, с Роем Орбисоном, поскольку «Битлз» в этом больше не нуждались.

Турне продолжалось до 13 декабря, и некоторые дельцы с помощью имени «Битлз» сумели погреть руки на рекламе своих товаров. Фирма в Пекхаме предлагала свитер «Битлз», «предназначенный специально для битломанов, с великолепной двухцветной эмблемой «Битлз», выпущенный ведущим британским промышленником, 35 шиллингов за все удовольствие.

В это время промышленники всей страны соревновались за получение права использовать слово «Битлз» для своих изделий. В продаже появились пиджаки «Битлз» - без лацканов, чаще всего вельветовые, - по образцу того, какой начал носить в Гамбурге Стю. Эти пиджаки не выходили из моды до сентября 1963 года.

Завод в Бернал-Грин работал в две смены, чтобы удовлетворить спрос на парики «Битлз». Заказы поступали даже из Итонского колледжа и Бэкингемского дворца. Не от самой королевы, но от кого-то из обслуживающего персонала.

Большинство мальчиков-подростков отпустили длинные волосы а la «Битлз». В ноябре с газетных страниц нескончаемым потоком полились рассказы о школьниках, отправленных домой из-за длинных волос, а также о выпускниках, не принятых на работу по той же причине.

«Дейли телеграф» от 2 ноября впервые выступила с критикой истерии, сопровождающей выступления «Битлз». «Массовая истерия, - писала газета, - попросту забивает пустые головы, как во времена Гитлера». «Дейли миррор» тотчас бросилась на защиту «Битлз». «Надо быть безнадежными тупицами, чтобы не полюбить сумасшедших горлопанов,

счастливых, красивых «Битлз». Газета похвалила их за то, что в своих шутках они соблюдают чувство меры.

Церковная «Ассамблея», выдержав нападки в свой адрес, сама же защитила «Битлз» во время ежегодной встречи глав англиканской церкви. Один епископ объявил их «психопатами» и заметил, что на их недельные заработки можно построить Храм в Африке. Но другой возразил ему, сказав, что, будучи поклонником «Битлз», он считает их концерты совершенно здоровым развлечением.

«Дейли миррор» оказалась первой газетой, вытаскившей на свет божий довольно умеренного во взглядах психолога, попытавшегося объяснить, что, собственно, происходит. В течение следующих трех лет такого рода «исследования» неплохо кормили психологов, разрешающих проблемы, связанные с «Битлз», особенно в Америке. Тот первый психолог заявил, что «Битлз» вызывают «половое удовлетворение». Позднее врачи пошли еще дальше, сообщив, что на концертах «Битлз» девушки испытывают оргазм.

Во время гастролей группа попала в Челтенхэм, рафинированный городок в Глостершире. Заголовки газет, вышедших на следующий день после концерта, гласили: «Падение Чопорнсвилла», - можно легко догадаться, что выражение было придумано заранее. В газете цитировались слова местного полицейского, который сказал, что это была самая сумасшедшая ночь со времен Мейфкинга [Мейфкинг - город в Южной Африке, который во время англо-бурской войны 1899-1902 гг. в течение 217 дней выдерживал осаду буров].

14 ноября в Плимуте, чтобы привести в чувство разбушевавшихся болельщиков, пришлось окатить их водой из шланга. Портсмут был охвачен паникой, потому что у Пола немного повысилась температура и пропал один концерт. После этого каждая газета печатала ежечасные бюллетени о состоянии его здоровья.

11 ноября в Бирмингеме ребятам удалось скрыться от толпы, переодевшись в мундиры полицейских. 18 ноября внимание всех газет привлекла просьба священника, который заказал «Битлз» к Рождеству песню «Oh Come All Ye Faithful, Yeh, Yeh»

Резко возросла продажа пластинок фирмы «ЭМИ». Когда выплыла на свет информация о том, как «Декка», а следом за ней и все другие компании одна за другой отказывали «Битлз», в качестве сравнения вспомнили, как кинокомпания «XX Сенчури» отклонила сценарий фильма «Унесенные ветром».

В конце ноября «Битлз» выпустили свой пятый сингл «I Want To Hold Your Hand», который незамедлительно занял первое место. В Британии

предварительные заказы на эту песню достигли одного миллиона.

Несколькими днями ранее вышла вторая долгоиграющая пластинка группы - альбом «With The Beatles». На конверте была помещена резко контрастная фотография, выполненная весьма талантливо: плечевой портрет четырех «Битлз», одетых в черные водолазки. Лицо каждого было очень ловко освещено только с одной стороны, другая половина полностью оказалась в тени, как еще в Гамбурге придумала Астрид. Едва появилось объявление о выходе альбома, как немедленно посыпались предварительные заказы: их оказалось 250 000 - максимальное количество на долгоиграющие пластинки за всю историю грамзаписи, отмечали комментаторы. Самый знаменитый диск Элвиса Пресли, альбом «Blue Hawaii», получил в свое время 200 000 заказов. Во всей Британии не осталось ни одного сколько-нибудь известного журналиста или очеркиста, который не попытался бы получить интервью у членов группы, часами подпирая двери их артистической в надежде услышать от них хоть одно слово. Доналд Зек из газеты «Дейли миррор» оказался одним из первых, кому удалось взять подробное интервью у «Битлз» 10 сентября, на заре их общенационального признания. Описывая прически ребят, как это требовалось тогда от журналистов, он отнес их к стилю каменного века.

В декабре 1963 года шикарные воскресные издания наконец тоже включились в работу, публикуя длинные и в высшей степени серьезные исследования об этом феномене, привлекая собственных психологов, охотясь за необыкновенно пространными определениями для его толкования. Газета «Обсервер» поместила изображение богини плодородия с Аморгоса, напоминающее гитару, с такой подписью: «Гитара в качестве символа секса за 4800 лет до «Эры «Битлз». «Санди таймс» расписывала, как «Битлз» обогатили английский язык, введя в него такие ливерпульские диалектизмы, как «geag» [«В порядке» (англ. переносн.)] в значении «хорошо» или «замечательно», сделав это словцо общеупотребительным, - камешек в огород консервативного политического деятеля Эдварда Хита, который позволил себе высказаться о том, что «Битлз» до неузнаваемости изменили язык английской королевы». Несколько позже мистер Хит восстановил свое реноме, сказав будто бы: «Кто же мог всего год назад вообразить, что «Битлз» спасут производство вельветовых тканей?»

Даже газета коммунистической партии Британии «Дейли уоркер» не оставила «Битлз» без внимания. «Голос Мерси - это голос 80 000 домов-трущоб и 30 000 безработных».

К началу декабря семь их пластинок, включая синглы и так называемые «EP» [«EP» - пластинка с четырьмя песнями на 45 оборотов],

входили в список двадцати хитов. 11 декабря «Битлз» приняли участие в телевизионной программе «Жюри игрального автомата», вчетвером заменив полный состав жюри и дав этой передаче самый высокий рейтинг за всю историю ее существования.

Начались разговоры о съемках группы в кино. Уолтер Шенсон и Джордж Орнстин совместно с представителем кинокомпании «Юнайтед Артистс» сообщили, что собираются сделать первый фильм о «Битлз» по сценарию, написанному ливерпульским драматургом Элуном Оуэном. Брайен Эпстайн не остался в стороне от этой затеи, обеспечив «Битлз» определенный процент прибыли. Он продолжал заниматься их гастролями, поскольку обнаружил, что для полных аншлагов где бы то ни было совершенно достаточно одного имени группы. Турне «Битлз», которое началось в ноябре, «представлял продюсер Артур Хауз с разрешения Брайена Эпстайна».

В октябре Брайен перебрался в Лондон, воссоединившись там с Тони Барроу и все расширяющимся штатом секретарш и помощников.

Клуб фэнов тоже разрастался в геометрической прогрессии и вскоре оказался совершенно не в состоянии обеспечить анкетами всех желающих вступить в него. Газеты пестрили соблазнами бедным поклонникам, которые не получали ответа на свои письма, шедшие нескончаемым потоком. К концу 1963 года количество официальных членов клуба, плативших взносы, достигло 80 000 человек, в то время как в начале года их насчитывалось всего две тысячи.

Телевидение Би-би-си показало получасовую программу, посвященную съезду клуба любителей «Битлз» из северных регионов страны, состоявшемуся в ливерпульском театре «Эмпайр».

На Рождество «Битлз» выступили в рождественском шоу вместе с другими исполнителями, работавшими у Брайена Эпстайна, - Сиплой Блэк, Билли Дж. Крэмером, Томми Куикли и группой «Формост». Представление началось в Брэдфорде, оттуда переехало в Ливерпуль, потом в Лондон, где Мэл как раз и потерял любимую гитару Джона.

Настал черед завопить во весь голос и поклонников интеллектуальных. Серьезные газеты уделяли группе не меньше места, чем так называемая «популярная» печать. «Битлз» были на устах у всех - о них сочиняли анекдоты, их изображали в бесконечных карикатурах. «Дейли мейл» перестала употреблять слово «Битлз» в заголовках, заменив его небольшим рисунком, изображавшим четыре контура их голов, - четыре «швабры», как называли фасон их прически.

Поначалу Брайен волновался, никак не желая тоже становиться

объектом излишней популярности, но с этим уже ничего нельзя было поделать. Он понял, что лучше не сопротивляться, и положился на естественный ход событий.

– Мне не нравилось, что мы все как бы выставлены на всеобщее обозрение. Газеты без конца обсуждали привычки, прически, одежду «Битлз», и поначалу этот поток публикаций даже радовал. Ребятам, да и мне, приятно было такое внимание. Это помогало делу. Но потом я забеспокоился. Как долго они сумеют привлекать всеобщее внимание? Самым тщательным образом продумывая концерты и вникая во все сложности взаимоотношений с прессой, мы сумели избежать пресыщения читателей. Но еще чуть-чуть - и будет поздно. Многие исполнители в свое время пали жертвой такого перебора в освещении их жизни.

Между тем по газетам и телевизионным репортажам того времени складывалось впечатление, что никакого контроля за имиджем группы не существует. Каждая газета ежедневно давала о них какойнибудь материал. В течение одной недели пять общенациональных газет печатали сериал «жизни «Битлз», собранный по капле из ранее напечатанных публикаций. По существу, право написать о «Битлз» гарантировалось любому человеку, имевшему о них свое мнение, независимо от того, приверженец он группы или ее противник. Всеобщее внимание свалилось на них недаром: «Битлз» были действительно свежим явлением на рутинной сцене, действительно лишены глянца, наведенного шоу-бизнесом, и действительно британцами!

Раздавались голоса, что Брайен Эпстайн - своего рода Свенгали [Персонаж романа Д. Дюморье «Трильби», злобный гипнотизер, заставлявший своих жертв подчиняться его воле], который с необычайной ловкостью сделал группу и продал ее. Брайен всегда отрицал это.

В рекламных листовках, в материалах для прессы Брайен подчеркивал только самые хорошие черты «Битлз». Но никогда не придумывал достоинств, которыми они не обладали. «Битлз» были четверьмя местными, что называется, уличными мальчишками из тех, кого можно встретить в любом приходе. В этом заключался секрет их успеха в общении с залом. С самого начала публика признала в них «своих». Брайен понимал природу популярности группы и никогда не пытался скрыть это.

Но, конечно же, именно Брайен отлично наладил работу всей машины - он тщательно организовал жизнь членов группы, ни разу никого не подвел, то есть не грешил тем, что было свойственно им в начале пути.

Начиная с 1963 года разные люди написали миллионы слов, пытаясь проанализировать успех «Битлз». Целой книги не хватит, чтобы описать все точки зрения, высказанные за это время. Первая фаза анализа сводилась к

их сексуальной притягательности. Потом некоторые умники заявили, что «Битлз» представляют собой общественно значимое явление, символизирующее недовольство и устремления нового поколения подростков, родившихся под сенью ядерной бомбы, не интересующихся материальными ценностями, не знающих притворства. Потом за дело взялись интеллектуалы и с пристальным вниманием стали копаться в каждом слове и каждой ноте, иногда приходя к довольно любопытной интерпретации. Во всем этом заключена истина, хотя бы потому, что любая причина, по которой кому-то что-то нравится, - уже истина.

Тогда, в 1963 году, мечта жизни каждого журналиста состояла в том, чтобы услышать хоть одно-единственное слово от «Битлз». Любой репортер мог быть совершенно уверен в том, что его интервью будет отличаться от других. «Битлз» никогда не повторяли своих шуток, не говорили одно и то же, как большинство знаменитостей. Кстати, Ринго оказался не менее остроумным, чем все остальные. Однажды его спросили, почему он носит на пальцах столько колец. Ринго ответил, что продеть все через нос невозможно.

– Мы потешали народ на пресс-конференциях, потому что все это и в самом деле сплошная умора, - вспоминает Джон. - Они задавали нам дурацкие вопросы - не отвечать же на них всерьез! На самом деле все это было вовсе не смешно. Юмор не поднимался выше уровня восьмого класса обычной школы. Гниль какая-то. И если попадались хорошие вопросы - о нашей музыке, например, - то мы отвечали серьезно. Мы действительно нервничали, хотя, наверное, никто об этом не догадывался. Мы нервничали всегда. Наш имидж соответствовал малюсенькой частичке нас самих. Он был создан прессой и нами. И конечно, этот имидж имел мало сходства с каждым из нас, потому что разве может сам человек дать о себе верное представление? Газеты вечно все перевирали. Если даже какие-то детали соответствовали истине, то к тому времени они давно устаревали. Новые представления о нас становились популярными, когда мы им уже не отвечали.

За двенадцать месяцев, прошедших с момента выхода их первой пластинки, «Битлз» стали неотъемлемой составной частью «британского образа жизни». Дора Брайен выпустила к Рождеству 1963 года пластинку «All I Want For Christmas Is A Beatle» с рассказом о них. И даже эта пластинка попала в хит-парад.

В хит-парадах появились теперь кроме «Битлз» другие ливерпульские группы, менеджером которых был Брайен Эпстайн, а звукорежиссером - Джордж Мартин.

В 1963 году, состоящем, как обычно, из 52 недель, пластинки, записанные Джорджем Мартином, занимали первое место на хит-парадах в течение 37 недель. Ничего подобного не случилось ни до, ни после этого.

«Нью мюзикл экспресс», подытоживая опросы общественного мнения за год, назвал «Битлз» первой группой мира. Они получили 14 666 голосов. На втором месте шла американская группа «Эверли Бразерс», набравшая 3232 голоса. В разделе «Вокальная музыка в Британии», где год назад «Битлз» занимали одно из последних мест, теперь они стали первыми, собрав 18 623 голоса. Следующая за ними группа, «Серчерз», осталась далеко позади, получив всего 2169 голосов.

Двумя наиболее популярными синглами этого года, разошедшимися максимальным тиражом, стали «She Loves You» (1 300 000 экземпляров) и «I Want To Hold Your Hand» (1 250 000 экземпляров). Клифф Ричард и его песня «Bachelor Boy» с большим отрывом шли на третьем месте.

Музыкальный критик «Таймс» Уильям Мэнн сделал пространный и солидный обзор музыки «Битлз», где поведал об их диатонических кластерах и отклонениях в побочные тональности. Он сказал, что Джон Леннон и Пол Маккарти - «выдающиеся английские композиторы 1963 года».

– Пожалуй, приглашу их на уик-энд, хочется посмотреть, что это за ребята, - сказал эрцгерцог Монтгомери.

29 декабря в газете «Санди таймс» Ричард Баклз в обзоре музыки Джона и Пола, которая была использована в балете «Mods And Rockers», заявил, что они самые великие композиторы со времен Бетховена.

23. США

Сэнди Стюарт - обычная американская поклонница «Битлз», не глупая, не сумасшедшая, милая и вполне разумная девушка. В начале 1964 года она жила со своими родителями в зажиточном городке для состоятельных граждан в штате Нью-Хемпшир. В свои пятнадцать лет она училась в девятом классе средней школы.

– Как-то мы с мамой ехали на нашем «роллс-ройсе» в супермаркет, - у нас тогда был «роллс-ройс», хотя, впрочем, это неважно. По радио передавали «I Want To Hold Your Hand». Тогда я впервые услышала «Битлз». Я просто обалдела! Вот это да! С ума сойти! Ни одна мелодия никогда на меня так не действовала. Потом оказалось, что многие девочки в школе, услышав эту песню, почувствовали то же самое. Помню, как мы шли по улице с двумя моими подругами и говорили о них. «До чего же они уродливые на фотографиях, - делились мы между собой, - да еще в этих пиджаках без воротничков. Музыка потрясающая, но сами они - уроды». Однако постепенно мы изменили свое мнение. Я всерьез заинтересовалась поп-музыкой, к которой раньше была равнодушна. Мне было интересно узнать о них все. Все, что они делали. Я прочитала все, что было о них написано. Отрастила волосы, потому что выяснила, что им нравятся девушки с длинными волосами. Сначала мне больше всех понравился Пол. Он такой красивый. Я бы не смогла точно сказать, в чем состояла его красота, - просто очень красивый, и все. Неизвестно почему, но Джордж мне не нравился. На фотографии я пририсовала ему клыки вурдалака, потому что он был мне неприятен. Наверное, «Битлз» одинаково давали выход и чувству любви, и чувству ненависти. В конце концов я стала относиться к Джорджу немного лучше. Потом я увлеклась Джоном, еще больше, чем Полом. Умный, остроумный, дико сексуальный! Я влюбилась в него до смерти.

Я бредила Джоном. Он все время мне снился. В школе мы с девочками сравнивали наши сны. Рассказывали друг другу, что каждая из нас вытворяла со своим любимым битлом. Когда на меня накатывало плохое настроение, я умела вызывать сновидения о Джоне, - просто ложилась, думала о нем и засыпала. Это были совершенно изумительные сны. В них мы с Джоном чего только не выделяли. Мы любили друг друга, и об этом я рассказывала на другой день своим подружкам. Не все сны были сексуальными, но большинство уж точно, - и такие реальные! Я говорила и

думала о них день и ночь. Отец уверял, что это у меня пройдет, а я в ответ кричала: «Никогда, никогда, никогда!»

Все это было как-то необычно. Ведь я вроде бы так сильно любила Джона, а в то же время встречалась с другими мальчиками. Но то было совсем другое. Джон оставался самым главным человеком в моей жизни. Я читала все журналы для любителей «Битлз» и слушала Меррея К., диско-жокея, которого считали экспертом по «Битлз». Я настолько потеряла голову, что написала письмо Синтии. В письме я очень любезно сообщила ей, что, конечно, прошу прощения, но я полюбила ее мужа. Ответа я не получила.

Я купила все их пластинки и увешала свою спальню их фотографиями. Когда я увидела те контрастные снимки, мы с подружками сразу же побежали в город и снялись точно так же.

Если жить становилось невмоготу, я шла к себе в комнату и оказывалась наедине с моими любимыми «Битлз», особенно с моим дорогим Джоном. От них я получала то, в чем отчаянно нуждалась. Ведь богатое общество, в котором я жила в Нью-Хемпшире, ничего не давало ни уму, ни сердцу. Я не любила ни школу, ни дом. В «Битлз» я находила оправдание и цель жизни, даже когда все кругом оказывалось черным-черно и безнадежно.

Как только стало известно, что они приезжают в Нью-Йорк и будут выступать в «Карнеги-холл», мы со школьными подружками договорились поехать туда и пойти на их концерт. Мы кланчили и кланчили у родителей разрешение, потому что нам одним не позволяли ехать в Нью-Йорк. Вообще, в нашем кругу не принято было пускать девочку-подростка так далеко одну. Мы заявили, что хотим получить эту поездку как подарок ко дню рождения, иначе мы убежим из дому...

Концерт в «Карнеги-холл» должен был организовать Сид Бернстайн, коротышка-крепыш, бывший студент Колумбийского университета, бывший администратор танцевального зала, бывший антрепренер, который в то время работал в «Дженерал Артисте Корпорейшн», одном из самых крупных агентств США. Не прекращая попыток пробиться в мире шоу-бизнеса, он не терял интереса к собственному образованию.

В течение десяти лет Сид посещал вечерние курсы, где читались лекции о государственном устройстве Англии. «Помню, как я пошел на лекцию вашего Харолда Ласки. Лучшего оратора я никогда не слышал. Не считая Черчилля, конечно».

Увлечение Сида английским государственным устройством привело его к тому, что он стал читать британские газеты. В середине 1963 года что-

то остановило его внимание. «Я все время натыкался на этих «Битлз». В «Дженерал Артистс Корпорейшн» считалось, что я специалист по музыке для подростков, а я о них никогда прежде не слышал. Да и вообще в нашем бизнесе англичане никого не волновали».

Сид подписался на все английские поп-газеты и решил позвонить Брайену Эпстайну. Он не без труда раздобыл номер его домашнего телефона в Ливерпуле. Сид представился Брайену, но тот сказал, что никогда о нем не слышал. Сид спросил: «Не хотите ли Вы, чтобы «Битлз» выступили в «Карнеги-холл»?» Правда, в тот момент у него не было никакой договоренности с этим залом. «Брайен поинтересовался датой. «Как насчет 12 февраля?» - предложил я. Это день рождения Линкольна, и я был уверен, что смогу получить зал. Я предложил Брайену 6500 долларов за два концерта».

Брайен дал согласие не сразу. Чтобы получить его, потребовалось некоторое время, хотя дата подходила идеально, поскольку Брайен уже договорился об участии «Битлз» в концертах Эда Сэлливана 9 и 16 февраля.

Став первым нью-йоркским антрепренером, договорившись о концерте «Битлз», Сид Бернстайн, по существу, сделал себе карьеру. Вскоре он ушел из агентства и завел собственное дело. В дальнейшем он организовывал все нью-йоркские выступления «Битлз», кроме одного. Стоило заполучить «Битлз» первым - и карьера обеспечена, - во всех штатах и во всем мире судьба Сида имела множество аналогий.

Однако в том, что касается Нью-Йорка, не все было делом рук Сида Бернстайна. Брайен задумал турне «Битлз» по США еще летом 1963 года. Правда, он не был уверен в том, что почва для осуществления его идеи уже готова. Поначалу «Битлз» в Штатах провалились. В первой половине 1963 года две фирмы грамзаписи выпустили две пластинки «Битлз», которые прошли незамеченными.

Когда в Британии успех группы утвердился, Брайен в ноябре 1963 года отправился в Нью-Йорк вместе с Билли Дж. Крэмером. Это произошло в тот самый месяц, когда убили президента Кеннеди.

– Я хотел выяснить, почему самое крупное из когда-либо известных явлений в поп-музыке Великобритании не произвело впечатления в Америке. Я вспомнил свои первые шаги в Лондоне и повторил там хождения по фирмам грамзаписи и телевизионным студиям.

В Америке Брайен снова встретился со своим ливерпульским другом Джеффри Эллисом, который впоследствии уехал учиться в Оксфорд, а оттуда в Нью-Йорк, где стал работать в страховой компании.

– Я краем уха слышал, что Брайен связался с какой-то бит-группой. «Ну и чушь, - подумал я, - не станет наш милый, стеснительный Брайен впутываться в такие дела».

Мы гуляли по Бродвею с Брайеном и Билли Дж. Крэмером. Дошли до Таймс-сквер, и Билли пожелал купить себе страхолюдную рубашку в одном из этих ужасающих магазинов, которые торчат там на каждом шагу. Брайен воспротивился. «Она не соответствует твоему имиджу, Билли», - сказал он. И тогда я в первый раз понял, что Брайен действительно занимается этим серьезно. Я понял, что он изменился.

На сей раз Брайен договорился с фирмой грамзаписи «Кэпитол», чтобы именно они выпустили пластинки «Битлз». В «Кэпитол», филиале «ЭМИ», раньше не слишком жаловали «Битлз», и именно поэтому первые их пластинки выпустили поначалу две другие американские фирмы, правда без особого успеха.

Кроме того, Брайен договорился о встрече с Эдом Сэлливаном, ведущим популярнейшего телевизионного шоу в Америке. Работники Сэлливана, которые занимались поисками новых талантов, сообщили ему об успехах «Битлз» в Британии. После долгих переговоров Эд Сэлливан согласился предоставить «Битлз» возможность дважды выступить в его программе.

Брайен настоял на том, что на афише они должны стоять первыми.

– Эд не очень решительно возражал против этого. Он видел растущую популярность «Битлз», но не поверил мне, когда я сказал, что они будут самым крупным явлением бит-музыки в мире. Эд согласился было дать им первое место на афише, но позже его продюсер сказал мне, что смешно ставить на афише первыми имена англичан, которые никогда не пользовались успехом в Америке.

Сами «Битлз» очень нервничали при мысли о поездке в Америку. Недавно, в 1963 году, Джордж провел там короткий отпуск. Он сообщил, что аборигены вполне человекообразны и потому, думается, все обойдется. В Штатах Джордж увиделся со своей сестрой Луизой, которая вышла замуж за американца и уехала из Ливерпуля в город Сент-Луис. Подобно их матери, миссис Харрисон, Луиза была страстной поклонницей «Битлз» и часто названивала на местные радиостанции с просьбой исполнить песни «Битлз».

Джон волновался, - ведь ни одна британская группа и ни один британский певец не сумели пока пробиться в Америке. «Клифф ездил туда и провалился с треском. На афише с Фрэнки Эвалоном его поставили четырнадцатым». Джордж сказал, что в Сент-Луисе видел фильм с

Клиффом «Летние каникулы»; он шел вторым из двух фильмов, и не в кинотеатре, а под открытым небом, на большом экране, куда приезжают смотреть кино на машинах, не выходя из них.

В январе 1964 года песня «I Want To Hold Your Hand» занимала в Америке восемьдесят третье место в списке наиболее популярных шлягеров. В Великобритании после двухмесячного царствования она была сброшена с первого места новой группой, «Дэйв Кларк Файв», которая, как всем казалось, обещала стать новой сенсацией. Она вышла вперед с песней «Glad All Over».

Лондонские газеты радостно подхватили сенсационное известие об иерархических переменах в поп-музыке. И это после всех ливерпульских успехов «Битлз»! «Дейли экспресс» поместила на первой полосе материал под заголовком «Тоттенхэм раздавил «Битлз»».

Карикатуристы, истощившие свое воображение на ливерпульском материале, накинулись на падение «Битлз», как коршуны. В лондонской «Ивнинг стандарт» художник Вики изобразил министров, причесанных в стиле «Битлз», к которым премьер-министр обращается с такими словами: «Чего же от вас ожидать, если вы настолько старомодны?»

Сами «Битлз» тоже были слегка озабочены. «Мы ничего не могли поделать. Вокруг только и говорили: все, кранты, - пошел в ход Дэйв Кларк. Мы огорчились, но только на минутку, вроде как в Ливерпуле, когда забеспокобились, как бы Джерри не победил нас в опросе «Мерси бит».

Перед поездкой в Америку Брайен договорился о следующих гастролях «Битлз» в Европе: три недели во Франции, театр «Олимпия» в Париже, начало 15 января.

Несколько тысяч поклонников провожали троих «Битлз» в лондонском аэропорту. Ринго не смог вылететь из Ливерпуля из-за тумана и последовал за ними чуть позже.

Первый концерт в «Олимпии» прошел не особенно успешно; за год гастролей «Битлз» впервые встретили прохладный прием. Хотя без драки, разумеется, не обошлось - сцепились фотографы, французские полицейские и Брайен Соммервилл, новый агент «Битлз» по рекламе, который отныне отвечал за связь с прессой во время гастролей. Им поплодировали, и Джон сказал: «Мерси боку» [Игра слов: «Merçi beausour» (франц.) - большое спасибо; Mersey (Мерси - англ.) - район Ливерпуля].

«Корреспондент Би-би-си в Париже: Насколько важно для вас именно здесь добиться успеха? Пол: Успеха важно добиваться везде.

Би-би-си: Французы еще не выработали определенного мнения о

«Битлз». А что вы думаете о них? Джон: О, нам «Битлз» нравятся. Они в порядке». На вторую неделю своей жизни в Америке песня «I Want To Hold Your Hand» поднялась в хит-параде на сорок второе место. Норман Вайс из «Дженерал Артистс Корпорейшн» пришел повидаться с Брайеном, чтобы окончательно договориться о выступлении группы в «Карнеги-холл», и с этого дня стал агентом «Битлз» в Америке.

Лондонская «Дейли мейл» в репортаже Винсента Мулкрона, сопровождавшего «Битлз», сообщала: «Если роман между «Битлз» и Парижем и состоится, то, надо признаться, пока он развивается не слишком бурно. То ли Елисейские Поля сегодня не в настроении, то ли битломания, как и принятие Британии в Общий рынок, относится к проблемам, которые французы не торопятся решать».

Ребята находились в своих номерах парижской гостиницы «Георг V», когда пришла весть о победе песни «I Want To Hold Your Hand» в американском хит-параде. Они начинали сочинять эту песню в подвале лондонского дома Джейн Эшер, им хотелось написать пародию на американский госпел-сонг [Жанр негритянской религиозной песни на евангелические сюжеты, получивший распространение в США в 1930-е годы], поэтому вполне объяснимо, что именно эта песня стала их первым крупным успехом в США. Чтобы отпраздновать его, ребята закатили грандиозный ужин. Брайен сфотографирован во время этого пиршества с ночным горшком на голове.

«Битлз» немедленно атаковали целые орды американских репортеров и телевизионных интервьюеров. Поклонники «Битлз» в Штатах, вроде Сэнди Стюарт, осаждали «Карнеги-холл» и Эда Сэлливана, чтобы получить билеты. Песня «She Loves You», которая никак не могла пробиться в списки хит-парада после успеха «I Want To Hold Your Hand», стремительно поползла вверх. В соревновании долгоиграющих пластинок «Please Please Me» приближалась к первому месту.

Американская пресса так же, как в свое время британская, отнеслась к проблеме чрезвычайно серьезно.

– Расскажите, пожалуйста, как вы делаете ваши прически, - спросил американский репортер.

– Вы хотите спросить, как мы их не делаем? - поправил его Джон.

– В Ливерпуле мы вылезли из бассейна, - сообщил Джордж, - и нам очень понравилось, как мы выглядим.

Шейла Грэхем, которая вела свою колонку во многих газетах и журналах, приехала только для того, чтобы выяснить, кто из них кто. Журнал «Лайф» отвел группе шесть полос.

Чтобы вся эта бесплатная газетная шумиха не пропала даром, Брайен обратился к фирме «Кэпитол» и убедил их потратить 5000 долларов на так называемую «ударную рекламную кампанию». По Соединенным Штатам было расклеено пять миллионов плакатов «К нам едут «Битлз», и каждый диск-жокей получил по экземпляру всех пластинок «Битлз», которые когда-либо выходили в Великобритании. Вышел и был распространен миллион экземпляров четырехстраничной газеты, посвященной «Битлз»; фирма «Кэпитол» поместила групповое фото своего высшего командного состава в париках a la «Битлз».

– Разразился настоящий рекламный бум, - свидетельствует Войл Гилмор, вице-президент фирмы «Кэпитол». - Но, запусти хоть всю рекламу мира, скверный продукт она продать не поможет. Эд Сэлливан оказался в затруднительном положении - на 728 мест было подано 50 000 заявок. Сид Бернстайн мог бы продавать билеты в «Карнеги-холл» за двойную цену. «Даже миссис Нелсон Рокфеллер не могла достать билет. Пришлось отдать ей свой».

Брайену предложили еще одно выступление в Нью-Йорке, на этот раз в «Мэдисон-Сквер-Гарден», да еще с гонораром вдвое большим, чем в «Карнеги-холл», но было слишком поздно: концерт просто некуда было втиснуть.

Когда «Битлз» 7 февраля 1964 года вылетели из лондонского аэропорта на самолете компании «Пан Америкой» рейсом 101, одна из нью-йоркских радиостанций вышла в эфир с первым объявлением из целой серии последовавших за ним: «Сейчас 6 часов 30 минут утра. Время «Битлз». Они вылетели из Лондона 30 минут назад. Летят над Атлантическим океаном по направлению к Нью-Йорку. Температура 32 градуса по шкале «Битлз».

А на борту самолета нервничали «Битлз». Они не знали о масштабах рекламы, но слышали, что в Америке их критикуют и находят уродливыми.

Син сидела рядом с Джоном, - в первый и единственный раз она сопровождала его во время гастролей. Вместе с ними летел и незначительный тезка знаменитого Джорджа Харрисона из газеты «Ливерпуль эко». Когда в 1954 году он в возрасте 45 лет покинул Флит-стрит и Лондон, чтобы переехать в Ливерпуль, ему казалось, что он навсегда распрощался с рубрикой новостей общенационального масштаба. Теперь он отправлялся в первое из четырех путешествий с восточного на западное побережье, сопровождая группу, о которой в свое время отказался писать. Джордж Харрисон рассказывает, что ребята очень беспокоились о том, как их встретят. «Они спрашивали меня: «У Америки есть все. На кой мы им

сдались?»

Знаменитый же Джордж Харрисон заявил, что плохо чувствует себя, наверное, заболел. «Я беспокоился еще и за прическу. Я часто мыл голову, и, когда она высыхала, волосы почему-то вставали дыбом».

– Нас всех подташнивало в тот первый раз, - говорит Ринго. - Вообще-то, мы всегда страшно нервничали, перед любым крупным выступлением, но, конечно, никогда этого не показывали. Нас подташнивало и перед концертом в «Палладиуме». Поездка в США была серьезным шагом. Все кругом говорили, что из нашей популярности в Великобритании вовсе не следует, что и в Америке нас ждут с распростертыми объятиями.

Нил и Мэл все время полета были страшно заняты: они подделывали подписи «Битлз» под фотографиями, которые собирались раздать фэнам. У Брайена дел оказалось тоже по горло. Несколько британских бизнесменов, которым так и не удалось встретиться с ним в Лондоне, решили поймать его на высоте 30 000 футов над Атлантикой. В коротких записках они просили помочь в рекламе выпускаемых ими продуктов. Брайен вежливо отказал.

Но все сомнения канули в небытие, как только самолет приземлился в аэропорту имени Кеннеди в 1.35 дня. Оттуда неся восторженный рев забивших его десяти тысяч подростков. Они пели хором «We Love You Beatles, Oh Yes We Do» - песню, специально сочиненную к приезду «Битлз» их ярыми поклонниками.

Фирма грамзаписи «Кэпитол» продолжала свою рекламную атаку - каждому пассажиру, сошедшему с трапа самолета, вручался пакет, в котором лежали парик, фото с автографом и значок «Я люблю «Битлз»».

Оказав физическое сопротивление осаждавшей их молодежи, «Битлз» пробились в пресс-зал аэропорта, не ведая того, что окажутся на самой многолюдной в своей жизни пресс-конференции. Джон заорал, чтобы все заткнулись, и сорвал аплодисменты.

- Вы споете нам что-нибудь?
- Деньги на бочку, - сказал Джон.
- Как вы объясняете свой успех?
- У нас есть пресс-агент.
- К чему вы стремитесь?
- Приехать в Америку.
- Намереваетесь ли вы постричься?
- Мы постриглись вчера.
- Что бы вы хотели увезти с собой домой?
- Рокфеллеровский центр.

- Олицетворяете ли вы бунт против старшего поколения?
- Это грязная ложь.
- Что вы скажете о движении в Детройте с целью покончить с «Битлз»?
- Мы начнем кампанию с целью покончить с Детройтом.
- Что вы думаете о Бетховене?
- Обожаю, особенно стихи, - сказал Ринго.

В гостинице «Плаза» воцарился полнейший хаос; хотя именно эта гостиница славилась и гордилась своей элитарностью, тишиной, тактичным обращением с постояльцами, на этот раз ее администрация сплеховала, не наведя справки о профессии пяти английских бизнесменов, заказавших номера несколько месяцев тому назад. Когда администратор «Плазы» обнаружил под окнами тысячи вопящих поклонников «Битлз», он обратился к группе по радио с просьбой поселиться в любой из нью-йоркских гостиниц, которая согласится принять их.

Нельзя сказать, чтобы «Битлз» испытывали особую радость по поводу выбора гостиницы. «Почему вы выбрали именно «Плазу»?» - спросил Джорджа репортер. «Мы ее вовсе не выбирали. Это наш менеджер выбрал. Могу вам сказать, что еда мне здесь совершенно не нравится».

Джордж был болен, лежал в постели, и возникли опасения, что он не сможет выступить в шоу Эда Сэлливана. Во время репетиций Джорджа подменял Нил, но, напичканный до ушей лекарствами, Джордж все-таки принял участие в шоу. Рев присутствующих разнесся по всем Соединенным Штатам. Шоу собрало рекордное количество телезрителей - 73 000 000.

Во время трансляции этой программы в Нью-Йорке не украли ни одного колпака с колеса машины. Позже сообщалось, что за это время во всей Америке не было совершено ни одного преступления, в котором участвовал бы подросток.

Элвис Пресли прислал ребятам поздравительную телеграмму. На следующее утро газета «Гералд трибюн» сообщила, что «Битлз» состоят из «75 процентов рекламы, 20 процентов стрижки и 5 процентов музыкальных стенаний». «Дейли ньюс» писала: «Телодвижения и кошачьи концерты Пресли - это холодная травяная настойка по сравнению со стасорокаградусным эликсиром, которым угостили нас «Битлз».

Ни одна газета не обошла группу своим вниманием. Аналитические статьи были пространны и сложны. Состоялась еще одна большая пресоконференция.

- Вы уже выбрали звезду на женскую роль в вашем фильме?
- Мы хотим уговорить королеву. Билеты раскупят сразу, - ответил

Джордж.

Один из критиков рассказал, что нарушил неукоснительно соблюдаемое правило и в субботу сидел перед телевизором, чтобы увидеть «Битлз». «Переходная фаза, - сказал он. - У них есть все симптомы неуверенности и путаницы, в которой мы сейчас живем». «Битлз» сели в поезд и отправились в Вашингтон.

– То, что творилось в Штатах, нисколько не отличалось от Великобритании, - вспоминает Ринго, - только в десять раз сильнее. Или, наоборот, вовсе не как в Великобритании, потому что в Вашингтоне нас встречали двадцать тысяч человек, а дома мы привыкли к двум тысячам.

В вашингтонском «Колизее», где состоялся первый концерт «Битлз» на американской земле, обычно проводятся соревнования по боксу или футбольные матчи. «Битлз» поместили на вращающуюся сцену - так, чтобы все могли их видеть. Со всех сторон в них летели леденцы.

– Это было ужасно, - рассказывает Джордж, - да к тому же и больно. У них в Америке леденцы не мягкие, а жутко твердые, просто как пули. Какая-то газета выкопала старый анекдот, будто Джон жалуется, что я съел все его любимые леденцы. Джон уже и думать об этом забыл, а они все швыряют мне эту пакость.

Сэр Алек Дуглас-Хом, британский премьер-министр должен был прибыть в Вашингтон в тот же день. Но он отложил свой визит, не желая попасть в тот бедлам, который сопровождал всюду появление «Битлз».

В тот вечер они приняли первое, и последнее, приглашение на прием в посольство. Ребята уже успели отказаться от ужина с леди Диксон, женой британского посла в Париже.

– Мы всегда старались быть подальше от всего этого дерьма, - говорит Джордж. - Но на этот раз мы попались. Там было полным-полно снобов, которые нас на самом деле терпеть не могли, но им, видите ли, захотелось на нас посмотреть, раз уж мы такие знаменитые и богатые. Все это ханжество. Они просто делали паблисити своему посольству.

Рассказы о том, что точно произошло в тот вечер на приеме, отличаются друг от друга в деталях, однако Майкл Браун в книжке «О первых гастролях «Битлз» отмечает, что «поначалу все были настроены весьма дружелюбно».

– Здравствуйте, Джон, - приветствовал Леннона сэр Дэвид Ормсби-Гор (ныне лорд Харлек), когда они пришли.

– А я не Джон, - ответил тот. - Я - Чарли. Вон Джон.

– Здравствуйте, Джон, - обратился посол к Джорджу. - О я не Джон, - сказал Джордж. - Я - Фрэнк. Вот там Джон.

– О господи, - простонал посол.

Несколько пожилых дам с бокалами в руках остановили «Битлз» и попросили у них автографы. Сотрудники посольства рангом ниже стали подталкивать «Битлз», настаивая на том, чтобы они вступали в разговоры и давали автографы. «Распишитесь вот здесь», - велел один из них Джону и получил отказ. «Подпишите и, пожалуйста, не спорьте». Молодая леди подошла к Ринго, вынула из сумочки маникюрные ножницы и начала отрезать у него локон. Джон вскоре ушел, но другие остались до плачевного конца этого мероприятия. Посол и его жена выразили глубочайшее сожаление.

Положение не спасло даже обаяние Брайена. «И посол, и его супруга были очень любезны, - говорил он впоследствии. - Но прием вызвал у «Битлз» чувство отвращения. С тех пор они не приняли ни одного приглашения подобного рода».

Наконец, когда сэр Алек Дуглас-Хом прибыл на встречу с президентом Джонсоном, тот сказал ему: «Мне очень понравился ваш передовой отряд. Но вам не кажется, что им следовало бы постричься?»

«Битлз» отправились на свой нью-йоркский концерт в «Карнеги-холл», блокированные со всех сторон прессой, телевидением и поклонниками. Наиболее предприимчивые американские дельцы теперь любой ценой стремились добиться от «Битлз» подписания контрактов. Впоследствии кто-то подсчитал, что в 1964 году в Соединенных Штатах было продано товаров с именем «Битлз» на сумму 50 000 000 долларов. На прилавках появились долгоиграющие альбомы с контрабандными записями интервью, причем эти пластинки шли под маркой «Битлз», что приводило Брайена в состояние крайнего раздражения.

На каждый из двух концертов в «Карнеги-холл» набилось не меньше шести тысяч слушателей. Сид Бернстайн вынужден был отказать таким голливудским знаменитостям, как Дэвид Нивен и Ширли Маклейн. На следующий день газеты сообщали, что оба появления «Битлз» на сцене, длившиеся двадцать пять минут, сопровождались истерическими воплями.

Сэнди Стюарт, пятнадцатилетняя поклонница «Битлз» из Нью-Хемпшира, попала на концерт, но весь этот рев в особый восторг ее не привел.

– Первый концерт не был таким уж буйным, то есть я хочу сказать, что на нем не так орали, как на следующих. Я помню, что тогда, в первый раз, меня ужасно раздражал Джордж. Может быть, с тех пор я его и невзлюбила. Нам казалось, будто он нарочно встал так, чтобы мы не могли видеть Ринго. Мы все вопили, чтобы он убрался и не мешал нам смотреть

на Ринго. Ведь каждая из нас действительно верила, что со сцены ее можно увидеть, именно ее одну. Вот и начинаешь вопить, чтобы они обратили на тебя внимание. Мне всегда казалось, что Джон меня замечал. Это было как сон. Мы с Джоном - и больше никого. Но как бы ты ни кричал, все равно их слышно. Репортеры писали в газетах, что из-за наших воплей ничего невозможно разобрать. Это неправда. А их сексуальные телодвижения вызывали еще больший вой. Они проявляли сексуальность именно в твой адрес. Это был способ выпустить пар. Но, по-моему, девочки не испытывали никакого сексуального возбуждения во время концертов. Во всяком случае, я.

Из Нью-Йорка «Битлз» вылетели самолетом на Майами, для участия во втором шоу Эда Сэлливана. Летчик надел парик. Они встретили Кассиуса Клея, который заявил, что он самый великий, а они самые красивые.

Приближалось 25 февраля - день совершеннолетия Джорджа. Несмотря на то что Джордж не слишком нравился Сэнди Стюарт, она все-таки решила послать ему подарок.

– Мы выяснили, что он остановился в гостинице «Довиль» в Майами, и послали ему посылку с уведомлением о вручении. Мы считали, что проявили незаурядную смекалку: ведь он должен будет расписаться и таким образом мы получим его автограф. Но ничего не вышло. Хотя это, конечно, не имело значения. Ведь я была влюблена в Джона, я отдала ему три года своей жизни.

24. Великобритания и снова США

Ливерпульские школы, где когда-то учились «Битлз», получали странные запросы. Из всех уголков мира приходили письма в которых подростки просили прислать им старые парты, за которыми сидели «Битлз», старые фуражки, которые они носили, старые учебники, по которым они учились. Из рук в руки передавали надписанные ими учебники и задачки, причем в значительно большем количестве, чем это могло быть в действительности.

– Мы получали забавные письма от девушек, главным образом из Америки, - рассказывает мистер Побджой из «Кворри Бэнк». - Они спрашивали, не согласятся ли наши ученики с ними переписываться. Я от души смеялся. Для развлечения - и собственного, и наших мальчиков - я читал им эти письма вслух в аудитории после утренней молитвы. Ребята приходили в такой восторг, что довольно долгое время считали меня автором этих писем. Тем не менее я помню, что некоторые из учеников в конце концов ответили несчастным девочкам.

Многие из американских поклонников стали обращаться и к родителям «Битлз», иногда они заявлялись даже к ним домой, заставляя собственных пап и мам прервать путешествие по Европе, чтобы обязательно заглянуть в местечко Дингл или Вултон.

– Тем, кто приехал издалека, я всегда предлагал чашку чая, - заверяет Джим Маккартни. - «Зайдемте в кухню», - говорил я им, если они соглашались. Они проходили в кухню и поднимали там визг, так как узнавали ее по фотографиям. Они знали обо мне больше, чем я сам. Из этих поклонников получились бы отличные сыщики.

В день, когда Джорджу исполнился двадцать один год, в доме миссис Харрисон не осталось места, где бы можно было разложить все поздравления и подарки, которые прибывали чуть не фургонами.

Родители Ринго, Элси и Харри, как и другие семьи «Битлз», обнаружили, что окружены и забаррикадированы в собственном жилище: поклонники располагались вокруг их дома, отламывали щепки от входных дверей и исписывали стены мелом.

– Впервые я поняла, насколько они знамениты, - говорит Элси, - когда в одно прекрасное утро мы проснулись и обнаружили, что рядом остановился автобус, битком набитый поклонниками; в семь часов утра в воскресенье все они высадились из него и начали стучать в нашу дверь.

Они всю ночь ехали к нам из Лондона. Что же мне оставалось делать? Я пригласила их зайти и напоила чаем с печеньем. «Как это удивительно, - думала я. - Ехать из такой дали, чтобы только взглянуть на нашего Риччи». Они не стали ничего есть, но завернули все, что я им дала, и увезли с собой как сувениры. Иногда они перелезали через забор и оказывались у нас в саду или, например, спали у дверей дома несколько ночей подряд. Большинство из них находились в ужасном состоянии - не могли ни спать, ни есть. Они спрашивали: «А на каком стуле он сидел?» «Да он на всех сиживал, милочка», - отвечала я. Они всегда просились на второй этаж, чтобы посмотреть на его кровать. Валились на нее и стонали.

Син с Джулианом к тому времени уехали от Мими и стали жить своим домом. Син по-прежнему скрывалась от прессы, насколько это было возможно.

– Стоило репортерам пронюхать, кто я такая, как они начинали преследовать меня днем и ночью. Как-то я навещала в Хойлейке свою мать, и они меня там засекли. Репортер не спускал с меня глаз и наконец поймал в магазине. Я сумела скрыться через черный ход и спряталась в соседней фруктовой лавке, где просидела полчаса, дожидаясь, пока он ушел.

Вернувшись из Америки, «Битлз» вновь окунулись в ставшее уже привычным состояние всеобщей истерии. Премьер-министр сэра Алек Дуглас-Хом назвал их «лучшим экспортным товаром», а также «хорошим взносом для выравнивания платежного баланса». Мистер Вилсон, лидер лейбористов и член парламента от Ливерпуля, неодобрительно отнесся к тому, что какой-то четырнадцатый герцог желает заработать на ливерпульских «Битлз». «Тори пытаются сделать из «Битлз» свое секретное оружие», - заявил он.

Ректор и преподаватели колледжа «Брейзнос» в Оксфорде пригласили ребят на ужин, где те потребовали подать им бутеры с джемом. Римский католический епископ назвал их «угрозой», но принц Филипп после встречи с ними объявил, что они прекрасные парни. Он беседовал с Джоном о книгах. Наконец «Битлз» встретились с мистером Вилсоном в клубе «Вэрайети» и назвали его мистером Добсоном.

В марте вышла в свет первая книга Джона. Пол посоветовал назвать ее «Написано им самим». Литературные доки предсказали полный провал трюку с книгой - разве можно представить себе, чтобы музыкант бит-группы написал что-либо достойное внимания? И однако книга Джона возглавила список бестселлеров, оставив позади самого Джеймса Бонда. В литературном приложении к «Таймс» говорилось: «Эта книга представляет интерес для любого, кто боится оскудения английского языка и британского

воображения». В качестве почетного гостя Джон был приглашен на литературный обед в Фойл. Джон не произнес ни слова, разве что бормотал: «Благодарю вас, очень мило с вашей стороны, спасибо», и был освистан именно за то, что отказался выступить. Но Брайен Эпстайн произнес великолепную речь.

24 марта вышел их шестой сингл «Can't Buy My Love» и сразу занял первое место и в Великобритании в Соединенных Штатах. Еще до того, как пластинка появилась в продаже, предварительные заказы в Британии и Америке превысили трехмиллионную отметку, что является мировым рекордом. Вскоре после этого пластинки «Битлз» заняли шесть первых мест в хит-парадах Соединенных Штатов.

Ринго был избран вице-президентом Лидского университета, потеснив с этого места бывшего верховного судью. В музее мадам Тюссо появились восковые фигуры четырех «Битлз». В «Нью стейтсмен» Пол Джонсон опубликовал статью под заголовком «Угроза битлизма». Журналист из «Санди телеграф» предсказал, что скоро группа развалится, поскольку в конце концов все они женятся и «шансов на то, что найдутся четыре ненормальные женщины, которые не передерутся между собой, а понравятся друг другу или хотя бы смогут сосуществовать, практически нет».

В марте начались съемки первого фильма «Битлз». Его название «Вечер тяжелого дня» утвердили, когда фильм был фактически уже снят, - только тогда Ринго произнес эту фразу из стихотворения Джона.

В это время Пол начал встречаться с Джейн Эшер, дочерью доктора с Уимпл-стрит. В первый день демонстрации фильма Джордж познакомился с Патти Бойд. Южанка по происхождению, Патти, так же как и Джейн, решительно отличалась от девушек, которые были спутницами жизни двух других «Битлз» - Джона и Ринго.

Патти работала манекенщицей, она снималась главным образом для модных журналов и с большим успехом участвовала в телевизионной рекламной программе для фирмы «Смите Крипс». Режиссером ее был Дик Лестер, и благодаря этому Патти дали сняться в пробах для фильма о «Битлз».

– Когда я встретила с ними, они сказали «Привет». Я глазам своим не поверила. Они оказались точь-в-точь такими, как я себе их представляла. Будто ожившие фотографии. Джордж-то еле-еле поздоровался. Но другие болтали со всеми запросто. Когда мы начали сниматься, я чувствовала, что Джордж наблюдает за мной, и мне было неловко. Самым симпатичным и легким в общении оказался Ринго, да и Пол. Джона я побаивалась. После

первого дня съемок я попросила у всех, кроме Джона, автографы. Его я просто боялась. А Джорджа уговорила заодно дать автографы, и двум моим сестрам. Джордж расписался, и под каждым автографом для моих сестер добавил по два поцелуя, а под тем, что для меня, - семь. Я подумала, что, может быть, чуть-чуть ему понравилась.

Так оно и было на самом деле, - они стали встречаться. - Я познакомила Джорджа с мамой, а потом он повел меня посмотреть дом в Эшере, который ему очень нравился. Действительно, очаровательный дом. На следующий уик-энд была Пасха. С Джорджем, Джоном и Синтией мы на частном самолете полетели в Ирландию - это была страшная тайна, но она выплыла наружу, и в гостинице нас уже поджидали толпы репортеров. Я впервые столкнулась с этим ужасом. Менеджер дал нам возможность подключиться к их телефонным переговорам, и мы собственными ушами услышали, какой жуткий бред они передают для Флит-стрит. Стоило нам выйти, как они набрасывались на нас со своими аппаратами. Невозможно было никуда двинуться. В конце концов мы с Син переоделись в платья горничных. Нас вывели через черный ход, спрятали в корзину из-под белья и отвезли в аэропорт в гостиничном фургоне.

Естественно, вся эта реклама и шумиха вокруг Патти подняла интерес к ней, и она как манекенщица получила кучу новых предложений.

– Я с удовольствием дала согласие, выбрав то, что мне нравится. Но Джордж возражал - он считал, что мне не следовало это делать. «Они обращаются к тебе совсем по другим причинам, а вовсе не потому, что ты манекенщица», - уверял меня Джордж.

Патти очень тревожили письма, содержащие угрозы физической расправы, которым подвергались со стороны поклонниц приятельницы и жены «Битлз».

– Письма меня ужасно расстраивали. Они были такими злобными! Мне писали страшные гадости, особенно из Соединенных Штатов. Иногда я думала, что, может быть, и на самом деле я такая дрянь. Они клялись, что именно они настоящие друзья Джорджа, а я должна оставить его в покое, иначе мне несдобровать.

Патти и Джордж переехали в новый дом Джорджа в Эшере. «Прежде чем пожениться, мы прожили вместе около года. Моя мама все знала, но никогда не заговаривала со мной об этом».

Летом 1964 года гастроли возобновились. Сначала была Европа. На улицах Амстердама их встречала сотысячная толпа. Девицы прыгали в каналы, чтобы разглядеть их поближе. Потом «Битлз» отправились в Гонконг, Австралию и Новую Зеландию.

Наибольшая слава пришла на американские гастроли «Битлз», поскольку они сумели побить американцев на том поприще, где те считались сильнейшими. Но, как ни странно, самая огромная толпа, вывалившаяся на улицы, чтобы поглазеть на прибытие «Битлз», ждала их в Аделаиде. Все газеты называли в тот день одну и ту же цифру: 300 000. Не только в Нью-Йорке, но и в Ливерпуле «Битлз» не собирали такого количества поклонников.

6 июля в Лондоне состоялась премьера фильма «Вечер тяжелого дня» в присутствии принцессы Маргарет и лорда Сноудона. В следующем месяце вышла долгоиграющая пластинка с музыкой из этого фильма.

19 августа 1964 года они отправились в первые крупные гастроли по Америке. Поездка в феврале была короткой, она продолжалась всего две недели, в течение которых «Битлз» дали лишь пару концертов и участвовали в одной или двух телевизионных передачах.

Новые гастроли, начавшиеся в августе, продлились тридцать два дня. Самые долгие, крупные и изматывающие гастроли за всю их историю. Они проделали путь длиной в 22441 миль, проведя в полете 60 часов 25 минут. «Битлз» посетили 24 города в Соединенных Штатах и Канаде. Они дали 30 концертов, не считая благотворительного представления. «Во время этих гастролей по Америке, - говорит их администратор Мэл, - с нас сошло по семь потов». Норман Вайс из «Дженерал Артисте Корпорейшн», американский агент «Битлз», работал над планом этих гастролей шесть месяцев.

– Рассчитывать все приходилось с такой же тщательностью, какая требовалась при высадке войск в Нормандии. Из рук в руки переходили миллионы и миллионы долларов. Невозможно определить, в какую сумму это обошлось, если считать все, - от гонораров «Битлз» до стоимости «хот-догз», которые они съели, и билетов в кино. Мы запросто могли утроить цену билетов и все равно гарантировали бы сплошные аншлаги, но Брайен сказал, что это будет нечестно по отношению к поклонникам. В наших контрактах все суммы указывались совершенно четко. Мы сами диктовали условия и гонорары. И все менеджеры с готовностью соглашались на них, они были благодарны уже за то, что мы сотрудничаем с ними. «Битлз» и Элвис - это настоящий шоу-бизнес. По сравнению с ними все остальное - просто жалкие шуточки. Никто, ни до, ни после, не собирал таких толп, как «Битлз».

«Битлз» побивали все новые рекорды, но для них это уже не имело значения. Это было «вчера» - все повторялось снова и снова. Даже вопросы они слышали одни и те же: «Как они думают, чем объясняется их успех?».

«Когда, по их мнению, лопнет этот мыльный пузырь?» Устав твердить одинаковые ответы, они иногда срывались на грубость.

Как-то ребята решили передохнуть день-другой в маленьком городке, куда им удалось скрыться. Местные жители проявили такт и старались не мозолить им глаза. Но когда «Битлз» садились в самолет, готовясь в обратный путь, на летном поле появился шериф в сопровождении представителей городских властей. Навстречу делегации ребята выслали пресс-агента Дерек Тейлора с заданием узнать, чего от них хотят. Сфотографироваться с «Битлз» и получить от них автографы, ответили местные боссы, они ведь могут позволить себе обратиться с такой просьбой к знаменитостям, поскольку до сих пор вели себя скромно и не надоедали им.

– Я вернулся в самолет спросить ребят, как они на это смотрят, - вспоминает Дерек. - Пол сидел около иллюминатора. Он улыбался им как сумасшедший, без конца кивал головой, но мне сказал: «Быстро пойдти к ним и скажи, что мы хотим выйти и встретиться с ними, но ты нас не пускаешь, потому что мы слишком сильно переутомлены. Иди».

Даже Джордж Харрисон из «Ливерпул эко» онемел от всего увиденного. «Никогда не забуду случая с приглашением в Канзас-Сити, откуда к нам в Сан-Франциско приехал человек, чтобы встретиться с Брайеном. Канзас-Сити не входил в наш маршрут. Приезжий был миллионером, владельцем футбольного клуба или чего-то еще в этом роде. Он сказал, что пообещал городу добыть «Битлз». Брайен ответил отказом: «Нет времени». Миллионер спросил: может, сто тысяч долларов заставят «Битлз» переменить свои намерения? Брайен ответил, что пойдет и спросит ребят. В тот момент они играли в карты и едва на него взглянули. «Вам предлагают сто тысяч долларов, - сообщил Брайен, - это тридцать тысяч фунтов». «Решай сам», - ответили ребята, не прерывая игры. Брайен вернулся к миллионеру и выразил свое крайнее сожаление: они не могут пожертвовать выходным днем. Миллионер уперся на своем: он обещал и не может вернуться в Канзас без парней. Он порвал уже выписанный чек на сто тысяч долларов и выписал другой - на сто пятьдесят тысяч. Это был самый высокий гонорар из когда-либо предложенных любому артисту в Америке - пятьдесят тысяч фунтов за тридцать пять минут! Брайен понял, как фантастически поднимется их престиж, если они утрут нос всем американским звездам. «Хорошо, - сказал он, - согласен». Когда Брайен сообщил об этом ребятам, те даже головы не подняли. Канзасец отправился домой, изнемогая от счастья. Разумеется, он понимал, что ничего не заработает. Слишком мало было народу в его городе, чтобы вернуть ту

сумму, которую он заплатил, но зато он сдержал обещание Канзасу».

Наволочки с подушек, на которых спали «Битлз» в гостинице Канзас-Сити, впоследствии купили два чикагских бизнесмена, заплатив за штуку по 375 фунтов. Они разрезали их на 160000 квадратиков величиной в квадратный дюйм, наклеили на сертификаты, удостоверявшие, с какой кровати взят этот лоскуток и кто из «Битлз» на ней спал, и продали каждую тряпочку за доллар. Нью-йоркский синдикат предложил Брайену купить у него «Битлз» за три миллиона семьсот пятнадцать тысяч долларов, но Брайен отказался.

Под аккомпанемент всех этих воплей и здравниц в честь установленных в Англии и Америке рекордов «Битлз» болтались где-то внутри гигантской машины, мотавшей их по всему белу свету. Они угодили в ее чрево в 1963 году волею не зависящих от них обстоятельств и, герметически закупоренные, находились там за семью печатями.

Перед выступлениями они сидели в артистических, словно в тюремных камерах. После концерта надо было сломя голову мчаться в гостиницу под охраной полицейских отрядов и телохранителей. В своих номерах они оказывались в полной изоляции от внешнего мира вплоть до того момента, когда надо было сделать следующий шаг. Они никогда не выходили на улицу, в ресторан или погулять. Их обслуживали Нил и Мэл, принося им сандвичи, курево и напитки. От зависти, а иногда и от страха они заодно не разрешали выходить наружу и Нилу с Малом. Так они и сидели в своих гостиничных апартаментах - курили, играли в карты, бренчали на гитарах, убивали время как могли. Сколько они заработают за одну ночь - тысячу или десять тысяч фунтов, а может, сто тысяч, - не имело уже никакого значения. Богатство и слава, позволявшие им постучать в любую дверь, обернулись бессмыслицей. Они оказались в ловушке.

Конечно, в течение достаточно долгого времени ребятами владело сильное возбуждение. Еще бы! Они столько этого ждали. Семь лет играли вместе и ровно ничего не могли добиться. Уж одно это означало по крайней мере, что физически и эмоционально они готовы к чудовищным условиям ночных концертов. Да любое нынешнее выступление ни в какое сравнение не шло с одним лишь ночным выступлением в Гамбурге, где они прошли хорошую школу и научились выдавать музыку часами, безостановочно.

После выхода первой пластинки одна сцена сменяла другую с такой скоростью, что «Битлз» не приходилось жаловаться на однообразие или скуку, - во всяком случае, на какое-то время этих впечатлений хватило. Они прекрасно помнят радость восхождения от одного пика к другому. Пластинка в списке хит-парада, пластинка - первая в хит-параде, другая - и

снова первая, телевизионное шоу, «Палладиум», «Королевское варьете» и, наконец, Америка.

Хотя ни Джон, ни Пол, ни Джордж особо не реагировали на шумиху, поднятую вокруг них, они знали себе цену, не сомневались, что сочиняют хорошую музыку, и раздражались, когда чувствовали, что к их песням относятся несерьезно. В отличие от многих других они ни на минуту не допускали мысль, что могут просто исчезнуть. Они добились своего, пробились на самый верх и теперь не видели ровно никаких оснований, чтобы считать, будто они могут остановиться в своем движении. Вероятно, именно этим объясняется их отношение к прессе. Они не испытывали к ней благодарности и не страдали от ложной скромности. «Битлз» не заботились о том, какими представляются другим людям, - грубыми или смешными, потому что у них было твердое убеждение, что они никому ничего не должны.

Только у Ринго иногда появлялось желание ущипнуть себя. Ведь с ним все произошло так неожиданно! Он только-только присоединился к ним, и тут же начался их взлет.

– Никто из нас не задумывался о будущем. Лично я всегда рисковал, и мне везло. Мне повезло, когда я получил работу подмастерья. Я никогда не ходил с пустыми карманами. Я всегда считал, что в конце концов все будет в порядке. Бывали во время гастролей и удачные вечера, и не очень. На самом-то деле все шло по кругу. Легко становилось только в гостинице, где можно было покурить травку и расслабиться.

25. Последние гастролы

В течение двух последующих лет, 1965 и 1966-го, вся жизнь «Битлз» протекала под знаком непрерывных гастролей. На самом же деле это означало, что жизни не было вовсе.

В среднем у них выходило по три больших турне в год: два обязательных - по Англии и по Америке - и третье в какойнибудь другой стране. Они выпускали ежегодно три сингла и одну долгоиграющую пластинку. Собирались также снимать раз в год по фильму, но после второй ленты «Помогите!», вышедшей на экраны в 1965 году, остановились. Два года изнурительного труда привели к тому, что их образ жизни и работа стали приобретать новые очертания.

Детали всех гастролей описаны в газетах, собраны в разных подшивках; едва ли найдется безумец, который решится все это поднять. Сами «Битлз» ничего не помнят, разве только отдельные курьезные случаи вроде истории с их награждением орденами Британской империи [Правительственная награда, присуждаемая в Великобритании за особые заслуги перед отечеством].

Сообщение о награждении «Битлз» появилось в печати 12 июня 1965 года. Со всех сторон немедленно посыпались протесты: и члены палаты лордов, и тушившие фугаски во время войны престарелые кавалеры этого ордена - все в один голос заявили, что такое решение повлечет за собой потерю орденом всякого престижа. Какой-то полковник в отставке объявил, что лишает лейбористскую партию своего наследства, состоящего из одиннадцати тысяч фунтов и двенадцати военных медалей. Со всех концов света правительству начали возвращать ордена Британской империи.

Брайен был польщен такой честью. Он говорил впоследствии, что ни минуты не сомневался в том, что «Битлз» примут награду. Однако Джон признался, что всерьез подумывал отказаться от нее. Сегодня его орден Британской империи красуется на телевизоре в новом доме Мими.

– Вручение ордена удивило нас не меньше, чем всех остальных, - говорит Джон. - Почему? За что? Непонятно. Эта роль была нам ни к чему. Мы встретились, поговорили и сошлись на том, что это полный идиотизм. «Что ты-то об этом думаешь? - спрашивали мы друг друга. - Давайте откажемся». Но потом мы поняли, что это часть той самой игры, в которой мы уже давно согласились участвовать. Терять нам было нечего, кроме какой-то части своего «я», от которого и так уже мало осталось. Мы

согласились, чтобы еще больше раздражить тех, у кого это награждение вызывало раздражение, таких, например, как Джон Гордон. Мы хотели досадить всем, кто всерьез относится к наградам. Пока длилось ожидание во дворце, мы все время хохотали - чуть ли не по полу катались от смеха. Гвардеец учил нас, куда надо идти, сколько положено сделать шагов, как поклониться королеве. В глубине души мы прекрасно понимали, что она всего-навсего женщина, но все-таки собирались проделать всю эту ерунду. Мы ведь согласились.

Мне кажется, королева на самом деле верит во все эти дела. Так должно быть. Я-то не считаю, что Джон Леннон чем-то отличается от любого другого парня, потому что твердо знаю: я - самый обыкновенный. Но, уверен, королева думает, что она-то совсем другая. Я всегда ненавидел все эти светские штучки. Все эти дикие мероприятия, всякие там вручения, при которых нам надо было присутствовать. Все это сплошная фальшь. Всех видно насквозь. Презираю их. Может, это и есть классовое чувство? Впрочем, нет. Эти люди просто-напросто на самом деле фальшивы.

Некоторые из гастролей 1965-1966 годов все же достойны упоминания, особенно два последних американских турне. В третий раз «Битлз» начали свои выступления в Америке 13 августа 1965 года. Было решено, что гастролы станут наполовину короче предыдущих, оказавшихся чересчур утомительными. На этот раз они продолжались семнадцать дней. Стоимость страховки составила 1 000 000 фунтов, то есть как раз равнялась сумме их гонораров во время последнего турне по США. И все-таки они заработали больше прежнего, так как выступали на бейсбольных стадионах.

Основное событие этих гастролей - выступление на нью-йоркском стадионе «Шей» - состоялось 23 августа 1965 года. По свидетельству Сида Бернстайна, смотреть его пришли более пятидесяти пяти тысяч человек. «Мы получили 304 000 долларов, самую крупную выручку за всю историю шоу-бизнеса».

Эта сумма остается мировым рекордом. Он не был побит во время следующего турне «Битлз» по Америке. Из 304 000 долларов члены группы получили 16 000. Более 3 000 долларов пошли в уплату за аренду стадиона. Тысяча триста полицейских, работавших на стадионе во время концерта, обошлись в 14 000 долларов. Страховка стоила 11 000. За вычетом расходов на рекламу, паблисити и прочее доля Сида Бернстайна на этот раз составила 7000 долларов.

– Я и сейчас мог бы добиться такого результата. «Битлз» по сей день популярны в Штатах ничуть не меньше, чем тогда. Я предлагал им 1 000

000 долларов за два выступления на стадионе «Шей». Предложение остается в силе. Оно стало бы рекордом для Соединенных Штатов, - 1 000 000 долларов! И это - мое предложение.

Ровно через год, в августе 1966 года, «Битлз» совершили свое четвертое, и последнее, турне по Америке. Оно вновь оказалось коротким, но рекордным по заработанной сумме. Его помог организовать Нэт Вайс, назначенный главой компании «Немперор Артистс» в Нью-Йорке. Он работал в Нью-Йорке адвокатом по бракоразводным делам уже добрых лет пятнадцать, когда на каком-то вечере встретился с Брайеном Эпстайном, пробудившим в нем интерес к поп-музыке. В июне 1966 года Брайен решил собрать под одной крышей все филиалы и отделения «НЕМС» в США. Название «Немперор» произошло от телеграфного адреса фирмы.

Именно перед этим турне Джон потряс всю Америку своим знаменитым замечанием по поводу Иисуса Христа. В интервью, которое он дал Морин Клив для лондонской «Ивнинг стандарт», Леннон заявил, что «на сегодняшний день «Битлз» популярнее Иисуса Христа». В Англии никто не обратил внимания на слова Джона. Но в Америке это высказывание, вырванное из контекста и облетевшее всю страну, произвело настоящий фурор.

– Мне позвонил друг, - вспоминает Нэт Вайс, - и рассказал, что в Нэшвилле, штат Теннесси, сжигают пластинки «Битлз». Я позвонил Брайену и сказал, что надо бы тебе приехать, поскольку дело принимает серьезный оборот.

Брайен не на шутку встревожился, - на свет вылез ку-клукс-клан: во всех южных штатах публично сжигали изображение «Битлз». Брайен стал склоняться к мысли об отмене нескольких концертов, хотя это означало потерю почти миллиона долларов. «Я не хотел рисковать безопасностью своих ребят, во что бы это ни обошлось». Но антрепренеры, мэры городов и другие местные власти заверили, что, если концерты не состоятся, можно ожидать гораздо больших неприятностей от поклонников группы. Реплику Джона прокомментировали в печати: он-де вовсе не это имел в виду. И концерты состоялись, как и было запланировано. В южных штатах они проходили с особенно большим успехом.

Другие зарубежные турне в течение этих двух лет включали Францию, Италию, Испанию и ФРГ (в Гамбурге «Битлз» оказали немислимо горячий прием). В июне 1966 года группа вылетела из ФРГ в Токио, на свои первые и единственные гастролы в Японии. Японские поклонники «Битлз», конечно, оказались самыми осведомленными из всех - об этом можно было судить по выпущенным ими программкам концертов, роскошно изданным

и самым подробным за всю концертную жизнь группы. Наряду с исчерпывающими сведениями о ее участниках в них приводились названия всех песен, которые они когда-либо пели, указывалось место, занятое каждой в хит-парадах. В Лондоне никто никогда не занимался столь тщательно такими деталями. Экземпляр японской программки Брайен хранил на своем письменном столе и пользовался им как справочным материалом.

Из Японии «Битлз» возвращались домой через Манилу, о чем потом очень сожалели. Их появление там повлекло за собой самую жестокую сцену насилия за все время их гастролей. Когда их чуть не убивали в Великобритании или Америке, это объяснялось чересчур сильной любовью. В Маниле же их били кулаками и дубинками официальные лица и полиция. Причиной послужило их якобы непочтительное поведение по отношению к жене президента. Она ожидала, что в ответ на ее приглашение они обязательно придут к ней во дворец. Они же утверждали, что их никто туда не звал. Супруга президента была очень оскорблена.

В Великобритании битломаны нисколько не сдавали позиций. Когда Ринго делали операцию по удалению миндалин, все телефоны больницы «Юниверсити Колледж» были заняты напрочь. Ежечасно выпускались бюллетени о состоянии его здоровья. Тысячи болельщиков просили подарить им удаленные миндалины. Ринго заявил, что их не получит никто, они будут сожжены.

В октябре 1965 года королева и принц Филипп совершали поездку по Канаде. Больше всего наделал шуму тот репортаж об их путешествии, где приводились слова принца Филиппа: «Битлз» постепенно выдыхаются». Заголовки с этим высказыванием появились буквально во всех газетах. Лондонская «Ивнинг стандарт» немедленно провела опрос, верно ли мнение принца; пятеро из каждых семи опрошенных ответили, что неверно. Через несколько дней Брайен получил от принца Филиппа личную телеграмму, в которой принц объяснял недоразумение: на самом деле он сказал, что «Битлз» сейчас в отъезде».

Видные люди по-прежнему держали «Битлз» в поле зрения и весьма заботились о том, чтобы их правильно понимали. Более того, к этому времени стало очевидно, что многие принимали желаемое за действительное. Все вокруг были уверены, что «Битлз» пришла пора выдохнуться. Ведь это попросту невозможно - постоянно находиться на таком подъеме.

Но силы у ребят лишь прибывали. Стоило только кому-то подумать, что «мыльный пузырь лопнул», как «Битлз» выпускали новую пластинку и

она незамедлительно занимала первое место. В декабре 1965 года вышел их диск «Day Tripper» и тотчас стал первым номером. Это была их десятая пластинка, вслед за девятью предыдущими возглавившая списки хит-парадов в Великобритании.

Тогда же, в декабре 1965 года, «Битлз» отправились в свое, как выяснилось впоследствии, последнее турне по Великобритании. После него они дали лишь один концерт, состоявшийся 1 мая 1966 года на стадионе «Уэмбли», и это было последнее «живое» выступление «Битлз» перед публикой. Наконец-то один из их синглов не возглавил хит-парад тотчас по своему выходе, хотя спустя неделю он занял положенное ему первое место. Это была пластинка «Paperback Writer», появившаяся в июне 1966 года. Удивительно, но песни, которые были гораздо лучше предыдущих, - «Penny Lane» и «Strawberry Fields» (они вышли в феврале 1967 года) - вообще никогда не заняли первого места. Причина, может быть, заключалась в том, что поклонники группы уже знали, что никогда не увидят своих кумиров «вживе».

В последний раз «Битлз» появились перед публикой 29 августа 1966 года, когда завершали американское турне.

– Во время этого прощального концерта в Сан-Франциско, - говорит Нэт Вайс, - Брайен был очень печален, он даже вызывал жалость. Я впервые видел его таким. Он вдруг спросил: «А что же я теперь буду делать? Как жить дальше? Ведь это конец. Неужто снова возвращаться в школу? Начинать все сначала?»

Он был как в воду опущенный. Потом взял себя в руки и сказал: «Нет, я буду продолжать работу, что-нибудь придумаю».

Вернувшись в Англию, «Битлз» ничего определенного о своих планах не сообщали, они не подтверждали и не отрицали слухов о прекращении гастролей. Тут же пошли разговоры, что они расстанутся друг с другом.

Клуб их поклонников и журнал «Битлз мансли» были завалены письмами. Матери Джорджа, миссис Харрисон, настолько надоело отвечать на один и тот же вопрос, что она сделала несколько сот копий письма, в котором сообщала, что «Битлз» не расстанутся. Она писала, что группа начала записывать новую долгоиграющую пластинку и будет работать над ней вплоть до Рождества. И это, по ее мнению, есть лучшее доказательство того, что они не собираются расставаться когда бы то ни было. «С наилучшими пожеланиями, Луиза Харрисон».

«Битлз» приняли твердое решение прекратить гастролы, но, связанные разнообразными договорными обязательствами, не могли заявить об этом напрямик. Артур Хауз, например, надеялся, что повезет их в еще одно

турне по Великобритании. Британские поклонники вообще давно уже обижались, считая, что группа обходит их своим вниманием. С того дня, когда «Битлз» стали первым номером, их гораздо чаще видели зрители Америки, где они совершили четыре грандиозных турне, выступая на гигантских открытых стадионах при огромном стечении народа, чем соотечественники во время семи гастрольных поездок по Британии, когда концерты проходили в маленьких залах и театрах.

«Битлз» не были связаны с Артуром Хаузом никакими обязательствами, - он просто надеялся, что группа поедет в турне, поскольку не верил, что они окончательно перестали концерттировать.

– Я считаю, что жизнь поп-музыканта продолжается пять лет, - неоднократно наблюдал, как все это происходит. Поколение их слушателей становится на пять лет старше, подрастают новые исполнители и новая аудитория. С «Битлз» все случилось по-другому. «Битлз» не исчезнут никогда. Они - навечно. Им не о чем беспокоиться. Но когда в 1965 году они перестали ездить с концертами, я забеспокоился. Ведь их гастроли не продлились и трех лет.

В Великобритании полный аншлаг в самых больших театрах Манчестера, Бирмингема или Глазго означает не больше двух с половиной тысяч зрителей. Самый большой театр в Великобритании, где обычно дают сборную программу, - это «Хаммерсмит Одеон» на четыре тысячи мест.

Но даже десять таких битком набитых театров не идут ни в какое сравнение с одним аншлагом на стадионе «Шей», который, как мы уже говорили, собрал в первый концерт «Битлз» пятьдесят пять тысяч зрителей.

Из-за того, что «Битлз» брали себе очень высокий процент от выручки (отчисления в их пользу составляли в конце концов пятьдесят процентов), а также из-за непродолжительности их гастролей Клифф Ричард принес мистеру Хаузу большую прибыль, чем эта группа. Между октябрём 1958 года и февралём 1963 года Клифф Ричард совершил с Артуром одиннадцать турне. «Битлз» же за два года, с февраля 1963-го по декабрь 1965-го, выезжали на гастроли семь раз, из которых шесть прошли с Артуром.

– Главное достижение «Битлз» состоит в том, что они открыли американский рынок для британских артистов. До «Битлз» никому туда проникнуть не удавалось. Они одни этого добились. Сюда, в Англию, я привозил множество американских звезд, но туда не выезжал никто. В Америке к англичанам не проявляли никакого интереса. Открыв Америку, «Битлз» заработали для нашей страны огромные деньги.

Когда Артуру и многим другим стало ясно, что с гастрольями покончено, «Битлз» сообщили об этом публично.

– Наша музыка настолько усложнилась, - объясняли они, - что нам уже не обойтись без полных составов оркестров и использования электронной техники, - это, конечно, не позволяет нам выступать перед публикой. В этих словах есть доля истины. Однако главная причина состоит в том, что за долгое время ребятам осточертело все, что они делали. Они устали носиться по всему миру и появляться перед публикой напоказ, словно в полупристойном стриптизе. Им надоело делать на сцене все время одно и то же. Они считали это фарсом, издевательством. Нил и Мэл, их гастрольные администраторы, страдали от постоянного напряжения, от паники, хаоса.

– Концерты в Штатах под открытым небом, - говорит Мэл, - я вспоминаю с ужасом. Однажды ребята выступали на бейсбольном стадионе, прямо посередине поля. Они стояли там в окружении тридцати тысяч фанатиков, которые вопили в ожидании. Я спросил импресарио: «Где розетки, шеф?» Он удивился: «Что? Разве они играют не на гитарах? Разве не так?» Он не знал даже, что они играют на электрических гитарах. Пока электрики не сделали свое дело, мы пребывали в полной панике. Когда перед концертом на открытом воздухе собирались тучи, и вот-вот должен был пойти дождь, я хватался за голову. Если бы вода попала в провода, все взорвались бы, а если решиться и прервать представление, то детки из публики бросятся на поле и разорвут моих ребят в клочья.

– Они раз и навсегда научились, - говорит Нил, - выходить на сцену в последнюю минуту или даже чуть позже. Выйди они хоть на миг раньше - по пути из артистической их затерла бы толпа. Когда они мчались на сцену изо всей мочи, опаздывая на свой концерт, их все-таки пропускали. «Битлз» так поступили и во время их первого шоу у Эда Сэлливана в Нью-Йорке. Эд покрылся холодным потом в ужасе от того, что они опаздывают, - ведь это был прямой эфир. Всю вину он свалил на меня.

– Во время гастролей мы порой попадали в опасные переделки, - рассказывает Ринго, - но как-то никогда не придавали им значения. Однажды в Техасе загорелся самолет - все чуть не умерли от страха. В другой раз мы летели из Ливерпуля в Лондон с открытым иллюминатором. Мы, конечно, немножко приуныли, когда в Соединенных Штатах нам предсказали, что наша группа погибнет в авиационной катастрофе, - не очень приятная перспектива.

Этот прогноз выдала та самая женщина, которая предсказала смерть президента Кеннеди. Нашлись артисты, которые отказались летать в одном самолете с «Битлз». Мэл написал своей жене. Лил, прощальное письмо, поскольку был уверен, что скоро погибнет.

– В «Кау Палас» в Штатах мы были в двух шагах от смерти, - говорит Ринго. - Толпы набросились на лимузин, в котором мы, по их сведениям, находились. Они продавили крышу. Нас бы убили, но мы в это время прятались в машине «скорой помощи» под охраной семи морских пехотинцев. Так нас умыкнули с этого концерта. Вокруг нашей четверки все время происходила какая-то возня. То полиция, то театральный люд, то гостиничный персонал. У себя в номере мы уже считали себя в безопасности, но ведь существовали еще и служащие гостиницы, которым тоже подавай автографы. На их лицах было написано: а почему нет? Что вам стоит? Вы ведь работали сегодня каких-то полчаса. Но мы к этому времени проехали не меньше 2000 миль после последнего получасового концерта, не говоря уж о том., что по крайней мере две недели не ели и не спали по-человечески. Американская полиция досаждала нам не меньше - тоже требовала автографы. Однажды я застал одного полицейского, который шарил по нашим карманам.

Джордж говорит, что они затосковали от всего этого уже во время первого крупного турне по Америке в 1964 году. И когда они вдвое сократили его сроки, это ничуть не скрасило сами гастролы.

– Просто-напросто завершился определенный цикл, - считает Джордж. - В Гамбурге мы играли по восемь часов подряд и обожали это дело, потому что узнавали друг друга, узнавали, на что способны вчетвером, кайфовали и безумствовали.

В Ливерпуле мы играли не так много, но все равно это было сплошное удовольствие. Вместе со слушателями мы составляли единое целое. Жили с ними одной жизнью. Никогда ни один номер мы не репетировали. Может и стоило глянец навести, но выступать в «Кэверн» и так было здорово. Остроты, шуточки - все рождалось тут же, - мы были среди друзей. Потом начались гастролы, и сначала это было великолепно: наши выступления стали короче, каждый номер был сделан и мы работали над новыми песнями. Но и это исчерпало себя. Мы колесили по миру по одной и той же колее. Слушатели сменяли друг друга каждый день, а мы продолжали делать одно и то же. Не получали никакого удовлетворения. Никто ничего не слышал. Все сливалось в диком кровожадном реве. Мы деградировали как музыканты, играли одно и то же дерьмо изо дня в день. Удовлетворения не было.

– Все это уничтожало наше искусство, - соглашается Ринго. - Людской шум забивал нас напрочь. В конце концов я стал играть только слабую долю вместо постоянного бита. Все равно я не слышал себя, несмотря ни на какие усилители. В залах мы то и дело стояли слишком далеко друг от

друга. Живьем мы исполняли наши вещи гораздо быстрее, чем на пластинках, главным образом потому, что сами себя не слышали. Иногда я вступал не вовремя, потому что сплошь и рядом не представлял, какое место мы играем. Доходило до того, что мы притворялись, будто поем, особенно если першило в горле.

В конце концов гастроли никому не нравятся. Они не могут нравиться. Когда искусство становится промышленной продукцией, на этом все кончается. Чтобы получать, надо отдавать. Некоторые наши концерты были, по-моему, просто ужасны. Мы вообще ничего не отдавали. И вот тогда мы решили, что пора завязывать. Успеть уйти раньше, чем эта мура перестанет нравиться всем остальным.

– Когда мы бросили гастроли, - вспоминает Джон, - и вздохнули свободно, настроение было точь-в-точь как на школьных каникулах: вспоминаешь, посмеиваешься, как бездельничал в году, а в глубине души снова начинаешь прикидывать, что же ждет впереди. Каникулы кончаются, начинается новый учебный год, и снова все надоедает, как раньше. Это та же армия. Хотя кто знает, какая она, армия? Одно и то же, одно и то же, одно и то же. Этому нет конца. Огромная масса одного и того же окружает тебя со всех сторон. Я не помню ни одних гастролей.

Мы навыступались по самые уши. Нет на свете такой причины, которая заставила бы нас снова поехать на гастроли.

Пол говорит, что они согласились бы выступить на сцене, если бы смогли придумать такое представление, которое полностью отличалось бы от прежних. Но никто не может выдумать ничего нового. Похоже на то, что Сид Бернстайн останется при своем миллионе.

Отказаться от дела, создавшего им славу, - смелый шаг. Мало кому, особенно в шоу-бизнесе, удастся найти в себе силы, чтобы уйти на вершине популярности. Многие говорят, что откажутся от публики раньше, чем публика откажется от них, но обычно опаздывают.

«Битлз» не колебались ни одной секунды. «Глава первая» окончилась. Наивные, простодушные, они перевернули ее последнюю страницу, не зная содержания следующей. Одно они знали твердо: изнуряющих гастролей и битломании больше не будет.

26. Смерть Брайена Эпстайна

Решение «Битлз» прекратить гастролы, принятое еще тогда, в Сан-Франциско, Брайен Эпстайн расценил как точку в конце главы. Но он твердо решил, что для него это не конец, что он найдет чем заняться, и сообщил об этом Нэту Вайсу. Поначалу так оно и было.

Его фирма «НБМС Энтерпрайзиз» выросла в могучую организацию, в распоряжении которой находились помимо «Битлз» многие другие исполнители: Силла Блэк, «Джерри энд Пейсмейкерз», да и не только они. Интересы фирмы распространялись также на недвижимость, она стала владелицей театра «Сэвилл», но по-прежнему не прекращалась и расширялась ее деятельность в области менеджмента.

Хотя штат Брайена с ливерпульских времен очень вырос, наиболее ответственные работники фирмы были по-прежнему его старыми друзьями и приятелями еще по родному городу. Проработав некоторое время в «Паи Рекордз», в фирму в 1963 году вернулся Алистер Тейлор, бывший помощник Брайена за прилавком «НБМС», который подписал первый контракт с «Битлз». Джеффри Эллис и Питер Браун, два старинных лондонских друга Брайена, также присоединились к «НБМС Энтерпрайзиз» в Лондоне.

Выпускник Оксфорда, Джеффри Эллис, ставший страховым агентом в Нью-Йорке, часто видел Брайена, когда тот приезжал в Соединенные Штаты, и в конце концов дал уговорить себя перейти в «НБМС» в Лондоне. Его юридическое образование играло бесценную роль при заключении контрактов. Он начал работать в «НБМС» в октябре 1964 года в качестве старшего администратора, а на следующий год стал одним из директоров фирмы.

Питер Браун покинул ливерпульское отделение «НБМС» лишь в середине 1965 года. До этого он не имел никакого отношения к «Битлз» и торговал пластинками в ливерпульских магазинах, поскольку Брайен этим уже не занимался. Но в июне 1964 года отец Брайена Харри Эпстайн решил продать большую часть своих магазинов, оставив младшего сына Клайва на посту управляющего.

Питер Браун некоторое время оставался на месте, но отношения с новыми владельцами у него не сложились. Брайен предложил ему перейти в «НБМС Энтерпрайзиз». «Я было забеспокоился, что снова придется тесно сотрудничать с Брайеном, - боялся, что мы опять будем непрерывно

ссориться, но все сложилось наилучшим образом». Питер стал личным помощником Брайена, заменив Венди Хэнсона.

В начале 1967 года Брайен купил загородный дом в Сассексе, который подыскал ему Питер. Это был большой особняк, представлявший собой памятник архитектуры, в Кингсли-Хилл, неподалеку от Хитфилда. Дом стоил 25 000 фунтов.

Брайен взял на работу личную секретаршу Джоан Ньюфилд, племянницу Джо Лосса. Она работала в офисе на верхнем этаже его лондонского дома на Чепел-стрит, Белгревиа. Это было вызвано необходимостью, поскольку солидную часть своей работы Брайен делал дома.

Так складывалась жизнь Брайена Эпстайна к лету 1967 года. Ему исполнилось тридцать два года, он был богат, хорош собой, обаятелен, знаменит и полон оптимизма. Не было дома, где не знали бы его имени, не восхищались бы его способностью угадать талант, впрямую не связывали бы его деятельность с успехом «Битлз». У него работали многие другие артисты, его увлекала масса других интересов, особенно театр «Сэвилл». Его театральные эксперименты постоянно привлекали внимание прессы.

Брайен был совершенно счастлив, ему удавалось все - по крайней мере так считала публика. В августе 1967 года «Файненшл таймс» сообщила, что состояние Брайена Эпстайна составляет 7 миллионов фунтов. Подлинная цифра оказалась значительно ниже, и все же Брайен был достаточно богат, чтобы позволить себе до конца жизни не думать о деньгах.

Миссис Куини Эпстайн, мать Брайена, приехала в Лондон 14 августа 1967 года, чтобы провести десять дней со своим старшим сыном в его доме в Белгревии. Она возвратилась в Ливерпуль 24 августа, в четверг.

Миссис Эпстайн приехала в столицу в угнетенном состоянии. Ее муж Харри умер месяц тому назад, что повергло в глубокую печаль и Брайена. Сын сделал все, чтобы десять лондонских дней доставили матери как можно больше радости и удовольствия. Он снял для нее квартиру в районе Найтсбриджа: они решили, что теперь она переедет сюда из Ливерпуля. Брайен хотел, чтобы мать жила ближе к нему.

Ради матери он изменил своим старым привычкам. Вместо того чтобы очень поздно ложиться и очень поздно вставать, как он делал всю жизнь, Брайен сумел заставить себя рано ложиться и рано вставать. К тому моменту, когда мать зайдет к нему в комнату открыть шторы, он хотел быть в полной форме. Примерно в десять часов утра они вместе завтракали в его спальне. А затем она выпроваживала его на работу в офис. Такого, скажем прямо, тоже давно не бывало.

Все эти десять дней он шел утром в свой офис и трудился там до вечера; когда рабочий день кончался, Брайен возвращался домой, - они с матерью обедали. Потом смотрели вдвоем цветной телевизор, выпивали по чашке горячего шоколада, уходили в свои спальни - всегда задолго до полуночи.

И Джон, и Питер Браун считают, что Брайен не тяготился новым укладом. Естественно, старые привычки были ему милее, но хотелось сделать матери приятное. Он любил ее, знал, что и она любит его, и старался, чтобы ей было хорошо у него в гостях.

- Я навестил ее, - говорит Питер Браун, - через пять дней после приезда к Брайену, в пятницу 18 августа. Мы выпили чаю и поговорили о детстве Брайена. Я понял, что у сына с матерью близкие и нежные отношения. Брайен вышел проводить меня. Он рассказал о предстоящей поездке в США и Канаду. Брайен собирался выступить там в крупнейшем телевизионном шоу в качестве партнера ведущего и ожидал этого с большим воодушевлением. Мы договорились, что, когда он вернется, я как-нибудь проведу у него в Сассексе уик-энд.

В следующий четверг миссис Эпстайн уехала в Ливерпуль. Этот вечер Брайен впервые чуть ли не за две недели провел не дома: он позвал на скромный обед в ресторане «Кериерз» Саймона Найпера-Белла. Брайен с нетерпением ждал длинного августовского уик-энда, чтобы провести его в своем загородном доме. Он пригласил к себе Саймона Найпера-Белла, но тот отказался, так как собирался в Ирландию.

- Брайен уехал в пятницу примерно в половине четвертого, - вспоминает Джоан. - Он сиял и выглядел совершенно счастливым. Пожелав мне хорошего уик-энда, он сказал, что мы увидимся во вторник. Потом сел в свой спортивный «бентли», опустил крышу и помахал мне на прощание рукой.

Джоан знала, что два старинных и близких друга Брайена, Питер Браун и Джеффри Эллис, тоже собирались к нему на уик-энд в Сассекс. В тот же день, но через несколько часов, она узнала от Питера, что он поедет туда позже, чем предполагал. Джоан поняла, что Брайен некоторое время проведет один. «Наверное, Питер все же не слишком сильно опоздает к ужину», - подумала она.

- Я успел к ужину, - говорит Питер Браун, - мы прекрасно поели; сидели втроем, больше никого не было, распили бутылку вина и пару бокалов портвейна. Я должен был захватить с собой еще кое-кого, но в самый последний момент они не поехали. Брайен расстроился. Это был его первый за долгое время уик-энд за городом, и он очень ждал этих дней,

чтобы развлечься и познакомиться с новыми людьми. Перспектива провести время в компании двух старых и изученных им вдоль и поперек друзей не слишком то его обрадовала.

Брайен набрал несколько лондонских номеров, пытаясь кому-нибудь дозвониться, но была пятница, канун длинного уик-энда, и он никого не застал. Около десяти часов вечера Брайен решил вернуться в Лондон.

Это решение вовсе не выглядело странным, как может показаться с первого взгляда. Внезапные смены решений были характерны для Брайена. Он часто уходил в разгар вечеринок, которые сам же и готовил в течение не одной недели. Этот уик-энд, которого он так ждал, обещал оказаться весьма скучным. А Лондон мог легко спасти положение.

– Я проводил его до машины, - рассказывает Питер Браун, - «Ты, видно, сошел с ума - ехать в Лондон в такой поздний час». Он сказал, чтобы я не беспокоился. Все будет в порядке. Он был чуть навеселе, да еще плотно поел, но не более того. Брайен сказал: «Не беспокойся. Ты еще будешь спать, когда я вернусь».

Не успел Брайен уехать, как из Лондона нагрянула куча гостей, но было уже поздно - хозяина не было. Правда, у Питера Брауна еще теплилась надежда, что он все же не поехал в Лондон, а решил покататься по окрестностям и скоро вернется. К половине первого ночи Брайен не вернулся, и Джефффри позвонил на Чепел-стрит, чтобы проверить, дома ли Брайен. Подошел Антонио - он и его жена, испанцы по происхождению, служили у Брайена дворецким и экономкой. Антонио сказал, что Брайен вернулся. Потом Антонио позвонил по внутреннему телефону в спальню Брайена, чтобы сообщить, что звонит мистер Эллис, но никто не ответил. Джефффри и Питер не волновались. Они удовлетворились тем, что Брайен добрался целым и невредимым и, видимо, крепко заснул.

На следующее утро, в субботу, Питер Браун и Джефффри Эллис встали поздно. Брайен не появлялся, но они и не ждали, что он приедет к этому времени. Они не стали ему звонить, считая, что тот спит, и не желая его беспокоить. Но Брайен сам позвонил Питеру около пяти часов пополудни в субботу.

– Он извинялся, что не приехал рано утром, как обещал. Сказал, что весь день проспал и все равно не выспался, его опять клонит в сон. Я решил, что лучше уж ему не ехать на машине, - пусть сядет на поезд, а потом я его встречу. Он согласился, что так, пожалуй, будет лучше, но сказал, что чувствует себя еще слишком заторможенным, чтобы выехать сразу. Он вообще всегда просыпался в заторможенном состоянии, так как принимал снотворное. Он обещал позвонить попозже, когда проснется

окончательно, и предупредить меня, что выезжает. На том и договорились. Но Брайен не позвонил.

Наступало время воскресного ленча, а Брайен все еще не вставал. Антонио и его жена Мария забеспокоились. В том, что хозяин спал до самого ленча, не было ничего необычного, но они заметили, что с того самого вечера в пятницу, когда Брайен вернулся из Сассекса, он ни разу не выходил из спальни. Они обратили внимание и на то, что его «бентли» так и простоял на одном месте весь уик-энд. Они ни разу не слышали из его спальни ни одного звука, если не считать завтрака в субботу и его звонка Питеру.

В 12.30 они попытались позвонить в Сассекс Питеру Брауну, чтобы поделиться с ним своим беспокойством, но тот вышел в паб. Поэтому они позвонили Джоан.

– Мария говорила со мной очень взволнованно. Она сказала, что Брайен чересчур долго не выходит из спальни. Я тоже заволновалась. Позвонила Питеру, но не застала его. Тогда я набрала номер Алистера Тейлора и все ему рассказала. «Я еду к Брайену», - сказала я. Мы договорились там встретиться. Попробовала позвонить врачу Брайена, но оказалось, что он в Испании. Я пошла в гараж за машиной.

Питер и Джеффри вернулись около двух часов, и экономка передала, что им несколько раз звонили.

– Я позвонил на Чепел-стрит, - вспоминает Питер, - и Антонио сказал мне, что все они страшно волнуются за Брайена. Джоан и Алистер уже в пути. Я подумал, может быть, Брайен гулял где-то всю ночь и теперь отсыпается. «Что за паника?» - удивился я. Если Антонио успеет, пусть отменит приезд Алистера.

На Чепел-стрит появилась Джоан. Антонио и Мария, несмотря на уговоры Питера, не находили себе места. Джоан позвонила Питеру. Тот по-прежнему считал, что паниковать не стоит, но, может быть, надо позвонить врачу и на всякий случай попросить его приехать.

Когда доктор прибыл, Джоан позвонила Питеру и сказала, что они собираются взломать замок. «Я буду ждать у телефона», - ответил Питер.

– Мы с доктором вошли в спальню, - говорит Джоан. - В комнате было темно, но я увидела, что Брайен лежит на кровати. Он лежал на боку, спиной к нам. Доктор выгнал меня из комнаты. Я вышла и сказала Марии и Антонио, что все в порядке, Брайен просто спит.

Потом появился белый, потрясенный доктор и сказал, что Брайен мертв. Он тут же пошел к телефону, чтобы сообщить об этом Питеру.

– Он не мог толком произнести ни слова, - сказал Питер. - Но я все

понял.

Питер и Джеффри немедленно связались с Бангором, где «Битлз» находились с Махариши. Через час после того, как было обнаружено тело Брайена, раздался звонок из «Дейли экспресс»: «Правда ли, что Брайен Эпстайн мертв?» Им ответили, что это неправда.

На следующий день новость облетела первые полосы всех газет. Некролог, опубликованный газетой «Таймс», занимал три колонки на первой полосе. Большинство людей считало, что это самоубийство. Тем, кто никогда не был ни богат, ни знаменит, ни могуществен, всегда приятно думать, что тот, у кого все это есть, конечно же, на самом деле несчастлив.

Брайен Эпстайн был одновременно и очень счастливым, и очень несчастным. Успехи «Битлз» не могли стать причиной его трагедии. Она коренилась в недуге, обнаружившемся много лет назад.

– В Ливерпуле он часто впадал в депрессию, - говорит Питер Браун. - Может быть, не в такую тяжелую и длительную, как случилось позже, но приступы начались задолго до появления «Битлз».

Причины того психического состояния, в котором находился Брайен к моменту смерти, по существу, сопровождали Брайена всю жизнь. Но в течение года, приведшего его к смерти в августе 1967 года, все они как бы слились воедино и достигли апогея.

– Когда Брайен находился в депрессии, - говорит Джоан, - любая мелочь могла вывести его из равновесия. Однажды, например, был случай, когда он хотел связаться с Нэтом Вайсом, приехавшим в Лондон из Нью-Йорка. Брайен отправился в гостиницу «Гровнер Хауз», чтобы повидаться с Нэтом, но не застал его на месте. Он вернулся разъяренный и начал туда названивать. А я случайно дала ему неправильный номер: «МЭЙ 6363» вместо «ГРО 6363». Естественно, он никак не мог найти Нэта. Когда я призналась в своей ошибке, он совершенно вышел из себя.

Питер Браун считает, что беда Брайена заключалась в его максимализме, - он был настолько обязательным, точным и организованным, что, когда что-то не ладилось или кто-то вмешивался в дела, нарушая его досконально разработанные планы, это полностью выбивало его из колеи. Его ранние памятки, адресованные «Битлз», в которых он уточнял, в какие танцзалы им следует отправляться, и напоминал, что хорошо бы им не переругиваться на сцене, - один из ярких примеров его добросовестности, граничившей с педантизмом.

По мере того как фирма «НЕМС» разрасталась, Брайену приходилось передавать многие дела другим людям, и у него, естественно, появлялось все больше оснований для недовольства, особенно потому, что зачастую он

останавливал свой выбор на том или другом человеке, повинуюсь лишь эмоциональному порыву и вовсе игнорируя при этом наличие у него знаний или опыта. Но главных артистов Брайен всегда оставлял себе. К «Битлз» он не подпускал никого - ему было неприятно, если с ними общались даже секретарши. Лишь за несколько месяцев до смерти он позволил Питеру Брауну, своему ближайшему помощнику, вступать с ними хоть в какие-то личные контакты.

С начала 1967-года Брайен отказался от ежедневного руководства фирмой и сосредоточился на делах «Битлз». Он вызвал австралийца Роберта Стигвуда и назначил его содиректором. Именно Роберт вместе с другими директорами, Виком Льюисом, Бернардом Ли, Джефффри Эллисоном и братом Брайена Клайвом Эпстайном, изо дня в день осуществляли руководство «НБМС».

Брайен остыл к работе в «НБМС» вскоре после того, как «Битлз» перестали гастролировать. Если не считать театра «Сэвилл», который никогда не приносил прибыли, сердце Брайена полностью принадлежало «Битлз». Однако он все еще искал; эти поиски были сродни тем, которые привели его в Королевскую Академию, а потом к «Битлз». Его снова терзал творческий голод. Он опять испытывал муки творческой неудовлетворенности, но теперь надежды на новые открытия были слишком эфемерны. Подобный ход событий, будь то его любовные дела или какие-то иные радости, представляется весьма типичным для Брайена.

Правда, однажды ему и в то время представилась возможность творческой работы: Джон Ферналд, бывший глава Академии, когда-то принявший Брайена на учебу и которого Брайен в дальнейшем взял в свою очередь к себе на работу), заболел во время репетиций пьесы «Разбитый день», и Брайен заменил его в качестве режиссера.

– Он и сам тогда был нездоров, только-только приходил в себя после желтухи, - рассказывает Джоан, - но репетировать бросился как одержимый. За все три года, что я проработала с ним, мне никогда не приходилось видеть его таким счастливым. Он занимался с актерами днем и ночью, с нетерпением ждал замечаний, наслаждался каждой минутой. Но вскоре пьеса вышла на сцену.

Жажда творчества больше не находила для себя выхода. Брайен не знал, чего ищет, а золотая рыбка не приплыла к нему сама, как это сделали когда-то «Битлз». И Брайен возненавидел мир бизнеса. Он ушел от дел.

– По-настоящему ему не нравилась жизнь бизнесмена, - вспоминает Джоан, - он терпеть не мог деловые совещания. Он хотел быть творцом. Случалось, он отменял самые важные встречи. Мне приходилось

выкручиваться, говорить, что он болен или что у него срочные дела. А Брайен после бессонной ночи не мог подняться с постели. Это было ужасно. Он оставлял мне записки, где сообщал, какие встречи просит отменить. Как-то мне пришлось отказывать Бернарду Делфонту четырежды за одну неделю. Не представляю, что он мог подумать.

Но в мире оставалось несколько вещей, которые доставляли ему подлинное удовольствие. Он обожал «Кингсли-Хилл», свой дом в Сассексе. Обожал бой быков. Он был спонсором одного тореадора и незадолго до смерти финансировал фильм о корриде.

У него случались и короткие увлечения, вроде наркотиков или азартных игр. Узнав от «Битлз», как повлиял на них ЛСД, Брайен тоже несколько раз принял этот наркотик. Но то был лишь эпизод. По-видимому, он бросил употреблять ЛСД вместе с «Битлз», и случилось это задолго до его смерти.

Иногда Брайена охватывал азарт игры, правда тоже на короткое время. Ему, как правило, везло. Когда Джоан приезжала утром на работу, она частенько находила ожидавшую ее записку с приложенными к ней, скажем, тремя сотнями фунтов. В своем послании Брайен просил ее пойти в банк и положить на его счет эту случайную удачу.

Питер Браун, который иногда ходил играть вместе с ним, считал Брайена хорошим игроком, поскольку тот умел вовремя остановиться.

– Для него это не составляло труда, потому что он никогда не уходил в игру с головой. Главный смысл игры состоял для него в том, чтобы закатиться куда-нибудь очень поздно и познакомиться с новыми людьми.

Кроме «Битлз» и Силлы Блэк, никто из исполнителей, с которыми работал Брайен, не продержался долго в статусе звезды первой величины. Многие вообще очень быстро исчезли с небосклона. Кое-кто из них вполне справедливо обижался на то, что все внимание Брайен отдавал «Битлз», а когда начал сворачивать свою деятельность в «НЕМС», то и вовсе позабыл о других артистах. Брайен тоже об этом сожалел, он чувствовал себя виноватым.

– Брайен в самом деле верил в каждого из них, - считает Джоан. - Искренне верил. Он был совершенно честен, когда предрекал им большое будущее. Они расставались, полные надежд. А когда через несколько месяцев возвращались, обвиняли Брайена, что тот их подвел.

Ирония судьбы состоит в том, что единственная серьезная ссора произошла у него вовсе не с тем, кому приходилось туго, а с одной из самых удачливых артисток, работавших с ним, - звездой Силлой Блэк.

Силла Блэк уже давно считала, что вполне заслуживает большего

внимания со стороны Брайена. В начале лета 1967 года она решила: все, с нее хватит. Брайен опять куда-то уехал, бросив ее на произвол судьбы. Раз так, то и дело с концом. Она решила порвать с ним.

Поскольку Брайен был в отъезде, первым о ее решении узнал Питер Браун. Он понимал, что для Брайена это известие будет тяжелым ударом, и боялся его огорчить. Он даже посоветовался с врачом Брайена, который рекомендовал сообщить Брайену о решении Силлы как можно более спокойно и осторожно.

Узнав обо всем, Брайен сделал ошибку: он предложил, чтобы Силлу попытался урезонить кто-нибудь другой. Однако в конце концов ему пришлось встретиться с ней на Чепел-стрит самому. Они проговорили несколько часов, придя к полному взаимопониманию, и все стало на свое место. Они разошлись еще большими друзьями, чем раньше, и оставались ими до самой его смерти. Силла поняла, что никогда не уйдет от Брайена.

Ни разу в жизни Брайен не ссорился ни с одним из «Битлз». Он любил их всех так же, как прежде, и они любили его. Правда, с прекращением гастролей исчез главный повод для их общения.

Они по-прежнему часто виделись друг с другом. Любое деловое решение «Битлз» обязательно должно было пройти через его руки. Но в конце 1966 года, когда ребята постановили покончить с гастролями, им пришлось заботиться о себе самим. Им предстояло решить, как жить дальше, что делать с собой, в чем смысл и цель их существования. Именно тогда в жизни группы появились наркотики и религия. На несколько месяцев они буквально превратились в отшельников, общаясь только друг с другом. А Брайен пошел своей дорогой, которая и раньше не всегда совпадала с направлением, избираемым «Битлз». Не стань Брайен их менеджером, вряд ли между ними возникла бы дружба. Возраст, происхождение, прошлое, взгляды, радости жизни - все у них было разное. Но в течение пяти лет судьба Брайена целиком была подчинена «Битлз». Когда этому пришел конец, у «Битлз» остались они сами и их жены. Брайен же оказался наедине с собой, своими переживаниями, в которые ему недосуг было погружаться в течение тех пяти лет.

«Битлз» представления не имели о том, как он прожил свой последний год. Как все больше и больше зависел от пилюль, лекарств, как его тревоги, реальные и мнимые, овладели им и навсегда лишили покоя. Когда спустя долгое время после смерти Брайена они узнали, что многие месяцы он не бывал в своем офисе и вообще редко показывался на людях при дневном свете, они были поражены. О его внутренней жизни они не знали ровным счетом ничего.

Правда, «Битлз» слышали, что в начале 1967 года Брайена настигла депрессия, но они были уверены, что он уже вышел из нее. С ними Брайен почти всегда выглядел счастливым. Это чистая правда. Самым большим удовольствием для Брайена было находиться рядом с ними. Для него не существовало большей радости, чем что-нибудь для них сделать.

– В 1966 году он на недельку пригласил нас с Патти отдохнуть на юге Франции, - говорит Джордж. - Когда мы приехали, он продумал каждую мелочь на всю неделю вперед: трапезы, визиты, поездки. В один прекрасный день за нами прилетел нанятый им частный самолет, и мы отправились на нем смотреть корриду. Брайен всегда был такой. Он хотел сделать людям приятное и продумывал ради этого каждую мельчайшую деталь. Когда он устраивал званый обед, то тратил массу сил и энергии, чтобы разузнать любимый сорт сигарет каждого из приглашенных, и рядом с прибором гостя лежали именно эти сигареты.

Патти рассказывает, что однажды Джоан призналась ей, сколько пилюль Брайен принимает в день.

– Я спросила, почему они с Питером допускают такое. Но Джоан ответила, что остановить его невозможно. Тогда я попросила Джорджа, чтобы он поговорил с Брайеном, но он сказал, что это совершенно бесполезно.

Со времен «Кэверн» Брайена больше всего тянуло к Джону. Именно с ним отправился Брайен отдыхать в Испанию, оставив Синтию в Ливерпуле. Наиболее непросто складывались его взаимоотношения с Полом. Так, во всяком случае, считал Брайен. Ему казалось, что он в долгу перед Полом. Однажды он заговорил об этом сам: «Наверное, Пол думает, что у нас с Джоном более близкие отношения, чем с ним. На самом деле это неправда. Раньше, может быть, так оно и было, но теперь я люблю их одинаково». Он всегда дарил Полу особенно дорогие подарки. «Битлз» же почти никогда не делали подарков Брайену.

– Если кто и доставлял Брайену беспокойство, - говорит Джоан, - так это Пол. Иной раз он звонил, жаловался, просил о чем-нибудь. Остальные могли делать то же самое, но Брайена всегда волновало только одно - как бы ублажить Пола. Он мог серьезно огорчиться из-за разговора с Полом по телефону. Этого никогда не случалось после его разговоров с Джоном, Джорджем или Ринго.

Причина могла состоять в том, что в 1967 году Пол впервые начал проявлять интерес к деловой стороне их отношений. Раньше, бывало, только Джордж устраивал Брайену допрос по поводу контрактов: сколько они зарабатывают и нельзя ли получать побольше. Но по мере того, как

усиливалось его увлечение религией, Джордж утрачивал интерес к деньгам.

Брайен всегда принимал участие во всех делах группы, но иногда ему не очень нравилось, как ребята действуют, - например, какие юридические, экономические и чисто художественные сложности они внесли в оформление конверта для долгоиграющей пластинки «Sergeant Pepper».

Нэт Вайс утверждает, что во время пребывания в Нью-Йорке в 1967 году Брайена посещало предчувствие близкой смерти. В аэропорту имени Кеннеди он вдруг остро ощутил, что его самолет непременно потерпит аварию над Атлантическим океаном. Непосредственно перед вылетом он написал на клочке бумаги маленькую записочку, которую попросил Нэта Вайса передать «Битлз» как его последнюю волю. Записка, которую Нэт Вайс хранит до сих пор, гласит: «Коричневые бумажные пакеты завещаю «Сержанту Пепперу».

Поскольку самолет не разбился, «Битлз» так и не узнали, насколько сильно беспокоили Брайена нелады с конвертом для пластинки «Sergeant Pepper», так же как и о многом другом, что происходило с ним в последний год его жизни.

8 сентября 1967 года вестминстерский суд объявил, что смерть Брайена Эпстайна следует считать случайной. Он умер от суммарной дозы бромидов, содержащихся в лекарстве «Карбитрал», которое принимал в течение продолжительного периода. При вскрытии было установлено, что количество препарата в его организме находилось на «нижней границе смертельно опасного уровня», но он несколько раз «неосмотрительно превышал дозу», и это привело его к смерти.

Обследование показало, что Брайен, ни разу не приняв смертельно опасной дозы, постоянно пользовался лекарством в больших дозах. Судья сообщил, что наркотики Брайен Эпстайн употреблял только как снотворное, поскольку страдал бессонницей.

– В крови умершего обнаружили следы антидепрессантов и барбитуратов в виде бромистых препаратов. Полиция сообщила, что в доме Эпстайна найдено семнадцать пузырьков с таблетками разного рода: семь пузырьков рядом с постелью, восемь в ванной и два у него в портфеле.

Медицинская экспертиза показала, что количество бромистых препаратов, которые принимал Брайен, было настолько большим, что могло привести его к сонливости, беспечности и неосторожности в приеме других лекарств. Смерть наступила от случайно принятой слишком большой дозы лекарства.

Нет ни малейших оснований сомневаться в этих выводах. Медики со

всей тщательностью доказали, что в течение трех дней подряд он принимал очень большие дозы. Если бы это было самоубийство, то, разумеется, речь могла идти только о разовом приеме большой дозы.

Маловероятно, что он хотел покончить с собой в тот момент, когда его мать только что потеряла мужа. Существует один или два мелких факта, которые еще не совсем прояснились, но, насколько можно судить, никаких серьезных потрясений или происшествий, способных вызвать глубокую депрессию, не произошло. Это была все возрастающая депрессия, достигшая кульминации, когда неожиданно сорвался столь долгожданный длинный августовский уик-энд.

Панихида по Брайену Эпстайну состоялась 1 октября 1967 года в синагоге Нью-Лондона на Эбби-роуд.

Место оказалось очень символичным, потому что в нескольких шагах находятся студии «ЭМИ», где были записаны все пластинки «Битлз», выпущенные с начала их работы и вплоть до самой смерти Брайена, а за углом, на Кэвендиш-авеню, стоит дом Пола. Синагога расположена неподалеку и от станции подземки «Сент-Джонс-Вуд», с ближайшими к дому Пола телефонами-автоматами. Дважды в жизни ими воспользовался Брайен. Первый раз - когда выбежал из студий «ЭМИ» и бросился звонить «Битлз» в Гамбург, чтобы порадовать их хорошей новостью: у них будет пластинка! А во второй раз - через пять лет, незадолго до смерти. Он пошел к Полу, но не смог проникнуть в его дом. Пол, уставший от поклонников, докучавших ему весь день, вообще перестал подходить к дверям. Брайену пришлось добраться до ближайшего телефона-автомата, набрать номер Пола, объяснить ему, что это он стучит в дверь, и попросить, чтобы его пустили. Эта история всегда представлялась Брайену не случайной.

Когда Джордж узнал о смерти Брайена, он сказал, что испытал удар как во время просмотра старого фильма. «Знаете, когда они показывают вам, что часть окончена и сейчас начнется новая. Конец главы».

27. От наркотиков к Махариши

Покончив с гастролями, никто из «Битлз» представления не имел, что делать дальше. В течение десяти лет, с 1956-го по 1966-й, они не просто жили вместе, но сообща проживали одну жизнь. Теперь, оставаясь лучшими друзьями, продолжая записываться в том же составе, они поняли, что для каждого настало время найти себя.

Первым откололся Джордж. В сентябре 1966 года, через месяц после окончания последнего турне, он вместе с женой отправился в Индию. Впервые в жизни он оказался во власти собственного серьезного увлечения, не разделенного друзьями.

Джон снимался в фильме «Как я выиграл войну». Ему всегда нравился Дик Лестер, хотя два первых фильма о «Битлз» его не удовлетворили. «Я чувствовал» себя так, будто играл в массовке», - сетовал он. И тем не менее теперь Джон раздумывал, не стать ли ему актером. В новом фильме его привлекала также антивоенная направленность, поскольку он всегда очень серьезно относился к теме войны и мира.

Ринго, которого и раньше больше всего тянуло к домашнему очагу, занялся расширением своего жилища и своей семьи. Один Пол оказался не у дел. Он завидовал Джорджу, - ему тоже очень хотелось бы увлечься индийской музыкой. Он понемножку рисовал, понемножку декорировал мебель, но особого вдохновения при этом не испытывал. Он решил было погрузиться в религию, но истинная вера не приходила. Тогда ему взбрело в голову написать музыку к фильму «Семейная жизнь», чтобы выяснить, нравится ли ему писать музыку для кино, - нет, не понравилось. Кончилось тем, что он отправился в длительное путешествие по Африке.

Увлеченность Джорджа Индией все росла, Джон же вскоре обнаружил, что ему не по сердцу ни актерская профессия, ни сами актеры. Вместе с Полом они снова ринулись в поиск. В их намерения отнюдь не входило уйти на покой двадцатипятилетними миллионерами, но им настолько претили канонические способы приобретения знаний, которые требовали в первую очередь дисциплины, что оба они совершенно не представляли, с чего начинать. Да и нельзя сказать, будто они жаждали, чтобы их кто-то чему-то обучал. И физически, и духовно они ощущали себя столетними стариками. Так в их жизнь вошли наркотики. Через наркотики они пытались прорваться к самим себе.

Они и прежде, еще в Гамбурге, принимали возбуждающие средства

различной силы. Порой выкуривали сигарету с марихуаной - вроде того, как другие иногда пропускают стаканчик. При этом никто из них не пил, если не считать рюмки вина к обеду, да и то не часто.

Джорджа и Джона приобщил к ЛСД их друг, зубной врач, причем они и не подозревали, что тот ввел им наркотик. «Это было так, словно до тех пор я никогда ничего не пробовал, не говорил, не видел, не думал и не слышал по-настоящему», - вспоминает Джордж.

Наркотики не остановили их занятий музыкой. Пришел день, когда они, разочаровавшись в своих поисках, снова собрались вместе. «Битлз» начали работать над пластинкой, в которой воплотились их самые честолюбивые замыслы и отразился интерес к наркотикам. Это была пластинка «Sergeant Pepper's Lonely Hearts Club Band».

Во время сеансов записи у «Битлз» родилась идея о создании телевизионного фильма. Целый год они никак не могли вплотную заняться производством своего третьего фильма, вместе с тем отказываясь и от множества других предложений - вроде новых гастролей и выступлений. Они отвергали один за другим массу сценариев, и среди них написанный покойным ныне Джо Ортоном. (Он был одним из самых преданных поклонников «Битлз». На его похоронах играли «A Day In The Life».) Постепенно «Битлз» созревали для того, чтобы попробовать написать сценарий и снять фильм самим, без всякой помощи, - хотя бы для того, чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

Мысль сделать телевизионный фильм пришла Полу в апреле, когда он возвращался домой из Соединенных Штатов, куда летал на празднование дня рождения Джейн, - ей исполнился двадцать один год; она гастролировала в США с труппой театра «Олд Вик». Почему бы им всем не сесть в автобус, фантазировал Пол, отправиться куда глаза глядят и посмотреть, что из этого получится? Они смогут делать все, что захочется, - и в этом уже будет заключено чудо. А тайна - в том, что никто не будет знать, где они и что собираются делать. Дальше мысль Пола не пошла. Но остальные поддержали его. И на следующие полгода дело этим и ограничилось.

Как раз тогда Джордж с головой погрузился в индийскую музыку, что нашло отражение в альбоме «Sergeant Pepper»; он стал настоящим знатоком индийской религии. Его жена Патти разделяла это увлечение. Более того, именно она первой познакомилась с Махариши.

Патти вспоминает, что религией они увлеклись случайно, во время путешествия в Индию в сентябре 1966 года. Целью поездки было изучение индийской музыки с помощью Рави Шанкара, что тоже произошло

случайно. В фильме «Помогите!» есть сцена, во время которой на экране появляются необычные музыкальные инструменты. Джордж, которому к тому времени наскучило сниматься, пытался развлечься: он взял один из них - это оказался ситар - и стал на нем играть.

В Индии Джордж нашел время не только для изучения игры на ситаре - он встретился с духовным гуру Рави, Тат Баба, который посвятил его в закон кармы (закон действия и противодействия). «Встреча с ним, чтение книги «Автобиография йога», все семь недель, проведенных с Рави, обогатили меня в духовном смысле больше, чем все, что я пережил до этого, включая наркотики».

Вернувшись домой, Джордж и Патти окунулись в изучение книг о религии, интерес к которой вспыхнул у Джорджа после его первого эксперимента с ЛСД. Он начал с работ Олдоса Хаксли и постепенно все больше и больше увлекался восточными концепциями божественного начала.

В феврале 1967 года Патти стала членом Общества Духовного Возрождения - она приняла это решение самостоятельно. Джордж однажды проводил ее к месту собрания, но сам туда не пошел, так как считал, что это общество ему не подходит.

– Я пыталась овладеть медитацией по книгам, - говорит Патти, - но это удавалось мне только наполовину. Однажды подруга рассказала мне о трансцендентной медитации, и я пошла с ней на лекцию в «Кэкстон-холл». Самого Махариши там не было, но какой-то другой человек рассказывал о его движении. И я присоединилась к нему. Не могу сказать, чтобы лекция была особенно блестящей, но трансцендентная медитация показалась мне совершенно очевидным и простым процессом. С этого момента я стала собирать всю литературу, относящуюся к этому движению, и таким образом узнала о летней конференции в Бангоре.

Тем временем Джордж не только старался посвятить других в то, что вычитал в книгах, - он решил найти мудреца, который наставил бы его на путь истинный.

Узнав из тех же источников о возможности передачи мыслей в космосе, Джордж даже отправился в пустынный Корнуэлл и безрезультатно провел несколько часов на вершине крутого холма. Он наслышался о многих идеях, принадлежащих индусам и представителям Запада, но до появления Махариши не находил ничего подходящего для себя.

Задолго до встречи с Махариши «Битлз» внутренне уже были готовы к ней. Нельзя сказать, чтобы именно он обратил их в свою веру, протянул им руку или направил их, более того - он не открыл им ничего такого, о чем бы

они не знали. Но он вошел в их жизнь в тот момент, когда они его искали.

Однако все эти духовные блуждания впопыхах не остановили их повседневной работы как группы «Битлз». В июле 1967 года они сочинили песню «All You Need Is Love», предназначенную для международной телепрограммы «Наш мир», которую должны были увидеть в прямом эфире более 150 миллионов зрителей. Духовное пробуждение «Битлз» возымело и конкретный эффект. Включение в процесс активного мышления, чтения и обсуждения высоких материй привело к тому, что ребята отказались от таких искусственно возбуждающих средств, как наркотики, придя к выводу, что они им не помогают. Лучше добиваться результатов без их помощи. Махариши и наркотики оказались несовместимы, но ребята бросили этот допинг еще до того, как познакомились с ним. Махариши лишь укрепил их в этом решении и более четко сформулировал его причины.

Забавно, что километры бумаги, изведенные писателями и журналистами, предупреждающими о вреде наркотиков (они принялись за свою писанину после того, как Брайен и Пол сознались в том, что попробовали ЛСД), нисколько не подействовали на «Битлз». Сработали собственные метания и поиски религиозного прибежища.

В середине августа 1967 года в нескольких газетах вдруг появились сообщения о том, что Махариши выступит в Лондоне с публичной лекцией. «Эта публикация оказалась для нас неожиданностью, - рассказывает Патти, - в тех изданиях, которые мы читали, не встречалось упоминания о том, что он находится в Лондоне или собирается на нашу конференцию в Бангоре. Когда я наткнулась на объявление о его лекции, то сказала Джорджу: «Смотри, надо пойти!»

Джордж уже знал от кого-то, что Махариши в городе. Его лекция должна была состояться в гостинице «Хилтон».

24 августа 1967 года во время своей лекции Махариши пригласил «Битлз» присоединиться к движению и принять участие в летней конференции, которая в субботу откроется в Бангоре. Они согласились.

«Битлз» рассказали Брайену Эпстайну о Махариши и его движении трансцендентной медитации, - Махариши произвел на них огромное впечатление. «Что ж, это интересно», - заметил Брайен. Может статься, он приедет на эту конференцию попозже - ведь она будет длиться десять дней. Но перспектива весело провести в загородном доме августовский уик-энд в компании своих друзей увлекала его сильнее.

Весть о том, что «Битлз» отправляются в Бангор с Махариши, мгновенно стала всеобщим достоянием. То, что они ощущали в себе как

глубоко личные духовные искания, немедленно стало предметом для развлечения, базара, ярмарки. Новость воспринималась публикой как сообщение о гастролях, с которыми, как считали «Битлз», они разделились раз и навсегда год тому назад.

На станцию Юстон набилось полным-полно туристов и представителей прессы, собравшихся поглазеть на «Битлз» и проводить их в путешествие. На следующий день «Дейли миррор» назвала поезд, следующий в Бангор (Северный Уэльс), «Мистическим скорым».

На вокзале творилась такая неразбериха, что Синтия Леннон застряла на платформе, - она не смогла пробиться к Джону сквозь толпу. Полицейский, принявший Синтию за очередную поклонницу, задержал ее.

В вагоне первого класса, куда забились Джон, Пол, Джордж и Патти, Ринго да еще Мик Джеггер, Мариан Фейсфул и Дженни Бойд, сестра Патти, яблоку негде было упасть. Ринго немножко опоздал. Его жена Морин только что родила второго ребенка и пока оставалась в клинике. Ринго не был уверен, что сумеет поехать вместе с друзьями. «Я позвонил Морин в больницу. Она сказала, чтобы я обязательно ехал: «Ты ни в коем случае не должен этого пропустить», - рассказывает он.

Решение о поездке оказалось для всех совершенно неожиданным. Брайен Эпстайн знал о нем, но не воспринял планы «Битлз» всерьез. Они не взяли с собой даже вездесущих Нила и Мэла. В течение пяти лет «Битлз» никуда не трогались без Брайена или еще кого-нибудь, кто бы за ними присматривал. «Все равно что ехать без штанов», - подытожил Джон.

Они просидели в тесном купе, прижавшись друг к другу, в течение нескольких часов, боясь даже выйти в туалет, чтобы их не раздавила толпа. Они не имели представления, куда делся их багаж, ни у кого из них не было при себе достаточно денег. Они обсуждали, что же им скажет Махариши. Джон высказал предположение, что он сообщит им то, что они и так уже знают, но под другим соусом. «Вроде того, что одни записываются на пластинки с этикеткой «Декки», а другие - с маркой «ЭМИ».

Джордж всерьез стал возражать ему. Он убежден, что в их жизни произойдет то самое, главное. Мик Джеггер оставался спокойным и серьезным. Джон сказал, что надеется благодаря Махариши оставить свою работу одного из «Битлз», если, скажем, тот прикажет ему отправиться в Индию и просидеть там в какойнибудь пещере до скончания века. «Но, держу пари, он этого не сделает. Он скажет: иди и напиши песню «Lucy In The Sky With Diamonds».

В другом купе на белой простыне, постеленной его учениками, сидел, скрестив ноги, Махариши. Он то и дело покатывался со смеху. Он

признался, что никогда в жизни не слышал музыку «Битлз». Правда, ему сказали, что они страшно знаменитые, и Мик Джеггер тоже, но все равно он никак не может взять в толк, что такое «Роллинг Стоунз». Что это может означать? Непонятно.

В конце концов «Битлз» зашли к нему в купе. Разговаривая с ними, он то и дело смеялся. Во время беседы он проиллюстрировал свою мысль, взяв в руки цветок и сказав, что на самом деле это жизненная сила. Лепестки - это всего лишь их собственные иллюзии, так же как и вся физическая реальность.

Махариши говорил, что трансцендентные медитации, которым он будет обучать их в Бангоре, - это всего лишь простой метод, с помощью которого можно быстро и легко обрести духовную углубленность. Его медитации, выученные раз и навсегда, требуют всего лишь получасовых занятий каждое утро. Этого достаточно. Вроде банка. Необязательно носить с собой все деньги, чтобы взять нужную сумму.

- А если человек дико жадный, - сказал Джон, - и отхватит еще полчаса после обеда, а потом еще и после чая?

Все рассмеялись. Махариши так захохотал, что чуть не стукнулся головой. «Битлз» ретировались, чтобы выпить чаю, уступив очередь для общения с Махариши девушкам и Мику Джеггеру. Кондуктор позаботился о том, чтобы выделить им уголок в вагоне-ресторане, но все-таки к ним прорвались несколько человек за автографами.

- Зачем вы едете в Бангор? - спросили два подростка, которые не могли поверить, что кому-то может хотеться ехать в Бангор, и уж менее всего «Битлз». - Вы там будете играть?

- Точно, - сказал Ринго. - На Пир-Хед в восемь тридцать. Второй дом. Там увидимся.

Когда поезд проезжал мимо станции Флинт, Ринго сказал, что дальше нее он из Дингла на велосипеде не ездил.

В Бангоре царил настоящее столпотворение. «Битлз» решили было доехать до следующей остановки, а потом махнуть на такси обратно. Но Махариши сказал, что если они будут держаться рядом, то все обойдется.

На платформе, растерянные и обалдевшие от воплей подростков, группкой стояли немногочисленные приверженцы учения Махариши, пришедшие встретить его по случаю предстоящей конференции. Каждый из них держал в руке цветок, чтобы вручить его Махариши. Но толпа, встречавшая «Битлз», буквально смяла их.

Бангор - маленький городок на северном побережье Уэльса. Конференция должна была состояться в здании колледжа. Собралось уже

около 300 специалистов по медитации, даже не подозревавших о приезде «Битлз».

Махариши, казалось, не без удовольствия отнесся к царившему повсюду крайнему возбуждению и беспорядкам. Он был очень добр и вежлив со всеми представителями печати и телевидения. Переговорив с несколькими репортерами, он любезно согласился дать пресс-конференцию. Философия Махариши заключалась в том, что, согласно его взглядам, жизнь состоит из материальных и духовных ценностей. Он не сторонник духовного отшельничества, ухода от мирской жизни. «Но, - говорил Махариши, - без духовного самосознания невозможно вести полноценную жизнь и получать полное удовлетворение от материального начала». В некотором смысле его учение - это нехитрая смесь восточного мистицизма и западного материализма. Чтобы стать последователем Махариши, нет необходимости отказываться от денег или даже плотских удовольствий - разумеется, в определенных рамках. Но при этом необходимо научиться его методам духовной реализации. Это помогает подняться над собой, не отказываясь от обычной жизни.

Во время частной встречи он спросил у трех своих последователей, как подвигаются у них дела с медитациями. Один человек задал ему вопрос, можно ли во время медитации слышать шум автомобилей.

Состоявшаяся затем пресс-конференция была путаной и оставила чувство неудовлетворенности. Пресса, в основном представленная местными корреспондентами общенациональных газет, имела самое смутное представление о том, что происходит. Наверное, очередной рекламный трюк «Битлз». Газетчики решительно отказывались поверить, что кто бы то ни было из «Битлз» всерьез относится к Махариши. Они задавали весьма агрессивные вопросы, словно ожидая от «Битлз» признания, что те затеяли это все ради шутки. «Битлз» же сорвали дружные аплодисменты аудитории, когда вопреки мнению прессы заявили, что относятся ко всему происходящему совершенно серьезно.

В одной из телефонных будок колледжа Джон случайно нашел оброненную репортером бумажку с заголовком «Пол, Джордж, Ринго, Джон Леннон и Джеггер», где описывались детали одежды каждого из них. «Ты занял мое место, - сказал Джон Мику Джеггеру, показывая ему, как репортер назвал каждого из них. - Раньше, когда я был плохой и злой, меня называли просто Ленноном. А теперь я Джон Леннон. Но я не дошел еще до следующей стадии, когда меня будут называть Джон. А ты все еще просто Джеггер».

К воскресному полудню «Битлз» прошли индоктринацию. Они

расслаблялись после умственных усилий, когда пришла весть о смерти Брайена Эпстайна. Махариши специально встретился с ними снова, чтобы оказать им моральную поддержку и объяснить, что смерть, собственно, ничего не значит. Не дожидаясь окончания конференции, «Битлз» сели в машину и отправились назад в Лондон. По первоначальному плану они должны были поехать в Индию и встретиться там с Махариши в сентябре 1967 года, но из-за разных причин, в число которых входил и фильм «Волшебное таинственное путешествие», пришлось передвинуть отъезд на февраль 1968 года.

«Битлз» и «НЕМС» были весьма обеспокоены тем, что внезапно оказались в центре внимания множества организаций, требовавших, чтобы они устроили пресс-конференцию. Задолго до принятия твердого решения посетить Индию начались переговоры о продаже телевидению и радио прав на освещение поездки «Битлз», о создании официального пресс-бюро. Горячий интерес проявляли и представители печати, связанные с Махариши.

Из Индии прибыл направленный правительством официальный представитель и пришел в «НЕМС» с заявлением, что он организовал для «Битлз» поездки в шесть индийских штатов, что он устроит им встречу с госпожой Ганди, премьер-министром Индии. Но «Битлз» менее всего стремились к какой-либо рекламе своего интереса к религии, хотя в искренность их увлечения никто не верил.

Всегда существовали люди, а иногда даже и правительства, которые пытались использовать «Битлз» и их популярность в своих целях. Это случилось в Греции, примерно в то же самое время, в 1967 году. «Битлз» хотели купить в Греции остров. Они видели его во время круиза и даже собрали необходимую сумму денег. В то время из-за валютных ограничений сделать это было очень трудно. Но министерство финансов выдало им специальное разрешение на вывоз валюты из страны.

Поскольку «Битлз» ввезли в Грецию столько миллионов, можно, наверное, было в виде исключения разрешить им купить уединенный остров. О цене договорились. Военная клика, которая в те годы захватила власть в Греции, была им безразлична. Но во время одной из поездок некое официальное лицо обратилось к ним с предложением посетить маленькую тихую деревушку. Приехав, они обнаружили собравшиеся там толпы представителей печати и телевидения. Все это было организовано туристическим агентством, чтобы использовать «Битлз» в качестве приманки. Ребята решили плюнуть на Грецию.

Утверждение, что какое-то правительство решило поухаживать за

четырьмя представителями бит-группы, может показаться преувеличением. Тем не менее многие считали, что именно этим занималось лейбористское правительство, наградив их орденом Британской империи. Собственно, заигрывания с «Битлз» можно было наблюдать уже в начале их карьеры, ребят приглашали посетить прием в посольстве или просили присутствовать при визитах государственных деятелей. Многие правительства рассматривают «Битлз» как приманку для завоевания голосов молодых избирателей.

Возня, которая поднялась вокруг Махариши, не оттолкнула от него «Битлз». Все это, собственно, вообще не имело отношения к Махариши, хотя его естественное стремление шире распространять свое учение приводило к тому, что он часто попадался на удочку прессы и телевидения. Однако «Битлз» и сами хотели помочь ему. Джордж и Джон даже согласились принять участие в телешоу Дэвида Фроста - это был первый случай за два года, когда они согласились выступить по телевидению.

Весной 1968 года Джордж и Джон провели в Индии два месяца, во время которых усердно учились под руководством Махариши. Пол потратил на это же один месяц, а Ринго уложился в десять дней. Он очень тосковал по дому и, как и все остальные, прихватил с собой в Индию небольшой запас вареной фасоли. Однако все «Битлз» нашли, что время, проведенное в Индии, духовно обогатило их.

Несмотря ни на что, тот - 1967-й - год, вобравший в себя ЛСД и встречу с Махариши, оказался для них самым творчески плодотворным. За первые шесть месяцев они записали больше новых песен (всего шестнадцать), чем за первые полгода 1963 года. Они сделали за шесть месяцев столько, сколько за весь 1966 год, - лишнее доказательство пользы прекращения гастролей.

Позднее, в ноябре 1967 года, они выпустили новый сингл «Hello Goodbye», а затем, в декабре, сделали часовой цветной телевизионный фильм «Волшебное таинственное путешествие». Его производство потребовало больше времени, чем сочинение для него песен.

С апреля, когда «Битлз» посетила мысль снять фильм, до сентября они ничего не делали. Потом сели в автобус и отправились в Девон; вместе с ними в том же автобусе ехали сорок три человека, не имевших представления о том, что их ждет впереди. Сценария не было.

Съемки заняли две недели. «Битлз» легкомысленно полагали, что после Девона отснимут какую-то часть ленты в студиях Шеппертона, наивно считая, что могут без предупреждения появиться в Шеппертоне и свалиться туда как снег на голову. Однако вместо этого им пришлось

удовольствоваться летным полем в Кенте.

Самой трудоемкой работой оказался монтаж, который занял одиннадцать месяцев, то есть в одиннадцать раз больше, чем они предполагали. Вдохновителем и руководителем этой работы, как, впрочем, и съемок, был Пол. Он режиссировал каждую минуту монтажа. Остальные чаще всего просто при сем присутствовали, хором распевая песни с каким-нибудь пьяницей, слутайно заглянувшим в монтажную.

При производстве этого фильма они не принимали в расчет никаких привычных установок и законов кинематографа, а включили «полный вперед», не заботясь о приобретении знаний и опыта в этой области. Для «Битлз» это было совершенно новое дело. Важнее всего, быть может, оказалось то, что они впервые делали его совершенно самостоятельно, без бдительной режиссуры Брайена Эпстайна и мудрого ока Джорджа Мартина.

В Британии фильм был показан по Би-би-си на Рождество 1967 года и транслировался во многие страны Европы, Южной Америки, Австралии и Японии. Отсутствие сюжета и режиссуры, конечно, сказалось и вызвало яростные нападки большинства телевизионных критиков Великобритании. «Дейли экспресс» назвала фильм «вопиющей чепухой» и «безвкусной ахинеей». Предварившая выход фильма пышная реклама способствовала тому, чтобы все зрители напрочь забыли, что это всего лишь эксперимент. От фильма ожидали слишком много. Впервые за пять лет «Битлз» подверглись беспощадной критике, не стеснявшейся в выражениях.

Задолго до появления фильма «Битлз» почти забыли о нем, успев сделать соответствующие выводы из своей непрофессиональности, хотя Пол в глубине души все-таки надеялся, что фильм понравится. Между тем они приобрели опыт, достаточный для того, чтобы взяться за полнометражный художественный фильм.

Если не считать неудачи на телевидении, год был хорошим. «Sergeant Pepper» многие рассматривали как их наивысшее достижение. Музыкальный критик газеты «Таймс» Уильям Манн занял тридцать квадратных дюймов газеты, чтобы объявить, что это наивысшее творческое достижение в истории поп-музыки.

Год начался с поисков самих себя, а закончился объединением, хотя группа осталась без менеджера. Но «Битлз» нашли Махариши. И, наконец, они начали формироваться как творческие индивидуальности, приводить в порядок свои мозги, свои дома и свою деятельность. Что прямиком приводит нас в 1968 год.

Часть 3. СЕГОДНЯ

28. Друзья и родители

На ливерпульских домах, в которых родились «Битлз», пока еще не установлены голубые мемориальные доски, хотя тысячи поклонников ежегодно совершают паломничество, приезжая посмотреть на эти дома. В Ливерпуле остался лишь один из родителей «Битлз», зато там живет один бывший член группы, Пит Бест.

Пит Бест женился, у него двое детей. Он живет одним домом с тещей и тестем, работает в пекарне резчиком и получает за это 18 фунтов в неделю. После того как он расстался с «Битлз», Пит играл в других группах, но в 1965 году навсегда покончил с шоу-бизнесом. Целый год он вообще ничего не хотел делать, не встречался с людьми и превратился в полного отшельника. Он отклонил выгоднейшие предложения рассказать историю своей жизни. Его воспоминания о Гамбурге, об их девушках, попойках, пирушках и пилюлях, несомненно, принесли бы ему богатство.

– А что бы дали мне эти воспоминания, кроме денег? Их приняли бы за элементарную зависть - мол, зелен виноград. Я хотел попытаться сам построить свою жизнь, но на это нужно было время. Больше всего меня пугала человеческая жестокость. Встречаясь с людьми, я заранее догадывался, что они скажут, что у них на уме: парень-то - неудачник. Это угнетало меня, давило на психику. Люди были грубы со мной, говорили мне гадости.

Пит сдался. Усталый и опустошенный, раздавленный тяжестью обиды, он сидит вдвоем с матерью перед телевизором. Отпустив длинные волосы на манер «Битлз», он ходит в кожаной куртке и джинсах, как в славные гамбургские времена. Миссис Бест отказалась от какой бы то ни было деятельности в области шоу-бизнеса, но по-прежнему полна энергии. Она все еще настаивает на том, что «Битлз» расстались с Питом Бестом, потому что завидовали ему.

– Я всегда знал, - говорит Пит, - что они великолепны, что их ждет успех. Тем больше мне было, тем обиднее. Понимать, что я теряю! Сначала я действительно страшно мучился. Они вышвырнули меня как котенка. Я больше не хотел видеть их, никогда в жизни. Решил: буду работать, как все, может, стану преподавателем - и все дела. Но теперь я думаю иначе. Я доволен. У меня много прекрасных воспоминаний. Мы пережили вместе великие времена. И я благодарен за это. А потом наступил Судный день.

Гамбургские клубы по-прежнему полны британскими группами, но

Клауса там больше нет. Он теперь входит в состав британской группы «Манфред Манн». Его восхищение «Битлз» привело к тому, что он поехал за ними в Англию и стал членом их группы, хотя не умел играть ни на одном музыкальном инструменте, кроме фортепьяно. Клаус по-прежнему дружит с ними. Джордж сочинил одну из своих песен в его доме. Клаус немного рисует: он сделал конверт долгоиграющей пластинки «Битлз» «Revolver».

Астрид, как и раньше, живет в Гамбурге, но фотографию оставила. Ее тошнит от газет, говорит она и категорически отвергает все предложения написать воспоминания о «Битлз».

Она служит в баре небольшого и весьма своеобразного ночного ресторанчика. Астрид вышла замуж за Гибсона Кемпа, бывшего участника бит-группы, уроженца Ливерпуля. Одно время он играл в трио с Клаусом. Комнату Стю Астрид оставила в неприкосновенности. Там темно и жутковато. Горят свечи.

С 1945 года, когда Джону было пять лет, вплоть до 1964 года Фред Леннон не утруждал себя попытками увидеть сына или хотя бы что-нибудь о нем разузнать. Фред мыл посуду в гостинице в Эшере. «Однажды уборщица сказала мне: «Я буду не я, Фредди, если это не твой сын». Она сказала, что в этой группе есть парень с такой же фамилией, как у меня, и голос у него похож на мой, только, конечно, хуже. Я никогда о них ничего не слышал».

По пути из дома или возвращаясь обратно в Вейбридж, Джон, должно быть, не раз проходил мимо гостиницы, в кухне которой его отец мыл посуду.

Когда Фред удостоверился, что тот парень - его сын, он, не медля ни секунды, помчался во все газеты давать интервью. Фред уверяет, что вся эта реклама была ему совершенно ни к чему. Так уж получилось. Да, так уж получилось, что газета «Тит битс» заплатила Фреду 40 фунтов за историю его жизни. Так уж получилось, что он записал долгоиграющую пластинку. Он говорит, что пластинка не принесла ему ни пенни. «Если хотите знать, я на ней даже потерял, - говорит Фред. - Они заставили меня привести в порядок зубы. А это обошлось мне в 109 фунтов. Я все еще их выплачиваю, по десять фунтов в месяц».

У него состоялась короткая двадцатиминутная встреча с Джоном, после которой его выпроводили. Фред пытался снова увидеться с ним и однажды заявился к Джону домой без предупреждения, но дверь захлопнули прямо перед его носом. Маленький, но в высшей степени элегантный человек. Густая шевелюра с проседью, которую он щеткой

зачесывает назад, придает ему вид бывшего актера. Ему пятьдесят пять лет, он весел и молодежлив. «Знаете, я все еще пользуюсь успехом у девушек. Они считают, что я красивый парень. Я знаю, что Джон ужасно боится старости. Можете передать ему от меня: я моложе, чем он».

Фред очень внимательно следил за дальнейшими успехами Джона. «Он подвел меня только дважды. Первый раз - когда принял орден Британской империи. Я бы этого в жизни не сделал. Меня не купить. Даже королеве. А второй раз - когда он отказался выступить на литературном ленче у Фойла. На его месте я бы выступил, а заодно еще и спел бы».

Начиная с 1964 года Фред утверждает, что больше всего на свете хочет оказать Джону достойный прием. «Чтобы он просто увидел, что я за парень на самом деле». В помощи сына он не нуждается. «Если бы Джон вдруг ее предложил».

Как только Джон узнал, что Фред помнит многое о Джулии и его детстве, состоялось великое примирение. Они встретились и стали друзьями, к вящему удовольствию Фреда. Уже в начале 1968 года он перестал мыть посуду в ресторане и теперь живет в очаровательной квартире на средства Джона.

Мими обитает в роскошном особняке недалеко от Борнмута, разделяя одиночество с котом Тимом, которого много лет назад Джон подобрал на улице. Дом стоит на самом берегу моря - очень светлый, сверкающий в лучах солнца, окруженный великолепным садом, лестница из которого спускается прямо на пляж. Особняк стоит 25 000 фунтов.

Ни фасад, ни задняя стена дома с улицы совершенно не видны. Заглянуть в жизнь Мими можно только летом, когда начинается навигация. Теплоходы проплывают мимо ее дома, и она слышит, как в мегафон объявляют: «А вот этот дом с полосатыми занавесками принадлежит Джону Леннону. Женщина, которая там сидит, - Мими». Услышав это в первый раз, она настолько рассвирепела, что подбежала к самому берегу и закричала: «Заткнитесь!» В ответ на теплоходе рассмеялись.

В остальной жизни ее течет совершенно спокойно. Правда, поклонники стащили несколько фонарей, стоявших перед домом. Иногда они пытаются сфотографировать ее или дом, но не более того. Номер телефона и адрес в справочниках не значатся.

Большая часть мебели в особняке сработана под старинную. Выглядит она прекрасно, хотя Мими перевезла ее сюда из своего старого ливерпульского дома. «Я немало потрудились над всем этим», - заверяет Мими. Когда один из репортеров как-то навестил ее в старом ливерпульском доме, он, оглядевшись по сторонам, заметил, что у нее

очень уютно. «Как мило со стороны Джона, что он купил вам все это», - восхитился он и был немедленно выгнан.

В доме довольно много хороших книг - классика и биографии. Мими только что прочла «Макса» лорда Дэвида Сесила. Романы она не слишком жалеет.

Орден, полученный Джоном, она положила на телевизор, хотя ее беспокоит, как бы кто не подумал, будто она неуважительно относится к королевской семье. В один из своих приходов Джон приколот орден ей на платье, заявив, что она заслуживает его гораздо больше, чем он.

На стенах холла и спальни она развесила несколько их Золотых дисков, хотя не в таком количестве, как это сделали родители других «Битлз». У Мими есть дощечка, подарок Джона, с выгравированной на ней фразой, которую она твердила в его отроческие годы изо дня в день: «Гитара - это прекрасное хобби, Джон, но на жизнь ты с ней не зарабатываешь».

Мими не очень-то хотела уезжать из своего дома в Ливерпуле.

– Я была абсолютно довольна. Дом мне нравился. Я ухлопала на него сотни фунтов. Джон приставал ко мне два года, а потом наконец сказал: «Ну ладно, бог с тобой, оставайся». Но когда другие родители стали переезжать в новые дома, Джон снова принялся за свое.

«Глупыш, - сказала я ему. - Ну что ты от меня хочешь?» Мы тогда оказались с ним вместе в Лондоне по случаю премьеры первого фильма. Он спустился завтракать и сказал: «О'кей, я еду искать тебе дом. Где ты хочешь жить?» «В Борнмуте», - ляпнула я, просто чтобы сказать что-нибудь. Он, не сходя с места, тут же позвонил своему шоферу Энтони и сказал, чтобы тот достал карту Борнмута, поскольку мы сейчас туда поедem. «Ну что же, - подумала я, - забавно будет прокатиться». Список домов мы взяли в фирме «Рамзей». Ездили-ездили, но все дома стояли далеко от моря и поэтому мне не нравились. «Вот и хорошо, - подумала я, - сейчас поедem домой». А потом вдруг агент, который сопровождал нас, вспомнил, что только что освободился один особняк около моря. Хозяева еще не выехали из него, и я стеснялась входить в дом, особенно из-за того, что Джон был в потертых джинсах с дырками и старой замшевой курточке, которую я купила ему в незапамятные времена, она ему теперь на нос не налезала. А на макушке у него торчала нелепая фуражка для занятий парусным спортом. «Джон, - попросила я, - неудобно, давай уйдем». Но Джон возразил, что это самый что ни на есть обыкновенный буржуйский дом. «Будь осторожна, Мими, - сказал он мне, - а то и ты станешь такой же обыкновенной буржуйкой». Потом он независимой походкой вошел в этот дом и спросил: «Как ваше здоровье? Можно посмотреть дом?» - Хозяева

оторопели. Джон сказал: «Тебе нравится, Мими? Если нет, то я беру его себе». Он позвонил своему бухгалтеру, и дело было сделано.

Мими въехала в особняк в октябре 1965 года. Она продала свой старый дом в Ливерпуле за 6000 фунтов, - ей дали хорошую цену, хотя Мими говорит, что прекрасный дом в хорошем районе и не мог стоить дешевле.

Дом в Борнмуте записан на имя Джона, но будет принадлежать Мими столько времени, сколько она захочет. Джон оплачивает все счета. Пусть она тратит свои шесть тысяч на что хочет, заявил он, но Мими ответила, чтобы он не валял дурака.

– Я здесь блаженствую. Когда-то я мечтала, как Джордж уйдет от дел и мы переедем на южное побережье. С тех пор как я здесь поселилась, я забыла, что такое зима. Для соблюдения приличий мне пришлось выпить по рюмочке кое с кем из соседей, но у меня нет желания заводить новые знакомства. Я много гуляю, читаю. День кажется мне слишком коротким.

Сыновья резко изменили материальное положение родителей, которые реагировали на это по-разному. Мими, наверное, оказалась единственной, чье отношение к Джону несколько не изменилось. Она обходится с ним как и прежде, в то время как другие едва ли не преклоняются перед своими сыновьями-героями. Мими все так же недовольна манерой Джона одеваться, его видом, как и в те времена, когда ему было четырнадцать лет. Она выговаривает Джону, если он слишком поправляется, и не позволяет сорить деньгами. «Он совершенно бесхарактерный в отношении денег. Любой может обобрать его. Щедр до глупости. Я ему всегда об этом говорю».

Другие родители никогда не осмеливаются критиковать своих детей.

Мими недовольна речью Джона. «Бормочет что-то невнятное, - утверждает Мими, - никогда не заканчивает фразу. И при этом говорит все хуже и хуже. Я вообще иногда не понимаю, что он хочет сказать. Перескакивает с одного на другое».

Она видит его нерегулярно, но он всегда присылает ей из-за границы смешные письма с маленькими рисунками на конверте, специально для нее. Она бережно хранит их в письменном столе. Когда Джон навещает ее, он перерывает все вверх дном, просто чтобы посмотреть, что она делала, пока его не было. У нее хранятся все книжки, которые он сочинял в детстве, и Мими часто перечитывает их.

– Это совершенно то же самое, что он потом издавал. Всякие каракули, как я их называла. Раньше-то он лучше писал. Я до сих пор умираю со смеха, когда читаю некоторые его стихи.

Окружающая роскошь почти не повлияла на образ жизни Мими. Она

говорит, что с удовольствием отказалась бы и от этого шикарного дома, и от славы Джона, лишь бы только он снова стал ее малышом.

– Я отдала бы 2 миллиона фунтов, если бы можно было вернуть прошлое. Конечно, я эгоистка. Мне он всегда представляется маленьким мальчиком. Я знаю, это глупо. Но ничто не сравнится с теми радостями, которые он приносил мне в детстве.

Мими, конечно, хотелось бы видеть Джона чаще, но она никогда в этом не признается, никогда не будет «виснуть на нем».

– Он не виноват, что я вдова. Для молодого человека нет ничего хуже, чем чувствовать на себе какую-то обузу. Он должен жить своей жизнью. Ему надо думать о своей жене и своей семье. Он знает, что я здесь, и навещает меня, когда может. Летом он просидел у меня на крыше четыре дня. Я только и делала, что бегала вверх и вниз с разными напитками. Джон не выставляет своих чувств напоказ. Никогда. Но однажды вечером он сказал, что хоть и не приезжает ко мне каждый день или даже раз в месяц, но всегда думает обо мне, где бы он ни находился. Для меня это очень важно.

Когда в 1964 году Пол сообщил Джиму Маккартни, что тот может бросить работу, это был самый счастливый день в его жизни. Джиму не надо было повторять предложение дважды. Ему перевалило за шестьдесят, до пенсии оставалось протрубить еще три года. Он работал все в той же хлопковой фирме, где начал трудиться в четырнадцать лет, и службой своей был сыт по горло. Жалованье Джима, несмотря на огромный стаж и опыт, составляло 10 фунтов в неделю. Падение цен на хлопок в последние годы сделали его положение неустойчивым. Он все время боялся, что его выгонят, а на его место возьмут более молодого человека.

Пол подыскал отцу дом стоимостью в 8650 фунтов в Вирэл, в Чешире. А еще через год Джим после десятилетнего вдовства женился во второй раз.

Прежде чем сделать Анджеле предложение, он виделся с ней всего три раза. Она была вдовой, гораздо моложе его, воспитывала пятилетнюю дочь Рут. Ее муж погиб в автомобильной катастрофе, и Анджела жила в одной комнате в Керби. «Мы оба были очень одинокими людьми».

Джим и Анджела очень счастливы. Джим обожает Рут, удивительно умную юную леди, которая считает, что те девчонки в школе, которые постоянно пристают к ней с расспросами о ее знаменитом сводном брате, ужасно глупые. Энджи - бодрая, остроумная, пылкая натура. Она великолепно руководит жизнью большого дома и водит машину, поскольку Джим этому не научился. Анджела подарила ему вторую молодость. Он

носит модные, плотно облегающие свитера-водолазки и брюки-дудочки, точно такие, из-за которых в свое время ополчался на сына.

Майкл, брат Пола, по-прежнему живет дома.

– Я только что отнесла Майклу надувной матрац и три листа копировальной бумаги, - говорит Энджи.

– Очень благородно с твоей стороны, - отвечает Джим.

– Он хочет еще несколько трехфунтовых мешков муки. Он роняет мешок на доску для хлеба и записывает этот звук на магнитофон. У него потрясающая спальня, но не дай бог увидеть, что там творится. А как ты думаешь, зачем это все ему надо? Что он записывает?

– Звук, раздающийся при падении трехфунтового мешка муки на доску для резания хлеба.

После того как Пол купил этот дом, на него пришлось потратить еще 8000 фунтов, чтобы провести центральное отопление, сделать ремонт и заново его обставить. Дом стоит в просторном саду с изумительным видом на реку Ди, впадающую в море. И хотя все в этом доме новое, здесь почему-то очень уютно и каждый уголок полон жизни. Джим и Энджи совершенно не боятся получать удовольствие от свалившейся на них роскоши.

– Конечно, я скучаю по Ливерпулю, некоторым из моих старых друзей, но не слишком сильно. Мне уже порядком надоело постоянно слышать один и тот же вопрос: «Ну как, вы, наверное, очень гордитесь, что у вас такой знаменитый сын? Это, должно быть, здорово?» Больше меня ни о чем не спрашивали - все одно и то же, снова и снова. Я порвал с такими людьми. Но близким друзьям и родным я часто звоню, и они ко мне приезжают.

К своему врачу Джим обращается по имени, а иногда даже называет Пипом - такое у него прозвище. Он делает это совершенно естественно, без натуги. Как только звонит Пип, Джим немедленно достает виски. У него два садовника, которые работают неполный рабочий день, но Джим и сам с большим удовольствием ухаживает за зимним садом. Он выращивает виноград, делает домашнее вино; всегда может похвастаться большим выбором напитков; берет в библиотеке книги по орнитологии и доподлинно знает, какие птицы поют у него в саду. Он стал также экспертом по белкам.

Если не считать легкого ливерпульского акцента, то, наблюдая его образ жизни, манеру одеваться и излюбленные развлечения, трудно поверить, что более сорока лет этот человек прожил в жалких комнатухах убогого муниципального строения, зарабатывая около 10 фунтов в неделю. Чаще всего его можно встретить на скачках. Он выглядит как настоящий

джентльмен.

Возможность оставить работу, жизнь в прекрасном доме, но более всего удачный брак сделали Джима совершенно счастливым. Однако самая большая радость ждала его в день рождения, когда ему исполнилось шестьдесят два года. Именно в этот вечер, 6 июля 1964 года, состоялась премьера первого фильма «Битлз». - Мы все потом отправились в Дорчестер. Там была принцесса Маргарет. Я видел, как Пол помахал кому-то и ему передали какой-то пакет. Пол сказал: «Это тебе, отец, с наилучшими пожеланиями». Я развернул пакет и увидел фотографию лошади. «Спасибо, - поблагодарил я, - очень мило», а про себя подумал: на кой черт мне эта фотография? Пол будто угадал мои мысли и добавил: «Это не просто фотография. Я купил тебе эту чертову лошадь. Она теперь твоя, понимаешь, и в субботу участвует на скачках в Честере».

Эта лошадь, знаменитый рысак Дрейкс Драм, обошелся Полу в 1050 фунтов. Пол оплачивает также его тренинг - 60 фунтов ежемесячно. В сезоне 1966 года Дрейкс Драм выиграл более 3000 фунтов, включая приз в 1000 фунтов в Ньюбери, а также скачки, состоявшиеся в Эйнтри непосредственно перед знаменитыми скачками «Грэнд Нэшенл».

Жизнь Джима теперь - сплошное наслаждение. Как и у всех родителей «Битлз», у него есть счет, с которого он в любой момент может взять любую сумму денег. Он не хвастается богатством и не кичится своим благосостоянием, но, пожалуй, получает от них больше удовольствия, чем все остальные.

— Конечно, все это свалилось на меня нежданно-негаданно, ведь мне уже исполнилось шестьдесят два года. Понадобилось время, чтобы я привык к новой жизни. Теперь-то я себя чувствую как рыба в воде. Я не стал говорить на манер аристократов: не растягиваю слоги, не произношу «О-о-о-о, не-е-ет», но получаю от жизни колоссальное удовольствие. Кажется даже, что так было всю жизнь.

Брату Пола, Майклу Маккартни, потребовалось больше времени, чтобы привыкнуть к коренным переменам в жизни. Пол и Майкл всегда были очень близки, и по возрасту, и по вкусам, - больше, чем, скажем, Джордж со своими братьями, - и это осложняло жизнь Майкла. «Наверное, я не мог не испытывать влияния нашего мальчика. Он всегда имел успех. Во всем был первым, самым красивым, ему доставались все девушки, а потом и вся слава».

В Ливерпуле фанатики уже несколько лет гоняются за его автографами только потому, что он младший брат Пола. Майкл же решительно подписывается «Майкл Макгир», к полному разочарованию поклонников

Пола. Обычно он вообще отказывается признавать свои родственные связи с Полом. «Ну что ты, милый, хотел бы я быть его братом. Я бы тогда купался в деньгах, а?»

Теперь Майкл Макгир становится все более известным; для этого ему потребовалось немало потрудиться. «Макгиром» он стал, когда вступил в группу «Скэффорд» в 1962 году. Начало было бурное, они снялись в телевизионном сериале, длившемся двадцать семь недель, а потом вдруг все застопорилось, остались лишь редкие приглашения участвовать в местных театральных постановках. Так длилось до 1967 года, когда они выпустили пластинку «Thank U Very Much», которая попала в первую десятку хитов. Это повлекло за собой новые шоу и новые пластинки. Майкл хорошо поет, умеет сочинять, но считает все это второстепенным, пытаюсь придумать что-то совершенно необыкновенное.

– Я не стремлюсь стать знаменитым - просто хочется добиться успеха самому, в своем собственном деле. Мне всегда меньше всего хотелось оказаться в положении брата Сина Коннери, брата Томми Стила - словом, брата, следующего по стопам своего брата.

Семья Харрисон живет на окраине Уоррингтона. Они переехали сюда из Ливерпуля в 1965 году, когда мистер Харрисон перестал работать водителем автобуса. Добившись успеха, ливерпульцы, как правило, переезжают не в Уоррингтон. Они предпочитают оказаться на другой стороне реки («переехать через воду», как они выражаются), в фешенебельных районах Чешира, как это сделал, например, Джим Маккартни. Уоррингтон, расположенный в пятнадцати милях и от Ливерпуля, и от Манчестера, представляет собой один из бесчисленных промышленных городков Ланкашира, где даже в самый солнечный день все серо.

Харрисоны, однако, живут не в самом Уоррингтоне, а в местечке Эплтон, в трех милях от него. Их дом стоит особняком посреди полей, вдали от всякого жилья, - настоящий деревенский оазис. Дом Харрисонов - самый недоступный из всех, принадлежащих родителям «Битлз», - до него труднее всего добраться.

Он имеет форму буквы «L», с садом площадью в три акра, которые еще совсем недавно были обычным полем. Теперь здесь два раза в неделю работает садовник, приводя землю в порядок. Новые хозяева называют свой дом «бунгалом», но в нем есть комната и на втором этаже. «Комната» тянется во всю длину дома, то есть на тридцать два фута. Этот зал Харрисоны используют для вечеринок или показывают в нем кинофильмы.

Джордж заплатил за дом 10 000 фунтов. Вместе с разными

усовершенствованиями, такими, например, как новая открытая лестница или солярий, он стоит теперь 20 000 фунтов. А если бы такой же дом находился в Борнмуте, рядом с Мими, то наверняка его цена потянула бы на все 40 000.

Дом обставлен современной мебелью, пол застлан толстыми коврами; стены украшены яркими безделушками, привезенными со всех концов света. Но эти сувениры прислал Харрисонам не сын, как в других домах родителей «Битлз», а многочисленные поклонники Джорджа. В отличие от других домов здесь вас также не поразит количество Золотых и Серебряных дисков, присужденных группе «Битлз». Вместо них на стенах красуются всякого рода грамоты, присужденные Луизе и Харолду Харрисон.

На одной из стен висит большая золотая пластина с выгравированными на ней словами: «Подарено Харолду и Луизе Харрисон в благодарность за постоянную бескорыстную помощь, которую они всегда и повсюду оказывали поклонникам «Битлз». Объединение поклонников «Битлз». Помона, Калифорния, 1965г».

Родители Джона, Джорджа и Пола считают, что у миссис Харрисон не все в порядке с головой. Они никак не могут взять в толк, зачем она тратит столько времени на болельщиков «Битлз», когда в этом нет никакой необходимости. Но миссис Харрисон фанатична, когда речь заходит о болельщиках, - она, если угодно, болельщица болельщиков.

Она пользуется каждой свободной минутой, чтобы отвечать на их письма. Сидит и пишет до двух часов ночи, по двести штук в неделю, - не какие-то отписки, а подробные письма на двух страницах каждое. И это не считая фотографий, которые она тоже рассылает. На почтовые расходы у Харрисонов уходят внушительные суммы.

– Я отвечаю на все письма сама, если только они не от явных психов. Если письмо на испанском языке, то я внимательно изучаю его и выбираю такие слова, которые мне понятны, например «admiro». Благодаря этому слову я могу сделать вывод о содержании письма и высылаю в ответ, например, подписанную фотографию.

Мистер Харрисон каждый месяц ездит в штаб Клуба болельщиков «Битлз» в Ливерпуле, чтобы забрать оттуда новую кипу фотографий, - не меньше двух тысяч в месяц.

– С самого начала я получала такие милые послания от поклонников, а чаще даже от матери какого-нибудь из почитателей «Битлз». «Дорогая миссис Харрисон, вы даже не представляете себе, что означает для нас ваше письмо. После того как мы столько лет писали по каким-то

несуществующим адресам в несуществующие клубы и ни разу нам никто не ответил - получить письмо от самой мамы Джорджа! Моя дочь прыгала до потолка». Так что, понимаете, я должна продолжать это дело. Конечно, было время, когда я просто физически не могла ответить на все письма. В 1963 и 1964 годах мы получали по 450 писем в день со всего мира. В день рождения Джорджа, когда ему исполнился двадцать один год, пришло 30 000 открыток, а вокруг дома шумела тысячеголосая толпа поклонников. Пришлось вызвать полицейского, который чуть в обморок не упал, когда увидел, что подростки целуют ручку двери. «Неужели у вас постоянно такое творится? - спросил полицейский. - Я бы сошел с ума». В течение многих лет почта отправляла нам письма в специальном фургоне, сейчас все немножко пошло на спад. Мне кажется, что 200 писем в неделю - это вполне достаточно, и я могу с ними справиться, если не дам себе поблажки.

От поклонников, с которыми переписывается миссис Харрисон, можно ожидать любых неожиданностей. Только недавно, например, пришлось оказать гостеприимство одному американскому семейству, приехавшему специально, чтобы повидаться с ней.

– Они совершали двухнедельный тур по Европе и заезжали в Священный город. Британия не входила в их маршрут, но они решили из Парижа отправиться самолетом в Манчестер, а уж оттуда добрались до нас на такси, и все это с единственной целью - познакомиться с нами. Да, у нас здесь не соскучишься.

Миссис Харрисон всегда любила писать письма, она пристрастилась к этому занятию задолго до того, как Джордж стал членом группы «Битлз». У нее есть две корреспондентки, с которыми она переписывается уже тридцать лет. Она узнала их имена и адреса через журнал «Уимензкомпанион». Одна из корреспонденток живет в Барнсли, другая - в Австралии. Миссис Харрисон обменивается с ними всеми семейными новостями начиная с 1936 года. Когда «Битлз» оказались в Австралии, на страницах газет стали появляться фотографии маленького Джорджа. Никто не мог понять, как они сюда попали. Сам Джордж отродясь их в глаза не видел. Конечно же, их дала корреспондентка миссис Харрисон, которая выкопала фотографии Джорджа, посланные ей его матерью много лет тому назад.

– Многие думают, что из-за Джорджа мы сильно изменились. Недавно мы побывали на свадьбе одного из поклонников «Битлз», и там нас спросили: «Вам, наверное, скучно с такими, как мы?» Наверное, они иначе как в норковых шубах нас не представляют. Мне кажется, они даже хотят, чтобы мы стали другими, не знаю почему. Когда Харри еще работал, он

постоянно слышал: «Только не говорите мне, что вы все еще работаете». А теперь, когда он не работает, они убеждены, что мы просто обязаны перемениться. Никак не угодишь.

Мистер Харрисон ушел на покой в 1965 году, проработав водителем автобуса тридцать один год. «Я водил здоровую махину, экспресс. Он пересекал Ливерпуль на большой скорости, - важно было не попасть в заторы. «Сколько же ты получаешь за то, что водишь «пятисотку»?» - спросил меня однажды Джордж. «Десять фунтов и два шиллинга», - ответил я ему. «В день?» - спросил Джордж. «Нет, в неделю». Джордж выругался. «Я заплачу тебе втрое, чтобы ты ничего не делал. Продлишь себе жизнь по крайней мере на десяток лет».

Каждое лето семью Харрисон приглашают на открытие праздника садоводов, устраиваемого Римской католической церковью. Миссис Харрисон в церковь, вообще-то, не ходит, но поскольку она родилась католичкой, то считает себя обязанной помогать церкви.

– К югу мы доезжали аж до Солсбери. Как называлось это место к северу от Лондона, Харри? Черт подери, забыла. Харпенден, вот как! Местные газеты рекламировали наш приезд, сообщали, будто мы откроем праздник. Они всегда так делают.

Мы принимаем участие в жюри конкурсов красоты. Помогаем инвалидам, слепым, ну и церкви. Важно помогать, все равно кому. Обычно в своей маленькой речи я говорю, что очень рада быть здесь в такой момент, когда могу оказать посильную помощь. Джордж и остальные ребята просят не забывать их и передают всем наилучшие пожелания.

Потом нам приходится буквально выдерживать осаду. Но нам это нравится. Чтобы помочь, я готова на все.

Родной отец Ринго, тоже Риччи Старки, редко видел сына после того, как развелся с его матерью, - Ринго было в ту пору пять лет.

Ринго считает, что в зрелом возрасте он видел отца лишь один раз. Это было в 1962 году, когда Ринго еще не стал членом группы «Битлз», а играл с Рори Стормом.

– Однажды, когда я позвонил, он оказался у Старки, - говорит Ринго. - Я ничего против него не имел, - не маленький. Отец удивился: «Смотри-ка, у тебя есть машина». Я как раз купил тогда «зодиак». «Хочешь взглянуть?» - «Хочу». Мы вышли, и он осмотрел мою машину. Все. С тех пор я его не видел и не слышал.

Впоследствии отец Ринго уехал из Ливерпуля; сейчас он живет в Крю и работает шеф-поваром в кондитерской. Подрабатывает также мойщиком окон. Он опять женился, но детей в его новой семье нет. Ринго -

единственный сын, а дети Ринго - единственные внуки. Он собирает их фотографии, вырезая из газет, когда они там появляются. Он совершенно не завидует сыну и жалеет лишь об одном: что его отец, обожавший маленького внука Риччи, не дожил до этих счастливых времен. В семье его называют Старшим Риччи, а Ринго - Младшим Риччи.

С самых первых проявлений славы Ринго его отец стал сторониться не только какой бы то ни было рекламы, но и самого Ринго, что может вызвать только уважение. Когда люди замечают сходство их имен и фамилий и спрашивают, имеет ли он отношение к Ринго, Риччи Старший отвечает, что он его дядя. Впрочем, он признается, что хотел бы одним глазком взглянуть на сына.

– Но я тяжел на подъем. Меня не так-то легко сдвинуть с места.

Однако, когда Харри Грейвз, отчим Ринго, появляется на страницах газет рядом с Ринго и под фотографией написано «Отец Ринго», Риччи Старший недоволен, хотя Харри, конечно, ни в чем не виноват. Ринго хотелось бы поправить ошибку, но, с другой стороны, он вовсе не жаждет, чтобы пресса дозналась, кто он и где живет. Он не желает быть причастным к славе Ринго.

Спокойный и ироничный по отношению к себе, он очень напоминает Ринго. Отец и сын похожи друг на друга чертами лица, в особенности формой носа. И что совсем странно, если учесть, что они никогда не жили вместе, - они оба терпеть не могут лук.

Мать Ринго, Элси, и его отчим Харри Грейвз живут в фешенебельном районе Ливерпуля Вултоне, в одном из роскошных домов, которые можно было бы продемонстрировать на выставке «Идеал домашнего очага». Дом стоит 8000 фунтов. Найти его помогла Мэри Мэгуайер из Дингла, подруга детства Ринго. Совсем рядом чинно расположились лучшие кварталы Вултона, где жили Эпстайны. Элси и Харри - единственные из родителей «Битлз», которые остались в Ливерпуле.

Дом стоит далеко от дороги, окружен почти акром земли, густыми газонами и розовыми кустами. В этом районе все дома выглядят как выставочные экспонаты, в которых, кажется, никто не живет, в противоположность многолюдному Динглу, где принято переговариваться друг с другом из окон или собираться поболтать у дверей каждого дома.

Ринго со вкусом обставил дом. На стене висят в очень дорогих рамках два Золотых и три Серебряных диска «Битлз». Над телевизором - фотография Риччи с Морин и одним из детишек.

– Когда я вспоминаю прошлое, - говорит Элси, - я думаю, что самым большим потрясением для меня был тот первый концерт в «Палладиуме».

Когда я сидела в публице и слышала, как все эти лондонцы вопили в голос. Конечно, две премьеры фильмов - тоже приятно. И прием, оказанный им в Ливерпуле. Все ребята были такие чудесные. Вообще есть что вспомнить. И вот что я вам скажу: все это ни капли не вскружило Ринго голову. Он нисколько не изменился. И Морин спокойная, естественная, какой была всегда.

– Мне, пожалуй, больше нравилась их ранняя музыка, - признается Харри, - рок-н-ролл. Но ведь и на месте стоять нельзя. В их деле это необходимо. Теперь мелодии «Битлз» приходится слушать очень внимательно, и лучше не один раз.

Родители Ринго последними переехали в новый дом.

– Я всегда говорила, что никуда переезжать не стану. Мне очень по душе были наши соседи по Динглу. И даже когда мальчики стали знаменитыми, соседи к нам не переменились. Это был наш дом. Но поклонники нас просто одолели. В конце концов не оставалось никаких сил. Теперь все немного утихло, и здесь, конечно, нам легче. Но мальчикам очень трудно. Я видела, как Риччи сидит в потемках, потому что боится выйти на свет. Разве это не ужасно? Но ведь всем приходится чем-то жертвовать. Я решила, что в Вултоне мне будет спокойнее, я буду больше принадлежать себе. Я никогда не переносила всякую рекламную шумиху, назойливых репортеров, людей, которые без конца приглашают меня что-то открывать или что-то закрывать. Здесь тихо. И никто не знает номера моего телефона.

Всех родителей «Битлз» объединяет ненависть к рекламе. Никто из них не соглашается давать интервью. Они не хотят говорить о чем-то, что может вызвать раздражение их сыновей. Больше всего это относится к Элси и Харри. Ринго предупредил мать, чтобы она не распространялась о том, что его глаза всегда лучатся солнечным светом.

Да, Харрисонам приятно оказывать внимание болельщикам, Джим Маккартни увлечен новыми интересами, заполнившими теперь его жизнь, Мими грезит о новой встрече с малышом Джонни, а вот Элси и Харри все еще не освоились с чудом, которое свалилось на их головы. Они почти не верят в свои возможности, по-прежнему сто раз подумают, прежде чем что-то предпринять, хотя и любят получать удовольствия.

Харри перестал работать для ливерпульской Корпорации маляров и декораторов в 1965 году, в возрасте пятидесяти одного года.

– Я мог бы при желании работать для них еще четырнадцать лет. В Корпорации ко мне относились отлично. Они гордились мальчиками не меньше, чем я, но, конечно, надо мной подшучивали. «Тебе, ясное дело, не

надо стоять в очереди за зарплатой» - и прочее в таком роде. Риччи долго приставал ко мне, чтобы я ушел с работы. Но я был против. А потом один из его приятелей увидел меня на лестнице высотой в сорок футов, когда я красил дом, и вот тогда Риччи заставил меня бросить работу. Время тянется теперь медленно. Я отремонтировал наш дом. Может быть, еще что-нибудь сделаю, а может, и найму кого-нибудь, - мы в состоянии это себе позволить. Приходится привыкать к новой жизни. Уже начинаю. Садик-то навсегда при мне останется, да и еще какие-нибудь делишки по дому найдутся.

По вечерам они смотрят телевизор, играют в лото или идут потанцевать. Ужин с танцами - это для них нечто новое и весьма привлекательное. Во время танцев они познакомились с разными деловыми людьми из своего нового района; но обычно в конце концов выясняется, кто они такие, и им приходится давать автографы. Харри делает это с удовольствием, а Элси не любит.

- Недавно я навещал своих родственников в Ромфорде, - говорит Харри. - Я пошел в школу со своим племянником, у них был детский концерт. Тут выплыло, кто я такой, - знаете, как это бывает, - и кончилось тем, что мне пришлось дать 300 автографов. Так я и не слышал концерта.

Харри и сам любил попеть в пабе, он в основном подражал Билли Дэниэлсу. С тех пор как появились «Битлз», он всегда исполняет несколько их номеров.

- На прошлой неделе три дня лил проливной дождь. Мы сидели и смотрели, как он идет. Я стал придумывать себе занятие, и вдруг мне пришло в голову написать пару песен. Хотите посмотреть? Вот, например, одна: «They sit all day, thinking alone, Waiting for a ring on the telephone» [«Они сидят весь день, балдея, И ждут, не зазвонит ли телефон» (англ.)]. Я написал, кажется, пять песен и послал их Риччи - вдруг он сочинит к ним музыку. Этим словам всего-то и недостает какой-никакой мелодии, чтобы их можно было петь. Но Риччи прислал мои стихи обратно. Он, дескать, умеет играть только на одном инструменте и вовсе не умеет писать музыку. Во всяком случае, это хоть какое-нибудь занятие, правда ведь?

Как-то непривычно после всех прошлых лет не нуждаться в деньгах. Мы по-прежнему ездим вторым классом. Там очень даже удобно.

Мы скучаем по старым друзьям и часто их навещаем. Иногда я прохожу мимо здания своей Корпорации. Я смотрю на парней, которые работают там, наверху, и слышу, как они меня окликают. Я им отвечаю: «Вот так, ребята. Держите кисть крепче».

- Наверное, нам больше и желать нечего, - говорит Элси. - Мальчики сделали для нас все. Последние пять лет мы живем как в волшебной сказке.

Но я всегда беспокоюсь за Риччи, за его здоровье, - ведь он так много испытал. Я знаю, что он взрослый, что у него свои дети. Но все равно беспокоюсь.

29. Империя «Битлз»

После смерти Брайена Эпстайна в фирме «HEMC Энтерпрайзиз» произошла частичная реорганизация. До этого времени ее руководители продолжали расширять свою деятельность в разных сферах - как менеджеры, антрепренеры, владельцы театров. Теперь пришло время решить, продолжать ли в том же духе или остановиться и укрепить то, что уже существовало. Со смертью Брайена, несмотря на то что в последний год он сам не так рьяно участвовал в делах фирмы, она потеряла своего главу. Он лучше всех чуял истинные таланты. Он стоял у истоков всего дела.

Его мать, Куини Эпстайн, унаследовала большую часть его состояния, а младший брат, Клайв, возглавил фирму. Он всегда владел своими акциями фирмы «HEMC Энтерпрайзиз», с самых первых дней ее существования в Ливерпуле. Из 10 000 акций стоимостью в 1 фунт Брайену принадлежало 7000, Клайву - 2000 и «Битлз» - по 250 каждому.

Но теперь Клайв с головой ушел в телевизионные дела и мало занимается шоу-бизнесом.

Яркий блондин, Клайв, так же как его темноволосый брат Брайен, красив; у них была общая манера во время разговора с собеседником смотреть чуть в сторону.

В отличие от Брайена Клайв ведет гораздо более спокойный, менее изнуряющий образ жизни, и профессиональной, и личной. Больше всего он любит проводить время с женой и двумя детьми.

Вскоре после того, как главой фирмы стал Клайв, из нее ушел Роберт Стигвуд, и таким образом сама собой разрешилась проблема, расширять ли антрепренерскую деятельность. Стигвуда пригласили работать именно для того, чтобы он находил новые группы и затем рекламировал их. Он покинул фирму вместе с группами, которые туда привел.

Теперь «HEMC Энтерпрайзиз» представляет собой агентство по менеджменту, управляет им Вик Льюис. Джеффри Эллис, старинный друг Брайена, продолжает оставаться директором. Интересы «Битлз», их денежные дела находятся теперь скорее в ведении фирмы «Эплл», нежели «HEMC». Эту компанию создали сами «Битлз» и полностью контролируют ее. «Эплл» родилась на свет главным образом благодаря Полу еще перед смертью Брайена, но начала функционировать всерьез лишь в 1968 году.

Питер Браун, самый близкий друг Брайена и его личный помощник,

взял на себя большинство дел, касающихся «Битлз», хотя Клайв Эпстайн четко сказал, что отныне «Битлз» свободны сами решать все свои дела. «НЕМС» и Клайв не станут пытаться занять место Брайена. И теперь «Битлз» поступают именно так. Они сами управляют собою. Но через Питера осуществляется их связь с «НЕМС» и с внешним миром. Любому, кто хочет пригласить «Битлз», в том случае если он не получает отказ немедленно, предлагается действовать через Питера. Он устраивает дела и договаривается обо всем в соответствии с их желаниями. У него есть телефон, который знают только «Битлз», потому что он нигде не зафиксирован.

Тони Бэрроу по-прежнему остается их старшим пресс-атташе, хотя у него есть теперь своя собственная независимая рекламная контора - «Тони Бэрроу Интернейшнл». Он и поныне ведет колонку Дискера для газеты «Ливерпул эко», а также координирует действия клуба болельщиков, секретарем которого все еще является Фредди Келли. За 7 фунтов и 6 шиллингов в год члены клуба регулярно получают бюллетень с новостями, а также подарки к Рождеству. «Битлз» всегда записывали специальные рождественские пластинки, предназначенные исключительно для членов клуба. Они делают несколько маленьких рисуночков и записывают на этих пластинках несколько шлягеров, как во времена «Кэверн». Клуб болельщиков насчитывает теперь 40 000 членов. В пору расцвета группы, в 1965 году, их было вдвое больше. У клуба есть сорок добровольных секретарей и сорок зарубежных отделений.

Клуб болельщиков работает в убыток, и так было всегда. Уже стоимость рассылки бюллетеней и афиш, которая проводится несколько раз в год, превышает цену подписки. А специальный выпуск пластинки «Sergeant Pepper» с цветными фотографиями стоит 700 фунтов каждый - больше, чем жалованье двух работников клуба, находящихся на службе полный рабочий день.

Журнал «Битлз мансли» приносит хорошую прибыль. Он существует независимо от клуба, хотя в число его покупателей входит и большая часть членов клуба. Журнал стоит два шиллинга в месяц, тираж 80 000. В Америке он выходит как приложение к журналу «Дейтбук».

«Битлз мансли» начал выходить в 1963 году, это самый старый из существующих в стране журналов для поп-болельщиков. Его выпускает не «НЕМС», а фирма «Бит пабליкейшн», которая оплачивает эту привилегию. Вместо того чтобы думать о прибыли, «НЕМС» заботится прежде всего о высоком качестве, публикуя, например, большие, на целую полосу, цветные фотографии. Это прекрасное издание. Лучшие фотографии «Битлз»

появляются именно здесь, они несравненно более высокого качества, чем в любых газетах.

Мало кому удалось проникнуть в магический круг приближенных к «Битлз». Профессионально они до сих пор связаны именно с теми людьми, которые в 1962 году, когда они впервые приехали в Лондон, дали им шанс.

Если не считать сотрудников «НЕМС» и «Эппл», то самый близкий друг и советчик «Битлз» - это Джордж Мартин. Но за прошедшие пять лет его положение кардинально изменилось. В 1962 году это был полубог, представлявший «Парлофон», великий мастер звукорежиссуры, от которого зависело все. Сегодня «Битлз» не зависят ни от кого.

Джордж Мартин покинул «ЭМИ» в августе 1965 года, проработав там долгих пятнадцать лет. На его глазах воскресла фирма «Парлофон», он наблюдал, до каких высот поднялись дивиденды фирмы «ЭМИ»

– Я ничего не заработал на успехах «Битлз». Я получал в «ЭМИ» ту зарплату, которая мне полагалась в любом случае, поскольку у меня был с ними контракт. Их огромные прибыли меня никогда не затрагивали. Я рад этому, потому что всегда чувствовал себя свободным человеком. Никто не может обвинить меня в том, что я уцепился за «Битлз» и прокатился за их счет. Но в «ЭМИ» все были абсолютно уверены, что я так или иначе должен получать от работы с ними огромные доходы, через любую из множества компаний. И сами «Битлз» всегда были убеждены, что у меня все в полном порядке, так как «ЭМИ» за мной наверняка приглядывает.

Во время первого периода отчаянной битломании в 1963 году Мартин оказался, наверное, единственным человеком, который был связан с «Битлз» и не заработал на них. Например, их издатель Дик Джеймс получил громадную прибыль.

В 1963 году среди пластинок, выпущенных Джорджем Мартином, оказалось столько занявших первые места в хит-парадах, сколько не удалось сделать ни одному продюсеру за всю историю британской поп-музыки, - не слишком, впрочем, долгую. Те тридцать семь недель, которые принесли ему этот успех, конечно же, были связаны с «Битлз». Но на его же счету, кроме того, все хиты, которые записали Силла Блэк, «Джерри энд Пейсмейкерз», Мэтт Монро и другие.

В 1964 году доходы Мартина повысились до 3000 фунтов, но это предусматривалось его контрактом с «ЭМИ», заключенным еще до появления «Битлз». Он начал переговоры, стремясь добиться поощрения. «Мне казалось, что тот, кто делает самую тяжелую работу, должен получать за это вознаграждение. Но фирма «ЭМИ» была крайне недовольна моими притязаниями».

Тогда он решил уйти, что, естественно, тоже не вызвало в «ЭМИ» особого восторга, поскольку он забрал с собой двух других звукорежиссеров, Джона Берджеса и Рона Ричардса. Вместе с четвертым, Питером Сэлливаном из «Декки», они основали свою собственную компанию «Ассошиэйтид Индепендент Рекординг», сокращенно «АИР».

По всеобщему мнению, они пошли на большой риск: по существу, эта четверка ринулась против традиционного течения в индустрии грамзаписи. Для независимых звукорежиссеров достаточно одного провала, чтобы потерпеть полное фиаско, в то время как крупная фирма, обладающая огромным штатом, может позволить себе сколько угодно неудач.

Однако самая большая проблема для Джорджа Мартина заключалась в том, сможет ли он удержать «Битлз». С юридической точки зрения продолжал действовать их контракт с «ЭМИ». Джордж Мартин был просто-напросто одним из работников «ЭМИ», звукорежиссером, которого использовали для выпуска пластинок группы. Коль скоро он покидал «ЭМИ» и не числился отныне штатным сотрудником фирмы, она имела право не привлекать его к работе - если, конечно, «Битлз» не потребуют, чтобы именно он оставался их звукорежиссером.

– Принимая решение, я не стал советоваться с ребятами, - надеялся, что я им нужен.

Так и оказалось. И «ЭМИ» дала согласие. «ЭМИ» по-прежнему выпускает пластинки «Битлз», но Джордж занимается ими не как служащий фирмы, а как свободный художник. Ему платят большие деньги. «Пожалуй, я зарабатываю теперь больше генерального директора «ЭМИ».

Фирма «АИР» на сегодняшний день сумела перекрыть индустрию грамзаписи в Великобритании на свой лад. Многие из лучших и творчески мыслящих специалистов ушли из крупных корпораций, предлагая им свои услуги за двойную и тройную плату по сравнению с прежней.

В начале 1968 года «АИР» работала с такими артистами, как «Битлз», Силла Блэк, «Джерри энд Пейсмейкерз», Шерли Бэсси, Адам Фейс, Лулу, Том Джонс, Манфред Манн и многие Другие.

Джордж Мартин, имея на своем счету двадцать три Золотых диска, ощутил наконец материальную свободу. Он поселился в огромном новом фешенебельном городском доме поблизости от Гайд-парка, а в Вилтшире приобрел загородный дом. Вместе с женой Джуди он растит маленькую дочку Люси, названную так вовсе не в честь пластинки «Lucy In The Sky». У девочки есть няня, которая проводит с ней весь день.

Джордж пытается выкроить время на сочинение собственной музыки, что забавляет «Битлз», потому что они считают, что авторами поп-музыки

могут быть только совсем молодые люди. Джордж записал музыку к нескольким кинофильмам, а кроме того, привел в порядок музыку Пола для фильма «Семейная жизнь». Он автор известной музыкальной заставки на радио Би-би-си. Джордж подписал несколько контрактов на музыку к фильмам.

Когда через фирму «Эппл» осуществится план «Битлз» получить собственные студии и собственных звукорежиссеров, положение Джорджа Мартина может в какой-то степени измениться. Но что бы ни случилось, его собственная компания имеет сегодня прочное положение. Джордж и его коллеги вложили деньги в систему «Плейтейл», которая, по их мнению, вскоре совершенно вытеснит грампластинки.

Теперь, когда «Битлз» записывают свои диски, Джордж Мартин в основном держится за кулисами, - мы еще прочитаем об этом в главе о музыке «Битлз». Все члены группы настолько уверены в себе и как композиторы, и как аранжировщики, что иногда позволяют посмеиваться над Великим Джорджем.

Положение музыкального издателя «Битлз» Дика Джеймса проще, поскольку его отношения с группой всегда были ровными и благожелательными, они построены на чисто деловой основе.

Дик Джеймс - миллионер, но отнюдь не только благодаря «Битлз»; он прекрасно организовал дела своей фирмы и привлек многих других артистов.

Давно миновали те времена, когда его офис умещался в одной комнатке. Теперь он владеет целым кварталом роскошных офисов на Нью-Оксфорд-стрит. На первом этаже располагается одно из отделений «Мидленд Банк», что весьма удобно. Здесь же «Норсерн Сонгз», «Дик Джеймс Мюзик» и другие компании. В штате Дика Джеймса тридцать два человека, он занимает четыре этажа общей площадью в 6000 квадратных футов.

Дик Джеймс по-прежнему много делает для «Битлз», рекламируя и продавая их пластинки. Он убежден, что, каким бы гениальным ни был артист, он все равно нуждается в умелой и талантливой рекламе. Главная работа Дика Джеймса состоит в том, чтобы собирать гонорары «Битлз». Хотя процентные нормы уже давно определены традициями этого бизнеса. Дик Джеймс внимательно следит за предлагаемыми условиями.

Когда «Битлз» выпустили «Magical Mystery Tour» в уникальном оформлении - два диска в одном альбоме, - ему пришлось немало поспорить с «ЭМИ» по поводу гонораров за такую необычную форму выпуска пластинок. Дело доходило до ожесточенных баталий по поводу

доли фартинга. Но помноженная на миллион доля фартинга приобретает немалый вес.

Подобно многим своим коллегам. Дик Джеймс теперь не ограничивается только издательским делом. Его интересуют все аспекты грамзаписи: он снимает студии, выпускает собственные пластинки, а потом уступает право на их продажу крупным корпорациям. Как и Джордж Мартин, он испытал на себе огромное влияние «Битлз», но потом пошел дальше, своим путем, открыв для себя новые возможности в шоу-бизнесе.

Бликие друзья «Битлз» - это похожие на них самих парни из Ливерпуля. На разных ступенях жизни дружеские отношения завязывались и с другими людьми, но только единицы сумели их сохранить. Друзьями «Битлз» остались Алекс Мордас, эксперт в области электроники, Роберт Фрейзер, владелец картинной галереи, и Виктор Спинетти, игравший в фильме «Помогите!».

Обычно все контакты прекращались тотчас по истечении срока действия контракта, будь то выпуск фильма или пластинки. Когда группе предстоит взяться за что-нибудь новое, они склонны покопаться в своем прошлом и вытащить оттуда еще какого-нибудь старинного приятеля вроде Пита Шоттона.

Пит Шоттон был лучшим другом Джона с трехлетнего возраста. Два сорванца учились потом в «Кворри Бэнк». После школы Пит пошел в полицейские и потерял связь с Джоном. Спустя три года он бросил службу в полиции, убедившись в том, что она полностью противоречит его натуре, и перепробовал много разных работ, ни одна из которых не удовлетворила его и не увенчалась успехом, - в частности, был хозяином кафе, которое вскоре прогорело.

В 1965 году Пит, оставшись без денег и без работы, совершенно случайно встретился в Ливерпуле с Джоном. Джон выразил полную готовность поддержать Пита в любом его начинании.

– На праздники я оказался в Хемпшире и заметил на Хейлинг-Айленд супермаркет. Он мне очень понравился. Джон купил его мне, заплатив 20 000 фунтов, - рассказывает Пит.

На первый взгляд можно подумать, что, вкладывая столько денег в Пита, Джон шел на большой риск, поскольку не только не имел доказательств его компетентности, но, скорее, знал обратное. Пит же крайне успешно управлял супермаркетом два года, получая хорошую прибыль. Стоимость супермаркета выросла, к тому же Пит расширил его, открыв отдел мужской одежды.

– Если бы я не встретился тогда с Джоном, то, наверное, скатился бы

на дно. Джон говорит, что и ему это грозило, - стали бы мы с ним жуликами. У меня не было ни гроша. Мне предлагали заняться темными делишками, я встречался в кафе с подозрительными типами.

Осенью 1967 года Джон предложил Питу оставить супермаркет на Хейлинг-Айленд, передав управление им матери, и переехать в Лондон, чтобы работать в фирме «Эппл». Пит открыл на Бейкер-стрит первый магазин «Эппл» и стал его директором.

Терри Доран, другой ливерпульский приятель, тоже работает в фирме «Эппл». Он возглавляет издательский отдел. В свое время Терри входил в круг друзей Брайена, но очень быстро познакомился и с его подопечными. Когда к «Битлз» пришел успех, Брайен устроил Терри собственное дело по продаже автомобилей в Ливерпуле. Фирма называлась «Брайдор (сочетание имен Брайена и Доран) Карз». Среди прочих клиентов фирмы значились и «Битлз», но вскоре «Брайдор Карз» прекратила свое существование.

Алистер Тейлор, который начинал службу в «НЕМС» сначала в магазине, потом стал сотрудником агентства шоу-бизнеса в «НЕМС Энтерпрайзиз» и был свидетелем момента, когда «Битлз» подписывали первый контракт. Сейчас он тоже работает в руководстве фирмы «Эппл».

Айвен Вон, еще один друг детства Джона, никак не связан с «Битлз» в деловой сфере, но по-прежнему очень близок с ними. Айвен ходил в одну школу с Полом, именно он познакомил Пола с Джоном и его группой «Кворримен». Сейчас Айвен изучает психиатрию и намеревается использовать свои знания, работая в системе образования.

Однако ближе и дороже всех других остаются для «Битлз» Нил и Мэл, которые никогда не покидают их, - это самые закадычные друзья группы. Нилу (или Неллу) Аспиналу пришлось стать их первым гастрольным администратором. Мэл Эванс присоединился к ним позже, отслужив сначала вышибалой в клубе «Кэверн». Оба работали гастрольными администраторами группы, и вместе, и поодиночке, во время самых крупных турне «Битлз» по всему миру. Даже и тогда им не слишком нравилось название должности: гастрольный администратор. Они делали абсолютно все. Сейчас, когда гастроли прекратились, это название еще меньше характеризует круг их забот. Отношения с «Битлз» у них очень своеобразные, отдающие средневековьем. Нил и Мэл находятся, в общем-то, на положении платного обслуживающего персонала: что-то приносят, что-то уносят, но отношения между ними и «Битлз» вовсе не похожи на отношения хозяина и слуги. Просто свои ребята, которым, так уж случилось, за это платят; в любой момент, когда кто-то из «Битлз» остро нуждается в ком-то «своем», они на месте.

Мэл - крупный, превосходно сложенный, у него очень хороший характер; это трезвомыслящий, солидный человек. Нил пониже ростом, стройный, сообразительный, за словом в карман не полезет. Совершенно очевидно, что, возникни какие-то разногласия, он тут же уйдет. Он способен твердо сказать «нет», хотя помнит лишь один случай, когда категорически отказался ехать с «Битлз». Это было, когда Джон предложил ему отправиться с ними в Испанию, чтобы снимать фильм «Как я выиграл войну». Нил все-таки сдался, поехал и проторчал на съемочной площадке несколько дней, чтобы Джону было с кем перемолвиться словечком после съемок, поскольку с актерами Джон не находил общего языка.

Мэл рассматривает годы, проведенные с «Битлз», как свою постоянную работу и ни на что не жалуется.

– В Америке нас без конца спрашивали: «А что вы будете делать, когда этот мыльный пузырь лопнет?» - говорит Нил. - Меня никогда это не волновало, не волнует и теперь. Займусь чем-нибудь другим, вот и все. Я еще не знаю, что буду делать дальше. Меня это не тревожит.

Когда в 1966 году гастроли прекратились, жизнь и того, и другого стала поспокойнее. Но во время записей, съемок на телевидении, работы над фильмом Мал и Нил возвращаются к своей прежней деятельности: привозят «Битлз» на студию, проверяют состояние аппаратуры и инструментов, отвозят все это хозяйство обратно.

Оба стали выглядеть точь-в-точь как «Битлз» - отрасли усы, длинные баки, повязывают шею длинными фуляровыми платками. Они - часть группы. Выговор, манеры, вид - все подчинено моде, введенной «Битлз».

Когда «Битлз» не записываются, жизнь Нила и Мэла идет вкривь и вкось, перемежаясь долгими периодами ничегонеделания. Но они всегда должны быть наготове. «Нам вроде как положено меняться - каждый по одной неделе, - но мы почему-то всегда вместе».

Когда любой из «Битлз» решает поехать куда-нибудь один, Мэл или Нил сопровождают его. Нил ездил с Джоном на съемки фильма. Мэл поехал с Полом в Соединенные Штаты, чтобы Пол увиделся с Джейн, а затем отправился с Ринго в Рим на съемки его фильма. В феврале 1968 года именно он был рядом с ними во время путешествия в Индию к Махариши.

Нил осуществляет связь между «Битлз» и Диком Джеймсом. Он отправляет Дику Джеймсу песни, тщательно проверив, правильно ли записаны слова. Иногда Нилу и Мэлу даже выпадает честь поиграть вместе с группой - им доверяют маракасы или треугольники. Джон иногда обращается к Нилу, чтобы тот подсказал какую-нибудь идею для

заключительной строчки песни. И Нила, и Мэла можно увидеть в фильме «Волшебное таинственное путешествие». Мэл играл одного из пяти волшебников. Они ведут регулярную колонку, посвященную «Битлз», в «Битлз» мансли». Мэл прекрасно фотографирует.

Нил - холостяк, он живет в роскошной квартире на Слон-стрит. В свободное время немного рисует - хобби, также объединяющее его с «Битлз». Хотя Нил не умеет играть, в его квартире стоит рояль, пюпитр которого украшает раскрытый на второй странице сборник упражнений для игры на фортепьяно.

Надо сказать, что «Битлз» долгое время недооценивали Нила, а ведь как-никак он сдал больше экзаменов, чем все они, вместе взятые. Его использовали недостаточно именно из-за того, что ребята высоко ценили то, что он делал. Но с 1968 года он стал директором «Эппл Корпс», центральной из управляемых «Битлз» организаций, - она осуществляет надзор над всеми филиалами. На Вигмор-стрит он царит в великолепном офисе, где восседает с видом заправского управляющего.

Мэл женился, у него двое детей; переехав в Лондон, он долго жил в одной квартире с Нилом, при первой же возможности удирая оттуда в Ливерпуль. В 1967 году Мэл купил дом в Санбери и переехал туда вместе с семьей. Мэл выбрал жилище поблизости от домов Джона, Ринго и Джорджа. Теперь он тоже занимает высокий пост - управляющий фирмой «Эппл Рекордз».

Нил и Мэл до сих пор никак не могут взять в толк, как это «Битлз» приобрели такой великолепный имидж. «Дело тут не только в Брайене, - говорит Нил. - Он, конечно, сделал их наряднее, надел на них костюмы, привел их к общему знаменателю. Но они всегда проходили как такие хорошие, милые, красивые, хотя не так уж сильно отличаются от других людей. Я думаю, публика хотела, чтобы они были такими. Болельщики сами создали им имидж. Не знаю почему. Болельщики так хотели».

– Теперь они появляются перед публикой более похожими на себя, такие, какими они были до Брайена, каждый - личность, каждый делает и говорит то, что ему нравится. Публика по-прежнему держит их за очень хороших - разве только они стали теперь более «эксцентричными», вот и все. Не странно ли, - люди так доверчивы к созданному кем-то образу.

– Меня часто спрашивают, - говорит Мэл, - кого из «Битлз» я люблю больше всего. Того, отвечаю я, который в последний раз был ко мне добрее остальных.

30. «Битлз» и их музыка

Музыка «Битлз» всегда жила в постоянном движении. Иногда могло показаться, что они топчутся на месте, но мгновение - и они уже снова срывались с места и неслись вперед. Каким бы успехом ни пользовалось то, что они только что сделали, они уже не возвращались назад, не повторяли себя, потому что это было им скучно.

Каждый следующий шаг рождался из соединения нового с традиционным, как, например, в «Eleanor Rigby» и «Yellow Submarine» или «I Am The Walrus» и «Hello Goodbye».

При желании в творчестве группы можно легко выделить определенные четкие этапы. Первый этап - рок-н-ролла - завершился весной 1964 года песней «Can't Buy Me Love». В августе 1965 года закончился следующий этап в жизни обычной бит-группы: была написана песня «Yesterday» и в состав группы введены новые инструменты. Настоящие поиски и экспериментирование начались в августе 1966 года: последняя запись «Revolver» и пластинка «Sergeant Pepper».

Кажущиеся отклонения, как, например, «All You Need Is Love», имеют свое объяснение. Песня появилась в середине 1967 года, а между тем казалась написанной скорее в 1963-1964 годах. Но ведь это была сатира - они сами над собой смеялись, и раньше 1967 года этого не могло случиться. «Lady Madonna», написанная в начале 1968 года, тоже казалась броском назад, в 1963 год, на самом же деле это был «mock-rock» [«mock» - насмеяться (англ.)], то есть издевка над роком.

Впрочем, пытаться разложить все это по полочкам вовсе не входит в мою задачу - это дело музыковедов. И не только мистера Манна из лондонской «Таймс», не упустившего случая описать каждую страничку их карьеры. В Америке вышло столько критических статей, посвященных творчеству «Битлз», что из них легко можно было бы сделать книгу, да, скорее всего, она уже и сделана.

Самый простой способ вникнуть в процесс сочинения их музыки - это, пожалуй, не анализировать ее, а разделить на гастрольный и послегастрольный периоды.

Джон и Пол более шести лет сочиняли и играли свою музыку, прежде чем в 1962 году начали всерьез записываться. За предшествующие шесть лет они написали сотни песен, большинство которых либо напрочь забыты, либо потеряны. Пол до сих пор хранит заполненную ими ученическую

тетрадь, но записанные в ней опусы мало о чем говорят. Незамысловатые слова вроде «Love Me Do», «You Know I Love You». И состоящая из чередующихся до-ре-ми музыка, которую они писали на те самые слова. Только «Битлз» и могли тогда сделать из этого песню.

То, что, записывая все свои сочинения, они называли их «Оригинальные композиции Леннона - Маккартни», скорее всего служило выходом для тщеславных или неудовлетворенных профессиональных устремлений Пола. Они знали эти песни вдоль и поперек, поскольку играли их в «Кэверн» сотни раз.

Когда «Love Me Do», старая песня времен скиффла и «Кворримен», была записана на пластинку, «Битлз» могли записать и все остальные старые песни, но не стали этого делать. Они сочинили столько песен, что, им казалось, ничего не стоит написать еще столько же для новых пластинок.

Работали они так: Пол и Джон в гостинице или в дороге вместе играли на гитарах, просто чтобы посмотреть, что из этого получится. Песня «She Loves You» была написана по дороге в Йоркшир. Каждый из них брал свои аккорды, изобретал свой ритм и кусочки мелодии, воплощая собственные идеи, пока кому-то из них не начинало нравиться то, что делал другой. Тогда они соединялись и начинали играть это снова и снова, дожидаясь, пока включатся все остальные.

Сегодня они отрицают, что намеренно выбирали самые простые слова, вызывающие определенные чувства, вроде «Я», «Ты и я». Это получилось само собой. Они считали, что «Love Me Do» не уступают по поэтичности и философскому смыслу словам песни «Eleanor Rigby».

И все-таки в те дни песни у них получались попроще. И «Битлз» были простыми парнями, которые сочиняли, чтобы целую ночь петь перед вопящими поклонниками, стремясь вызвать простую и немедленную реакцию.

Песни писались, обрабатывались и совершенствовались во время гастролей. К тому времени, когда «Битлз» добирались в студию грамзаписи, они знали их, что называется, вдоль и поперек.

– Наше развитие тормозилось тем, - считает Джордж, - что мы должны были непрерывно выходить на сцену и петь все с теми же старыми гитарами, барабанами и бас-гитарами. Мы обязаны были играть на этих основных инструментах. Долгое время мы не знали, на что еще способны. Просто-напросто наивные ребята с Севера, которым «ЭМИ» позволила работать в своих больших студиях. Нас записывали наскоро, без дублей, - как, например, «Love Me Do». На сцене мы пели «Love Me Do» в сто раз

лучше, чем записали на пластинке.

Их первый долгоиграющий альбом «Please Please Me» был записан за один день и обошелся в 400 фунтов. «Sergeant Pepper» они писали четыре месяца, и стоила эта запись 25 000 фунтов.

После прекращения гастролей сеансы их записей длятся очень долго и отличаются большой сложностью.

– Теперь, когда мы играем только в студиях и нигде не выступаем, - говорит Джордж, - мы не знаем заранее, что собираемся делать. Начинаем с нуля, прямо в студии, отправляемся в поиск самым сложным путем. Скажем, Пол сочинил песню, он приходит в студию, держа ее в голове. Ему очень трудно показать ее нам, а нам очень трудно сразу ее схватить. Когда мы что-то ему предлагаем, то сплошь и рядом ему это не подходит, потому что у него в голове все звучит по-другому. Много времени уходит на то, чтобы понять друг друга. Никто не знает, какой окажется мелодия, как она будет звучать, пока мы ее не запишем и потом не прослушаем.

Никто не знает и того, как вообще в их головах возникают мелодии. Они часто не могут вспомнить, как и почему они что-то сочинили. Если речь идет не о том, что произошло только что, пристрастный допрос проводить бесполезно, поскольку все уже в прошлом, улетучилось, забылось.

Единственный способ понять - это присутствовать и наблюдать, хотя и он, конечно, не дает возможности проникнуть в их головы и посмотреть, что в них происходит, - можно лишь слышать, что выходит из этих голов.

«A Little Help From My Friends»

В середине марта 1967 года «Битлз» заканчивали работу над альбомом «Sergeant Pepper». Они уже наполовину сочинили песню для Ринго, точно в его духе, и накануне начали ее записывать.

В два часа дня Джон пришел домой к Полу в Сент-Джонс-Вуд. Они вместе поднялись в кабинет Пола. Это узкое четырехугольное помещение, набитое стереофонической техникой и усилителями. На стене висит большой триптих Джейн Эшер, а на полу большая серебряная скульптура работы Паолоцци в виде камина с головами Дейлека [Дейлек - чудовище, персонаж английского телесериала 50-60-х гг.] поверху.

Джон начинает брэнчать на гитаре, а Пол барабанить на фортепьяно. Битых два часа они брэнчат и барабанят. Кажется, они отключаются, впад в транс, но это продолжается ровно до того момента, пока один из них вдруг не нападает на жилу, не выдает находку, и тогда другой, как бы вырывая ее из массы шумов, пробует сам, что это такое.

Накануне Пол и Джон уже сочинили мелодию, очень нежную,

люющуюся, под названием «A Little Help From My Friends». Теперь они отшлифовывали ее и сочиняли слова.

«Are you afraid when you turn out the light?» [«Боишься ли ты, когда выключается свет?» (англ.)] - спел Джон. Пол повторил эту строчку вслед за ним и кивнул головой. Джон сказал: «Этой идеей можно воспользоваться для всех куплетов, если придумать еще несколько вопросов в таком же ритме».

«Do you believe in love at first sight?» [«Веришь ли ты в любовь с первого взгляда?» (англ.)] - спел Джон. - Нет, - сказал он, остановившись, - здесь недостает слога. Как ты думаешь? Мы можем разбить эту строчку и сделать паузу, чтобы получился лишний слог?

Джон снова спел строчку, прервав ее в середине. «Do you believe - igh - in love at first sight?»

- А как насчет «Do you believe in a love at first sight?» - спросил Пол. Джон попробовал, согласился и сразу прибавил следующую строку: «Yes, I'm certain it happens all the time» [«Ясное дело, это происходит сплошь и рядом» (англ.)].

Оба они пропели эти строки сами себе, заменяя «ла-ла-ла» недостающие слова. Потом повторили рефрен «I'll get by with a little help from my friends». Джон вдруг заметил, что поет «Would you believe», и так ему понравилось больше.

Потом поменяли порядок, поставили сначала две строчки «Would you believe in a love at first sight. Yes, I'm certain it happens all the time» перед «Are you afraid when you turn out the light?». Но вместо четвертой строки по-прежнему пели «ла-ла-ла», потому что не могли ее придумать.

Было уже около пяти часов. Пришла жена Джона Синтия, в темных очках, в сопровождении Терри Дорана, старинного ливерпульского друга «Битлз» (и Брайена Эпстайна). Джон и Пол продолжали играть. Син углубилась в книжку, Терри достал журнал с гороскопами.

Джон и Пол все пели и пели три первые строчки, ища четвертую.

- Что рифмуется с «time»? - спросил Джон. - «Yes, I'm certain, it happens all the time». Нужна рифма к этой строчке. - Как насчет «I just feel fine»? [«Я чувствую себя просто отлично» (англ.)] - предложила Син. - Нет, - сказал Джон, - никогда не употребляй таких слов, как «just» [Просто (англ.)]. Они сразу снижают смысл. Засоряют речь и все портят.

Джон спел «I know it's mine» [«Знаю, что это мое» (англ.)], но никто его не поощрил. Вслед за словами «Are you afraid when you turn out the light?» эта фраза звучала бессмысленно. Кто-то заметил, что в этом есть даже что-то непристойное.

Терри спросил, когда мой день рождения. Я ответил, что 7 января. Пол перестал играть, хотя, казалось, он полностью был погружен в песню, и сказал: «Ха, это день рождения одного из наших ребят». Он послушал, как Терри прочитал гороскоп на этот день. Потом снова стал наигрывать что-то на рояле.

Из брэнчания вдруг выплыли звуки «Can't Buy Me Love». Джон присоединился к Полу, и они очень громко, смеясь и перекрикивая друг друга, спели эту песню. Потом Пол заиграл другую, «Tequila» [Мексиканская водка]. Ее они тоже спели вместе, смеясь и крича еще громче. Терри и Син не поднимали глаз от своих книг.

– Помнишь Германию? - спросил Джон. - Все наши песни мы вопили изо всей мочи.

Они снова сыграли песню. На этот раз Джон выкрикивал слова в каждой музыкальной паузе: «Knickers», «Duke of Edinburgh» «tit», «Hitler» [Набор слов].

Внезапно, так же как и начали, они перестали вопить и валять дурака. И тихонько вернулись к песне, над которой должны были работать. «What do you see, when you turn out the light?» [«Что тебе видится, когда выключается свет?» (англ.)], - спел Джон, пробуя новые слова в уже сочиненной строке, выбросив «afraid». А потом спел новую строчку: «I can't tell you, but I know, it's mine» [«Я не могу сказать тебе, но я знаю, что это мое» (англ.)]. Чуть-чуть изменив слова, он сумел добиться своего.

Пол сказал: «Пойдет». Он записал четыре законченные строки в нотную тетрадь, которая стояла перед ним на пюпитре. Теперь у них были целиком готовы куплет и рефрен. Пол встал и прошелся по комнате. Джон двинулся к роялю.

– Что вы скажете о кусочке изумительного торта «Бэйзингсток»? - спросил Пол, доставая с полки твердый как камень торт. - Сгодится, - ответил Джон. Пол состроил гримасу. Терри и Син продолжали читать.

Пол достал из угла ситар и начал настраивать его, попросив Джона помолчать хоть минуточку. Джон тихо сидел у рояля, уставившись в окно невидящим взглядом.

Снаружи напротив окон Пола, в противоположном конце двора, можно было увидеть лбы и глаза шестерых девочек, которые пытались заглянуть во двор через забор. Потом они исчезли, видимо устав висеть на руках. Несколько минут спустя они появились снова и висели до тех пор, пока опять не затекли руки. Джон безучастно глядел вдаль через свои круглые очки в металлической оправе. Потом начал играть на рояле гимн, одновременно придумывая слова.

«Backs to the wall, if you want to see His Face» [«Прислонись к стене, если хочешь увидеть Его Лик» (англ.)].

Потом подскочил, взвился в воздухе и начал играть песню болельщиков регби. «Давай изобразим песню для регби, а?» Никто его не слушал.

Пол настроил свой ситар и монотонно играл на нем один и тот же напев, снова и снова повторяя его. Потом встал и принялся ходить по комнате. Теперь Джон взял ситар, но никак не мог к нему приспособиться. Пол сказал, что нужно сесть на пол, скрестив ноги, и поместить его в изгибе ноги. Пол добавил, что именно так делает Джордж; сначала неудобно, но через несколько столетий постепенно привыкаешь. Джон попробовал, потом сдался и прислонил ситар к стулу.

– Эй, - обратился Джон к Терри, - ты туда съездил?

– Да, купил вам три пальто, как у Джорджа.

– Здорово! - воскликнул Джон, крайне возбужденный. - Где же они?

– Я расплатился чеком, и они не хотят отдавать их мне до завтра.

– О господи, - возопил Джон, - ты что, не мог втолковать им, для кого пальто? Надо было сказать, что они для Годфри Уинна. Я хочу их сейчас.

– Подождешь до завтра, - остановил его Пол. - Завтра нам все равно надо еще кое-что сделать, так что успокойся.

Потом Пол снова взял гитару и запел очень медленную красивую песню о дураке, который сидит на холме. Джон молча слушал ее, опять уставившись в окно невидящим взором, словно и не слышал Пола. Пол спел песню много раз, заменяя «ла-ла-ла» те слова, которых еще не придумал. Когда Пол наконец закончил, Джон посоветовал ему поскорее записать слова, а не то он их забудет.

– Неплохо получилось, - сказал Пол, - не забуду. Пол впервые играл эту песню Джону. Никакого обсуждения не последовало.

Было уже около семи часов вечера, наступало время идти в студию, - благо «ЭМИ» располагалась за углом дома Пола. Они решили позвонить Ринго и сказать, что песня для него готова - что отнюдь не соответствовало действительности - и что они запишут ее сегодня вечером. Джон, взяв телефон, набрал номер Ринго, но там было занято. «Если я не положу трубку, он рано или поздно подойдет?» «Нет, - сказал Пол, - трубку надо повесить».

«It's Getting Better»

В один прекрасный, по-настоящему весенний день Пол отправился на прогулку со своей собакой Мартой. Джона, который должен был приехать, чтобы продолжить работу над записью пластинки «Sergeant Pepper», еще не

было.

Пол впихнул Марту в машину, сел рядом с ней и включил зажигание. Машина не двигалась. Он несколько раз стукнул по рулю, надеясь, что это поможет, но, убедившись в безрезультатности своих усилий, вылез из «эстон-мартин» и пересел в «мини-купер» с затемненными стеклами. Она завелась с ходу. Привратник раскрыл массивные черные ворота, и Пол на бешеной скорости вылетел на улицу, застигнув врасплох своих болельщиков. Пол успел выехать, прежде чем они сообразили, что в машине именно он.

Пол примчался на Примроз-Хилл и оставил там машину, не заперев ее. Он никогда не запирает машину. Марта носилась на воле, выглянуло солнце. «Наконец-то весна, - подумал Пол. - It's getting better» [«Все лучше и лучше» (англ.)].

Он имел в виду погоду, но фраза заставила его улыбнуться, потому что принадлежала Джимми Николсу и служила постоянным поводом для насмешек над ним в Австралии.

Однажды во время турне по Австралии Ринго заболел и не мог играть. Джимми Николс должен был заменять его в нескольких городах. Каждый раз, когда Джимми спрашивали, нравится ли ему в группе, справляется ли он, Джимми отвечал: «Все лучше и лучше».

Когда в два часа дня пришел Джон, чтобы писать новую песню. Пол предложил:

– Давай сочиним песню под названием «It's Getting Better». Они начали заниматься, играть, петь, импровизировать и валять дурака. Когда мелодия стала вытанцовываться. Пол сказал: «Согласись, все лучше и лучше». - Ты сказал, «согласись, все лучше и лучше»? Такой вариант Джон тоже спел. Они работали до двух часов ночи. К Полу приходили люди; некоторые условились о встрече заранее. Они ждали внизу, кое-кого пришлось выпроводить. Джон и Пол сделали маленький перерыв, чтобы наскоро перекусить.

На следующий вечер они отправились в студию звукозаписи. Пол показывал на рояле новую песню, изображая аккомпанемент то с помощью «ла-ла-ла», то стучал в такт словам, стремясь дать другим представление об общем звучании. Ринго и Джордж одобрили песню, она понравилась и Джорджу Мартину.

Поскольку первая стадия в многослойном пироге нынешних сеансов записей «Битлз» заключается в том, чтобы записать сопровождение на одной дорожке, они поначалу обсудили общий характер звучания и инструменты, на которых предстоит играть. Обсудили и другие проблемы.

Когда им становилось скучно, они разбредались по углам и играли на чем придется. В углу студии стояло электронное фортепьяно, оставленное кем-то, кто работал здесь перед ними. Они попробовали, что это за штука, и решили использовать и его.

Ринго сидел за своей установкой, углубившись в поиски сопровождения для музыки, которую в страшном шуме Пол изо всей мочи пел ему прямо в ухо, выкрикивая по ходу пояснения.

В течение двух часов они перепробовали много вариантов сопровождения, останавливаясь то на том, то на другом, пока оно не вырисовалось в общих чертах. Джордж Мартин и два звукооператора, до тех пор сидевшие в ожидании и бездействии, поднялись теперь в звуконепроницаемую стеклянную аппаратную, сели за свои пульта и стали ждать, пока «Битлз» начнут работать.

В одном из углов студии Нил и Мэл подготовили инструменты и микрофоны, и четверка наконец начала петь и играть «It's Getting Better». В некотором отдалении от них, окруженный своими барабанами, сидел Ринго, выглядевший слегка растерянным. Трое других, тесно сблизив головы, пели в один микрофон.

Они спели эту песню десять раз подряд. В аппаратной записывали только инструментальное сопровождение, без голосов. Время от времени Пол говорил: «Еще раз, давайте попробуем теперь так» - или: «Уберите басы и прибавьте ударные». К полуночи они записали сопровождение.

На следующий день к Полу пришли Джон и Джордж, без Ринго. Теперь им предстояло напеть только вокальную дорожку песни «It's Getting Better», и Ринго был не нужен. В это время к Полу заглянул его школьный друг Айвен Вон. В 7 часов 30 минут вечера они пошли в студию «ЭМИ», где отзывчивый, чуткий, понимающий, ждал их гостеприимный хозяин Джордж Мартин.

Группа много-много раз прослушала записанное накануне сопровождение песни «It's Getting Better», чтобы как можно глубже проникнуться им. Джордж Харрисон и Айвен отошли в уголок поболтать, но Пол и Джон были поглощены слушанием. Пол давал звукорежиссеру указания, на какие кнопки нажимать, объясняя, что ему нужно, как этого добиться, какие куски получились удачно. Джордж Мартин наблюдал за происходящим, время от времени давая советы. Джон смотрел в пространство.

Одетый в пальто из верблюжьей шерсти, появился их издатель Дик Джеймс. С веселым и беззаботным видом он приветствовал всех собравшихся. «Видимо, слухи о том, что «ЭМИ» хочет купить фирму

«Норсерн Сонгз», - пошутил он, - сильно преувеличены»

Он с безучастным видом прослушал сопровождение к песне «It's Getting Better». Потом они сыграли еще одну из своих песен, о девушке, которая уходит из дому. Джордж Мартин сказал, что она растрогала его чуть не до слез. Дик Джеймс послушал эту песню и сказал: «Да, это прекрасно. Побольше бы таких». «Хочешь сказать, что тебе не нравятся другие наши монстры?» «Нет, почему же», - ответил Дик Джеймс и вскоре ушел.

И снова, по меньшей мере в сотый раз, зазвучало сопровождение песни «It's Getting Better», но Полу по-прежнему что-то не нравилось. Решено было, что надо звать Ринго и записывать все сначала. Кто-то отправился звонить Ринго.

Пришел Питер Браун. Он только, что вернулся из Америки. Питер привез им новые американские альбомы, на которые они тут же набросились. «Битлз» сыграли Питеру «She's Leaving Home» и несколько других уже записанных песен из пластинки «Sergeant Pepper». Потом сыграли дорожку сопровождения песни «It's Getting Better». Пока шла музыка. Пол поговорил с одним из звукорежиссеров и попросил его сделать кое-какие изменения в микшировании. Тот выполнил его просьбу, и Пол объявил, что теперь, кажется, звучит как надо. Пусть так и остается. Ринго вызывать ни к чему.

– А мы только что заказали его сюда, как бутерброд, - сказал Джон.

Однако, к счастью, приезд Ринго успели отменить, и студия была готова к записи вокальной дорожки. Пока Нил занимался этой подготовкой, Мэл принес на подносе чай и апельсиновый сок. В углу Пол заметил звуковой генератор и так увлекся им, что забыл про чай. Он нажимал на разные кнопки и сумел вызвать друг за другом шесть разных звучаний. Пол сказал одному из звукоинженеров, что если бы кто-нибудь смог сделать звуковой генератор со строго разделенными звучаниями, то получился бы новый электронный инструмент.

Наконец они готовы. Трое «Битлз», сблизив головы, пели в один микрофон «It's Getting Better», а в аппаратной священнодействовали Джордж Мартин и два его ассистента. «Битлз» пели под собственное сопровождение, шедшее к ним через плотно надетые наушники.

В самой же студии были слышны только их голоса, без сопровождения, без электроники, - они звучали плоско и даже фальшиво.

Песню спели четыре раза, а потом Джон сказал, что плохо себя чувствует. Ему хочется глотнуть свежего воздуха. Попробовали открыть запасную дверь студии. Но по ту сторону раздался громкий шум и

победоносные клики.

Дверь начала выгибаться внутрь под давлением банды фэнов, которым какими-то неведомыми путями удалось проникнуть внутрь здания.

Джордж Мартин вышел из своего стеклянного ящика и сказал Джону, что советует ему не выходить наружу, а подняться на крышу и там подышать свежим воздухом.

– Как там Джон? - спросил Пол в микрофон Джорджа Мартина.

– Смотрит на звезды, - ответил Джордж Мартин. - Ты имеешь в виду Винса Хилла? - спросил Пол. И, не сходя с места, они, покатываясь от смеха, запели «Эдельвейс». Вернулся Джон.

Мэл, Нил, их друг Айвен, сидевшие в углу студии, не слышали шуток, так как были без наушников, - они только что допили свой чай. Айвен стал писать письмо домой, матери. Нил заполнял свой дневник, который начал вести двумя неделями раньше. А надо было бы, заметил он, заняться этим лет пять тому назад.

Пришел некто в фиолетовой рубашке, Норман. Когда-то он работал звукоинженером, а теперь у него была собственная группа «Пинк Флойд». Он очень вежливо спросил Джорджа Мартина, можно ли его ребятам посмотреть, как работают «Битлз». Джордж беспомощно улыбнулся. «Может быть, попросить об этом одолжении лично Джона?» - предложил Норман. Джордж отрицательно покачал головой; нет, ничего не выйдет, бесполезно. Но если Норман со своими ребятами как бы случайно заглянет в одиннадцать часов, то он замолвит за них словечко.

Они действительно появились около одиннадцати часов и робко поздоровались. «Битлз» продолжали работать над «It's Getting Better», пели ее, по-моему, в тысячный раз. К двум часам ночи они добились того, что уже не слишком страдали от вопиющего несоответствия между результатом и тем, что они задумали и представляли себе мысленно.

«Magical Mystery Tour»

Мелодия и слова песни «It's Getting Better» были созданы до того, как «Битлз» явились в студию, но, когда они однажды пришли туда в 7 часов 30 минут вечера, чтобы записывать «Magical Mystery Tour», в запасе у них были лишь название и несколько тактов музыки.

Как обычно, у входа их ждали поклонники. На этот раз молча. Скромные паиньки, подавленные величием кумиров. Когда «Битлз» входили, одна девушка застенчиво протянула Джорджу значок, на котором было написано: «Джорджа - в премьер-министры».

– Интересно, зачем Полу Маккартни нужен Джордж? [Игра слов: «PM» - сокращенное «премьер-министр» и инициалы Пола Маккартни] -

спросил Джон Джорджа.

Пол сыграл на рояле начальные такты «Magical Mystery Tour», чтобы показать друзьям, с чем это едят. Он изо всей мочи размахивал руками и кричал: «Огни, вспыхивают огни, кругом мелькают огоньки», объясняя, что это должно быть похоже на рекламу. Джон был в оранжевом кардигане, фиолетовых вельветовых брюках и с кожаной сумкой мехом наружу. Он вынул из сумки сигарету и закурил. Кто-то крикнул, что Джона просит к телефону его шофер Энтони.

Склонившись над роялем, все слушали, как Пол снова и снова играет первые такты. Пол попросил Мэла записать, в каком порядке они будут работать над песней. Медленно, ученическим почерком Мэл записал название песни и приготовился слушать инструкции Пола. Пол сказал: «Трубы». Да, вначале должны быть трубы, нечто вроде фанфар, под звуки которых прозвучат слова «Roll Up, Roll Up, for the Magical Mystery Tour» [«Собирайся, собирайся в волшебное таинственное путешествие» (англ.)]. Мэл записал эту строчку, пока она была единственной. Затем Пол велел Мэлу написать три первых аккорда песни. Мэл помусолил грифель, ожидая новых вдохновенных указаний, но их не последовало.

Готовясь записывать сопровождение, в студии расставили и подготовили инструменты. Сопровождение, как и всегда, писали на отдельной дорожке. Вернулся Джон и спросил Мэла, связался ли он с Терри. Мэл ответил, что пока нет, он никак не может дозвониться. Джон сказал, что работа Мэла в том и заключается, чтобы дозваниваться, так что пусть продолжает.

Около двух часов ушло на то, чтобы разработать и записать дорожку сопровождения. Покончив с этим, Пол отправился в аппаратную к Джорджу Мартину. Там Пол попросил проиграть ему дорожку и прослушал ее много раз.

Пока Пол работал наверху с техниками, внизу Джордж достал из кармана своей разукрашенной дубленки набор цветных карандашей и начал рисовать картину. Ринго устался в одну точку и с несчастным видом - надо сказать, естественным для него, когда он молчит, - курил. Джон сидел у рояля, то что-то тихо наигрывая, то вскакивая как в бреду, то запевая шлягеры. Никто на него не смотрел, он злобно улыбался сам себе сквозь очки, корча рожи какого-то японского карлика. Вил рылся в целой куче еженедельников, посвященных черной магии, которые они уже пролистали в тот вечер. Мэл исчез.

Наконец Пол остался доволен дорожкой, спустился вниз и сказал, что теперь к этому можно, пожалуй, кое-что добавить.

Снова появился Мэл с большим коричневым пакетом, набитым носками немислимо ярких расцветок. Он передал пакет Джону. Джон с восторгом схватил его, выбрал несколько махровых оранжевых пар, а потом передал пакет остальным. Накануне Джон мимоходом обронил фразу: «Мэл, носки».

После того как носки были розданы. Пол спросил Мэла, удалось ли ему достать что-нибудь стоящее, какие-нибудь особые плакаты для их таинственного путешествия. Мэл сказал, что обошел все автобусные станции, но ничего подходящего не нашел.

«Битлз» надеялись, что хорошие плакаты подскажут им слова для песни. Пришлось снова взяться за дело и вместе искать стоящие слова, кроме «Roll Up, Roll Up», - поскольку это было все, что они придумали.

Они выкрикивали первые попавшиеся слова, а Мэл их записывал. «Reservation». «Invitation». «Trip of lifetime». «Satisfaction guaranteed» [Набор слов: «Забронировано». «Приглашение». «Путешествие жизни». «Удовольствие гарантировано» (англ.)]. Но вскоре им это надоело, и они решили петь любые слова, которые придут на ум, а там видно будет, что из этого получится. Так и сделали.

Потом Пол высказал соображение, что на другой дорожке в сопровождение надо будет добавить бас. Он надел наушники, чтобы слышать то, что они успели записать до сих пор, и взял бас-гитару. Послушал и сказал, что надо добавить еще инструменты. Тогда Пол, Ринго, Джон, Джордж, Нил и Мэл подобрали все маракасы, колокольчики и тамбурины, которые валялись в студии. Джордж Мартин, продюсер большинства их пластинок, ни на чем не играл. Затем надели наушники и начали играть под фонограмму что в голову взбредет.

К двум часам ночи «Битлз» закончили писать основное сопровождение, прибавив к нему вторую дорожку с бас-гитарой, несвязными криками, восклицаниями и ударными. После этого песня «Magical Mystery Tour» была отложена почти на полгода.

Может показаться, что «Битлз» записывают музыку в полном хаосе. Метод проб и ошибок, безусловно, обходится очень дорого - ведь они сочиняют на ходу. Было время, когда песню записывали за один прием, на одной дорожке, максимум на двух. Теперь требуется не меньше четырех, потому что часто «Битлз» вводят новые инструменты и новые эффекты, которые необходимо добавить в фонограмму. Если же песню записывает оркестр из сорока человек, как, например, «A Day In The Life», то это стоит огромных денег. Слушая первый этап их записи, сделанной, скажем, на двух дорожках, трудно понять, чего же им не хватает, чего они добиваются,

- потому что, кажется, добавить уже нечего. Бывает и так, что в окончательном, сложном, многослойном варианте потонула начальная простая мелодия. Но если что-то не ладится, ребята остро чувствуют это, пусть и не всегда могут точно сформулировать, что их не удовлетворяет. Когда они по десять часов, без перерывов, работают над одной песней, их преданность делу производит впечатление.

Лидером во всей этой работе следует признать все-таки Пола. Может быть, такое впечатление складывается оттого, что надо же кому-то сказать: нет, снова не получилось, давайте еще раз. Все понимают, что это правильно. Но кто-то должен взять на себя ответственность и произнести слова вслух. Эту миссию раз и навсегда взял на себя Пол. Если речь идет о принципиальных решениях, то каждый из них найдет что сказать. Когда песню сочинил Джон, то основные указания дает он, то же самое касается Джорджа. Вообще, когда записываются песни Джорджа, он ревностнее всех остальных следит за делом.

Так они записываются. А как они сочиняют? Как создают свои песни? Для этого у них есть тысячи способов.

– Последние четыре песни какого-нибудь альбома, - говорит Пол, - это просто ремесло. Если для пластинки нужны еще четыре песни, мы должны сесть и сделать их. Они не обязательно получатся хуже тех, что созданы по вдохновению. Иногда даже лучше, потому что на этой стадии производства долгоиграющей пластинки мы уже точно знаем, что нам нужно.

Около трети песен «Битлз» написаны именно так, в силу необходимости, потому что они не могут позволить себе каждый раз ждать наития. Иногда Джон и Пол сочиняют такие обязательные песни вдвоем, но чаще вся группа работает вместе, начиная примерно в два часа дня и к вечеру подводя черту.

Остальные песни в той или иной мере обязательно являются плодом вдохновения. Но даже когда ребят вдруг осенит идея, они очень редко садятся и воплощают ее в жизнь окончательно. Часто она оседает в мозгу и находится там до того времени, когда понадобится. В процессе создания альбома они чаще приносят песню, чтобы ее послушали другие, или приходят в студию с песней, сделанной лишь наполовину. Ленг повинна тут не меньше, чем нечто иное: хочется, чтобы тебе помогли.

Песня Пола «Eleanor Rigby» зародилась в его голове, когда он разглядывал в Бристолле витрину магазина. Ему понравилось имя Дейзи Хокинз. Повторяя в уме это сочетание, он почувствовал его ритмическую основу, воплотившуюся в словах «Eleanor Rigby». В голове Пола целиком сложилась мелодия, но, когда он принес песню в студию, слова все еще не

были готовы. Последний куплет «Битлз» сочинили все вместе, в последнюю минуту, когда запись уже заканчивалась.

Единственная песня, которая родилась сразу и в таком виде была записана, принадлежит Джону и называется «Nowhere Man». Джон не особенно гордится ею.

– Я сидел и пытался сочинить песню. «Вот я сижу, ничего не делаю, никуда не иду», - думал я. Как только я сказал себе это, остальное пришло легко, само собой. Как сейчас помню: я к тому моменту даже перестал стараться. Ничего не получалось. Я плюнул на все и лег. А потом вдруг я подумал о себе, как о Человеке в Нигде, находящемся в стране Ниоткуда.

Вдохновение редко является к ним из воздуха. Оно часто связано с их непосредственным сиюминутным окружением, прошлым («Penny Lane») или настоящим («Lovely Rita»). Джон особенно часто черпает идеи из окружающей его обстановки, когда ищет темы для песен.

– Песня «Mister Kite» пришла готовенькой. Когда я ее сочинял, слова оказались перед моими глазами, написанные на старом плакате, который я купил в букинистической лавке. Мы были в Суррее, или не помню где, и записывали для телевидения «Strawberry Fields Forever». Во время перерыва я пошел в лавку и купил старый плакат с рекламой варьете, где в главной роли выступал мистер Кайт. Там сообщалось также, что в программе принимают участие Хендерсоны, раньше выступавшие на ярмарке Пабло Фанкес. Будут лошади, прыжки через зажженную бочку. Конь Генри. Оркестр играет с десяти до шести. Все будет происходить в Бишопсгейте. Такая вот афиша, и над ней царит мистер Кайт. Мне даже не пришлось ничего придумывать самому - просто связал все это вместе. Слово в слово, правда.

Я не очень гордился той песней. Потому что это не было настоящей работой. Просто я нашел выход из положения, ведь нам нужна была новая песня для альбома «Sergeant Pepper».

Почти такое же «цельнотянутое», как они его называют, вдохновение привело к созданию лучшей, по мнению многих, песни альбома «Sergeant Pepper» «A Day In The Life».

Би-би-си запретило эту песню, так как в ней содержался намек на наркотики-»I'd love to turn you on» [«Мечтаю зажечь тебя» (англ.)]. Даже сам Джон был будто бы доволен ею.

Почти все слова первой половины песни - те куплеты, кокоторые начинаются со слов «I read the news today, oh boy» [«Я сегодня прочитал новости, - ну и ну, братцы» (англ.)], - Джон действительно вычитал из сообщений, которые попались ему на глаза в тот день, когда он сочинял

песню.

– Я ее писал, поставив перед собой на пюпитр рояля газету «Дейли мейл», та была раскрыта на разделе «Новости вкратце» или «Далекое и близкое» - в общем, что-то в этом роде. Там я прочитал абзац про 4000 ям, которые нашли в Блэкберне, в Ланкашире. Нам уже надо было записываться, а в куплете все еще не хватало одного слова. Строчка должна была звучать так: «Now they know how many holes it takes to... something, the Albert Hall» [Теперь они знают, сколько ям требуется, чтобы... что-то «Алберт-холл» (англ.)]. На самом деле это была белиберда, но почему-то я никак не мог придумать глагол. Ну что делают ямы с «Алберт-холл»?

– И Терри произнес этот глагол: «fill» - заполнить «Алберт-холл». На том и остановились. Может быть, именно это слово я искал все время, но никак не мог поймать. Не то чтобы другие подсказывают тебе слово или строчку, они, скорее, вытаскивают на свет Божий то, что прячется у тебя в голосе.

Кинофильм, о котором говорится в этой песне, не упоминался в газете, но это намек на его собственный фильм, в котором он только что кончил сниматься, - «Как я выиграл войну», как побеждает и выигрывает войну английская армия. Фильм был снят по роману.

Прототипом счастливого случая, попавшего в автомобильную катастрофу и добившегося благодаря этому успеха, в определенной степени стал погибший друг Джона и всех «Битлз» - Тара Браун. Брат Пола, Майкл Маккартни, был с ним особенно близок. В день, когда Джон писал свою песню, в газетах появилось сообщение о его смерти.

– Я не стал в точности описывать именно эту катастрофу. Тара ведь не застрелился, но именно о нем я думал, когда сочинял куплет. Он не входил в палату лордов, но был сыном пэра, лорда Оранмора и Брауна, а также членом семейства Гиннесс, а это уже, считай, сама палата лордов. «Goodmorning, Goodmorning» появилась на свет, потому что я услышал по телевидению рекламу кукурузных хлопьев. Я часто сижу у рояля, работаю, сочиняю, а в это время у меня тихонько работает телевизор. И если я не в форме, если у меня не идет, я прислушиваюсь к словам, которые бормочет телевизор. Так, например, я услышал: «Goodmoming, Goodmoming».

Отправной точкой для песен Джона часто становится какой-то ритмический рисунок, слова же потом приспособливаются к нему таким образом, что ритм, состоявший первоначально из трех или четырех нот, повторяется снова и снова и получает возможность развития и в голове Джона, и на его рояле.

Однажды у себя дома в Уэйбридже Джон всего-навсего услышал

полицейскую машину, проезжавшую вдалеке с громко воющей сиреной. Две ноты, вверх и вниз, повторялись вновь и вновь, напоминая нечто вроде примитивного плача. Этот ритм засел у него в голове, и он стал воспроизводить его, пытаясь приспособить к нему слова.

«Mis-ter, Ci-ty, pllice-man, sit-tin, pre-tty» [Аллитерация: «У городского полицейского в машине все в ажуре» (англ.)].

Пробовал-пробовал, а потом чуть-чуть изменил порядок слов: «Sitting pretty, like a policeman», но дальше не пошел. «Из этого получится песня», - сказал он себе. Но сейчас доделывать ее не обязательно. Просто в следующий раз, когда будет нужно, он воспользуется своей заготовкой. «Я записал это где-то на клочке бумаги, я всегда все забываю, поэтому должен записывать; а вообще-то на самом деле я ничего не забываю».

Он написал в этот день еще кое-какие, совершенно нелепые слова, приспособив их к другому ритму: «Sitting on a corn flake, waiting for the man to come» [«Сидя на кукурузных хлопьях в ожидании прихода начальника (англ.)]. Мне послышалось, что он сказал, не «man» [Здесь: начальник (англ.)], а «van» [Фургон (англ.)], - я ошибся, но Джону «van» понравилось больше, и он сказал, что заменит «man» на «van».

У него в голове был и другой обрывок мелодии, на слова «sitting in an English country garden» [«Сидя в английском загородном саду» (англ.)]. Именно так он и проводит каждый день два часа - сидит на приступочке у окна и смотрит на свой сад. На этот раз, предаваясь любимому занятию, он мысленно снова и снова повторял фразу, о том, что же он делает, пока она не сложилась в мелодию.

– Не знаю, что из этого получится. Может быть, куски одной песни, например: «Сидя в английском сельском саду в ожидании фургона». Не знаю.

Так и вышло. Он соединил вместе все эти кусочки и сочинил «I Am The Walrus». В партии сопровождения к этой песне легко угадываются настойчивые звуки сирены полицейской машины, с которых, собственно, все и началось. Так бывает часто. Разрозненные обрывки, возникнув независимо друг от друга, к тому моменту, когда Джону надо освободить голову для новых поисков, соединяются вместе - и песня готова.

Джон зажигается от ритмов, но все чаще и чаще он сочиняет музыку к собственным стихам или мелькнувшим мыслям. Пол же всегда сочиняет сначала мелодию. Однажды Джон проснулся в семь часов утра и не мог больше заснуть. В голове все время звучали слова «pools of sorrow, waves of joy» [«Пруды печали, волны радости» (англ.)]. Он встал, записал их, потом сочинил еще несколько строк - получилось всего десять, и в результате

возникла песня «Across The Univers». В записи того первого, утреннего варианта, когда Джон понимал, что записывает сырой, а то и банальный текст, просто чтобы не останавливаться, его почерк становится все более и более неразборчивым, будто Джон не хочет, чтобы кто-нибудь сумел прочитать стихи, которые ему не нравятся. Ровно так же он поступал со своими детскими стихами или с письмами, которые отправлял Стю, закорючками скрывая от Мими или еще от кого-то, кто может прочесть их, свою нежность и чувствительность.

Кончилось тем, что Джон остался не слишком доволен песней. Она получилась, по его словам, совсем не такой, какой слышалась ему мысленно. Когда в апреле 1968 года «Битлз» приехали из Индии, Джон решил еще раз вернуться к ней, потому что ему в голову пришли новые мысли.

Когда Джон обсуждает свою песню с Джорджем Мартином, то часто прибегает к звукоподражанию, всяким «уау-уау», пытаясь воспроизвести Джорджу то, что звучит у него в голове. Джон не обладает уверенностью Пола, цо крайней мере кажется, что не обладает, поскольку настойчиво спрашивает мнение других, после того как они прослушали дорожку. Пол обыкновенно сразу говорит: «Ну-ка, давайте еще раз запишем».

«Neh, Bulldog» - еще одна песня Джона, которая родилась благодаря сочетанию слов, вызвавших на свет музыку. Эту песню, появившуюся в «послегастрольный» период, они записали на пластинку, наверное, быстрее всех остальных в феврале 1968 года, практически за один день, с начала и до конца. Как-то они пришли в студию, чтобы их отсняли в трехминутном рекламном ролике для песни Пола «Lady Madonna», записанной на одной из сторон в мартовском сингле 1968 года.

– Пол сказал, что надо, не откладывая, сочинить новую песню прямо здесь, чтобы не терять времени. Могу ли я быстренько сочинить ее? У меня дома завалились какие-то слова, которые я захватил с собой. Остальные мы досочинили вместе с Нилом и всеми остальными в студии.

Джон в общих чертах рассказал им, как ему слышится эта песня, они взяли инструменты, начали играть, и таким образом получилось сопровождение, а киношники в это время их снимали.

Слова менялись во время пения, потому что Пол, например, не мог разобрать почерк Джона. Скажем, в одной строчке было написано «measured out in» [Промерено (англ.)], а Пол спел «measured out in you» [Промерено тобой (англ.)], что, по всеобщему мнению, звучало лучше. Когда «Битлз» начали записывать песню, в ней не было даже намека на бульдога. Там говорилось о лягушке-быке [игра слов: bulldog-бульдог; bull-

frog-лягушка-бык (англ.)], и Пол стал лаять, чтобы рассмешить Джона. Лай немедленно подхватили все остальные, и поэтому название песни изменилось. Джон сказал, что «бульдог» очень подходит. Как будто это песня о собаке, которая все время лает, пристаёт, тянет куда-то, точь-в-точь как девица из песни. Потом Джон взял ситар и стал петь песню с Ланкаширским произношением, но в песню это не вошло.

Джон сочиняет главным образом у рояля, часами перебирая клавиши, позволяя своим мыслям растекаться, почти впадая в транс, в то время как пальцы его нащупывают зачатки мелодии. «Здесь у меня еще одна. Несколько слов. По-моему, из какой-то рекламы. «Cry baby cry, make your mother buy» [«Плачь, детка, плачь, заставь маму что-нибудь купить» (англ.)]. С этими словами я исползал весь рояль, а теперь - пусть гуляют. Все вернется, если я захочу. Иногда я встаю из-за рояля действительно как сомнамбула. Бывает, чувствую, что упустил несколько слов, но я мог бы поймать их, если бы захотел».

Пол чаще работает над песней целиком, не собирая ее по кусочкам. Но сплошь и рядом случается, что песни остаются незаконченными. И даже доработанные, они лежат иногда без дела в течение долгого времени. Песня «When I'm Sixty Four» [«Когда мне шестьдесят четыре» (англ.)] (возраст выбран в честь отца Пола) была написана в давние времена, еще в дни «Кэверн», и пролежала до того времени, пока, выскочив вдруг на свет Божий, оказалась идеально подходящей для пластинки «Sergeant Pepper».

Иногда, если у Джона и Пола завелось по полпесни, они соединяют их, чтобы сделать одну. Классический пример - «A Day In The Life».

– Я написал начало и дал Полу послушать. А теперь, сказал я ему, нам нужно примерно восемь тактов в серединку. Пол спросил: «А вот такое не подходит? «Woke Up. Fell out of bed, dragged a comb across my head» [«Проснулся, выпал из кровати, продрал расческой волосы» (англ.)]». Эту песню он написал раньше, не имея ни малейшего представления о моей, сам по себе. Я сказал: точно! Это то, что надо.

Потом мы подумали, что нужно сочинить кусок-связку, такое адское нарастание, чтобы вернуться к началу. Нам хотелось, чтобы у песни был хороший конец, - какое сопровождение, какие инструменты подойдут для этого больше всего? Все наши песни находятся в работе до самого конца - мы ищем, что-то меняем, вводим другие инструменты.

Очень часто сопровождение, которое я задумал, так и не получается. Когда я сочинял «Tomorrow Never Knows», то мечтал, как песня будет звучать под хор тысячи монахов. Конечно, это было неосуществимо, и мы придумали что-то другое. Но мне хотелось хоть немного приблизиться к

первоначальной идее монашеского песнопения, потому что песня требовала именно этого.

Длительное пребывание «Битлз» весной 1968 года в Индии у Махариши дало толчок для сочинения новых песен - отнюдь не индийских. Странное, чуждое «Битлз» окружение Гамбурга вызвало в свое время к жизни настоящий ливерпульский звук. (Маршалл Маклюэн, считающий себя экспертом по «Битлз», говорит, что это прямое доказательство его теории: когда новая среда как бы окружает старую, то старая становится искусством.) Именно такое воздействие, по крайней мере на Пола, произвела Индия, вернув его к воспоминаниям детства, вестернам и голливудским мюзиклам.

Как бы то ни было, но, когда «Битлз» вернулись из Индии, Джон и Пол написали по шесть или семь песен каждый - вполне достаточно для новой долгоиграющей пластинки. У них сложилось четкое представление о характере и содержании нового диска: этот альбом должен был состоять из песен, сочиненных для несуществующего мюзикла. Поначалу они хотели назвать его «Doll's House». Долл - это имя девушки, а ее дом - это источник удовольствий для всех персонажей «мюзикла», собирающихся у Долл. Но впоследствии они обнаружили, что название «Doll's House» уже существует.

Всем друзьям, которые во время ленча заходили к Полу, чтобы срочно рассказать ему об ужасных событиях, произошедших за время его отсутствия, Пол играл и пел свои песни, а Джейн, изображая сопровождение, подпевала ему. «Нет, нет, - прерывал друзей Пол, - не рассказывайте мне ничего, лучше послушайте это». И он начинал петь песню о Роки Рэкуне, который зашел в свою комнату и не обнаружил там ничего, кроме Библии издательства Гидеона. Рифмуя «Bible» с «rival» [Соперник (англ.)], он улыбался с извиняющимся видом. Пол написал также песню о мусоре на свалке. После строчки «broken hearted jubilee mug» [«Юбилейная кружка с разбитым сердцем» (англ.)] он сделал паузу: «Не правда ли, как хорошо звучит в песне слово «jubilee»?» Потом он спел строку о девушке, сидящей вдалеке с красным зонтиком, - остальные слова заменяло «ла-ла-ла». Но самое большое удовольствие ему доставляло исполнение псевдонародной американской песни о том, как это замечательно - снова оказаться в СССР. Припев он пел, подражая группе «Бич Бойз». Брат Пола Майк спросил, почему бы не пригласить самих «Бич Бойз», чтобы они спели припев. Но Пол сказал - нет. Несмотря на явные и многочисленные недоделки в его песнях, Пол в отличие от Джона не принимал никаких предложений со стороны, но и не хвастался, - просто

пел. Ему хотелось поделиться удовольствием, которое он испытывал, начиная сочинять новые песни, прежде чем он их закончит или забудет навсегда.

И Джону, и Полу, и Джорджу очень трудно добиться того звучания, которое они мысленно слышат, но во сто раз труднее приходится Джорджу Мартину. Они бросают ему разрозненные куски фонограмм, которые просто невозможно соединить, или ставят перед ним проблемы, почти неразрешимые, - во всяком случае, быстро. Подобно тому как в свое время «Битлз» пожелали арендовать для съемок фильма «Волшебное таинственное путешествие» студии Шеппертона, заявив о своем намерении сделать картину за неделю, так теперь они за ночь могут принять решение пригласить на завтра оркестр из сорока человек. Они не сомневаются, что Джордж Мартин его добудет. Иногда Джорджа забавляет недостаток музыкальных познаний «Битлз». «Они, например, могут попросить, чтобы скрипки взяли фа малой октавы, что, естественно, невозможно».

Но он не только одобряет, - он сам получает удовольствие от их метода записываться, когда они наслаивают дорожку на дорожку, пока не добьются нужного звучания. Он всегда увлекался электроникой, с тех самых пор, когда извлекал из электронных инструментов разные смешные эффекты для пластинок Питера Селлеса. Джордж считает, что для воплощения всего задуманного «Битлз» им нужно шестьдесят четыре дорожки, а не четыре.

– Однажды я видел фильм о том, как работает Пикассо. Он начинает с главной идеи, а потом видоизменяет ее, прибавляя все новые и новые подробности, так что изначальная идея может вообще исчезнуть.

Сложности возникают не в тех случаях, когда надо добавить какую-то деталь к уже записанной дорожке - это еще куда ни шло, - гораздо труднее вынуть кусочки из двух разных дорожек. Больше всего хлопот в техническом отношении доставила запись песни «Strawberry Fields». «Битлз», как обычно, записали основные дорожки, и как раз тогда Джон, позанимавшись дома, заявил, что вышло вовсе не то, чего он хотел.

– Он представлял себе нежную мечтательную песню, а у нас, сказал он, получилось что-то грубое. Он спросил, могу ли я по-новому выстроить струнные. Я сделал новую аранжировку, и мы записали ее. Но ему опять не понравилось. Все равно что-то было не так. Теперь он хотел, чтобы в первой половине была старая запись, а во второй - новая. Могу ли я так соединить их? Я сказал, что это невозможно. Разные тональности и разные темпы.

Пока Джордж Мартин ломал голову над тем, как решить эту задачу, не

записывая все сызнова, он вдруг понял, что если ускорить медленный темп примерно на пять процентов, то совпадут не только темпы, но и тональности. По счастью, его идея сработала, и ему удалось соединить обе половины без особых мучений.

«Битлз» никогда не беспокоили сомнения по поводу того, возможно или нет что-либо сделать; так же, как не тревожили их замечания Джорджа Мартина о том, что их новая идея на самом деле оказывалась старой. Так, в конце песни «She Loves You» они наткнулись на мысль, которая показалась им открытием. Она заключалась в том, чтобы на последнем «йе-йе» опуститься на терцию ниже.

– Я сказал им, что это старо как мир. Глен Миллер делал такое двадцать лет назад. «Ну и что, - ответили они. - А мы все равно так хотим».

Джордж Мартин делит свою работу с «Битлз» на два периода.

– Вначале они не могли обойтись без меня, я был им необходим. Они ничего не умели и полностью полагались на меня, чтобы воспроизвести свое знаменитое звучание, тот совершенно оглушительный звук, который они производили в «Кэверн», но который еще никогда не записывался на пластинки. Ведь Клифф и группа «Шэдоуэ» были тихими и сдержанными. Теперь начался второй период, когда они точно знают, чего хотят, а я должен им все устроить.

Между этими периодами я превратился из полновластного хозяина четырех парнишек из Ливерпуля в то, чем являюсь сейчас, когда с трудом пытаюсь сохранить остатки бывшего могущества звукорежиссера.

Это, конечно, наполовину шутка, - с надеждой добавляет Джордж. Обе стороны слегка посмеиваются друг над другом. «Битлз» чуть-чуть издеваются над Джорджем. А он чуть-чуть издевается над их наивностью и «невинностью». Джордж искренне озабочен тем, что в один прекрасный день это безобидное подтрунивание может завести их слишком далеко, не в музыке, скажем, а в кино, когда «Битлз» откажутся от советов такого опытного человека, как он. Он всегда считал, что они преувеличили свои возможности, взявшись за телевизионный фильм. И, судя по реакции британской критики, Джордж, как он думает, оказался прав.

Наиболее музыкально одаренным из всех «Битлз» Джордж считает Пола с его способностью сочинять песни почти по заказу.

– Он вроде Роджерса и Харта [Композиторы, авторы популярных песен и мюзиклов], вместе взятых. Может легко выдать великолепный шлягер. Не думаю, что он склонен к зазнайству. Пол все время старается работать лучше и лучше, пытаясь сравняться с Джоном в сочинении стихов. Встреча с Джоном вообще способствовала его поискам большей

глубины в стихах к песням. Не будь Джона, сомневаюсь, чтобы Пол написал «Eleanor Rigby», - говорит Джордж. - Пол нуждается в аудитории, Джон - нет. В отличие от Пола Джон очень ленив. Без Пола он давным-давно бросил бы все. Джон пишет для собственного удовольствия. Он вполне удовлетворился бы, играя свои мелодии для Син. Пол любит публику.

Взгляды Джона на музыку очень интересны. Однажды я играл ему «Дафниса и Хлою» Равеля. Он сказал, что никак не может схватить эту музыку, потому что мелодии слишком длинны. Для него сочинение музыки - это создание коротких отрывков, которые потом надо соединить.

И у Пола, и у Джона настоящий музыкальный талант, природный и оригинальный, но одарены они по-разному. Пол может легко написать такую очаровательную музыку, как «Michelle» и «Yesterday». Музыка Джона менее гладкая, более агрессивная, как, например, в песне «I Am The Walrus». В каком-то смысле это различие проистекает из особенностей их натуры. Задолго до того, как они начали сочинять песни, Джон отличался резкостью, агрессивностью, а Пол очаровывал всех своим обаянием и приветливостью.

Но, может быть, самое поразительное в них как композиторах заключается в том, что, несмотря на то что Пол и Джон в течение более десяти лет писали музыку вместе, они полностью сохранили свои индивидуальности, свое «я».

Даже напротив - своеобразие творческой натуры каждого с годами становилось все сильнее. В дни, когда они писали рок-н-ролл, в их музыке было много общего, но после «Yesterday» песни Пола и Джона стало легко отличить друг от друга. Их взаимовлияние проявляется в том, что Пол совершенствует свои стихи, а Джона подхлестывает увлеченность Пола и его преданность делу. Но они совершенно разные.

Музыку «Битлз» постоянно анализировали, изучали и интерпретировали начиная с 1963 года, когда музыкальный критик «Таймс» восхищался их «диатоническими кластерами». Говорят, что они испытали на себе многочисленные влияния, от негритянских блюзов до венгерских танцев.

Как только стало известно, что «Битлз» принимают наркотики, критики стали обнаруживать в их песнях соответствующие намеки. И даже слово «help» [Помощь (англ.)] в песне Ринго «A Little Help From My Friends» означало якобы наркотический кайф.

Кто-то объявил, что в песне «Lucy In The Sky With Diamonds» речь идет об ЛСД, хотя сходство аббревиатур чисто случайное: сынишка Джона

Джулиан нарисовал для папы картинку, где его одноклассница Люси изображена на небе. В Америке сделали глубокомысленный вывод, что слова «meeting a man from the motor trade» [«Встретить человека, занимающегося мотором» (англ.)] могут подразумевать только одно: специалиста по абортам. На самом деле это был шуточный намек на их друга Терри Дорана, который когда-то продавал автомобили.

Действительно, в песнях «Битлз» встречаются сленговые выражения наркоманов, но вовсе не часто. Как ни странно, некоторые намеренные сленговые непристойности прошли совершенно незамеченными. Например, в песне «Penny Lane» упоминается пирог с пальчиками - старинная неприличная ливерпульская шутка, которую позволяют себе ливерпульские парни в отношении ливерпульских девиц.

«Битлз» от души смеются над различными интерпретациями своих сочинений. В песне «I am The Walrus» Джон нарочно оставил в тексте все каламбуры, перенес на бумагу всю чепуху, которая мелькала в его голове, уверенный в том, что найдутся люди, которые тотчас начнут искать во всей этой белиберде глубокий смысл и анализировать ее со всех сторон.

«Битлз» вовсе не волнует вопрос, являются ли они на сегодняшний день лучшими композиторами-песенниками в мире или, как пишут некоторые, даже превосходят Шуберта. Они никогда не обсуждают свою музыку или пытаются дать ей оценку. Когда Полу пришлось высказаться по этому поводу, он сказал: «Ясно, что со временем мы пишем все лучше и лучше».

– Каждый раз мы хотим сочинить что-то совсем новое. После «Please Please Me» мы решили стать совершенно другими в следующей песне. На первую мы надели вроде как смешную шляпу, а для следующей нужна другая. И вообще, зачем возвращаться назад? Все равно что носить всю жизнь серые костюмы.

Думаю, каждому хотелось бы в своей работе делать все время что-то разное. А мы так и делаем, это наше хобби. Мы откидываемся в кресле, кладем ноги на стол и все время наслаждаемся.

Джорджу кажется, что они еще не сочинили достаточно много песен, достойных обсуждения (о его песнях мы поговорим отдельно). Но частенько и Джордж скучает по старым добрым временам.

– Я часто думаю, как было бы хорошо, если бы мы снова могли играть вместе. С тех пор как закончились гастролы, мы никогда не играем вместе. Может быть, когда-нибудь мы снимем студию, чтобы играть в ней для самих себя.

– Хорошие песни, - говорит Джон, - но ничего выдающегося. Когда я

слышу их по радио, они меня совершенно не трогают. Я ведь никогда не слушаю их основательно. Если бы кто-нибудь напал на них, говорил, что они слабые, неинтересные, у меня, может, возникла бы на них какая-нибудь реакция.

«Битлз» никогда не слушают свои пластинки, разве только начиная записывать новый альбом, - тогда они могут поставить на проигрыватель предыдущий диск, чтобы посмотреть, что получилось в последний раз. Никто из них не поет собственных песен ни до записи, ни после нее. И когда Джон или другие начинают куплет из «She Loves You», это звучит так, будто они издеваются над дешевым шлягером, который написал кто-то другой.

– Мы наслушались этих песен, когда записывались, - говорит Джон. - Сеанс закончен, и дело с концом.

Не выношу слушать кусочки, которые не получились. Есть места, которые мне не нравятся в «Lucy In The Sky». Кое-что не получилось в «Mr. Kite». Мне нравится песня «A Day In The Life», но все равно она вдвое хуже, чем представлялась мне, когда я ее сочинял. Наверное, надо было поработать над ней побольше, но я уже не мог - она, как говорится, стала у меня поперек горла.

Я не думаю, что наши старые песни так уж отличаются от новых, как утверждают многие. Слова, конечно, совсем другие. А мелодии, музыка очень похожи.

Наверное, наша музыка так безразлична мне, потому что другие принимают ее слишком всерьез. В какой-то степени это приятно, но чаще вызывает во мне чувство протеста.

Конечно, очень мило, что наши песни нравятся людям, но, когда они начинают «оценивать» их, искать глубинные открытия, делать из них Бог весть что, - это чушь собачья. Это доказывает только то, что мы всегда верно судили о большинстве видов так называемого искусства. Все это - дерьмо. Мы всегда ненавидели их писанину, они только делали вид, будто это страшно важно - вся их болтовня насчет Бетховена и балета. А теперь они принялись за нас. Смысла-то никакого. Нужно несколько человек, чтобы запустить машину, а потом они сами себя уговаривают, и обманывают, и убеждают, что это очень важно. Короче говоря, один большой обман - вот что это такое.

Мы - тоже обман. Мы знаем, что обманываем людей, потому что они хотят быть обманутыми. Они предоставили нам свободу обманывать их. Давайте-ка воткнем вам как следует, говорим мы, а они хватаются за голову и начинают размышлять. Я уверен, что так поступают все художники, когда

понимают, что все это сплошной обман. Пикассо уж точно откалывает штучки будь здоров. Держу пари, за последние восемь лет он так ржал, что живот надорвал. Все это, вообще-то, печально. Когда мы не смеемся, это значит, что мы обманываем себя, принимаем себя всерьез, начинаем думать, что имеем значение. Почему-то люди не хотят просто посмеяться. Если бы, написав песню «She's Leaving Home», мы сознались, что и в самом деле думали о бананах, никто бы нам не поверил. Они не хотят верить в такое.

Мысль о том, что, понимая все это, мы всегда были правы, все годы, страшно угнетает. И Бетховен - обман, так же как мы. Он просто делал свою работу, и все.

Вопрос вот в чем: понимает ли Бетховен и люди подобного рода, что они обманщики? Или они действительно думают, что имеют значение? Вот, например, премьер-министр понимает, что он обыкновенный парень? Не знаю. Может, и он попадает на удочку всего этого притворства и перестает понимать, что он делает. Самое противное заключается в том, что послушаешь его, и вроде кажется: он-то все понимает, а на самом деле ни черта не понимает.

Вокруг все думают, что «Битлз» понимают, что к чему. Ничего подобного. Мы просто делаем свое дело. Люди хотят понять, каков внутренний, настоящий смысл песни «Mr. Kite». Да никакого. Я просто сочинил песню, и все. Собрал в кучу много слов, а потом впихнул в них еще много шума. Я не понимал эту песню, когда сочинял ее. Я не верил в нее, когда мы ее записывали. Но никто в это не поверит. Они не хотят. Им всем обязательно надо, чтобы во всем был глубокий смысл.

31. Джон

Джон живет в Уэйбрвдже, в Суррее, в одном из просторных домов в псевдотюдорском стиле, которыми сплошь застроена вся прилегающая территория, принадлежащая частному владельцу. Поблизости обосновался и Ринго. Дом обошелся Джону в 60 000 фунтов, хотя купил он его за 20 000. Остальные 40 000 фунтов ушли на то, чтобы привести дом в порядок, поменять расположение комнат, изменить по своему вкусу интерьер, меблировать, переделать сад и построить плавательный бассейн. Джон и сам понимает, что потратил на все это слишком много. «Если бы я продал его теперь, то, наверное, выручил бы не больше 30 000. Не иначе как придется искать какого-нибудь поп-певца или другого пижона, чтобы продать ему дом».

В саду стоит психоделически раскрашенный трейлер в тон цветному «роллс-ройсу». Дом венчает собою пригорок, а участок плавно спускается вниз. У Джона работают постоянный садовник, экономка Дот и шофер Энтони. Все они живут отдельно от него.

Передняя, довольно темная и заставленная книгами, ведет в очень большие, светлые, поражающие роскошью убранства комнаты. Длинные мягкие диваны, толстые ковры, сплошь покрывающие полы, элегантные занавески, - все новехонькое, как в голливудской студии. Но среди этого великолепия попадаются и странные предметы - то старые плакаты, то какие-то древности. Здесь явно приложил руку Джон: это вещи с возрастом, и ясно, что выбирал их не художник по интерьеру, а сам хозяин, но потом, как только его увлечение прошло, вещи были брошены и забыты.

И гостиные, которыми никто не пользуется, хотя в них поддерживается идеальная чистота, и коридоры наводят на одну мысль - они служат для того, чтобы через них выйти из дома. Вся жизнь сосредоточена в прямоугольной комнате в дальней части дома. Одна из стен этой комнаты целиком сделана из стекла, через которое видны сад, деревья.

Джон, его жена Синтия и их сын Джулиан (он родился 8 апреля 1963 года) большую часть времени проводят в этой комнате и в кухне. Окружающее богатство словно не имеет к ним никакого отношения, - это царство Дот.

На своей территории Син ухаживает за семьей сама. Она готовит на всех троих, хотя и Джон иногда занимается чаем. Син сама воспитывает Джулиана. У него никогда не было няни, и, если родители уходят куда-

нибудь, с ним остается Дот. Дот присматривала за Джулианом и в 1968 году, когда Джон и Син ездили в Индию.

Син частенько беспокоится, что приходится тратить столько денег на этот огромный дом, которым они практически не пользуются. Джон находит это страшно смешным.

– Тут любая вещь стоит целое состояние, - говорит Син. - Джон тратит деньги направо и налево, это соблазнительно, и я все время чувствую себя виноватой. Мне приходится иногда сосредоточиться, чтобы вспомнить, что эти деньги значили бы для других людей. Мы тратим на еду и напитки какие-то громадные суммы, хотя питаемся очень просто: хлеб, чай, сахар, молоко, еда для кошки и всякие безалкогольные напитки, - сами-то мы ведь не пьем. И все равно набегает около 120 фунтов в месяц. Не знаю, как это получается.

У них пять кошек. В их именах отразились разные стадии жизни Джона. Одну кошку зовут Мими, в честь тети, потом следуют Нил и Мэл, тезки гастрольных администраторов. Котенка, родившегося летом 1967 года, в разгар увлечения йогой, назвали Бебиджи.

Большинство регулярных платежей, например за газ и электричество, находится в ведении их бухгалтера. За остальное Син расплачивается сама.

– Иногда я открываю конверты со счетами, - рассказывает Джон. - И если мне в них что-нибудь непонятно, я откладываю их куда-нибудь подальше и тут же забываю о них, пока не начинают приходить жалобы. Тогда я все-таки спрашиваю, почему что-то так, а не эдак, но эти ребята всегда отвечают примерно так: «Ну, сэр, видите ли, сэр, дело обстоит вот так, сэр...» Так что выяснять у них что-нибудь - без толку.

Каждый из «Битлз» получает еженедельно по 50 фунтов пятифунтовыми ассигнациями на личные расходы, как штатные служащие. Но при себе у них обычно денег нет.

– Я не знаю, сколько у меня денег, - говорит Джон. - Вряд ли в моем саду зарыт сундук с сокровищами. Подозреваю, что я вовсе не так богат, как представляется многим. Все деньги куда-то вложены. Однажды я спросил бухгалтера, сколько у меня там всего. И записал сумму на клочке бумаги. Но потом я этот клочок потерял.

Их маленькая любимая прямоугольная гостиная битком набита плакатами, безделушками и фотографиями. К одной из стен приколот листок с огромными буквами: «Молоко безвредно».

В этой комнате они едят, смотрят телик, а когда холодно или идет дождь, Джон, если он не записывается или не сочиняет, проводит здесь все время, свернувшись калачиком на маленьком диване, просто ничего не

делая. Этот диванчик ему явно мал, и совершенно очевидно, что гораздо удобнее ему было бы растянуться на каком-нибудь из роскошных диванов в другой комнате, но он подтягивает ноги и может лежать так часами. Если же на улице хорошая погода, Джон открывает скользящую стеклянную дверь, выходит, садится на приступочку и смотрит на свой бассейн и английский сад.

На звонки в дверь обычно отзываются Энтони или Дот, но, когда Джон в духе, он открывает гостям сам. К телефону подходит очень редко. До него практически невозможно дозвониться, потому что он установил автомат, который отвечает на звонки и записывает все, что нужно передать хозяевам. Этот автомат сам по себе отбивает у большинства людей охоту поговорить с Джоном по телефону. В трубке раздается голос, который сообщает: «Уэйбридж, четыре, пять, уабл'ю, дабл'ю. Пожалуйста, передайте, что бы вы хотели сказать».

Его номер, который, разумеется, не значится в телефонном справочнике, - постоянно меняется и, таким образом, как бы засекречен. Для Джона это действительно секрет, потому что он никогда не может запомнить свой номер.

...Обычный вечер в семье Леннон. В дверь постучали два коммивояжера. «Мы - студенты из Австралии, - сообщили они, - продаем журналы». Джон сам открыл дверь и впустил их. Они соревнуются друг с другом, объяснили студенты, чтобы посмотреть, кто из них добудет больше подписок. Премия поможет им продолжать учебу. Во всяком случае, так они сказали. Джон ответил: «Ну да, что ж, ну давайте. А что я должен сделать?» Они достали список журналов и попросили Джона поставить галочки рядом с теми, которые он хотел бы читать. Джон поставил массу галочек, и два студента-коммивояжера подсчитали, что это будет стоить 74 фунта. Джон согласился: «О'кей, сейчас, подождите, я поищу деньги». Нашел 50 фунтов, предназначенных на домашние расходы, и отдал им. Студенты сказали «замечательно», поблагодарили его и ушли.

Син приготовила для семьи ужин. Они закусили куском дыни, затем последовало блюдо из холодного мяса с овощами. Джон не ел мясо, потому что стал вегетарианцем. Все это они запивали холодным молоком.

У Джона выпала пломба, он все время нашаривал языком дырку в зубе и издавал во время еды свистящие звуки. Потом пошел в кухню, открыл холодильник и выпил еще ледяного молока. Син сказала, что вряд ли это полезно для его зуба.

Во время ужина без перерыва работал телевизор. Они развернули стулья так, чтобы можно было его смотреть. Син и Джон то и дело щелкали

переключателем. Ни одна программа не занимала их больше десяти минут. Джон молча смотрел через очки на изображение, с каким-то потерянными безучастным видом. Син читала «Дейли миррор». Джулиан глазел на экран и бормотал что-то про себя. Потом он встал из-за стола, лег на ковер и начал рисовать. Син дала ему цветные ручки. Джон и Син наблюдали за Джулианом, спрашивали, что он рисует. «Клетку для птицы, вроде той, что висит в саду». Он объяснил все, что происходило на его рисунке. Джон и Син с улыбкой выслушали его рассказ.

Потом Джон раздвинул стеклянную стену, сел на приступочку, чтобы подышать свежим воздухом, и устроился на бассейн. Там на поверхности вертелся и жужжал автоматический фильтр, словно только что севший на воду космический корабль. Джулиан вышел вслед за отцом и направился к бассейну. Он бросил туда пару весел, потом вытащил их и вернулся в дом. Синтия убрала со стола.

Приехал Терри Доран, все очень ему обрадовались, включая и Джулиана, который тут же уселся к нему на колени.

– Ты хочешь, чтобы папа уложил тебя? - спросила Син у Джулиана, обменявшись улыбкой с Джоном. - Или, может быть, Терри?

– Терри, - оказал Джулиан. Но Син взяла сына на руки и уложила его сама.

– Ну что, может, скрутишь нам несколько штук? - спросил у Терри Джон.

– Отчего же, конечно, - ответил Терри. Джон встал, достал жестяную коробку, открыл и протянул ее Терри. В коробке лежали завернутый в фольгу табак и папиросная бумага. Терри скрутил пару сигарет, и они закурили, передавая сигареты друг другу. В то время они иногда употребляли марихуану. Теперь это осталось в прошлом.

Вернулась Син. Телевизор по-прежнему был включен. Они посидели, поглядели, без конца щелкая переключателем. Так продолжалось до полуночи. Син сварила им какао. Терри уехал, а Джон и Син пошли спать. Джон сказал, что будет читать книжку, которую кто-то ему подарил.

– Ну вот, - огорчилась Син, - я же первая собиралась ее прочесть.

– Я очень рад, что добился чего-то молодым. Это значит, что теперь передо мной целая жизнь, и я могу делать то, что действительно хочу. Какой ужас - потратить всю жизнь на борьбу за успех, а потом обнаружить его бессмысленность. Мы понимали, что так и получится, но должны были убедиться в этом сами.

Долгое время мы ставили перед собой определенные ближайшие цели и никогда не заглядывали вперед. Это была целая серия целей: скажем,

записать пластинку, потом занять первое место, выпустить еще пластинку, сделать фильм и так далее. Все это рисовалось нам как какие-то ступеньки, мы не задумывались о масштабах происходящего. Теперь я могу. Промежуточные мелкие стадии меня больше не интересуют. Например, актерская игра... Для меня это потеря времени. Писать... Что ж, я уже написал немало. Хотел написать книгу и издать ее, - была такая идея.

Теперь меня интересует нирвана, буддийский рай. Я недостаточно разбираюсь в сути дела, чтобы объяснить, что это такое. Джордж знает больше.

Изучение религии привело меня к тому, что я стараюсь улучшать свои отношения с людьми, не быть неприятным. Не то чтобы я сознательно стремился перемениться. Хотя, может, и так. Не знаю. Я просто пытаюсь стать таким, каким хочу быть и какими я хотел бы видеть других.

Наркотики, наверное, помогли мне лучше понять себя, но не очень. Во всяком случае, не марихуана. Это просто баловство. А вот ЛСД способствовал самопознанию, я вышел на верный путь. На меня вдруг нахлынули поразительные видения. Но чтобы эти видения возникли, нужно заранее искать их. Может быть, сам того не понимая, я искал их и раньше и в любом случае нашел бы, просто потребовалось бы больше времени.

В первый раз мы попробовали ЛСД совершенно случайно. Мы с Джорджем были на каком-то ужине, и там нас угостили этим наркотиком - мы тогда мало что о нем знали. До тех пор мы пробовали только травку. Мы ничего не слышали об ужасах, связанных с ЛСД. Никто не наблюдал за нами, хотя это было необходимо. Когда мы попробовали его, нам показалось, что мы спятили.

Но чтобы прийти в такое состояние, существуют и другие способы, гораздо лучше. Я ничего не имею против христианства и христианских идей. Думаю, сегодня я не позволил бы себе шутить по поводу Иисуса. Теперь я представляю себе мир иначе. Мне кажется, что буддизм проще и логичнее, чем христианство, но, конечно же, я не противник Иисуса. Когда Джулиан пойдет в школу, я позволю узнать ему об Иисусе все, что только можно, но обязательно скажу ему, что существовало много других Иисусов; я расскажу ему о буддистских Иисусах, которые тоже были очень хорошими людьми.

Когда я сострил насчет Иисуса, масса людей прислала мне книги о нем. Многие из них я прочитал и немало узнал. Например, открыл, что англиканская церковь не очень-то религиозна. Там слишком много политики. Религия и политика несовместимы, они не сочетаются друг с другом. Нельзя быть одновременно и чистым, и стоять у власти. Может

статья, я выясню, что и гуру такие же, насквозь пропитаны политикой. Не знаю. Но я все острее осознаю себя. И хочу, чтобы мне больше рассказали обо всем этом. Я не знаю, надо быть бедным или нет. Но чувствую, что мог бы отказаться от всего. На это тратится впустую много энергии. Но мне нужно время, чтобы понять, ради чего я откажусь от богатства, чем я заменю материальные блага. Я могу отказаться от них, но сначала я должен найти себя.

Син сказала, что не заметила в нем особых перемен. Может быть, он стал мягче. Спокойнее, терпимее. Но он по-прежнему необщителен. «Может быть, я эгоистка, - говорит Син, - мне просто намного легче, когда Джон все рассказывает мне».

Джон признается, что никогда не отличался общительностью. Он прочел интервью со своим шофером Энтони, помещенное в цветном приложении: Энтони там рассказывает, что, когда он долгими часами возил Джона по Испании во время съемок его фильма, тот и словечком с ним не обмолвился. «Вот уж не думал такого о себе, пока не прочитал интервью».

Однажды Джон молчал, ничего не делал и ни с кем не общался целых три дня - это его рекорд. Он установил его задолго до того, как начал заниматься медитациями. «В этом деле я мастак. Могу встать и с ходу начать ничего не делать. Просто сажусь на ступеньки, смотрю в пространство и думаю, пока не придет время ложиться спать».

Джон не считает такое времяпрепровождение пустым. Было куда хуже, когда, например, сразу после прекращения гастролей он не вставал с кровати до трех часов дня. Теперь он по крайней мере старается встать вовремя и застать солнышко. Он говорит, что раз уж он ничего не делает, то пусть хотя бы это ничегонеделание происходит при свете солнца.

Однако даже в те дни, когда Джон настроен словоохотливо, Син, подобно тетушке Мими, признается, что с трудом понимает его. Правда, теперь, после встречи с Махариши, увлекшись буддизмом, Джон старается более внятно излагать свои мысли.

– Мне на самом деле трудно проводить день в общении с людьми. Ведь в разговорах с ними нет никакого смысла. Иногда я упражняюсь в светской болтовне, чтобы посмотреть, на что я способен, но это для меня как игра. «Как поживаете? Который час? Как идут дела?» И прочая чушь.

Главное состоит в том, что говорить больше не о чем. Мысленно я все время с кем-то общаюсь как одержимый, но пытаться выразить эти мысли словами - совершенно пустое дело.

Наш язык, язык «Битлз», закодирован, мы всегда пользовались нашим кодом, когда во время гастролей оказывались в окружении массы чужих

людей. Мы никогда не общались с другими. Теперь, когда мы не видим иностранцев, нам вообще ни к чему разговаривать. Мы друг друга понимаем. Остальное не имеет значения.

Хотя мы прекрасно чувствуем друг друга, бывает, все-таки собираемся, чтобы перекинуться парой слов, - иногда надо высказаться громко, вслух, чтобы не забыть, о чем мы договорились.

Днем я часто предаюсь грезам. Наверное, это все равно что болтать, поэтому напрасно я так уж презираю бессмысленную трепотню. Обыкновенные дневные грезы: что я сегодня буду делать, встану или нет, буду сочинять или не буду, к телефону не стану подходить ни за что на свете.

Разговоры - это самая медленная форма общения. Музыка гораздо лучше. Мы обращаемся к внешнему миру через музыку. Говорят, в нашем бюро в Америке все время крутят пластинку «Sergeant Pepper», чтобы узнать, о чем мы думаем здесь, в Лондоне.

Иногда у меня случаются разговорные припадки. Я иду и болтаю обо всем подряд с Дот, или с садовником, или с Энтони - проверяю, не разучился ли я разговаривать. Они страшно удивляются.

Самая сильная перемена, произошедшая с Джоном, - это явный спад его агрессивности. Все близкие друзья Джона заметили это и объясняют появившуюся в Джоне мягкость успехом.

— Для этого понадобилось немало времени, - говорит Айвен Вон, друг Джона со школьной скамьи - Еще пару лет тому назад он сплошь и рядом давал выход застарелой враждебности, не желал разговаривать, бывал груб, хлопал дверью перед носом. А сейчас он уже дошел до того, что говорит: «Заходите, садитесь, пожалуйста».

Другой школьный друг, Пит Шоттон, открывший магазинчик фирмы «Эппл», соглашается, что шероховатости характера Джона сгладились.

— То хорошее, что я всегда в нем чувствовал, теперь вышло наружу. Ведь только учителя считали его последним негодяем. В те времена никто не хотел верить в то, что я в нем угадывал. Замечательно, что он так счастлив, - продолжает Пит. - Все детство и юность он стремился стать первым, непременно быть лидером. Он должен был либо со всеми передрасться, либо, если соперники оказывались сильнее и старше, уничтожить их морально - сарказмом, иронией, издевками.

Сегодня Джон уже не старается ничего доказывать. Ему не надо быть первым, и поэтому он счастлив. Это изменение можно увидеть. Обычно Джон шел в школу или в Художественный колледж, согнувшись в три погибели, опустив голову, не поднимая глаз, как запуганный насмерть

кролик, загнанный в угол, но готовый в любой момент оттуда выскочить. Это прослеживается по всем его старым фотографиям, а теперь на снимках он улыбается. Теперь он учится, потому что хочет учиться. В школе же заставляют учиться из-под палки, насильно втискивая тебя как члена общества в определенные общественные рамки.

Однако Джон изменился не во всем. Он не задается, не выказывает тщеславия, он такой же щедрый, как и раньше. Когда в кульке Джона была дюжина конфет, а нас вокруг него собиралось трое, он раздавал их всем поровну, по три штуки каждому. Рядом с ним и я становился добрее.

Джон не понимает, почему успех должен был вскружить ему голову или изменить его. Помимо того, что Джон вообще считает успех бессмыслицей, он уверен, что его может добиться любой, и эту точку зрения разделяет с ним Пол. Они оба, и Джон, и Пол, считают залогом победы силу воли.

– Успеха может достичь любой, - говорит Джон. - Надо все время повторять себе эти слова, и успех придет. Мы не лучше других. Все одинаковые. Такие же прекрасные, как Бетховен. У всех внутри одно и то же.

Нужны желание и удача, а талант, занятия, образование абсолютно ни при чем. Приходилось вам видеть художников или писателей примитивистов? Ведь их никто ничему не учил. Они сами сказали себе, что могут это делать, и сделали.

Что такое талант? Не знаю. Надо родиться с ним или он раскрывается позже? Основа таланта - это вера в то, что ты что-то можешь. Мы с Полом всегда рисовали, а Джордж не хотел даже пробовать, потому что, как он считал, совершенно к этому не способен. Нам с Полом потребовалось долгое время, чтобы убедить его: рисовать может каждый. И теперь он рисует без конца, и все лучше и лучше.

До пятнадцати лет я ни в чем не отличался от любого другого подростка-подонка. А потом решил, что напишу песенку, и написал ее. Но от этого я не стал другим. И то, что я якобы обнаружил свой талант, - брехня. Я просто написал песню. У меня нет другого таланта, кроме таланта быть счастливым или сачковать.

Кто-то должен наконец развеять миф о таланте, просветить людей. И у политиков нет никакого таланта. Все это сплошной обман.

Может быть, мой гуру объяснит мне, в чем же заключается мой настоящий талант, чем я действительно должен был бы заниматься.

Будучи так называемым идиолом, я никогда не чувствовал никакой ответственности. Ждать этого от меня было бы глупо. Как сказал

газетчикам Пол, признавшись, что принимает ЛСД, все просто хотят переложить свою ответственность на нас. Если бы они действительно беспокоились о нем, о его ответственности, у них должно было хватить собственной ответственности не печатать того, что сказал Пол, - ведь они якобы не хотят, чтобы Полу начали подражать другие.

В одном я чувствовал ответственность перед публикой - мы старались быть естественными, насколько это возможно. Конечно, мы надевали социальные маски, ведь этого от нас ждали. Но, учитывая обстоятельства, мы были максимально естественными. Нам задавали одни и те же вопросы, в одних и тех же местах, во всем мире, - все те же вопросы о четырех швабрах у нас на головах. Скучно. Светское общение с огромным множеством людей, с женами мэров. Все эти люди, которые определяют вкусы, - безвкусны. Все эти люди, которые устанавливают принципы, - беспринципны.

«Необходимо встретиться с женой специалиста по рекламе» - я с самого начала ненавидел такие штучки. Нас все время убеждали, что без светской фальши обойтись невозможно. Нельзя быть самим собой. Тебя не поймут, если ты будешь говорить то, что действительно хочешь сказать. Единственное, что оставалось, - это шутить, а уж от меня спустя некоторое время только этого и ждали. Я не верю, что люди в самом деле такие. Спрашивается, зачем тогда они продолжают терпеть все это?

Теперь я никуда не хожу, разве что время от времени в клуб. Меня туда затаскивает Син. На днях мы со старыми друзьями пошли вечером на какое-то открытие. Дэвид Джейкобс торчит теперь повсюду. Я был с Джорджем. Джордж понял, что нас ждет, как только подошел к двери, а я не понял. Я стал оглядываться, а его уж и след простыл. Он даже не зашел внутрь. А я зашел и попался. Это был кошмар.

Я никогда не осознаю себя как одного из «Битлз». Никогда. Я - это просто я. Я не знаменит. Это сделали другие люди. Пока кто-нибудь не подойдет и не начнет ахать и охать, я забываю о «Битлз». «Аааа, вот почему они себя так странно ведут», - тут я вспоминаю, что я - «Битлз». Год тому назад, или побольше, все это было мне более привычно, мы ведь находились в гуще событий, ездили по стране, встречали толпы людей и прекрасно знали, что на нас смотрят во все глаза. Теперь я сижу на месте, а если уж двинусь куда-нибудь, то только со знакомыми, поэтому, пока я не попадаю в какое-то новое место, где на меня начинают глазеть, я забываю про «Битлз».

На нас обращали внимание и до того, как мы стали знаменитыми. Когда мы садились в фургончик, чтобы ехать в «Кэверн», в коже, с

гитарами, - все смотрели на нас. Тогда нам это нравилось. Таким способом мы немножко бунтовали, нам хотелось вывести из себя всех этих плейбоев.

Я скучаю по розыгрышам, которые раньше устраивал. Например, зайдешь в поезде в купе и делаешь вид, что ты чокнутый или поддатый. Мне и теперь хочется иногда сыграть какую-нибудь шуточку, но нельзя. Сразу появится заголовок: «Битлз» шутят. Вы посмеетесь от души».

Однажды мы ехали в фургоне на стадион «Уэмбли». Выставили листочек: «Как доехать до Уэмбли?» Говорили на иностранном языке и тыкали всем под нос карту Уэльса. Все просто лезли из кожи вон, пытаюсь показать нам дорогу.

Много раз мы пробовали переодеваться, чтобы нас не узнали. Однажды мы с Джорджем прошли через таможню в длинных пальто и с бородами, уверенные, что никому и в голову не придет, что это мы, но не тут-то было, нас все узнали. Лучше других оказался Пол. Он притворился полоумным фотографом и молот какую-то психологическую белиберду. Сумел провести даже Брайена.

Больше всего Джон тоскует по обычной жизни, когда можно просто выйти из дома и вести себя как обыкновенный человек. Хотя битломания и осталась давно позади, ни он, ни кто-либо другой из «Битлз» не может появиться на улице неузнанным. Син это удается. То, что она годами тщательно избегала какой бы то ни было рекламы, теперь воздается ей сторицей. «Но мы не можем делать всей семьей самые обыкновенные вещи - например, пойти погулять. Это ужасно. Иногда я начинаю жалеть о том, что все это вообще случилось».

Из всех «Битлз» именно Джон больше всего страдает от того, что не может быть обыкновенным частным лицом. И когда он представляет, что, возможно, навсегда приговорен к своей известности, независимо от того, чем он будет заниматься, то просто станет и кричит:

– Нет! Вы так не думаете, верно ведь? Не думаете, что я знаменит навсегда? А что, если бы мы исчезли на много лет, что тогда? Получилось бы? Тогда, наверное, мы прославились бы как-то по-другому, как Грета Гарбо. Может быть, появится новая группа и затмит нас? Вот бы здорово было оказаться забытыми.

К концу 1967 года и в начале 1968 года «Битлз» вновь попытались войти в контакт с реальным миром. Они обнаружили, что стали настолько знаменитыми, что, подобно членам королевской семьи, могут спокойно появиться в каком-нибудь скромном баре, - никому просто в голову не придет, что это они. Они довольно свободно ходили по маленьким кафе в районе Сохо во время работы над «Magical Mystery Tour». В то время

столько людей выглядели точно так же, как «Битлз», - с длинными баками и усами, - что только очень немногие их не проглядели.

– Пару дней назад мы с Ринго совершили пробную вылазку. Пошли в кино, впервые за много лет. Хотели посмотреть фильм, который шел в Эшере. Выбрали дневной сеанс, считали, что народу будет поменьше, но забыли, что сейчас идут школьные каникулы и кинотеатр битком набит школьниками. Мы не досмотрели фильм до конца. Съели по порции мороженого и ушли. Никто к нам не приставал. Это был пробный поход. Теперь, может быть, стану ходить почаще.

Когда-то Брайен водил нас в театр, в Вест-Энд. Потом мы отправлялись на вечеринку, все было о'кей. Люди смотрели на нас во все глаза, мы относились к этому безразлично. Но я не так уж люблю театр и поэтому не слишком скучаю по нему. Подумаешь, пять типов на сцене изо всех сил делают вид, что они находятся в совершенно другом месте. А вот без кино я скучаю. В Ливерпуле я не вылезал из кинотеатров.

Мы с Ринго и на автобусе прокатились. Решили попробовать, можем ли мы себе это позволить. Раньше я никогда не ездил на лондонском автобусе. Мы ехали по набережной, целых двадцать минут просидели в автобусе. Это было потрясающе. Нас узнали, ну и Бог с ним. Настроение было подходящее. Мы стали снимать кинокамерой пассажиров. А кондуктор рассказал нам пару неприличных анекдотов. Большинство людей сочло все-таки, что это не мы.

На следующий день к нам в бюро позвонили из какой-то газеты. «Одна женщина, - сообщили нам, - говорит, что видела вас в автобусе». «Пусть скажут, что она ошибается, - ответил я. - Это были не мы». Следующим шагом со стороны газет был бы, наверное, такой звонок: «Ну как, Джон, какво прокатиться в автобусе после стольких лет?» Этого бы я не вынес.

Мечтаю, чтобы меня оставили в покое. Я не слишком общителен. Мне хватает моих друзей. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

То, что по натуре я якобы общителен, - чистое вранье. Другое дело, что мне годами приходилось орать, вопить, но, конечно, я не болтун. Я играл роль, - для меня это было своего рода защитой. За ту роль я теперь и расплачиваюсь. Знаю, все это звучит как жалобы. Может быть, знаете, верно говорят: там хорошо, где нас нет.

Пол и Джордж все-таки время от времени видятся с людьми. Джон даже не пытается завязывать какие-то контакты. Все должно приходиться к нему само, а иначе и не надо. Но его жизнь так устроена, что практически к нему нет доступа, к нему не может пробиться никто и ничто, если не считать телевизора, который он никогда не выключает.

– Две недели подряд смотреть телик - все равно что курить марихуану. Несколько лет тому назад я терпеть не мог таких типов, как Хью Грин, а теперь он несколько меня не раздражает, даже забавляет. Он и Майкл Майлз - мои любимчики. Видишь все время одно и то же. Вроде газет. Прочитаешь подряд все статьи, а потом они сольются в голове в одну.

Я столько всего передумываю, пока смотрю телевизор. Уставлюсь, как на огонь в камине, и грежу наяву. Смотрю и не вижу, мозг занят совершенно другим.

Единственные живые импульсы Джон получает от других «Битлз». Нужно несколько световых лет, чтобы приблизиться к тому месту, которое они занимают в его жизни. Этого не удалось никому.

Сначала «Битлз» естественно отталкивали всех, потому что были слишком поглощены своими делами, вместе добиваясь поставленной цели. Когда же они стали знамениты, люди сознательно стремились попасть в их круг, часто не с самыми лучшими побуждениями, и они достаточно грубо отвергали все попытки приблизиться к ним.

Большинство звезд шоу-бизнеса меняет своих друзей по мере изменения их места на афише. За исключением Мика Джеггера из группы «Роллинг Стоунз», «Битлз» не обзавелись друзьями из мира поп-музыки. В повседневной жизни они связаны только друг с другом, и, кроме того, рядом всегда Нил, Мэл и Терри.

– Когда мы стали знаменитостями, то, конечно, познакомились с какими-то людьми, но никого из них не смогли вытерпеть больше двух дней. Некоторым удавалось продержаться подольше, скажем несколько недель, но и только.

Джон чаще всего общается с Ринго, который живет за углом. Когда ему становится скучно, Джон идет к Ринго, чтобы поваляться на траве в его саду или поиграть с дорогими игрушками Ринго. Они никогда не условливаются заранее, когда встретятся в следующий раз. Все зависит от их настроения и происходит само собой. «Если увидимся, значит, увидимся» - общение построено на этом правиле.

Из всех «Битлз» именно Джону труднее всего долго обходиться без остальной троицы, и это тяжело сказывается на Син. Но когда он не разговаривает с ней или совершенно отключается, то делает это, конечно, не преднамеренно, не для того, чтобы ее обидеть, - таков уж Джон, и ей приходится это принимать.

– Если я остаюсь наедине с собой три дня и ничего не делаю, я как бы исчезаю, испаряюсь. Меня здесь нет. Син не понимает этого. А я откуда-то сверху наблюдаю за собой или нахожусь в своем затылке и вижу оттуда, как

двигаются мои руки, но управляет ими робот.

Ринго меня понимает. Я могу обсуждать это с ним. Для того чтобы увидеть себя, я должен увидеть остальных. Когда я убеждаюсь, что, кроме меня, существуют еще такие же люди, как я, то успокаиваюсь, ко мне приходит уверенность. Иначе мне бывает по-настоящему страшно. Я должен увидеть их, чтобы восстановить контакт и примириться с самим собой, прийти в норму, как бы приземлиться.

А иногда я не спускаюсь. Вот на днях мы записывались, а меня просто там не было. И Пола не было. Мы были с ним как два робота, выполняющих необходимые движения.

Мы очень нуждаемся друг в друге. Когда мы встречались после долгого перерыва, то стеснялись даже дотрагиваться друг до друга. Мы старательно пожимали друг другу руки, чтобы скрыть смущение. Или устраивали сумасшедшие танцы. И только потом набрасывались друг на друга с объятиями. Теперь мы приветствуем друг друга по-буддистски, обнимаясь. У них так принято здороваться.

Время от времени Джоном овладевает желание уехать куда-нибудь подальше, вместе с Син и Джулианом и, конечно, с остальными «Битлз». В свое время Джон не на шутку загорелся идеей о греческом острове, проект этот долго казался ему очень привлекательным.

– Мы поселимся там все вместе, может быть, навсегда, будем иногда ездить домой, чтобы навестить близких. А можно, например, проводить там шесть месяцев в году. Это будет потрясающе - одни на нашем собственном острове. Мы построим там небольшие домики поблизости друг от друга и будем жить общиной.

Меня совершенно не волнует политический режим Греции, лишь бы он нас не касался. Мне все равно, какое там правительство, фашистское или коммунистическое. Какое мне дело до этого? Такие же никчемные правительства, как здесь; да здесь, пожалуй, еще и похуже. Я повидал их и в Англии, и в Соединенных Штатах, и мне они не нравятся ни там ни тут. Они все одинаковые. Смотрите, что они здесь делают. Хотели закрыть «Рэдио Каролайн» и убрать «Роллинг Стоунз» и в это же самое время тратят миллиарды долларов на ядерное оружие; все кругом напичкано военными базами США, и никто об этом не знает. А они заняли уже весь Северный Уэльс.

Но греческий проект лопнул, как, впрочем, и многие другие сумасбродные идеи, которые посещали его в последние два года. Как-то Джон совсем было собрался отправиться на своем трейлере в Индию, хотя машина еле-еле справлялась с поездками в Уэйбридже. Он, Син и Джулиан

будут жить прямо в нем, мечтал Джон, Энтони будет тянуть их на «роллс-ройсе». Другая идея заключалась в том, чтобы уехать и поселиться на острове у побережья Ирландии. Джон действительно купил остров. «Я, правда, не помню где, но где-то недалеко от Ирландии».

«Греческая» идея в свое время обсуждалась не одну неделю. Дошло даже до рассуждений о том, как быть с Джулианом и его образованием.

У Джона существуют определенные и твердые взгляды насчет образования, которое он хочет дать Джулиану, но все они вылетали из его головы в тот миг, когда речь заходила о шести месяцах на необитаемом греческом острове.

– Он мог бы ходить в школу в Греции, - говорил Джон жене, которая, конечно, мыслит более трезво. - А что в этом плохого? Шесть месяцев он проводил бы там, а второе полугодие здесь, в английской школе. Знаешь, эти маленькие деревенские греческие школы - прекрасные. Почему бы Джулиану не походить туда? А языку он научится быстро.

Синтия возразила, что резкая смена обстановки вряд ли пойдет на пользу Джулиану. Тогда Джон высказал такую мысль: пусть Джулиан учится в Афинах, в английской школе для детей дипломатов, которые работают в Греции. Но ведь тогда Джулиану придется жить в Афинах в интернате, а они оба против этого. Никто из них не хочет, чтобы Джулиан учился в школе-интернате.

Джон предпочел бы местную муниципальную школу, если это возможно. Он только что узнал, что детский сад Джулиана не имеет отношения к городскому совету, как он думал. Синтия объяснила, что муниципального детского сада, в который она могла бы его записать, попросту не существует.

– Не знаю, - сказал Джон. - Наверное, платные школы не хуже других. Лишь бы он был доволен. Какая разница, платить - не платить. Но в школу-интернат я его ни за что не отдам. И в Итон не пошлю. В Итоне они научат его всему этому дерьму. Может быть, определю его в буддистскую школу, если такая есть. Только в дневную, недалеко от Уэйбриджа, - больше нам ничего не надо.

Мы уже давно думаем об образовании Джулиана. Я даже достал книжку, в которой описываются все школы Англии. Но там все больше про футбол и теннис. Умора. Они перепутали все ценности - что важно, что чушь. Его должны научить чувствовать других людей - вот что главное. Ему совершенно необязательно знать, как сэр Фрэнсис Дрейк теребил всех испанцев или как англичане придумали телевидение, - все это националистическое дерьмо. Они должны научить его жить в этом мире.

Если мы уедем за границу, придется, наверное, нанять для него домашнего учителя, но надо обязательно проследить, чтобы рядом с ним были дети, с которыми он мог бы играть. У меня было счастливое детство. Я любил школу. Учителя ненавидели меня, а я их. Но школу я любил. Когда мы делимся между собой воспоминаниями, то гораздо чаще возвращаемся к школьным годам, чем к временам «Битлз».

Не думаю, чтобы Джулиан мог посещать такую школу, как моя. Наверное, муниципальная школа была бы для него сейчас трудновата, из-за меня. Над ним будут смеяться. Сыночек поп-певца миллионера. Начнут тыкать в него пальцами. В платной школе на это не обратят внимания, потому что там только и думают что о деньгах.

Син на самом деле сильнее, чем кажется. Она через все это прошла и знает, что к чему. Она прекрасно понимает изъяны в рассуждениях Джона. Он может быть эгоистом, но не сознательно - просто потому, что не подумал.

Те долгие ссоры, которые бывали у них в Ливерпуле, давно миновали. Они очень счастливы, хотя Син продолжает говорить, что, если бы она не оказалась беременной, Джон никогда не женился бы на ней. Джон соглашается.

– Джон никогда не собирался обзаводиться домом, никогда не думал о том, чтобы начать нормально работать. Если бы из-за моей беременности мы не поженились, то просто разошлись бы, когда он начал разъезжать по всему миру. Я бы закончила Художественный колледж и, наверное, стала бы преподавать. Не будь Джулиана, мы бы не оказались вместе. - Син не считает, что любовь смогла бы удержать их друг подле друга при таких долгих разлуках. - Его любовь - это «Битлз». Не было бы ребенка, он ушел бы с ними навсегда.

Оба говорят, что рады рождению сына, который удержал их вместе. Им кажется, что все это было предопределено. Так было угодно Судьбе. Особенно верит в Судьбу Джон.

Время от времени Син пытается что-то изменить в своей жизни, начать работать, воспользоваться знаниями, полученными ею в колледже. Вместе с Патти, женой Джорджа, они собирались как-то открыть лавку в Эшере, но все это осталось на словах.

– Мне чего-то не хватает. Мне бы не хотелось сейчас, когда перед нами открыты все возможности, заводить второго ребенка. Я понимаю, что это, может быть, означает отложить его рождение слишком надолго или даже навсегда.

Но я действительно чувствую неудовлетворенность, потому что хотела

бы что-то делать. Я немного рисую, шью, но мне часто кажется, что я бы с удовольствием работала. Не сейчас, позже. Я ведь никогда не работала. Я могла бы заниматься дизайном или, может быть, преподавать.

Син посмеивается над тем, что Джон так сильно зависит от «Битлз». Это явно ее обижает.

– Бывает, я что-то предложу, а он как будто не слышит меня или говорит, что это ерунда. А потом, когда через недельку-две то же самое предложит Ринго, - Джон в восторге. Пусть так. Мне трудно выразить это словами, но я чувствую в себе силу. Я многое понимаю. Моя мечта - это провести отпуск втроем, без «Битлз», - Джон, Джулиан и я.

– Что-что? - вмешивается Джон. - Без наших славных битликов?

– Да, Джон. Ты уже забыл, что на прошлой неделе мы говорили об этом?

– Что же мы решили?

– Мы решили, что можем поехать куда-нибудь втроем, без твоих славных битликов.

– Но ведь так приятно, когда рядом друзья.

– Это просто оскорбляет меня. Поехать с семьей - по его мнению, этого мало.

Он улыбается ей. Она укоризненно качает головой.

– Мне кажется, ты им меньше нужен, чем они тебе, - говорит она.

Прежде чем он сумел ответить, она привела пример, который явно приготовила заранее:

– Ведь Джордж ездил в Лос-Анджелес с одной Патти? Ему не нужно, чтобы все обязательно ехали с ним.

Джон улыбнулся. Да, это, кажется, правда.

– Я действительно попытался пойти своим путем после того, как мы кончили гастролировать. Было много интересного, смешного, например игра в монополию на мой фильм, но все-таки ничего из этого не вышло. Я страшно обрадовался, когда увидел остальных. И только тогда почувствовал себя в своей тарелке.

Син печально посмотрела на него.

– Ну ладно. Я знаю, что мы сделаем. Все уедем и поселимся в маленьком домике на утесе в Корнуэлле, хорошо?

– Нет, я не могу просто уехать. Мне нужно написать все эти чертовы песни. Я должен работать, чтобы оправдать свою жизнь.

32. Пол

Трое «Битлз» переехали в Суррей, обиталище биржевых маклеров, и Пол оказался единственным в группе лондонцем. В конце 1966 года он купил за 40 000 фунтов большой, стоящий на отшибе трехэтажный дом в Сент-Джонс-Вуд, вблизи крикетного поля и непосредственно за углом здания студии грамзаписи «ЭМИ». В отличие от Джона и Ринго Пол не вложил в дом много денег и усилий. Сад совершенно зарос и превратился в джунгли; единственная его обитательница - скрывающаяся в кустах Марта. Когда Пол только что въехал в новые владения, сад отличался изумительной красотой. Все, особенно отец, уговаривали Пола содержать его в порядке. Но Пол наслаждался его запущенностью, а заодно и тем, что это многих раздражало. Все же к концу 1967 года он решил заняться садом. Ему пришло в голову построить в нем волшебный дом, нечто вроде пагоды, стоящей на приподнятой над землей площадке, с открытой стеклянной крышей, устремленной в небо. Когда пагода была готова. Пол и Джейн стали подумывать о том, чтобы переселиться в маленький домик где-нибудь за городом.

Дом окружает высокая кирпичная стена с огромными двойными чугунными воротами, которые открываются по команде из дома. Подойдя к ним, надо сказать в микрофон пароль, и, если он верный, ворота плавно откроются и тут же со звоном захлопнутся за вашей спиной, чтобы в них не успели проскочить фэны.

Фэны околачиваются вокруг всех домов «Битлз», но особенно много их, конечно, около жилища Пола - во-первых, потому, что это Пол, а во-вторых, потому, что он живет в Лондоне.

Фэны установили постоянное дежурство - как правило, они сидят рядком на ограде противоположного дома и следят за любым движением в районе парадного входа. Попав на улицу, где живет Пол, вы легко узнаете его дом по гроздьям девушек, уцепившихся за кирпичную стену; они висят на ней примерно в двух футах над землей и пытаются заглянуть внутрь.

На цокольном этаже - квартира для персонала. Долгое время там жила супружеская пара, мистер и миссис Келли. Жена якобы занималась уборкой, а муж якобы исполнял обязанности дворецкого. На самом деле ни он, ни она ничего не делали - просто жили в доме Пола. После них одни обитатели квартиры для персонала сменялись другими бесконечной чередой - это были совершенно случайные люди, и хотя иногда сразу

становилось ясно, что они не подходят, Пол иногда держал их какое-то время в доме.

Ему не помешал бы секретарь, чтобы наладить порядок, но от этой идеи Пол категорически отказывается. Часто с ним вообще никто не живет, и, когда он уезжает за границу, сюда заглядывает его отец Джим, чтобы присмотреть за домом и за Мартой.

Пола, по правде говоря, это ничуть не беспокоит. Его нисколько не заботит, что сюда приезжают люди, которых он обещал принять, и вдруг обнаруживают, что хозяин дома уехал в Африку или Америку. Ему хочется только одного: чтобы рядом с ним была милая ему женщина с чертами матери, которая в час дня, да и в другое время, если ему захочется, готовила бы ему горячую еду. Когда Джейн не работает, она много и очень вкусно готовит.

На первом этаже у них просторная, великолепно оборудованная кухня и большая, отдающая холодным высокомерием чопорная столовая - не похоже, чтобы ею когда-нибудь пользовались, - гостиная же находится в задней части дома, и это самая популярная комната в жизни всех «Битлз», - огромная, уютная, с французскими окнами, из которых открывается вид на сад. Она обставлена бледно-зеленой, приятного оттенка мебелью в стиле короля Эдуарда. Здесь же стоит большой деревянный стол, за которым едят гораздо чаще, чем в столовой. Стол обычно накрыт старенькой белой скатертью с кружевами - голубая мечта рабочей семьи. В этой комнате всегда царит дикий беспорядок, все набросано как попало - безделушки, лампы со вспышкой, посылки, газеты, какие-то детали. Именно в гостиной собираются перед записью все «Битлз», Нил, Мэл и прочие, - да и не только перед записью, а вообще всегда, когда оказываются в Лондоне. Эта комната оставляет приятное ощущение естественности, жизни, лишенной претензий. «Где бы я ни поселился, кончается всегда вот так. В Форслин было то же самое. Может быть, сейчас все выглядит по-другому, как на экране большого цветного телевизора, но по существу все то же самое».

На первом этаже - спальня Пола, большая комната в форме буквы «L», там стоит весьма экстравагантная кровать, с большой деревянной резной спинкой с затейливыми украшениями. Эту комнату помогала обставить Джейн. В доме есть еще две спальни. На третьем этаже - рабочий кабинет Пола, где они с Джоном вместе вкалывают, когда нужно срочно сочинить песни для нового альбома. Здесь же стоит и скульптура Паолоцци, кумира и учителя Стю Сатклиффа. Очень интересная работа.

Знаменитая Марта (если не верите, что она знаменита, откройте «Битлз» мансли») - огромная, лохматая, добрая английская овчарка в

преклонном возрасте. Покладистый характер не изменяет ей даже тогда, когда у нее появляются блохи. У нее есть собственный выход в сад, если ей вздумается прогуляться, но Пол пытается по мере возможности выводить ее на большую прогулку. Обычно он идет с ней на Примроз-Хилл или в Риджентс-парк. Однажды они отправились даже в Хэмпстид-Хит, но у Марты случился там припадок, и с тех пор Пол больше не водит ее так далеко. У них полно кошек и котят, число которых ото дня ко дню изменяется. У всех «Битлз» есть кошки, и «Битлз» мансли» с ритуальной обязательностью сообщает о рождении каждой.

Полу удается совершать свои прогулки с Мартой, на удивление счастливо умудряясь оставаться неузнанным. Фэны никогда не знают, куда он направляется, выскочив из дома. А в парке он обычно поднимает воротник пиджака и выбирает для прогулки самые глухие закоулки, встречаясь там исключительно с пожилыми любителями собак, которых громадная Марта интересуется больше, чем Пол.

Они обмениваются сведениями о том, который сейчас час, и ведут обычные разговоры собачников. Иногда он даже громко приветствует людей, которых якобы узнал, чего никогда не делают другие «Битлз», не отличающиеся общительностью, свойственной Полу. Он забрался как-то на самую верхушку Примроз-Хилл, когда заметил едва знакомого актера. Пол что-то крикнул ему, но актер проследовал мимо, всем своим видом говоря: извините, я с вами незнаком, и поэтому не кричите, пожалуйста. Это был бездарный английский молодой актер из высших классов. Узнав наконец Пола, он спохватился и что было мочи заорал: «Хелло!» Пол встретился с ним однажды из-за Джейн. Они играли в одной пьесе, и молодой человек пригласил Джейн и Пола на ужин.

Пол спросил, как дела. Актер, жеманничая, ответил, что как будто наклеывается возможность играть в Нью-Йорке. «Да ну, - сказал Пол. - А что именно?»

– Боюсь рассказывать, - продолжал скромничать актер. - Уж извините. Никогда не говорю заранее. Можно ведь сглазить. Разве вы не согласны, а?

– Конечно, - улыбнулся Пол, - а как же иначе?

– Ну что ж, салют, - попрощался актер и, размахивая руками, полной грудью вдыхая воздух, удалился, устремив взор в небеса, в этот чудесный солнечный день. Можно было точно представить себе, как он читает указания режиссера.

– Странно, - думал Пол, отправляясь обратно к своей машине. - Как такие люди не умеют расслабляться. Он вообще не может вести себя естественно. И все-таки он ничего, довольно симпатичный парень - если,

конечно, перестанет напускать на себя важность и пропустит пару рюмок. К концу того ужина, на который он пригласил нас, он был уже почти что нормальным. Ей-богу, мне очень жаль таких людей. Они не виноваты.

Когда я был шестнадцатилетним угловатым подростком, мне до смерти хотелось стать таким вот актером - ловким, властным, уверенным. Но как только я преодолел пору угловатости, я стал естественным. У Джейн из-за ее происхождения тоже есть такие проблемы. Она ничего не может с этим поделать. Их так воспитывают.

Джейн и Пол - любящая и очаровательная пара. Это всеобщее мнение. Джим сразу сказал, что самое большое счастье в его жизни - их брак.

Джейн Эшер - из хорошей английской семьи. Ее отец - врач. Мать, преподавательница музыки, учила Джорджа Мартина играть на гобое. Джейн стала актрисой кино и театра еще ребенком. Она познакомилась с Полом в мае 1963 года на концерте поп-музыки в «Алберт-холл». Ей было тогда семнадцать лет, и она начала появляться в телевизионной программе поп-музыки «Жюри игрального автомата». К ней обратились из «Радио таймс», чтобы она как представительница тинэйджеров пошла в сопровождении репортера на концерт и высказала свое мнение о группах, которые там будут выступать. Она сказала, что единственная группа, достойная воплей - это «Битлз». Когда позже Джейн встретила с группой в коридоре, то из четырех «Битлз» ей больше всех понравился Джордж.

Однако именно Пол, который лучше всех умел все высмотреть, узнал Джейн и окликнул ее; тогда и все остальные «Битлз» подбежали к ней и начали болтать. «Мы все ее спрашивали: «Выйдешь за меня замуж?» Мы тогда говорили это всем девушкам». Они пригласили Джейн в гостиницу «Ройял Корт», чтобы выпить. «Восхитительная лондонская птичка, мы о таких только слышали».

Многозначительно подмигнув друг другу, трое «Битлз» ушли, оставив Пола наедине с Джейн в спальне. Они провели весь вечер, обсуждая любимую еду и соусы. «Я понял, что эта девушка - как раз то, что мне надо. Я не стал приставать к ней. Я сказал: «По-моему, ты очень славная девушка».

– Они никак не могли поверить, что я девушка, - говорит Джейн.

Пол и Джейн стали часто встречаться. Иногда они гуляли вместе по Сохо. В начале 1963 года никто еще не узнавал Пола, но зато многие узнавали Джейн. Когда Пол после коротких каникул вернулся из Рима, Джейн вместе с матерью встречала его в аэропорту. Он опоздал на ливерпульский самолет, и миссис Эшер предложила ему переночевать у них. Пол вовсе не жаждал этого, ему не понравилась идея ночевать в семье

знакомой девушки. Все это штучки не для рабочих парней. Но в конце концов он все-таки согласился переночевать у Эшеров один раз. Эта ночь превратилась в три, потом в три недели, а потом в три года. Фэны так и не узнали, что всю свою лондонскую жизнь Пол провел в доме Джейн, вплоть до конца 1966 года, когда переехал в собственный дом в Сент-Джонс-Вуд.

Вечер в компании Джейн и Пола - скажем об этом еще раз - ничем не отличается от вечера, проведенного с любой молодой парой. Джейн приготовила ужин. Вегетарианский. В то время Пол, подобно Джону и Джорджу, был вегетарианцем. На закуску подали авокадо, а потом поджаренные овощи с орехами и специями.

Они выпили полбутылки белого вина, открытого для готовки. Просто допили эту бутылку.

В течение всего ужина фэны непрерывно трезвонили в дверь. Тогда у Пола не было прислуги. Джейн вежливо отвечала по внутреннему микрофону на каждый звонок. Она без всякого раздражения вставала из-за стола, нисколько не сердилась и спрашивала фэнов, не могли бы они немного подождать, так как они еще ужинают. В это время дня, после десятков звонков. Пол уже не обращал на них внимания. По вечерам он вообще предпочитал не отвечать на звонки, как это случилось, когда к нему в дверь позвонил Брайен Эпстайн и его не впустили в дом. Но сейчас Джейн в конце концов заставила Пола встать, хотя он еще не кончил ужинать. Он криво улыбнулся, но послушно пошел и дал автограф всем девицам, которые ждали его на улице.

После ужина хозяева дома достали фотографии, только что снятые в Шотландии во время отдыха. У Пола есть дом в очень отдаленном районе Арджилшира, куда они обязательно уезжают хотя бы на неделю раз в году. Потом посмотрели цветной телевизор и пошли спать.

Возможно, этот вечер был особенно тихим. К Полу часто заходят друзья. Люди тянутся к нему, особенно если он поощряет их. Когда Джейн в течение пяти месяцев снималась в Америке в 1967 году, к Полу постоянно навевались гости. Это редкость для других «Битлз», отчасти потому, что они живут далеко.

В период записи нового альбома дом Пола превращается в настоящий проходной двор. Еще до смерти Брайена Пол стал явным лидером группы, он организует многие дела «Битлз», поэтому естественно, что в основном все происходит в его доме.

Во время подготовки обложки к пластинке «Sergeant Pepper» к Полу заходил художник Питер Блейк. Как обычно, у него останавливались Джон и Терри Доран. Однажды после ухода Питера Блейка где-то во второй

половине дня слуга Пола, работавший у него в это время, пришел в гостиную и сказал, что у ворот дожидается священник. Все рассмеялись.

Кто-то сказал, что это, конечно, шутка. Пол посмотрел на Джона. Джон, конечно, не хотел видеть никакого священника. Пол попросил своего слугу отделаться от посетителя. Терри предположил, что это, наверное, какойнибудь переодетый актер с телевидения. Они еще посмеялись. Пол спросил у Терри, не пойдет ли он вежливо сообщить священнику, что его нет дома. Терри дошел уже до середины комнаты, когда Пол остановил его и спросил: «А может, впустим его, а? Если он ничего, то, может, будет интересно». Терри вернулся от ворот и сказал, что он очень смешной, честно. И электронные ворота поехали в стороны, позволив священнику войти.

Священник, человек средних лет, очень опрятный, вошел в гостиную, страшно нервничая. Все вежливо улыбнулись ему. Пол предложил сесть. Священник извинился, что посмел прийти, поскольку он знает, как страшно они заняты, так заняты, так заняты, он это знает. Он сам придумывал за них оправдания. Явно был поражен, что его впустили. Понимал, что долго его визит не продлится и ему придется скоро уйти. Пол спросил, что его привело к ним.

Священник повернулся к Полу, поняв, что это, наверное, и есть мистер Маккартни. Он пристально вглядывался во все лица, но явно не мог никого узнать. Сжимая руки, он сказал, что они собираются устроить праздник, и ему хотелось бы узнать, не может ли Пол зайти к ним хоть на одну секунду. Конечно, он понимает, как они заняты. Все, что они делают, изумительно. Конечно же, они должны быть очень занятыми людьми, он это понимает.

– Нет, я этого никогда не делаю, - сказал Пол.

– Конечно, конечно, - торопливо забормотал священник. - Я и не надеялся. Вы так заняты. Я это знал... Так заняты...

– Да нет, нет, - возразил Пол. - Дело не в том. Просто это было бы неправильно, не так ли? Я ведь неверующий. Понимаете? - Пол улыбался. Священник улыбался ему в ответ, не слыша его слов, просто кивая в знак согласия со всем, что говорит Пол. - Почему бы вам не улучшить вашу продукцию, - спросил Пол, продолжая мило улыбаться, - вместо того, чтобы привлекать нас в виде приманки?

– О, вы совершенно правы. Мы стараемся, мы изо всех сил стараемся всех примирить и соединить. На будущей неделе у нас будет смешанная служба для разных вероисповеданий.

– Ну и отлично, - сказал Пол, - для начала очень хорошо. Но, знаете, если мы сейчас начнем все это обсуждать, то проговорим всю ночь.

– Совершенно верно, - согласился священник. - И у вас столько дел. Я и не надеялся, что вы придете, вы так заняты...

Пол не стал еще раз объяснять, что дело не в этом. Священник начал подниматься, улыбаясь, и все последовали его примеру. Он обошел всех, улыбаясь, - почтительный, серьезный, полный благодарности за потраченное на него время. Он внимательно смотрел на каждого, пытаясь определить, кто есть кто, понимая, что должен знать их в лицо. Пол проводил его до двери. Уже выходя из комнаты, священник оглянулся и сказал: «Я полагаю, что вы все знамениты на весь мир». И с этими словами ушел.

Все сошлись на том, что он очень милый. Джона особенно порадовало то, что его не узнали. Как странно, заметил он, что люди так сильно переживают, когда не узнают кого-то сразу, как будто это может оскорбить, и не понимают, что все как раз наоборот.

Было около пяти часов. Миссис Миллз, экономка Пола, подала еду: яичницу, бекон и черный пудинг. Она принесла целую горку уже намазанного маслом хлеба и непременно чай. Пришли сначала Джордж и Ринго, потом Нил и Мэл и выпили по чашке чая. А потом все вместе отправились в студию звукозаписи.

Помимо «Битлз» и людей, связанных с ними или с той пластинкой, над которой они в данный момент работают, у Пола часто гостят его ливерпульские родственники. Отец, мачеха Энджи, сводная сестра Рут, тети, дяди живут у него, бывает, недельку-другую. Пол ездит в Ливерпуль чаще всех. Джон вообще не появляется там с тех пор, как тетушка Мими переселилась в Борнмут. Джордж и Ринго часто навещают в Уоррингтон, чтобы повидать своих. Пол же сплошь и рядом, если нет Джейн или нет работы, отправляется туда на уик-энд, сваливается родне как снег на голову. Джейн, если свободна, тоже ездит с ним.

Самый частый гость из Ливерпуля - брат Пола, Майкл Маккартни. Особенно с тех пор, как его собственные пластинки и работа стали пользоваться успехом в Лондоне.

Телефон не замолкает никогда. У Пола два номера, разумеется не указанные в справочниках, но вне зависимости от того, как часто их меняют, болельщики моментально узнают их. Пол всегда сам отвечает на звонки, таким странным голосом. Фэна очень легко узнать по испуганной тишине в трубке, и в этих случаях Пол сразу кладет ее на рычаг.

– О да, привет, - сказал он по телефону странным голосом, вместе с тем не скрывая, что это он. Звонил известный диск-жокей, приглашал Пола приехать в воскресенье на скачки. - Да, если смогу, обязательно, - очень

вежливо отвечает Пол, ничего не обещая определенно. Он строит телефону рожи, в то время как его собеседник описывает грандиозные перспективы предстоящих скачек. - Да, потрясающе, да, о'кей, пока. Увидимся. Чиааао.

Снова телефонный звонок. Это отец, он хочет узнать, приедет ли Пол на уик-энд в Ливерпуль.

- Как, сынок, не собираешься приехать? - спросил Джим. - Ты скажи, просто чтобы я был готов.

- Готов для чего? - спросил Пол.

- Ну, знаешь, просто чтобы все было готово.

- Отец, ну что за чушь? Я вообще не хочу, чтобы ты к чему-то готовился. Когда приеду, тогда и приеду.

В Германии Астрид поначалу относилась к Полу с легким подозрением, и некоторое касательство к этому имели его отношения с Сатклиффом. «Меня настораживало вот что: разве может человек всегда быть таким приятным? - говорит Астрид. - Это глупо, конечно. Смешно ведь чувствовать себя свободно со скверными людьми, ты ведь знаешь, кто они такие и какие у тебя с ними отношения. Подозревать в чем-то людей из-за того, что они такие симпатичные, конечно, полный идиотизм».

Пол унаследовал свое обаяние главным образом от отца. Его брат Майкл - такой же. В семнадцать лет, когда все сверстники Пола бунтовали против родителей, Пол оставался единственным, кто слушался отца, терпеливо переносил его нотации, и над ним за это дружно издевались все остальные.

Для человека со стороны познакомиться с Полом проще, чем с другими, но узнать его до конца почти невозможно. Возникает ощущение, что он не раскрывается, уходя на шаг вперед и сознавая, какое производит впечатление. Он не лишен комплексов, чего не скажешь о других. Джону наплевать, что думают о нем окружающие. Ринго слишком зрелый человек, чтобы заботиться о таких вещах, а Джордж просто не обращает внимания на подобные мелочи. Он выше этого.

Пройдя стадию, когда он пытался быть или казаться менее симпатичным и старательным, Пол обрел согласие с самим собой. «Для меня труднее не делать усилие, чем сделать его. Для меня не делать усилий - неестественно. Так что уж лучше я буду делать их».

Привычка Пола делать эти усилия, заключающиеся в вежливом обхождении и трудолюбии, весьма благотворно сказывается на группе. Брайен Эпстайн развил в нем важные для рекламы качества. Но даже и до Брайена Пол немало способствовал тому блеску, который отличал «Битлз», писал своей рукой маленькие рекламные листки и произносил короткие

речи.

Его способность делать усилия стала в особенности важной для «Битлз» после смерти Брайена. Пол взял на себя все дела. Поэтому будет справедливым признать, что на сегодняшний день именно Пол, а не Джон, является лидером, хотя если говорить серьезно о лидерстве в группе «Битлз», то его нет и не было. Пол занимается делами, он как бы толкач, он добивается всего и уговаривает остальных следовать за ним. Но серьезные решения они принимают только сообща.

Однако, если решение принято. Пол начинает действовать и не терпит никаких заминок. Как-то произошла задержка из-за пробного оттиска обложки «Sergeant Pepper». Пол не получил его вовремя. Тогда Пол стал обзванивать отдел за отделом «ЭМИ», пока не нашел именно того человека, по чьей вине произошел инцидент. Он четко сформулировал, что именно о нем думает. Все было немедленно доставлено на машине, с тысячей извинений.

В другой раз, во время каких-то разногласий с «ЭМИ», Пол позвонил самому председателю фирмы сэру Джозефу Локвуду. Сэр Джозеф попросил Пола ничего не предпринимать. Вскочил в свой «роллс-ройс» и лично примчался к Полу домой, чтобы все уладить. Он говорит, что с такими мозгами Пол мог бы стать прекрасным адвокатом.

Пол очень добросовестный, он стремится к тому, чтобы все шло отлично. В нем еще сохранился осадок от обид, которые когда-то они все испытывали. Обиды остались с тех времен, когда их отталкивали и не принимали всерьез просто потому, что они были бит-музыкантами. Он ненавидит намеки на то, что не все понимает. Однажды он в ярости вернулся со встречи с представителями «НЕМС», которых пытался убедить в целесообразности образования «Эплл», - его возмутило, как они с ним обращались. «Они принимают нас за тупиц», - сказал он, меряя шагами свою гостиную.

Идея создания «Эплл» принадлежит Полу. Разговоры о фирме начались еще при жизни Брайена, но замыслил все Пол. Джон и остальные «Битлз» полностью согласны с ним и присутствуют на всех совещаниях. Пол представляет свое детище как крупную корпорацию с магазинами, клубами, студиями, лучшими профессионалами, начиная от фотографов и кончая инженерами, художниками, писателями и композиторами.

– Мы хотим создать среду. Зонтик, под которым люди могут делать свои дела так, как они хотят. Тысячи и тысячи фунтов льются через «НЕМС» и не находят достойного применения. Ради наших интересов все они вложены в «Бингли Билдингз Сосайти» или еще во что-нибудь

похожее.

Это наше хобби, как и наша музыка. Мы делаем все это, «положив ноги на стол». И когда «Эппл» наберет силу, ничего не изменится, мы будем сидеть так же. Можно заниматься делами и проводить деловые заседания, которые улучшают настроение, а не подавляют, не угнетают.

Фильм «Волшебное таинственное путешествие» никогда не увидел бы свет без Пола. В течение пятнадцати недель он вкладывал в него всю свою жизнь, управляя каждым этапом съемки. Когда британская печать разразилась резко отрицательными отзывами, это вызвало в нем сначала большое разочарование.

– Мы ведь с самого начала понимали, что для нас это просто первый опыт, попытка. Мы знали, что у нас недостаточно времени и опыта и мы все делаем не так, как положено, но, когда тратишь на что-то много времени, даже если получилось не так уж хорошо, начинаешь надеяться: а может быть, это все-таки лучше, чем есть на самом деле?

Теперь я рад, что фильму оказали такой плохой прием. Нас и не следовало прощать. Это как вызов: делайте дело как следует.

После «Волшебного таинственного путешествия» Пол стал задумываться над сюжетами полнометражных художественных фильмов. Они с Джейн посмотрели фильм «Человек на все времена» и сразу загорелись идеей снять масштабную ленту с шикарными декорациями. Почему все ждут, что они будут валять дурака? Потом Пол задумал снять документальный реалистический фильм, например о Ливерпуле во времена экономического спада.

Пол и Джейн проводят, по-видимому, больше времени вместе, чем другие супружеские пары «Битлз». Благодаря Джейн они, например, часто уезжают вдвоем в их дом в Шотландии. Они первыми захотели покинуть навсегда город, поселиться в более тихом и скромном доме, к чему сейчас пришли уже и Джон, и Джордж.

– Я всегда стремился главенствовать над Джейн, - признается Пол. - Хотел, чтобы она совсем бросила работу.

– Я отказалась. Меня воспитали в правилах, по которым я обязана что-то делать. И я люблю театр. Не хочу отказываться от него.

– Теперь я понимаю, что это было глупо с моей стороны, - продолжает Пол. - Просто игра, попытка проявить власть.

В разные периоды кто-то один из них настаивал на женитьбе, но тогда другой этому противился. Джейн говорит, что все неурядицы происходили из-за «Битлз», - как только они с Полом приходили к согласию, с «Битлз» что-то случалось, и именно это заставляло ее изменить решение. А Пол

считает, что виной всему ее театр, хотя он никогда не был против ее поездки в большое американское турне.

– Когда я вернулась через пять месяцев. Пол стал неузнаваемым. Он принимал ЛСД, чем я никогда не занималась. Я ревновала его к тому духовному опыту, который объединил его с Джоном. Днем к нам приходило человек по пятнадцать. Все в доме переменялось, все стало мне чужим.

Теперь жизнь Пола гораздо спокойнее и упорядоченнее. В отличие от других Пол охотно рассказывает о себе. Он делится всем с Джейн. Он ничего от нее не скрывает.

– Есть еще одна проблема, - говорит Пол, - я очень долго вел холостяцкий образ жизни. Я не умел обращаться с женщинами. Они всегда крутились вокруг меня, даже когда рядом была моя постоянная девушка. Конечно, я был довольно распущенным.

Я знал, что я эгоист. Из-за этого мы часто ссорились. Однажды Джейн бросила меня и уехала играть в Бристоль. Я сказал: «О'кей, поезжай, я найду себе другую...» А я ведь не мог жить без нее.

Именно тогда он и написал «I'm Looking Through You». Джейн вдохновила Пола на создание нескольких его самых красивых песен, таких, например, как «And I Love Her».

Когда на Рождество 1967 года они обручились, все эти проблемы остались в прошлом. Единственным источником разногласий довольно длительное время был Махариши, но и эти споры разрешались по-дружески. Хотя Джейн и не отрицала его чар, в плену которых оказались все остальные, ее он вовсе не сразил. Совершенно очевидно, что Джейн искала самостоятельного пути в мир духовности. Пол не был предан Махариши в той степени, как Джордж и Джон, но он все-таки поехал вместе с ними в Индию в 1968 году, потому что чувствовал, что Махариши сможет хоть в чем-то помочь ему, разрешить его сомнения. Джейн согласилась сопровождать его. Обоим воздалось за их добрые намерения, и они провели в Индии очень счастливые дни.

– Как поп-группа мы претерпели миллион поверхностных перемен, которые ровно ничего не значили и ни в чем, по сути, нас не изменили, - говорит Пол.

Вот, скажем, ты попадаешь в шикарный ресторан, пробуешь авокадо, шпинат, другие экзотические штучки, они тебе нравятся, и ты их все время ешь. Потом выясняется, что существует еще и вино, - начинаешь жить с авокадо и вином. Когда же проходишь через все это, то возвращаешься обратно. Начинаешь понимать, что официант здесь только для того, чтобы спросить, что подать, а вообще-то, никому не интересно знать, чего ты

хочешь. Так что можешь совершенно спокойно заказывать к обеду кукурузные хлопья и не бояться, что тебя сочтут чудаком с Севера.

Такого рода циклы сменяют друг друга все время. Как усы. Однажды я отрастил усы, для смеха, чтобы всех поразить. Это было очень смешно, потом я их сбрил. А теперь вернулся к исходной точке. То же с едой. Я все перепробовал, узнал вкус разных блюд и вернулся к тому, что любил всю жизнь.

Или, например, знакомство со звездой. Когда ты впервые сталкиваешься с ней, ты обалдеваешь, а потом выясняется, что эта звезда - Харри Блоггз. Вообще-то, все время было известно, что это Харри Блоггз, но, чтобы убедиться в этом, нужно было с ним познакомиться.

Мы всегда возвращаемся к самим себе, потому что мы никогда не меняемся. Мы можем быть «а + 1», когда «1» означает, например, серые костюмы. И это будет цикл серых костюмов. Потом «а + 2», когда «2» - это цветные рубашки. Но независимо ни от чего мы всегда остаемся «а». Потом будет «а + смерть», финиш. Извините за такие благоглупости. Я просто увлекся разговором.

Но, понимаете, все эти изменения поверхностные. Проходишь какой-то цикл, однако тебя он никуда не приводит, потому что чем больше ты знаешь, тем меньше ты знаешь. И каждый из нас - как предохранительный клапан для другого. Дело в том, что все мы на самом деле - это один и тот же живой организм. Четыре части одного целого. Конечно, каждый из нас существует сам по себе, но вместе мы образуем единство. Четыре парня как бы в одном лице. Если один из нас отправляется в свой путь, мы или следуем за ним, или возвращаем его обратно. И каждый из нас добавляет к целому что-то свое.

Ринго - это сама сентиментальность. Он любит лирическую музыку, всегда любил ее, а мы ни черта в ней не понимали, пока он нам не показал, что это такое. Думаю, поэтому мы и пишем для него такие чувствительные песни, как «A Little Help From My Friends».

Джордж - воплощение определенности, уж если он принял решение, то выполняет его самым добросовестным образом. Его добросовестность действует и на нас троих. Мы берем от него то, что нам нужно. Мы все берем друг от друга то, что нам необходимо.

Джон весь в движении, быстром движении. Он ухватил, что происходит что-то новое, и уже... пошел!.. понесся вперед, только его и видели.

А я - консерватор. Я должен все проверить. Я последним стал курить травку, последним попробовал ЛСД, последним стал носить разноцветную

одежду. Я медлительнее Джона, в классе мне не светило быть первым.

Когда появлялась новая Fender-гитара, Джон и Джордж немедленно бросались покупать ее. Джон из-за того, что она была новая, а Джордж потому, что решал, что она ему нужна. Я же думал, колебался, проверял, есть ли у меня деньги, потом выжидал.

Из четырех «Битлз» я - консерватор. Конечно, не в сравнении с другими людьми. По сравнению, например, с моей семьей я просто сумасшедший.

У каждого из нас осталась прежняя роль, потому что это мы. Но из-за того, что мы не хотим быть конформистами, всегда будет казаться, что мы меняемся. Эта боязнь стать конформистами, желание делать все время что-то новое - залог неперенного своеобразия нашей музыки.

Прошрое поколение все время вкалывало, чтобы добиться определенного положения в жизни, одеться, свить гнездо, - вот и все. Нам повезло: к двадцати пяти годам мы имеем все, что только можно пожелать. Я мог бы сесть теперь в любое кресло, откинуться на спинку и быть директором любой компании, пока мне не исполнится семьдесят, но тогда я бы не открыл для себя ничего нового. Можно узнать о жизни многое, даже если все время бороздить одну борозду, но это сужает кругозор.

Мы никогда не приспособивались. Нам говорили, что мы должны войти в определенное русло, но мы не обращали на это внимания. Нам говорили, что мы должны носить школьный блейзер. Но если вы верите в себя, вам нет нужды всю жизнь ходить в школьной форме, даже если так много людей вокруг хотят, чтобы вы это делали.

Мы не учимся быть архитекторами, художниками или писателями. Мы учимся быть. Вот и все.

33. Джордж

Джордж поселился в длинном одноэтажном, окрашенном в яркие цвета «бунгало» в Эшере. «Бунгало» стоит на частной территории, принадлежащей компании «Нэйшенел Траст», в поместье, как две капли воды похожем на уголья, окружающие дома Джона и Ринго. Через ворота, выходящие на главную дорогу, вы проникаете в густой лес, среди деревьев которого сперва трудно рассмотреть роскошные, находящиеся на почтительном расстоянии друг от друга, скрытые от шоссе дома. Вместо номеров им даны названия, поэтому найти нужный вам дом непросто. Труднее всего разыскать дом Джорджа. Он называется «Кинфаунз», но таблички нигде не увидишь - ни на доме, ни в саду. Въезд замаскирован, поэтому сперва кажется, что он ведет к другому дому.

У «бунгало» два крыльца, между которыми расположен прямоугольный дворик. Здесь находится плавательный бассейн с подогретой водой. Все наружные стены дома Джордж покрасил сам яркими, словно светящимися красками. Он похож на мираж.

Кухня обставлена сосновой мебелью, стены увешаны кухонной утварью. Кухня будто сошла со страниц цветного приложения к журналу мод 1968 года. В главной гостиной два громадных, совершенно круглых окна, от пола до потолка.

Нигде не видно ни Золотых дисков «Битлз», ни сувениров. Дом, скорее, мог бы принадлежать современному молодому архитектору или дизайнеру, который прожил какое-то время на Востоке. В центре гостиной стоят совсем низкие столики, на полу рядом с ними разбросаны подушки, на которых положено сидеть по-арабски, стульев вы здесь не найдете. Рядом с одним из столов стоит разукрашенная водяная трубка.

Когда я вошел, Джордж сидел на полу, скрестив ноги, и натягивал на свой ситар новые струны. На нем была длинная белая индийская рубаха. Заполняя комнату сладковатым запахом, горела на подставке ароматическая палочка.

– Мне больше не доставляет удовольствия быть одним из «Битлз». Все, что связано с жизнью «Битлз», банально и незначительно. Бесконечная болтовня об этих «мы», «нас», «я», чепуха, которой мы занимаемся, мне надоела. Я пытаюсь разрешить гораздо более важные проблемы жизни.

Воспринимать себя как одного из «Битлз» - значит двигаться назад, а я гораздо больше озабочен будущим. Но мне потребовалось бы шесть

месяцев, чтобы объяснить вам мои верования, индуистские теории, восточную философию, реинкарнацию, трансцендентные медитации. Только когда начинаешь понимать эти вещи, становится ясно, насколько бессмысленно все остальное. Наверное, для обычного верующего это звучит как крайность.

Раздался телефонный звонок. Джордж снял трубку. На том конце провода послышалось приглушенное хихиканье. «Винный магазин в Эшере, - произнес Джордж резко и нетерпеливо. - Вы ошиблись». И повесил трубку.

На кухне вышивали Патти и ее сестра Дженни, которая только что пришла. Обе были в восточных одеяниях из магазина «Эппл». Они сидели с полуулыбкой на лице, очень спокойно, с серьезным видом, торжественно поглощенные своим вышиванием. До них доносились звуки ситара, на котором начал играть Джордж. Вы словно перенеслись в средние века.

У Патти меньше помощников, чем у других жен «Битлз». Хотя, конечно, когда появятся дети, число их придется увеличить. В их доме живет экономка Маргарет. Она всегда сидит с ними за столом, как член семьи.

Маргарет в основном занимается уборкой, а Патти готовит, вытирает посуду и помогает Маргарет. «Дом совсем не такой большой, как может показаться. И масса всякой дребедени. Не имеет смысла держать еще помощниц - они бы только мешали».

Покупки Патти тоже делает сама в местном супермаркете. Она только что попробовала плитку шоколада. «Чистое мыло на вкус», - возмутилась Патти. Она написала жалобу и отослала плитку назад, но не подписалась, научившись наконец у Джорджа, что надо любым способом не обнаруживать себя. Она поставила фамилию Маргарет. Патти надеялась, что в качестве компенсации ей пришлют шоколад бесплатно.

Патти, как, наверное, ни одна из жен «Битлз», чувствует себя на равных с мужем. У них современные взгляды на брак - именно такие, какими должны быть, судя по журналам, супружеские отношения современных людей. Она активнее, чем другие жены «Битлз», разделяет взгляды и интересы мужа. С самого начала она проявила интерес к индийской культуре и пошла с Джорджем по этому пути.

Но Патти сохраняет свободу и независимость, продолжая иногда работать манекенщицей.

Все, кто годами близко общался с «Битлз», говорят, что Джордж среди них изменился сильнее всех. Даже фэны, наблюдавшие за Джорджем сравнительно недолго, считают, что он изменился. Когда-то многие

находили его самым красивым из «Битлз». Теперь фэны постоянно жалуются, что Джордж совершенно зарос волосами и не следит за ними.

Дело, конечно, не в волосах. Гораздо важнее внутренние перемены. Будучи самым молодым по возрасту, Джордж долго находился в группе на положении несмышленьша. По сравнению с отношением к Джону и Полу большинство людей воспринимали Джорджа как мальчика. Джон и Пол сформировались очень рано - физически, и сексуально, и в своем таланте. Они начали писать песни, когда Джордж и думать об этом не смел.

У Джорджа развился легкий комплекс неполноценности, хотя его вовсе не стоит преувеличивать. Син рассказывает, как Джордж вечно торчал рядом, когда ей хотелось побыть наедине с Джоном. То же самое вспоминает и Астрид, пытавшаяся в свое время уединиться со Стю.

Джордж плохо учился в школе и не выказывал никаких способностей, которые явно проявлялись у Пола. Он получил аттестат «О», в то время как Пол был блестящим учеником шестого класса, а Джон - студентом Художественного колледжа, что давало многим ошибочные основания думать, будто Джордж в чем-то им уступает.

Джулия, мать Джона, пришла в ужас, когда на встречу с ней Джон притащил еще одного дружка с совершенно детской мордочкой. Она и Пола-то считала совсем ребенком.

– Это был милый маленький мальчик, - говорит Астрид, вспоминая гамбургские дни. - Просто Малыш Джордж. Мы всегда забывали о нем, когда обсуждали, насколько умен или талантлив Стю, Джон или Пол. Он вырослел не так быстро, как они.

Но Джордж вовсе не был глуп. И ни одной минуты никто не считал его глупым. Он блистательно острил по собственному адресу, высмеивая свой возраст. Как-то на Рождество я сделала им всем подарки. Джон развернул сверток первым, и там оказалась книга маркиза де Сада в издании «Олимпиа Пресс». Перед тем как развернуть свой, Джордж сказал: «А мне, наверное, комиксы».

Джордж никогда не расставался с гитарой. В овладении инструментом он был большим фанатиком, чем Пол и Джон, и играл гораздо лучше их. На сцене он не улыбался, так как был полностью сосредоточен на своей игре. Но в течение долгого времени он не хотел браться за что-то другое, например за рисование. Ему казалось, что у него к этому нет никаких способностей.

Однако теперь, с конца 1966 года, Джордж пробует себя во всем. Он разорвал порочный круг и первым поднялся над битломанией. Не зная, к чему приложить свои силы, остальные «Битлз» завидовали ему, его новой

страсти, новым интересам. И произошло это не потому, что он сознательно стремился к лидерству, как это делал Джон во времена «Кворримен». «Битлз» шли к нему, чтобы последовать за ним по его новому пути.

Сегодня Джордж меньше всех нуждается в остальных «Битлз». Другие признаются, что скучали друг без друга все месяцы, следовавшие за прекращением гастролей, когда каждый искал свою дорогу. «Я по ним вовсе не скучал, - признается Джордж. - Но, конечно, замечательно было вернуться домой из Индии и поделиться с ними впечатлениями».

– Джордж ни по кому не скучает, - говорит Патти. - Он совершенно независим и идет своим путем. Он нашел нечто более притягательное, чем «Битлз», хотя все еще хочет, чтобы они разделили с ним его устремления. Джордж - источник, но он хочет, чтобы они слились с ним.

Поскольку сегодня главная страсть Джорджа - это индийская религия и индийская музыка, все остальное, касающееся «Битлз», проходит мимо него. И тем не менее можно вспомнить время, когда именно он больше всех был одержим страстью к деньгам и миллионерским устремлениям. Именно он вдоль и поперек проверял контракты Брайена Эпстайна.

Избежать автографов и телефонных звонков Джордж не может. Он единственный из всех «Битлз», который в этой ситуации срывается на грубость. Он забывает, почему все это происходит, его просто раздражает, когда совершенно незнакомый человек вдруг вмешивается в его жизнь. По дороге в Бангор он страшно рассердился, когда его чаепитие было бесцеремонно прервано женщинами, просившими автограф. Остальным «Битлз», которые скрепя сердце расписывались пришлось сдерживать его и уговаривать не слишком сердиться на фэнов, какими бы они ни были назойливыми.

Джордж просто одержим манией ненависти к рекламе. Если в газете появляется какой-то материал, касающийся его лично, он выходит из себя, что хорошо известно Патти, особенно если причиной этого случайно стала она сама.

Даже после двух лет совместной жизни Патти все еще не привыкла к паблисити и вниманию со стороны печати.

– Каждый раз я думаю про себя: ну, сейчас-то все обойдется. Никто не узнает, а если и узнает, то им уже все равно. Когда в прошлом году мы поехали в Лос-Анджелес, я думала, что все пройдет спокойно. Но, к моему ужасу, нас встретили телевизионные камеры и сотни оголтело вопящих девчонок.

В 1964 году, когда мы поехали на Таити, битломания достигла апогея и мы ко всему были готовы. Поэтому предпринимали невероятные усилия и

предосторожности, чтобы держать поездку в секрете. Сначала мы с Нилом под вымышленными именами вылетели в Амстердам, а затем полетели на Таити, чтобы встретиться там с Джорджем. И все равно об этом проведали.

Теперь стало немного легче, но хуже всего почему-то приходится нам вне Англии, в других странах. Можно сравнительно спокойно сесть в самолет в лондонском аэропорту, но английская печать передает эту новость своим коллегам, и нас будет ожидать пышная встреча.

Вечером еще туда-сюда. Бывает, нам удается выйти из ресторана и пройти по улице без преследователей.

Но я никак не могу привыкнуть к тому, что фэны все время торчат вокруг нашего дома, даже сейчас. Они просачиваются в сад и бегают там взад-вперед. Они проникают даже в дом. На днях они забрались к нам в спальню и стащили мои брюки и пижаму Джорджа.

Патти, несмотря на неоднократные предупреждения Джорджа, все еще, бывает, совершенно неумышленно или случайно дает пищу газетам. Однажды она получила по почте письмо от старого джентльмена, который обращался к соотечественникам с просьбой присылать ему оправы от очков. Он писал, что собирает их в помощь нуждающимся Африки.

Патти подумала, что это вполне достойное дело, отправилась по аптекам и скупила все старые очки, которые нашла. Она вынула стекла и отослала старику оправы.

– На следующий же день об этом сообщила «Дейли миррор». Старый джентльмен тоже написал мне и поблагодарил, поскольку, по его словам, я очень помогла ему. Узнав об этой истории, Джордж пришел в неопишную ярость.

Как и все жены «Битлз», Патти только по той причине, что она одна из них, подвергалась и физическим нападениям.

– Самый ужасный случай произошел на Рождество 1965 года. «Битлз» устраивали рождественское шоу в Хэммерсмит. Я пошла с Терри. Чтобы изменить внешность, я зачесала волосы назад и собрала их узлом на затылке. Мне казалось, что так меня никто не узнает. Но фэны узнали, подбежали и стали меня толкать. Они сняли туфли, стали кричать: «Ну-ка, давайте, ату ее!» Меня окружили так плотно, что я не могла вырваться. Они стали кидать в меня чем попало и визжать. Терри удалось оттащить меня к боковому выходу, но девицы продолжали меня бить и пинать. Некоторые из них вышли вслед за нами и снова накинулись на меня. Я кричала им: «Перестаньте!» А они вопили в ответ: «Подумаешь, кто ты такая?» И тогда мы начали драться по-настоящему. Одной из них я дала по физиономии, другую Терри прижал к стене. Они вопили и бранились. К счастью, нам

удалось в конце концов скрыться. Страшные девчонки. Совсем маленькие, лет по тринадцать-четырнадцать. Не знаю, откуда только они берутся.

Теперь, конечно, мне не так страшно, но неприятности случаются и до сих пор. Недавно на улице напали на Син. Какая-то девчонка ударила ее по ногам и сказала, чтобы она оставила Джона в покое, а иначе, мол, пожалеет. И это после того, как Джон и Син столько лет прожили вместе, - просто поразительно!

Когда я вижу на улице толпу девчонок, я до сих пор пугаюсь. Не могу с ними встречаться. Поворачиваю в обратную сторону и боюсь, что сейчас они побегут следом и начнут меня бить. И самим «Битлз», и их женам нелегко общаться и со старыми, и с новыми друзьями. Сестра Патти Дженни - она работает в магазинчике «Эпл» - очень близка с ней и проводит много времени в их доме. Она тоже увлекается индийской религией и культурой. Но, кроме Дженни, у Патти почти нет близких людей.

– Кое-кто то и дело отпускает какое-нибудь ехидное замечание вроде: «Тебе-то, конечно, хорошо, ты-то ведь можешь себе это позволить». С издевкой. И такое могут сказать старые друзья, от которых ты уж никак не ждешь подобных глупостей.

Да и с новыми не лучше. Не успеешь подумать: вот симпатичный человек, как услышишь что-нибудь вовсе несимпатичное. На днях я немного работала для журнала «Вог», и одна женщина заявила: «Думаю, вы сейчас уже не манекенщица, вы, скорее, знаменитость». Я не актриса, не звезда или что-нибудь в этом роде. Я осталась такой же, какой была всегда.

Жены должны чем-то заниматься, когда ребята проводят на студии день и ночь напролет. У нас есть разные планы на этот счет, но мы то уезжаем из Эшера на свои сто акров за городом, то вдруг всплывает Греция, то еще что-нибудь. Все время какие-то сумасшедшие идеи.

Я, например, очень хотела бы что-то делать. Я стала учиться играть на фортепьяно и даже взяла несколько уроков. Но чтобы получился какой-нибудь толк, нужно очень много времени. Я действительно верю, что можно добиться всего, если заниматься этим столько, сколько нужно, но я уже опоздала.

Я побывала у одной ясновидящей, которая сказала, что моя бабушка играла на скрипке и что я тоже смогу так же прекрасно играть на этом инструменте. Не представляю, откуда она узнала, что моя бабушка была скрипачкой. Но я решила: попробую. Взяла несколько уроков. Оказалось еще труднее. На скрипке надо учиться с детства.

Теперь пытаюсь освоить дилруб, индийский инструмент. Хожу в

индийский танцкласс, которым руководит Рима Копала. Это большое удовольствие. Мы с Дженни занимаемся каждый день до начала урока.

Не хочу быть милой маленькой женушкой, которая сидит все время дома. Хочу делать что-то настоящее.

Патти принимает участие во всем, что относится к их общему с мужем увлечению Индией, но Джордж погрузился в это с присущим ему фанатизмом. Когда Джордж учился играть на гитаре, у него кровоточили пальцы. Теперь он целый день с утра до вечера не оставляет ситар. Если же он не играет, то одну за другой проглатывает книги по религии.

Джорджу, видимо, не грозит мизантропия. По мере того как он учится и узнает все больше и больше, Джордж становится скромнее, сердечнее, покладистее. Теперь он не поучает других, как делал это раньше, и все-таки, когда его цитируют, существует опасность, что он покажется более фанатичным, чем на самом деле. Пол и Джон первыми пресекли бы его претенциозность или посмеялись над иллюзиями, появившись те на самом деле.

С самого начала, еще до появления Махариши, когда Джордж открывал для себя буддизм и йогу, все остальные завороченно слушали то, что он узнавал и во что посвящал их.

– Посмотрите на эту книгу. Один индиец подарил нам всем по экземпляру, когда мы были на Багамах. Она вышла и надписана 25 февраля 1965 года, в день моего рождения. Я уже столько времени интересуюсь Индией, а открыл книгу только что. Невероятно. За этим индийцем, ее автором, действительно кое-что есть. Об этом можно судить по его имени, ведь это не имя, а титул, показывающий степень его учености.

Теперь я знаю, что этот момент - часть общей картины: так задумано, она не случайно попала мне в руки именно сейчас. Это предопределено. Все идет своим чередом, как шло у нас. Джон, Пол и Джордж сошлись вместе, а потом, немного позже, к нам присоединился Ринго. Одна часть действия, привела к следующему действию. Все мы шестеренки в том общем действе, участником которого является каждый. В жизни настоящего имеет значение только карма, грубо говоря - поступки. Все, что сделано, имеет последствия - например, уроните эту подушку, и на ней образуется вмятина.

Сансара - это повторение всех ваших жизней и всех ваших смертей. Мы все были в этом мире раньше. Не знаю, в каком качестве, но те друзья, которые были у вас в прежней жизни, остались с вами и в этой. И ненавидите вы тех, кого ненавидели тогда. Пока вы будете ненавидеть, найдутся объекты для ненависти. Вы будете переходить из плоти в плоть,

пока не достигнете абсолютной истины. Рай и ад - это просто состояние вашего духа. Вы сами создаете это состояние.

Мы стали Джоном, Полом, Джорджем и Ринго благодаря тому, что делали в последней нашей жизни, это было как бы приготовлено для нас, поднесено на блюдечке. Мы пожинаем то, что в прошлом посеяли.

Мы находимся здесь, чтобы достичь совершенства, уподобиться Христу. Потенциально каждая душа божественна. Реальный мир - это иллюзия. Он создан мирской суетностью и отождествлением с предметами. То, что происходит, не имеет никакого значения, никто не может повлиять на это устройство, даже войны, даже водородная бомба. Все это ничего не меняет. Конечно, что касается людей, это важно, и бомба - это страшно. Но в конечном итоге имеет значение только то, что происходит в нас самих.

Когда-то я смеялся, читая, что Клифф Ричард - христианин. Мне до сих пор не по себе, когда я слышу об этом, но я знаю, что религия и Бог - это единственное, что существует. Наверное, некоторые считают, что я тронулся. Я и сам иногда так о себе думаю, потому что очень многое вижу, как и остальные, самым обычным образом. Но я знаю: когда веруешь, все просто и очень хорошо. Неверие - это хаос и пустота.

Жизнь получится, если не притворяться. Я пытаюсь жить именно так. Я перечеркнул все, что было со мной до девятнадцати лет. У меня так много впереди. Я вижу столько возможностей. Я начинаю понимать, что я знаю только то, что ничего не знаю.

Именно в это время пришла пора трансцендентной медитации. Джордж искал что-то и кого-то, чтобы связать все концы воедино. Углубившись в индийскую религию, Джордж ни разу не пропустил медитаций в отличие от других, которые могут в какой-нибудь день забыть о них или не выкроить для них времени.

Другая важная часть жизни Джорджа - это его музыка. Джон и Пол сочиняли песни с первой встречи. Джордж никогда не занимался композицией, хотя еще в Гамбурге помог записать одну инструментальную пьесу. Джордж никогда не сочинял вместе с Полом или Джоном - только один. У него свой почерк. И в этом, как и во многом другом, Джордж повлиял на остальных «Битлз», введя в их обиход индийскую музыку и индийские инструменты.

Первая песня Джорджа появилась только после выхода их второй долгоиграющей пластинки «With The Beatles» в ноябре 1963 года. Она называлась «Don't Bother Me». Джордж написал ее в Борнмуте, в гостинице, во время гастролей. Он заболел и не выступал.

– Я был в подавленном настроении, принимал тонизирующие

средства, чтобы поднять дух. Ради смеха решил попытаться написать песню. Вытащил гитару, стал играть, пробовал так и эдак, пока не получилось. Я совершенно забыл о ней до той поры, когда мы пришли записывать нашу следующую долгоиграющую пластинку. Песня была фиговая. Как только ее записали, я снова забыл о ней.

После этого Джордж не возвращался к сочинению около двух лет. «В мою жизнь вошло столько всего другого, что было как-то не до этого».

Свои песни, написанные для группы, Джордж считает посредственными. Он не помнит, сколько он их написал, не может назвать, не знает, в какие альбомы они вошли.

В пластинке «Help!», которая вышла в августе 1965 года, Джорджу принадлежат две песни: «I Need You» и «You Like Me Too Much».

Он сочинил две песни и для пластинки «Rubber Soul», вышедшей в декабре 1965 года, - «Think For Yourself» и «If I Needed Someone». Он забыл назвать их, когда пытался вспомнить, какие песни написал для долгоиграющих пластинок. Хотя обе они ничуть не уступают остальным песням этого диска.

Для пластинки «Revolver», которая появилась в августе 1966 года, Джордж сочинил рекордное для себя количество песен для одного альбома, - целых три: «Taxman», «I Want To Tell You» и «Love You Too». В песне «Love You Too» впервые были использованы индийские инструменты, на этот раз табла; этой моде тотчас последовали сотни поп-групп в Великобритании и в Америке.

По мере того как Джордж все больше овладевал ситаром и углублялся в индийскую музыку, песни его наполнялись индийскими интонациями. Лучшей его работой и по сей день остается, наверное, песня «Within You, Without You», отличающаяся прекрасными словами и запоминающейся музыкой. Песня вошла в альбом «Sergeant Pepper», появившийся в апреле 1967 года. За ней последовали написанная на Рождество 1967 года песня «Blue Jay Way» для фильма «Волшебное таинственное путешествие» и в марте 1968 года его первая песня для сингла «The Inner light».

– Я начал больше сочинять, когда у меня появилось время, то есть после окончания гастролей. Я был поглощен Индией, и, естественно, это не могло не отразиться в моих песнях.

Джорджу было очень трудно найти музыкантов, настолько владеющих индийскими инструментами, чтобы работать в лондонских студиях. Для того чтобы записать «Within You, Without You» и «Blue Jay Way», он потратил несколько недель на поиски и прослушивание людей, умеющих играть на индийских инструментах. В Англии не было настоящих

профессионалов, играющих именно на тех инструментах и именно так, как это нужно было Джорджу.

– Днем они, к примеру, водят, автобусы, а играют только вечерами, поэтому некоторые из них, естественно, подготовлены плохо, но мы не могли обойтись без их помощи. Все равно их не сравнишь ни с одним западным музыкантом, потому что для них это по крайней мере органично, но непрофессионализм очень осложняет дело. Мы репетировали без конца.

Песни Джорджа записываются очень долго, гораздо дольше, чем Леннона - Маккартни. Джордж Мартин, конечно, помогает и в этом случае, помогают и другие «Битлз», но Джордж - главный. В студии появляется группа очень странно выглядящих индийских джентльменов с не менее странного вида инструментами, они садятся, скрестив ноги, на пол и играют Джорджу, чтобы он послушал и понял, на что они способны.

До последнего времени существовала также проблемы нотной записи музыки для исполнения ее индийскими музыкантами. Многие из них не знают западной традиции нотописи.

Ранние индийские песни Джорджа индийские музыканты подбирали, вслушиваясь в мелодии и наблюдая за игрой Джорджа. Даже сам великий Джордж Мартин оказался несведущ в индийской нотописи. Теперь Джордж прекрасно в ней разбирается. Он научился записывать свои песни, пользуясь индийской нотописью, так что индийские музыканты могут играть его вещи по нотам.

– Вместо точек и палочек, написанных на линейках, индийцы записывают музыку очень просто, буквенными обозначениями. Вместо до, ре, ми и так далее они поют са, ре, га, ма, па, дха, ни, са. Они часто исполняют свои песни без текста, пользуясь названиями этих звуков. Маленькие значки под каждой нотой указывают ее высоту или продолжительность.

Песня «Within You» начинается словами «We were talking» [«Мы разговаривали» (англ.)] - это га, ма, па, ни. Нужно написать только первую букву, этого достаточно. Теперь я могу пойти к индийцам, дать им ноты, сыграть музыку, чтобы они ее услышали, а потом они могут исполнять ее сами.

Джордж занимается на ситаре не меньше трех часов в день, сидя на полу, скрестив ноги и на индийский манер уперев инструмент в подъем левой ноги. У него есть тетради, где индийская музыка записана с помощью индийской нотации. Это уроки, которые он должен выполнять. Его учитель Рави Шанкар прислал ему записанные на пленку упражнения, которые Джордж слушает, когда не играет сам, даже во время еды.

Совершенно очевидно, что Джордж полностью отдался своему увлечению и работает как вол. Но он говорит, что понадобятся долгие годы, прежде чем он научится играть индийскую музыку по-настоящему. Джордж настолько поглощен своими занятиями, что песни для «Битлз» пишет чересчур торопливо. Он легко может забыть, что должен сочинить песню, и вспоминает об этом, только когда начинается запись нового альбома.

Песню «Within You, Without You» Джордж написал как-то вечером в гостях у гамбургского друга Клауса Фурмана, который играет сейчас с Манфредом Манном.

– У Клауса есть клавесин, на котором я прежде никогда не играл. Я баловался, развлекался, пробовал, когда вдруг начала вырисовываться мелодия. «Within You, Without You». Сначала придумалась мелодия, а потом первая строка. Слова родились из нашего времяпрепровождения в тот вечер - «We were talking». У Клауса я больше ничего не сделал. Остальные слова написал потом, дома.

Слова для меня - это камень преткновения. Поэт из меня не вышел. Стихи пишу слабые. Но я и не отношусь к ним серьезно. Это, в общем-то, все шутки. Я шучу. Если кому-то мои шутки нравятся - что ж, прекрасно, но сам я их всерьез не принимаю. Многие критики высказывали недоумение по поводу громкого смеха, который внезапно раздавался на пластинке «Sergeant Pepper» после песни «Within You, Without You». Высказывалось предположение, что смех вписали трое «Битлз», чтобы поиздеваться над индийскими увлечениями Джорджа. А оказалось, что эта идея полностью принадлежит самому Джорджу.

– После тягучей индийской штуки просто необходима была какая-то разрядка. Требовалось расслабление после пяти минут печальной музыки. Не надо относиться к этому так серьезно, понимаете? Кроме того, в любом случае предполагалось, что будет слышна реакция публики на шоу сержанта Пеппера. Ведь в этом и заключался замысел альбома.

Его песня «Blue Jay Way» для «Волшебного таинственного путешествия» была написана в Калифорнии в начале лета 1967 года. Название подсказала улица, на которой они с Патти снимали дом в Лос-Анджелесе. Они только что прилетели из Лондона и ждали своего друга Дерека Тэйлора (прежний пресс-атташе «Битлз», который теперь работает в «Эппл»), обещавшего к ним зайти.

– Дерек задержали. Он позвонил и сказал, что опаздывает. Я объяснил ему по телефону, что наш дом стоит на улице Blue Jay Way. «Найду, конечно, - заверил нас Дерек, - а в случае чего спрошу».

Мы ждали и ждали; я устал от самолета, но не хотел ложиться спать до

его прихода. На улице был туман, темнело; время шло, становилось все позднее. Чтобы не заснуть, я в шутку написал песню, как жду друга на Blue Jay Way.

В доме, который мы сняли, стоял небольшой орган фирмы «Хэммонд», - я его сперва не заметил. А потом валял на нем дурака, пока не получилась эта песня.

Все слова напрямую относятся к тому, как Джордж ждет Дерека Тэйлора: «There's a fog upon LA and my friends have lost their way...» [«На Лос-Анджелес спустился туман, и мои друзья заблудились...» (англ.)] Когда Джордж возвратился домой в Эшер, он доработал эту песню. Но в сопровождении сохраняется эффект органа, очень глубокий и звучный.

В январе 1968 года Джордж впервые дал согласие написать музыку к кинофильму «Стена чудес». Его попросили написать новые песни для синглов, но он отказался. Как-то он работал над песней для Мэриен Фейтфул. Она умолила его написать для нее что-то вроде «Within You, Without You». Джордж не был уверен, что получится. Песня вертелась у него в голове, но слова складывались все более дурацкие. Джордж подумал, что, если так пойдет, придется вовсе от них отказаться.

– У меня были такие слова: «You can't love me with an artichoke heart» [Нельзя любить с сердцем из артишока» (англ.)], что вовсе неплохо.

Он спел это и сыграл песню на органе.

– Но я не уверен, что можно продолжить этот каламбур: «You can't listen with your cauliflower ear» [«Нельзя слушать ухом из цветной капусты» (англ.) - так называют деформированное ухо, например, борца или боксера] или «Don't be an apricot fool» [«Не будь абрикосовым дураком» (англ.)]. Не знаю. Посмотрим, как пойдет.

У меня голос с маленьким диапазоном, поэтому я пишу совсем простые песни. Мэриен грешит тем же, так что, думаю, сойдет.

У него действительно небольшие голосовые данные, но, если судить по письмам, опубликованным в журнале «Битлз» мансли», эти данные имеют большое количество почитателей. Фэны то и дело спрашивают в своих письмах, почему Пол и Джон не дают Джорджу петь побольше. «Это неправда, что они мне не позволяют. Я мог бы, если бы захотел. Просто мне не до того».

Джордж относится к Полу и Джону как к композиторам и поэтам. Он считает, что если у него в голове нет какой-то определенной мысли, то незачем мучиться, когда рядом существуют такие прекрасные профессионалы.

– Я не знаю, какой путь выберу в дальнейшем. Настоящие индийские

песни очень сильно отличаются от наших поп-песен, написанных под их влиянием: это просто обычная поп-музыка с индийскими элементами в сопровождении.

Я не совсем удовлетворен и тем, что написал сам. Как слушателю поп-песен они мне, скорее, нравятся. Но с моей точки зрения, мне не удалось написать то, что я хотел. Меня почему-то все время торопят. И только потом я вижу все свои недочеты.

Джорджа смешит слишком серьезное отношение к музыке «Битлз». Он говорит, что слова песни «Within You, Without You» вполне правдивы, но это всего лишь шутка. «Вот чего люди совершенно не понимают. Например, в песне Джона «I'm The Walrus» есть такие слова: «I am he as you are he as you are me» [«Я - он, как ты - он, как ты - я» (англ.)]. Наверное, такое и бывает на самом деле, но это же шутка. А публика обязательно ищет скрытый смысл. Наши песни и серьезные, и несерьезные».

Джордж считает, что и в музыке, и в словах «Битлз» могут достичь гораздо большего. Он думает, что строчка Джона в песне «I'm The Walrus» насчет того, чтобы стянуть с нее штанишки, просто блистательна.

– Почему мы не допускаем, чтобы люди все время занимались любовью? Ведь это же происходит во всем мире, все время. Почему же нельзя об этом говорить? Непристойным слово сделали люди. Само по себе оно ничего не значит. Попробуйте, повторите его много раз. Видите, оно ничего не значит. Почему же нельзя пользоваться этим словом в песне? Мы в конце концов сделаем это. Просто мы еще не брались.

Такое высказывание, пожалуй, соответствует теории Кеннета Тайнена, считающего, что песни «Битлз» - прямое продолжение английской народной песенной традиции. В средневековых народных песнях было полно «задниц», «дерьма» и прочих милых словечек. И в этом есть свой смысл. Джордж, Джон и Пол на самом деле еще ничего не сделали в этом направлении.

Вернемся на ранчо Джорджа Харрисона. Действительно, невысокие белесые деревянные строения напоминают ранчо. Зазвонил телефон. Это был не фэн, а бывший сотрудник, изложивший очень длинную, запутанную историю о том, как он одолжил 250 фунтов Джейн Мэнсфилд, а она умерла, так и не возвратив ему долг, и теперь его выгоняют из квартиры, и не может ли Джордж помочь. «Да, конечно, - ответил Джордж. Повесил трубку и сказал: - Ну, прощайте, 250 фунтов».

Джордж по-прежнему остается одним из «Битлз». Это его работа, и, как любая работа, она заставляет задумываться над ней и над будущим. Сейчас в характере Джорджа формируется чувство долга, некоторая

социальная ответственность поп-идола. Эта мысль еще недавно ни капли не заботила ни одного из «Битлз».

Несмотря на занятия ситаром и возвышенный образ мыслей, Джордж пуповиной связан с тройкой остальных «Битлз». Они закадычайшие друзья. Так же как ребята разделяли его религиозные интересы, Джордж разделяет их страсти, какими бы мирскими они ни были, начиная от фуляровых платков и кончая фотоаппаратами.

– Если один из них попробует что-то, остальные обязательно должны немедленно об этом узнать, - говорит Патти. - Каждый проходит через свои увлечения, как в школе. Но им всем от этого радость.

Увлечения стоят денег. Они покупают вещи, которыми никогда не пользуются, но часто увлечение идет на пользу. «Битлз» потратили кучу денег на фото-и киноаппаратуру, однако это навело их на мысль снять фильм, когда они еще не слишком в этом разбирались.

Теперь я знаю, что каждый из них - часть одного целого. Когда я вышла замуж, то не понимала этого. Они все принадлежат друг другу. Но ни один не принадлежит кому-то одному. Все - всем. Бесплезно липнуть к любому из них - это приведет лишь к несчастью. Джордж - мой муж, но у него должна оставаться полная свобода быть с ними, когда хочет. Для него очень важно чувствовать себя свободным.

Многое, о чем я никогда не узнаю, связывает Джорджа с другими людьми. Никто, даже жены, не смогут прорваться в этот неведомый мир и понять его.

Сначала это задевало меня, пока мало-помалу я не стала понимать, что в их жизни существует нечто, куда мне никогда не будет доступа. Син предупреждала меня об этом. Она говорила, что они всегда останутся частью друг друга.

Есть только один незначительный аспект жизни «Битлз», который Патти подвергает критике. В отличие от них она считает, что часть денег им следовало бы жертвовать на благотворительные нужды. (Начиная с лета 1968 года «Битлз» начали делать взносы в благотворительные организации. Прибыль, полученная от песни «Across The Universe», поступила в Фонд охраны природы.)

– Они считают, что благотворительные деньги сплошь и рядом попадают в руки официальных лиц. Но ведь должны же мы помогать кому-то, как Марлон Брандо помогает бездомным детям.

Дело в том, что еще в самом начале их карьеры благотворительные организации просто осаждали «Битлз», требуя то одно, то другое. К ним в артистическую приводили толпы искалеченных детей, словно ребята были

чудотворцами-целителями. И эти выходки отбили у них всякое желание участвовать в благотворительных начинаниях.

– Я вовсе не против, - говорит Джордж. - Пусть будет благотворительность. Но ведь опять начнется реклама, все будет превратно истолковано и испорчено. Как всегда, найдутся люди, которые решат, что здесь не обошлось без какой-то задней мысли. Ну точно так же, как некоторые не могли поверить, что мы действительно искренне увлечены и действительно хотим послушать Махариши. Трудно понять, как надо поступать.

Сам Джордж знает, что ему делать. Он о будущем не беспокоится. Его интерес к духовному миру не иссякнет никогда. Циники убедятся в своей неправоте. Интерес к индийской культуре - не временное увлечение в его жизни.

– Достичь состояния нирваны - вот что самое важное на свете, но у меня есть работа, я - «Битл».

Мы должны работать, потому что теперь мы действительно можем что-то сделать. Мы добились такого положения, когда можем пробовать, можем показывать другим. Мы можем метаться от одного к другому, искать новое, на что не способны или чего не хотят другие. Возьмите наркотики. На обычной работе люди не могут позволить себе испробовать их - просто времени нет.

Если бы Мик Джекгер загремел в тюрьму из-за марихуаны, то ничего лучшего и пожелать нельзя, - самая подходящая кандидатура для этого. Пусть лучше это произойдет с ним, чем с каким-то бедняком, жизнь которого из-за этого может оказаться сломленной. Богатым и знаменитым людям легче проходить через такие вещи.

Мы только-только начали снимать фильмы. «Волшебное таинственное путешествие» - это ерунда. Но мы докажем, что можем делать настоящее кино. Любой может снять фильм, и для этого вовсе не нужны ни компании, ни спонсоры, ни сотни специалистов, ни разработанный до последнего слова сценарий.

Мы будем делать один или два фильма в год, сами, и при этом не обязательно с нашим участием. Мы снимем студии, найдем добровольцев и одолжим под это деньги. А если придется когда-нибудь использовать спонсоров, то мы уж постараемся оградить себя от их влияния.

Так мы будем двигаться по спирали, делая фильмы, пробуя что-то еще. После кино найдем себе новое занятие. Я еще не знаю какое. Ведь когда мы начали записываться на пластинки, то не предполагали, что будем снимать фильмы.

Все будет так же, как теперь, - попытки сделать что-то новое, каждый раз шагнуть немного вперед. Потом мы умрем и возникнем в новой жизни, где опять будем пытаться делать что-то лучше и лучше. Такова жизнь. Такова смерть. Но что касается этой жизни, мы еще ничего не совершили.

34. Ринго

Ринго живет совсем рядом с Джоном, на той же частной территории в Уэйбридже в Суррее. У него тоже большой дом и в том же псевдотюдорском стиле. Он построен в 1925 году и называется «Санни Хайтс». Ринго купил его за 37 000 фунтов и вложил в него еще 40 000, чтобы устроить все по своему вкусу. У Ринго нет бассейна, как у Джона или Джорджа, зато у него гораздо больше земли с множеством деревьев и кустарников. Дом примыкает к территории клуба «Сент Джордж Хилл Голф Курс». Ни Ринго, ни Джон не вступили в клуб и никогда не собирались это делать. Но когда они въехали в свои новые дома, один из газетных репортеров спросил хозяев клуба, могут ли «Битлз» стать его членами. «Нет, - ответили ему, - очень большая очередь». Ринго заявил, что он в любом случае не хочет вступать в клуб - лень туда ходить.

Ринго истратил кучу денег, чтобы сделать ландшафт своих владений разнообразным и изысканно красивым. Из больших французских окон главной гостиной открывается вид на расположенный амфитеатром парк с кирпичными террасами, ручейками и живописными дорожками. По обе стороны амфитеатра шумят дубравы, и все это принадлежит Ринго. На одном дереве сооружен домик для детских игр.

Некоторые новшества Ринго, в частности круглая стена позади дома, обошлись, к его величайшему изумлению, в 10 000 фунтов. Как и все «Битлз», он никогда не спрашивает о цене заранее, что, конечно, открывает широкие перспективы перед исполнителями его проектов. Не то чтобы они обязательно стараются содрать с «Битлз» подороже. Они просто предлагают самые дорогие товары и самые дорогие услуги.

– Гуляя в саду, - говорит Ринго, - я часто задаю себе вопрос: что здесь делает такое ничтожество, как я? Но потом это проходит. Понемногу привыкаешь. Уже готов сцепиться с любым, кто хочет тебя ободрать.

Летом 1967 года он пристроил к дому большое вытянутое крыло, в котором разместилось еще несколько гостиных, комнат для гостей, кабинет и очень длинный зал, оборудованный для просмотра фильмов и как бильярдная. Вся работа была выполнена строительной фирмой, совладельцем которой он является. Это, пожалуй, единственный вклад, который Ринго сделал самостоятельно. К несчастью, в середине 1967 года фирма закрылась из-за нехватки кредитов.

– Мы построили много хороших домов, но у покупателей не оказалось

денег, чтобы заплатить за них. Я ничего не потерял, когда фирма закрылась, но остался с дюжиной квартир и домов, которые долгое время пустовали.

Главную гостиную в доме Ринго, хоть и немного темноватую, так как она выходит на террасу, можно, пожалуй, считать самой красивой из всех гостиных «Битлз». Она элегантно обставлена. Толстый коричневый уилтонский ковер застилает всю комнату. Этот ковер, сделанный на заказ, стоит целое состояние. Теперь, вспоминая, сколько он заплатил за него, Ринго вздрагивает. Ему не хочется впредь выкладывать такие деньги - вдвое превышающие сумму, которую нормальные люди платят, покупая дом, а не ковер.

Одна из комнат - бар, отделанный под старину, с элементами кича, но там попадаются и подлинные вещицы. Тут же висит кобура от ковбойского пистолета, подаренная хозяину Элвисом.

По всему дому разбросаны Золотые диски и прочие награды, но не слишком много, в комнате Ринго есть несколько книжных полок, но нельзя сказать, чтобы они были набиты книгами до отказа. В основном это зачитанные карманные книжки, несколько новых, но тоже читанных, книг по индийской религии и совсем новехонькие, которые явно не брали в руки, - это томики по истории и Диккенс. Из всех «Битлз» только у Джона книжные полки выглядят нормально.

Две комнаты отданы в распоряжение Ринго под его игрушки. Они очень дорогие, особенно киноаппаратура, кинокамеры и разного рода оборудование, связанное с ними. Ринго снял несколько великолепных и весьма своеобразных фильмов, хотя он страшно стесняется показывать их и не слишком высоко ценит. Он сделал двадцатиминутный цветной фильм, который состоит в основном из крупных планов глаз Морин, сопровождающийся электронной музыкой. В этом фильме есть такая сцена: машина мчится по шоссе М1, и из ее окна камера на бешеной скорости снимает фары встречных автомобилей. Есть и другой прекрасный кусок, снятый с качелей, когда Ринго, взлетая вверх и опускаясь вниз, снимал дом и сад. Ринго делает фильм от начала до конца сам - снимает, монтирует и доводит работу до конца. Он пользуется при съемках отличной аппаратурой и добивается интересных результатов. Несколько сцен в «Волшебном таинственном путешествии» Ринго снял собственной камерой.

Еще он занимается живописью, но не слишком увлеченно. Его жена Морин часами корпит над очень сложными декоративными узорами. Один из них Морин сделала на основе символа «Sergeant Pepper», выложив его из сотен и сотен блесток. На эту работу у нее ушло чуть ли не шесть недель - в ту пору Морин ждала Джейсона.

Их первый сын, Зак, родился в сентябре 1965 года, а Джейсон - в августе 1967-го. Ринго считает, что пока хватит. Он хочет, чтобы Морин передохнула. У них есть няня и уборщица, но, подобно Джону и Син, Ринго и его семья живут собственной жизнью в глубине дома. На первый взгляд их никто не обслуживает. Морин готовит для Ринго сама. Но в отличие от жилища Леннона весь дом Старра имеет обжитой вид.

Когда Ринго не работает, они с женой с удовольствием занимаются домом. Как и у Джона, здесь постоянно включен телевизор, даже если никого нет в комнате; у них много поп-пластинок. У телеэкрана Ринго и Морин проводят массу времени. У них шесть телевизоров. Лежа на диване в гостиной, Ринго, не вставая, переключает программы с помощью дистанционного управления.

Когда по радио или телевидению передают песни «Битлз», Ринго улыбается или кивает, - конечно, если он не один. Джону и Полу это как будто вообще безразлично. Джордж не смотрит телевизор и не слушает поп-песен.

– Сам-то я не ставлю наши песни. Это Морин иногда слушает. Она поклонница «Битлз» и Фрэнка Синатры. Когда-то, стоило услышать по радио нашу песню, мы устраивали праздник.

Я не страдаю от фэнов. Мы теперь так популярны, что это не имеет значения. Бывает, критики выбранят пластинку, а люди получают от нее удовольствие.

Пока ты подбираешься к вершине, все тебя поддерживают. Но коли уж ты добрался, обязательно попытаются тебя оттуда скинуть. Если в аэропорт нас придут встречать тридцать человек, люди скажут: да, маловато, видно, им уж конец приходит. Ждут, что все будет так же, как во время гастролей. «Ах, «Битлз»? - считают они. - Значит, вокруг должны быть миллионы».

Как и остальных «Битлз», Ринго смешат поиски скрытого смысла в их песнях, особенно когда за это берутся американцы. «Там без этого не могут. На десять наших парней у них наберется сто исследователей. Ищут все время что-то эдакое».

Как и остальные «Битлз», Ринго пытается для разнообразия вести жизнь частного гражданина. Он считает, что, поскольку они перестали гастролировать и не являются теперь общественным достоянием, публика должна оставить их в покое.

– Но, где бы мы ни оказались, на нас все глазят, как в цирке. Я могу понять это, когда я «Битл» Ринго. Но когда я обыкновенный человек - Риччи, у меня должно быть больше свободы.

Наверное, это напрасные надежды. Люди столько слышали о нас. Они

хотят нас видеть. Слава - вот как это называется. Они не понимают, что мы перестали играть. По-прежнему хотят, чтобы у них челюсть отвисала.

Как-то вечером они с Джоном возвращались из Лондона, за рулем «роллс-ройса» был шофер Джона, они проехали мимо ярко освещенного паба, где в легких рубашках сидели люди и потягивали напитки. Они никак не могли этого пережить. С ума сойти, как сцена из волшебной сказки, которую они почти забыли.

– Потрясающее зрелище. Мы уже проехали мимо, когда до нас дошло. Мы были в костюмах и чувствовали себя скованно. Ехали от Куини (миссис Эпстайн), которую только что навестили. Вскоре после смерти Брайена. Вернувшись домой, мы решили переодеться и пойти выпить. Я отвел Морин к Син, чтобы она побыла у нее, пока мы с Джоном посидим в пабе. Это было как в старые добрые времена. Мы принесли им хрустящий картофель и детское шампанское.

Паб как паб. Мы ходили в такие на Корнейшн-стрит. Бармен обрадовался, когда узнал нас. Мы взяли по бутылке темного пива. Пришлось дать несколько автографов, но в общем все оказалось не так уж страшно.

Теперь, после первого удачного опыта, Ринго считает, что они могли бы время от времени выходить, чтобы пропустить стаканчик. Пойти одному ему и в голову не приходит, потому что, как известно, он не очень-то любит гулять. Никто из «Битлз» не занимается какими бы то ни было физическими упражнениями, разве что Пол, когда отправляется на прогулку со своей Мартой.

Единственные физические упражнения Ринго - это игра на бильярде или на игральном автомате. «Есть сад, что еще надо? Я часто гуляю в саду». Ринго как будто и не нуждается в физкультуре, он в форме, и вес его за шесть лет не увеличился. Учитывая нездоровый образ жизни во время гастролей, а также тяжелые болезни, которые он перенес в детстве, это удивительно. Но все ребята держат форму, хоть и несколько бледноваты. Перед каждым новым фильмом или крупным контрактом они обязательно проходят медицинский осмотр, и никаких болезней у них не обнаружено. После прекращения гастролей Джон быстро прибавил в весе, но потом так же быстро скинул лишнее.

Ринго, после того как в течение двух лет водил машину без прав, поскольку трижды проваливался на экзаменах, наконец-то получил их. У него три автомобиля: «мини-купер», «лендровер» и «фейсел-вега». «И не спрашивайте меня, как пишутся эти названия. Меня не было в школе, когда проходили грамматику».

Ринго помогает не только родителям - он одалживает деньги и другим родственникам и друзьям, чтобы те смогли купить себе собственный дом.

– У меня тут валяется много всякой всячины - иной раз выскочу, накуплю разного, а через неделю забуду. Камеры, фотоаппараты - я все время их покупаю; потом мне кажется, что другие лучше, я покупаю новые, и так без конца. Понятия не имею, сколько я стою. Вот если бы я сказал: а ну-ка принесите мне к завтрашнему даю все мои деньги, сколько бы, интересно, получилось? Не представляю.

Ринго не носит с собой денег. «Покажи мне, как выглядит фунтовая бумажка, а? А эти, хорошенькие такие, полушиллинговые монетки еще выпускают? Морин, правда, делает покупки, но пользуется при этом чековой книжкой».

Счета отсылаются бухгалтеру. Бухгалтер представляет их Ринго и Морин для подтверждения. «Мои расходы составляют обычно около 1000 фунтов в месяц. В прошлом месяце вышло 1600 фунтов, но я купил тогда новый объектив».

– Влип я только однажды. Мы были в гостях у Брайена и решили с Морин уйти пораньше. Туда нас кто-то подбросил, а на обратную дорогу Питер Браун дал нам свою машину.

На полпути домой, а это была ночь с субботы на воскресенье, в баке кончился бензин. Мало того, что бензоколонкой поблизости и не пахло, но, даже если бы она и объявилась, у меня все равно не было при себе денег.

Я остановил какую-то машину и сказал, что у меня кончился бензин. «Не могли бы вы одолжить мне пять шиллингов на галлон бензина - доехать до дому?» Тот парень спросил: «Вы Ринго?» Я ответил - да. «Деньги вам не помогут, - сказал он, - потому что бензоколонки в округе нет. Но я могу отвезти вас домой». Что он и сделал. Все устроилось наилучшим образом. Но только оказалось, что он журналист из «Дейли телеграф». Вот так и получается, что в газету попадает всякая ерунда, как раз то, против чего возражаешь. Я пригласил его зайти в дом и подарил ему долгоиграющую пластинку. Но о ней он ничего не написал.

На всякий случай несколько лет тому назад всем им раздали чековые книжки, но они никогда ими не пользуются.

– В жизни никогда не выписал ни одного чека, - говорит Ринго. - Не знаю даже, как это делается. Я не успел получить свою чековую книжку, как потерял ее.

Мне еще никогда не отказывали выписать счет в магазине, даже если я заходил туда в первый раз. Никто никогда не требовал у меня доказательств, что я и есть Ринго.

Он не ощущает особой тяги или необходимости жертвовать деньги на благотворительные нужды и не понимает, почему они должны это делать. «Иногда Брайен посылал какие-то пожертвования от нашего имени. Джон ведь нарисовал рождественскую открытку для «Оксфам», правда? Они на этом неплохо заработали».

– Мне это как-то не очень по душе. Я заметил, что управляют благотворительными фондами малосимпатичные люди. Что хорошего сделал фонд Аберфэн, если не считать адвокатов? За потерю ребенка они выплачивают 5000 фунтов. Смешно. Ребенка не заменят пять миллионов. Боюсь, что многие наживаются на благотворительности. Нет, это не для меня.

Правительство забирает у нас 90% наших денег - нам достается шиллинг и 9 пенсов от каждого фунта. Правительство ведь тратит их, чтобы помочь народу? Это и есть благотворительность.

Я не хочу сказать, что правительство заслуживает добрых слов. Они вообще ни с чем не могут управиться. Ни с автобусами, ни с поездами. Они не умеют работать. Вчера, когда я возвращался домой на машине, то обогнал пять автобусов № 7, ехавших в ряд один за другим, - в каждом сидели по два человека. Разве они не могли поехать на одном автобусе? И все дела.

Правительство установило слишком высокие налоги. Какой может быть стимул, если всю жизнь тебя просто душат налогами? А когда не останется ни одного богатого человека, некому будет платить правительству.

Все, до чего дотрагивается правительство, превращается в дерьмо, а не в золото. Железные дороги получали прибыль, когда они были частными, разве нет? Наше правительство как викторианская Англия. Все устарело.

Все правительства одинаковые, что лейбористы, что тори. Ни те ни другие ничего не могут мне предложить. Только и делают, что спорят друг с другом. Одни талдычат одно, а другие обязательно наоборот. Оба так. И на этом все кончается. Почему бы им, наконец, не объединиться и не поработать для страны?

Все «Битлз» находят, что Ринго сентиментален, хотя частички Ринго сидят в каждом. Одним из проявлений этой сентиментальности является любовь Ринго к Англии, в то время как остальные совершенно равнодушны к вопросам патриотизма. Когда обсуждались идеи насчет греческого острова и прочие иноземные проекты, один Ринго не выказывал никакого энтузиазма. Он бы хотел, чтобы все жили вместе на сотне акров в Девоне, - ему совершенно не улыбается мысль надолго уехать в другую страну.

Остальные «Битлз» говорят, что с легкостью пойдут на это.

– Я бы не мог жить нигде, кроме Англии. Я же отсюда. Здесь моя семья. Англия не лучше, чем какая-нибудь другая страна, я понимаю. Просто мне здесь хорошо.

Отдыхать Ринго отправляется все-таки за границу, ему нравится уезжать с кем-нибудь, чаще всего с Джоном. Они с Морин не ринулись бы вот так, с ходу, в Калифорнию, как это сделали Джордж и Патти. Ринго следом за Джоном предпочитает путешествовать вместе со своими дружками «Битлз». «Так хорошо быть вместе».

В браке он придерживается старинных правил Севера; мужчина - глава семейства. «Да, именно так. У моего деда Старки было кресло, в котором никто не смел сидеть, кроме него. И я, наверное, такой же». Пол и Джордж не такие ортодоксы в семье.

Но Ринго несколько обеспокоен тем, что оказался хозяином и главой семьи в большей степени, чем намеревался. «Морин сказала мне на днях, что наша уборщица меня боится. Вот уж чего никак не ожидал. Наверное, Морин виновата - она носится по всему дому и говорит: это надо убрать, это приготовить, это переставить, - он сейчас придет».

Когда они выходят вместе, Ринго ухаживает за Морин, как это принято у представителей рабочего класса. Несколько лет тому назад они отправились на обед в аббатство Воберн к герцогу Бедфорду. Ринго дружил с его сыном Рудольфом, обожающим поп-музыку. «Я подумал: забавно посмотреть, как живут другие, поэтому я поехал».

Его усадили за громаднейший стол в нескольких милях от Морин, как это положено в высшем свете, и это его страшно обеспокоило.

– Я сказал: нет-нет, так не пойдет. А ну-ка, дорогуша, садись-ка сюда. Они хотели заставить нас сидеть врозь. Вот чудачки.

Мне не кажется, что женщины так уж стремятся к равенству. Им нравится, когда их защищают, а они в свою очередь ухаживают за мужчинами. Так, по-моему.

Несколько лет тому назад они разочаровались в Лондоне и лишь изредка выходят вечерами. «Когда мы только стали знаменитыми, приятно было разъезжать, чувствуя на себе взгляды, знать, что тебя узнают, - ну, в общем, как положено звездам. Но все же это было скучно».

В строгом смысле слова гостей они не принимают. У Ринго есть один-два друга, вроде Роя Траффорда, ливерпульского приятеля с детских лет. Самый частый посетитель - это Джон, который заходит попить чайку или просто посидеть.

Морин предпочитает спокойную, безмятежную жизнь, которая для нее

заклучена в Ринго. Она хочет того же, чего хочет муж. Они очень счастливы.

Морин в отличие от других жен «Битлз» никогда не ложится спать, не дождавшись Ринго, как бы поздно или в каком бы виде он ни заявился.

– Когда он записывается, я часто не ложусь до половины пятого утра. Он ведь наверняка встал поздно, не поел как следует, поэтому я стараюсь приготовить что-нибудь к его приходу. Я должна быть уверена, что он хотя бы сыт. Потому что во время работы они только поковыряют что-нибудь, а есть не едят. Если же он все-таки закусил с ребятами или у него была с собой еда, это ничего, - картошка не пропадет, я никогда ничего не выбрасываю. Но обычно я его кормлю. Иногда он ест слишком быстро, потому что устал. Но, как правило, он не прочь спокойненько перекусить, когда возвращается домой.

Мне ни капельки не трудно его ждать. Чтобы скоротать время, я иногда устраиваю перестановки. На днях я целых два часа думала, куда бы мне перетащить лампу. Я умею шить - занавески, одежду. Недавно нашла блески на старый абажур.

Много времени Морин тратит, отвечая на письма. Она обожает письма от фэнов Ринго. Может быть, из-за того, что сама когда-то была фэном, Морин понимает, что означает для них каждое ее письмо. Если не считать матери Джорджа, миссис Харрисон, только Морин беспокоится о поклонниках. Конечно, Морин не тратит на переписку столько времени, сколько миссис Харрисон, ведь на ее плечах лежат заботы о большом доме и малышах.

Когда приходят поздравительные открытки по случаю дня рождения Ринго, Морин всегда благодарит за них в нескольких словах, обязательно объясняя, что Риччи очень занят и просто не в состоянии сам ответить на поздравления. Морин всегда называет его Риччи, если люди, пишущие ему, знают его только под именем Ринго. «Ринго» странно звучит для меня. Его зовут Риччи».

Иногда Морин заставляет Ринго надписать побольше автографов. Она отправляет автограф не каждому, кто просит, потому что это было бы слишком долгой работой, а только тем корреспондентам, которые кажутся ей особенно милыми и деликатными.

– Я люблю отвечать на письма. Уже пять лет, как я этим занимаюсь. Часто получаю совершенно замечательные послания.

Бывает, я начинаю уставать. Однажды, когда у меня появился Джейсон, я забросила все это, и у меня оказалось три хозяйственные сумки, набитые письмами.

Я отвечаю не потому, что это долг воспитанного человека. Просто я ставлю себя на их место и думаю, что, если бы кто-то нравился мне настолько, что я написала ему, мне, наверное, было бы очень приятно получить хоть какойнибудь ответ. В некоторых письмах фэны пишут, что это уже их пятнадцатое письмо. Наверное, им ужасно неловко. Оказывается, они все время писали в бюро. Но туда приходят тысячи писем, и они, конечно, не справляются с ними. Не подумайте только, что я хотела бы получать больше писем, чем сейчас, покорно благодарю.

Часы ожидания Ринго Морин часто заполняет шитьем. «Люблю делать все быстро. Из-за этого никогда не пользуюсь выкройками. Беру и сразу шью платье целиком. Потом начинаю обрезать его то там, то сям, пока оно не делается размером с носовой платок». Для шитья Морин покупает только дешевые остатки тканей. Она очень бережлива. Все покупки Морин делает в супермаркете в Уэйбридже. И всегда сохраняет наклейки «Пинк Шилд» [Определенное количество накопленных наклеек дает право на бесплатную покупку], что кажется совершенно бессмысленным, поскольку она может купить что угодно и так. Она любит выклеивать эти бумажки. Иногда она достает свою книжечку, чтобы проверить, сколько у нее их набралось.

Ринго находит это смешным, но очень доволен тем, как Морин управляет домом и ухаживает за ним самим. Он гордится и ее поделками - например, покрытым блестками рисунком к «Sergeant Pepper».

Супруги Старр пока не задумывались о том, какое образование дать Заку и Джейсону, потому что они совсем еще малыши. Как и Джон, Ринго хотел бы отдать ребят в обычную муниципальную школу.

– Но ведь Зак не совсем такой, как все, правда ведь? Ему не дадут проходу. Сейчас стало лучше, но все равно на него вечно нападают. Если единственный способ оградить его от обид заключается в том, чтобы платить, то ради бога. Захотят дети учиться в школе-интернате - что ж, я разрешу. Но мне бы хотелось, чтобы они жили дома, чувствовали себя свободными и любили друг друга. Я так говорю, хотя ведь никто не знает, какими они будут, когда вырастут. Мне только не хотелось бы, чтобы с ними повторилась та же история, что со мной, когда мать все время повторяла: не играй у окна, не разбей, не сломай... Слишком много ограничений. Когда наступает твоя очередь быть родителем, поневоле теряешься.

Одно Ринго знает точно: он ни в коем случае не допустит, чтобы его дети получили такое же образование, как он, - то есть никакого. Годы, которые он потерял из-за болезни, все же сказались на нем. Правда, не так

уж серьезно - по крайней мере он не делает из этого трагедии. Ринго не знает, что такое грамотно писать, но относится к этому легко. Его представления о том, где находятся разные города и страны, тоже весьма приблизительны.

– Я знаю, что пишу неграмотно. Но прочесть могу все что угодно. Английское правописание вообще очень трудное. По математике я всегда шел неплохо. Но лучше всего я умею работать руками. Если мне не будут мешать, я могу сделать почти все. Сам до всего дойду. Но когда надо точно следовать инструкции, тут я пас.

Ринго пришел в группу последним, когда все остальные уже давно заняли твердые позиции и проявили свою индивидуальность. Ринго понимал, что ему страшно повезло, - он попал в группу в тот момент, когда начался ее взлет к славе. «Битлз» не расценивали свой успех как везение, они всегда знали, что добьются его.

Когда вся троица толпится у микрофонов, а Ринго привязан к своим барабанам, он производит впечатление человека замкнутого, - Ринго и сам называет себя молчуном. Но его остроты и замечания умны и блестящи. Они не уступают ничьим другим. Разница состоит только в том, что Ринго не умеет болтать без умолку, как Пол, или как это выходит у Джорджа, когда тот рассказывает о своих хобби; он не может, подобно Джону, сыпать и сыпать дурацкими остротами и прибаутками - Ринго молчит, пока к нему не обратятся.

Но когда Ринго не делает усилий над собой, он действительно выглядит погруженным в себя, даже подавленным. Светлая прядь теперь стала совсем седой. Врачи считают, что существуют какие-то психологические причины его ранней седины, но большинство сходится на том, что это не так.

Если судить по фотографиям, не говоря уж о карикатурах, у Ринго крупный нос. Из-за этого некоторые считают его евреем.

– Пока я не стал знаменитым, никогда не задумывался, какой у меня нос. И никогда не думал, что меня принимают за еврея, а тут вдруг мне позвонили из «Джуиш кроникл». Пришлось сказать им, что они ошибаются.

Теперь я вижу, что стал тем, кто я есть, потому что рос без отца, а мать всегда работала. Из-за этого я превратился в тихого интроверта. Я только сейчас стал понимать себя, хотя в детстве чувствовал себя совершенно счастливым. Недавно я видел по телевидению передачу о том, как влияет на ребенка долгое пребывание в больнице. Больница заставляет его уходить в себя.

Ринго не ушел в себя. Он открытый, дружелюбный и, наверное, самый симпатичный из всех «Битлз». Он совершенно не сосредоточен на себе. Морин считает, что он мог бы добиться большего, если бы захотел.

– Ведь это он придумал разукрасить рисунок блестками, - он вам не сказал? Конечно, это чепуха, но он никогда не тычет в нос своими заслугами. Мне кажется, он себя недооценивает. Забывает, какие прекрасные идеи к нему приходили, потому что не считает себя творческой личностью. По его мнению, хорошие идеи - это для других. Но многое получается у него очень здорово. Ринго прекрасный художник. Думаю, он мог бы снимать хорошие фильмы. Надеюсь, он найдет себя в кино. Он все умеет. А если бы вы знали, как он замечательно танцует!

Ринго - гораздо более яркая личность, чем может показаться поначалу. Благодаря синим глубоким глазам он очень красив. Придворный шут в группе - это вовсе не его роль. Его мнения столь же ценны, как и любого другого из «Битлз». Но на фоне гораздо более ярких и очевидных талантов Пола и Джона он держится в тени, что усугубляет его скромность. «Битлз» полностью доверяют ему, часто полагаются на его мнение. Ринго - жизненно необходимая часть этой четверки, он приносит столь нужные ей элементы - не только сентиментальность, но здравый смысл и гуманный подход к жизни. У него немало хороших, интересных соображений относительно «Битлз» и самого себя.

– Я думаю, мы - четверо равных и это делает нас единым целым. Отличаясь друг от друга, мы похожи.

Когда твоя роль сводится к сопровождению звезды или лидера, можно быть с ним, а можно на него и плюнуть. В четверке важен каждый. Если ты общаешься с одним, ты не можешь не общаться со всеми остальными. Положим, тебе не нравится Элвис, - ну и не нравится, и дело с концом. В четверке будет посложнее.

Мы никогда не конкурируем между собой, ни в жизни, ни перед публикой, хотя, конечно, у каждого из нас есть свои фэны.

Если бы мы вчетвером встали перед миллионом фэнов и они должны были бы выбрать самого любимого из нас, то, я думаю, большинство голосов получил бы Пол. Джон и Джордж разделили бы второе место. Ринго занял бы последнее. Я вычисляю это и по письмам, и по воплям, и по толпам.

Когда дело касается Джона и Пола, то фэны каждого из них обычно настроены против другого кумира. А среди моих фэнов есть поклонники и Джона, и Пола. Они все любят и меня, и их. И поэтому, если бы стали подсчитывать очки по сумме, я бы наверняка занял второе место.

Фэны испытывают ко мне материнские чувства. Я это знаю. «Милый маленький Риччи». Ко мне и в детстве так относились. Меня любили не только девушки, но и старушки. За Полом тоже тянется что-то в этом роде. Я такой, что ж тут сделаешь. Мне незачем меняться. Иногда, правда, хочется стать другим. Когда меня просят сниматься в фильме, я думаю: дай-ка сыграю какого-нибудь настоящего мерзавца. Интересно посмотреть, какая будет реакция.

Я не творческий человек. И знаю это. Но людям кажется, что я хочу им быть. Они пишут и просят меня попробовать. Пару лет тому назад я написал две маленькие песенки, но получилась какая-то мура.

Конечно, ощущение, что ты не можешь творить и что люди знают об этом, иногда угнетает. Но нельзя же, чтобы все четверо были творцами, вы согласны? Достаточно половины. Вспомните все группы, хорошие группы, - так там вообще никто ничего не может сочинить.

Конечно, я был бы счастлив, если бы мог творить. Скверно понимать, что не могу. У меня есть рояль. Но играть по-настоящему я не выучился. Часто у меня возникает чувство, будто сегодня, например, я смогу написать прекрасную песню, но я начинаю, и ничего не получается. Я не умею. Разве что сочинить двенадцать тактов в до мажоре. Шутка.

Иногда мне неуютно. Действительно, сижу отдельно от всех, за своими барабанами, и выполняю то, что мне велят. Часто, когда ударники из других групп говорят мне, что я выдал потрясающий бит, я, как правило, знаю, что сделал всего лишь то, о чем меня попросили, а меня за это хвалят.

Снимать фильм, конечно, не последнее дело, но это ведь надоедает. Как гадание на кофейной гуще, получится или нет - никогда не знаешь заранее.

Правда, кино меня интересует - ведь я не умею писать стихи и сочинять. Почему бы мне не попробовать силы в кино, если получается?

Многие говорили, что я недурно сыграл в «Вечере тяжелого дня», но я плохо помню, о чем там шла речь. Взять хотя бы ту маленькую сцену с малышом на канале, про которую все говорят, что она так удалась. Я ничего не соображал, когда играл ее. Голова была как в тумане. Накануне я не спал всю ночь. От усталости чуть не падал. Еле ноги передвигал. Дику приходилось орать на меня, чтобы я что-нибудь сообразил. А получилось неплохо. Сценку, в которой я пнул ногой камушек, я сам придумал. Ей-богу. Но все остальное - работа Дика. Я так и не включился.

После этого фильма я получил много предложений, и все на главные роли. Однажды я чуть было не согласился сыграть роль Ватсона в фильме о

Шерлоке Холмсе, но потом решил, что это все-таки чересчур для меня серьезно. Не хочу братья за роль, где на меня ляжет основная тяжесть. По крайней мере пока. Представляете, какой был бы ужас - провалиться? А вот маленькие роли - это пожалуйста. Ведь тогда ответственность не на мне. Если это получится, тогда можно попробовать и что-нибудь более серьезное.

Я согласился играть в фильме «Кэнди» потому, что роль была невелика и я играл с такими звездами, как Марлон Брандо и Ричард Бартон. Я подумал; они возьмут все на себя, а я у них поучусь. Я снимался всего десять дней, играл испанского садовника, роль без слов.

Конечно, я не умею играть. Я не знаю, как это делать. Смотрю на актеров по телевизору. Ведь сразу можно точно сказать, что они настоящие актеры, потому что они такое вытворяют с лицом! Посмотрите на их глаза. Я этого всего не умею. И ничего этого не делаю.

Ринго говорит, что, если бы завтра его положение и богатство исчезли, он бы не очень огорчился. При всех обстоятельствах он считает, что родился в сорочке и на хлеб как-нибудь заработает, даже если придется вернуться к прежней работе.

– Нет, сегодня мне, наверное, уже не светило бы стать монтером. Я ведь бросил это дело на полдороге, ради того, чтобы играть в группах. Не повстречайся мне Рори Сторм, а потом «Битлз», я так и шатался бы где-нибудь с бандой «тедди-боев». А теперь, если что, пошел бы в чернорабочие.

Конечно, я рад, что это не так. Приятно быть частичкой истории, хоть в каком-то смысле. Хотелось бы попасть в школьный учебник по истории, чтобы обо мне читали детишки.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно писать биографию ныне живущих, потому что жизнь продолжается. Опасно давать окончательную оценку фактам и суждениям, поскольку они могут измениться. К тому моменту, когда вы прочтете четыре последние главы, герои могут легко отказаться от того, что говорили в них. Их точка зрения могла трансформироваться в тот самый миг, когда они произносили эти слова. И не только точка зрения. Каждый день факты, касающиеся «Битлз», обновляются.

Например, между Джоном и Син все кончено. Пол женился на блондинке-американке по имени Линда Истмен. На сцене - по крайней мере на сцене Джона - появилась Йоко Оно. Даже Ринго, этот добропорядочный семьянин, переменил место жительства. Махариши ушел в область далеких трансцендентных воспоминаний. Вероятно, многое из того, о чем говорилось в предыдущих главах, стало историей «Битлз».

Но где-то надо поставить точку. К счастью, пока я писал книгу, некоторые этапы в жизни «Битлз» завершились. Вехи легко различить. Моя цель состояла в том, чтобы, насколько это возможно, честно и скрупулезно собрать воедино все факты, мнения и события, из которых состоят эти вехи, и при этом помнить, что коль скоро они относятся к живым людям, то неизбежно должны видоизмениться.

В то же время, когда имеешь дело с живыми героями, то получаешь весь материал непосредственно от них - лишь бы они смогли уделить тебе время. В данном случае «Битлз» проявили полную готовность, но буквально деревенели от скуки, когда речь заходила о периоде битломании. Так как эта часть их биографии освещалась с наибольшим размахом, я ограничился сравнительно кратким ее описанием.

Я приложил все силы, чтобы в книге было как можно меньше меня, но не сомневаюсь, что мои симпатии и антипатии просочились во все щели; я также умышленно пытался противостоять искушению анализировать. Может статься, это моя ошибка. Но мне кажется, что достаточно записать и распределить то, что происходило, чтобы читатель сделал свои собственные выводы. По-моему, корни и причины их успеха освещены в этой биографии вполне основательно для того, чтобы не было нужды в раскладывании их по полочкам и подведении итогов. Пусть через пятьдесят лет кто-нибудь напишет критическую биографию группы по всем правилам - если, конечно, найдется хоть один человек, который будет к тому времени

хоть что-то помнить.

Наверняка напишут. Иначе зачем бы мне делать всю эту работу? Но ближайшее будущее «Битлз» представляется мне туманным. Будут ли они снимать новые фильмы? Или выступать в новых телевизионных шоу в качестве группы? Пойдет ли дело с «Эппл», или все кончится сварой или даже крахом? Совсем недавно созданная фирма, «Эппл» уже понесла большие убытки, и трудно представить себе, что подобный бизнес может развиваться гладко, находясь в руках четверки столь разных по складу и интересам людей. Пошлют ли они подальше всякие подобные совместные предприятия, разойдутся ли как в море корабли, оставаясь четверкой «Битлз» только в студии грамзаписи? А может быть, «Битлз» вовсе перестанут существовать? Джон, Пол и Джордж могли бы сочинять и записываться самостоятельно - что, впрочем, нередко уже и происходит. Не станет ли в конечном счете каждая отдельная часть - каждая индивидуальность - вполне сопоставимой с целым?

Возможно, к моменту выхода в свет моей книги все эти вопросы уже разрешатся. Группа прошла столько разных стадий, что нет причин сомневаться в том, что на смену им придут и новые.

«Битлз» уверены, что добьются успеха в кино, бизнесе - словом, во всем, за что возьмутся, но в истории шоу-бизнеса никому еще не удавалось повторить свой успех. Элвис Пресли почти сразу же сел на мель. Чарли Чаплин, правда, пошел дальше и стал профессиональным режиссером, но никто не может сказать, что сделанные им фильмы потрясли мир. Как и в случае с «Битлз», его известный всему миру маленький человек, сбитый с толку крупными воротилами, выражал свое время. Смогут ли «Битлз» еще раз стать выражением своего, но уже иного, времени?

К счастью, это их не слишком заботит. В сочетании двух слов «могу сделать» их волнует только второе. Наивные и невинные, они живут ради сегодняшнего дня. Забывая и не заботясь о том, что было вчера, и никогда не обдумывая планов на завтра. На них не действует то, что говорят или думают другие, и именно поэтому они позволяют себе совершать ошибки на глазах у всех.

Как показывают четыре последние главы, они долгое время испытывали дополнительные трудности от того, что вели уединенный образ жизни. В особенности это относится к Джону, который жил как бы одним воображением. Говорят, отсутствие побуждения к действию отрицательно влияет на искусство, и тем не менее у Джона рождались новые песни, как всегда обгоняющие время. Теперь в его личной жизни произошли радикальные перемены, и он опять вырвался на новые

просторы. Возможно, это отдалит его от остальных, поскольку у него наконец-то образовалась связь не менее, если не более, прочная, чем с «Битлз». Но не имеем ли мы дело всего лишь с еще одной стадией?

Личная жизнь Пола тоже изменилась, но его главные цели остались прежними. Он, как и раньше, больше других озабочен состоянием «Битлз» как группы, которая занималась бы не только сочинением и записью музыки, но и осваивала бы территории кино, телевидения и бизнеса. Если группа когда-нибудь и развалится, скорее всего, именно Пол сможет выбиться и преуспеть на музыкальной ниве сам по себе. На данный момент из всех «Битлз», пожалуй, менее всех склонен к возобновлению деятельности группы Джордж. Кинокарьера Ринго набирает темпы. Быть может, наступает его очередь двинуть их всех вперед? Ведь Джон, Джордж и Пол уже были вперёдсмотрящими.

Какая бы ситуация ни складывалась в фирме «Эппл», она по крайней мере - источник новых импульсов для них. «Эппл» - это самая конструктивная стадия их внемузыкальной деятельности. После долгих лет упорного отрицания смысла взаимной помощи и объединения в союзы они вдруг словно доброжелательные деспоты, стали вкладывать деньги и свое влияние в дело поддержки других артистов. В какой-то мере их привела к этому религиозная фаза их развития, благотворно повлиявшая на каждого. Сейчас все они увлеченно творят добро, что полностью противоречит их прежним взглядам на альтруистическую деятельность. Отринув в свое время утверждение, что статус поп-звезды подразумевает ответственность перед обществом, они теперь стали почти миссионерами - и в духовных, и в материальных сферах. Одна из главных целей «Эппл» - это создание своего рода Фонда доверия.

Если говорить о музыке, то двойной альбом «Битлз» конца 1968 года был самым большим достижением группы во всех смыслах. Альбом родился на свет в муках, его производство омрачалось ссорами, но выпуск позволил им расквитаться с долгами. И, разумеется, диски содержат ряд блестящих новых песен и идей. Любопытно, что этот альбом, ранние стадии создания которого описываются в главе о музыке «Битлз», явно несет в себе отголоски детства группы, хотя песни в основном были написаны в Индии. Несмотря на большой объем этого альбома, у ребят было достаточно неопубликованных ранее песен, чтобы заполнить ими еще одно собрание, - не считая тех новых песен, которые они сочинили для следующего альбома.

Чем бы ни решили «Битлз» заниматься в будущем, неясно, смогут ли они добиться успеха в одиночку, без направляющей руки. Когда они

выходили на авансцену шоу-бизнеса как личности, их вел Брайен Эпстайн, когда выступали перед обществом как композиторы, с ними был Джордж Мартин, и, наконец, когда они становились гуру, рядом стоял Махариши. Сейчас у «Эппл» нет отцовской руки, несмотря на то что они отчаянно ее ищут. Как водится, эксперты не верят, что они сумеют снова всего добиться, - во всяком случае, в новой для них области и без компетентной помощи.

– В музыке, - считает Джордж Мартин, - они наделены инстинктивным пониманием того, что надо делать. Они всегда опережают остальных. Но в том, что касается их отношения к массе других предметов, это инфантильные подростки.

Во многом они еще дети. Они обожают любое волшебство. Если бы мне удалось хлопком в ладоши заставить появиться перед Джоном вазу с цветами, он бы сошел с ума от восторга и я бы мог делать с ним, что пожелаю.

Им хочется, чтобы все вокруг было вроде быстрорастворимого кофе. Они жаждут быстрорастворимой записи, быстрорастворимого кино, быстрорастворимых результатов во всем.

По-моему, «Битлз» действительно нужен организатор. Это позволило бы им стать еще более дикими. Если же они попытаются действовать совершенно самостоятельно, им не обойтись без провалов.

Они молоды - с этим уж никто не станет спорить, - и это прекрасно, потому что именно по молодости они продолжают стремиться поступать по-своему. Будем надеяться, что это стремление не иссякнет у них никогда.

Вместе с тем я не исключаю, что завтра они завянут и будут жить на свои миллионы, разглядывая собственный пупок и предаваясь благим размышлениям. На сегодняшний день они неплохо преуспели. Они подарили нам немало. За что и получили орден Британской империи.

1968 год

ПОСТСКРИПТУМ 1978: РАЗРЫВ

Десять лет тому назад, заканчивая эту книгу, я проявил осторожность и не стал предсказывать, что, на мой взгляд, ожидает группу. Кинематограф, создание фирмы «Эппл» открывали перед моими героями увлекательнейший простор, огромное количество возможностей. Да, каждый из них уже шел своим путем, жил своей жизнью, но я никак не предполагал, что разрыв так близок. И уж тем более мне в голову не приходило, что он будет сопровождаться клубком запутанных юридических тяжб, финансовыми передрыгами, мелочными склоками, столкновениями характеров, взаимными оскорблениями, ссорами из-за пустяков, детскими обидами. Увы, они закончили свой путь, как и многие их коллеги по шоу-бизнесу, скандалом. До ссор и открытой брани опустились, Гилберт и Салливэн, другая великая британская «команда» поп-музыки. Как ни печально, но Леннон и Маккартни оставили свое совместное творчество, словно очередная пара посредственных, сверхтипичных, озлобленных экспартеров. Я надеюсь, эта книга показала, что взлет был поистине феноменальным, но конец, по правде говоря, оказался довольно отталкивающим.

Истории, сопровождающие их разрыв, не обладают даже теми пикантными деталями, ради которых их стоило бы пересказывать, - они сложны и запутанны до предела. В основном все вертится вокруг раздела имущества; чуть ли не все прошедшее десятилетие члены группы держали высококвалифицированных адвокатов и давали пищу газетам для отчетов о последних судебных исках. Считалось, что «Битлз» пришли к разрыву в результате этих судебных распрей, на самом деле - наоборот: разрыв явился причиной возникновения взаимных обвинений, доведших их до суда. Но последовавшее затем личное столкновение бывших соратников выглядело как вполне реальное неприятие друг друга. Что же, в конце концов, вызвало разрыв? Сами «Битлз» не дают удовлетворительных объяснений. Одно время они полностью противоречили друг другу: Пол обвинял в разрыве трех остальных членов группы, а они в свою очередь возлагали вину именно на Пола. Моя теория сводится к тому, что раскол назревал уже давно, - я, как говорится, задним умом крепок. Даже когда я перечитываю эту книгу, для меня все становится понятным, хотя я вовсе не утверждаю, что признавал это, когда ее писал. Если существует одна причина, по которой они разошлись, то она состоит вовсе не в мелочных разногласиях,

не в спорах, кто должен командовать парадом, но в появлении в жизни Джона Леннона Йоко Оно. В этом, так или иначе, кроется мое объяснение.

«Битлз» начали распадаться именно как «Битлз» еще в 1966 году, когда отказались от гастролей и перестали жить коммуной.

Как только Джон и Пол разбрелись по разным углам, песни Леннона - Маккартни стали несколько фальшивыми. Это уже не было совместное творчество, как в те давние времена, когда их песни рождались в салоне фургончика или автобуса. Поклонники легко отличали песни Леннона от песен Маккартни, хотя обе фамилии по-прежнему стояли рядом. Приходя на сеансы грамзаписи альбома «Sergeant Pepper», каждый из них имел, по крайней мере в голове, подробную разработку номера.

При условии, что «Битлз» оставались закадычными друзьями, можно было отлично продолжать работать так и дальше, никому это не надоедало, ни у кого не возникало желания двинуться в «другую степь», и все-таки именно скука привела к начавшимся между ними мелким ссорам. В 1968 году отказался участвовать в двойном альбоме 1968 года Ринго. Он заявил, что ему надоела роль ударника. Несколько лет наблюдений за ним убеждают меня в том, что его можно понять. На концертах Ринго был равноправным членом группы, на равных участвовал в выступлениях, исполняя свои соло и обзаводясь собственными, преданными ему поклонниками. В студии же его почти не замечали. Бывало, Пол и Джон часами работали над аранжировкой, над словами или сведением звуковых дорожек. А Ринго зачастую оказывался вовсе им не нужен, поскольку куски с его участием можно было записать в любое время. И все же Старр бросил группу всего лишь на одни сутки и дал себя уговорить вернуться.

Во время создания «Let It Be» после всеобщей бурной ссоры взбунтовался Джордж. В группе он всегда играл достаточно видную роль, хотя и не такую значительную, как Джон и Пол, - его, пусть и немногочисленные, песни всегда выделялись отшлифованностью. В период увлечения Индией он повлиял на саму природу сочинения песен «Битлз». Джордж изначально меньше всех был околдован принадлежностью к «Битлз», он не слишком высоко ее ценил и первым стал уделять все больше и больше внимания другим увлечениям - религии, индийской музыке. Но и его удалось уговорить вернуться.

В 1967-1969 годах опорой группы был, конечно, Маккартни. Благодаря Полу они выросли как композиторы, в нем бурлили новые идеи вроде создания «Волшебного таинственного путешествия». Он побуждал «Битлз» к работе над новыми фильмами, расширению корпорации «Эппл». Он обожал «Битлз», обожал статус «Битла» и не хотел ничего менять. В 1968

году он приезжал ко мне в Португалию и был полон планов, как заставить ребят вновь выступать перед публикой. Он думал не о гастролях - они уже никого из «Битлз» не привлекали. Но ему не хватало публики - возможности исполнить всю песню от начала до конца, показать ее публике, вернуть хоть часть того веселья, которое они когда-то устраивали вместе. Джордж был категорически против. Остальные энтузиазма не проявляли. Но Пол не терял надежды, что сможет их уговорить.

Джон, который не мог придумать ничего нового, предоставил бразды правления Полу. Ему порядком надоело быть «Битлом», но взамен этого ничего в голову не приходило. Из тридцать первой главы можно ясно представить себе, как он скучал, молча проводя дома целые дни, слоняясь из угла в угол и мечтая о чем-то своем. Брак стал для него такой же привычкой, как и все остальное. Синтия первой готова была признать, что никогда не находилась на одной «частоте» с Джоном. Она честно говорила, что, если бы не ее беременность, Джон никогда не женился бы на ней. (Это признание чуть не пришлось изъять под давлением родителей и друзей.) Синтия всегда знала, что Джон любит «Битлз» сильнее, чем ее. Но они прошли вместе столько испытаний, Джон не представлял себе другой жизни. Он не видел ничего лучше.

И тогда появилась Йоко. Наконец-то Джон обрел родственную, хоть и весьма необычную, душу. Зароненная Йоко искра воспламенила Джона. Он воспрял духом, осознав вдруг, что Пол, который до той поры был его закадычным другом, единственной для него родной душой, на самом деле такой же обыватель, как Синтия. Джон и Йоко поставили перед собой новые, всецело поглотившие их цели. Остальные члены группы перестали существовать для Джона. Когда Пол, например, выдвинул идею создания прямой телепрограммы, Джон остался равнодушным к этому предложению.

Йоко вошла в жизнь Джона и в его работу - она не расставалась с ним во время последних студийных записей. Никто из «Битлз» не испытывал восторга от ее влияния на Джона и постоянного присутствия в студии. Джордж и Ринго скучали во время работы все больше, сеансы теряли для них привлекательность. Мысли Йоко и Джона развивались совсем в другом направлении. В 1969 году творчеству «Битлз» пришел конец. «Let It Be» вышел в свет в 1970 году, но запись была сделана почти за год до этого.

– Примерно в то же время, когда Джон открывал для себя увлекательную жизнь с Йоко, Пол познакомился с Линдой Истмен. Он привез ее с собой, когда навещал меня и мою семью в Португалии. Мы очень любили Джейн Эшер, отличавшуюся независимым нравом. Нельзя

было без удивления наблюдать за преданностью Линды, вернее, за тем, как она горой стоит за Пола. Никогда бы не подумал, что Полу так понравится жить со своей обожаемой, - ведь он столько перевидал их на своем веку. Но я не учел, что постоянное общение с Джоном, чьи цинизм и жестокая честность всегда ставили Пола на место, да и годы рядом с Джейн, которая в своих суждениях была не менее категорична, чем Пол, возможно, угнетали его. Не отдавая себе в этом до конца отчета, Пол, вероятно, ревновал к Джону. Впервые мне пришло это в голову, когда я наблюдал, что близкие отношения, связывавшие Джона и Брайена, делали Пола вроде бы третьим лишним.

Линда появилась в самый подходящий для Пола момент, когда Джон пошел другим путем. Она убеждала Пола быть самостоятельным, не уступать, вселяла в него уверенность. Она завладела им, ни в коей мере не вступая в соперничество. Во время споров из-за раздела «Эппл» Джон и Пол «подзаряжались» у своих половин.

Когда умер Брайен Эпстайн, финансовые дела «Битлз» пришли в полный беспорядок. Правильнее, впрочем, будет сказать, что царящую в делах «Битлз» путаницу смерть Брайена скорее обнажила, чем явилась ее причиной. Создание «Эппл» еще более осложнило положение. Необходимо было вмешательство делового человека, который мог привести в порядок их дела, помочь им организовать свою жизнь. Джон и Йоко, заручившись поддержкой Джорджа и Ринго, привели американского бухгалтера Аллена Клайна. Однако Полу он не понравился с первого взгляда. Пол хотел, чтобы его делами занимался Ли Истмен, известный нью-йоркский адвокат, который - чистое совпадение - оказался отцом Линды. Но трое других были уверены, что Пол просто хочет протащить к ним своих родственников, и это очень обижало Пола. Зная его, они не имеют права так думать, считал Пол. Выяснилось, что Пол, чтобы освободиться от «Эппл», должен подать в суд, и не на Клайна, а на Джона, Джорджа и Ринго.

Пол обнаружил вдруг, что «Битлз» не принадлежат себе. Они и их песни оказались собственностью других людей и других компаний. Пол настаивал, что действует в интересах всей группы, а не только в своих. То, что предлагал Клайн, было ему не по душе. Но остальной троице мерещилось, что все неприятности исходят от Пола. Они продолжали считать Клайна своим спасителем. Словом, в течение нескольких лет картина складывалась весьма неприглядная.

Появление Клайна окончательно и официально привело группу к разрыву, но к этому времени поляризация между Джоном и Полом, наметившаяся из-за Йоко, стала очевидной.

Бесконечные судебные дразги последнего десятилетия отняли у каждого из «Битлз» много сил - физических и духовных. И то, что вдобавок ко всему они еще и попадали под суд по личным делам - разводы, злоупотребления наркотиками, кто-то предъявлял иск им, а они в свою очередь - фирмам грамзаписи, то и дело возникали проблемы с иммиграционными службами и т.д., - все это не способствовало поддержанию их доброго имени. Пустая трата времени и сил. Сейчас, когда пишутся эти строки, похоже, все проблемы разрешены. Пол оторвался от «Эппл». Остальные трое записываются в другом месте. Клайн теперь не нравится никому.

В 1970 году, когда, разрыв стал реальностью, они ощутили боль потери со всей остротой. Они прожили общей жизнью много времени, им не терпелось стать самостоятельными, но теперь они не знали, что же им делать. В первые годы заглавные полосы всех газет оккупировал Джон. Он сочинял песни вместе с Йоко, создал группу «Плэстик Оно Бэнд» и добился того, что его вместе с Йоко обнаженными сфотографировали для обложки пластинки «Two Virgins» (1969), что поразило и развеселило весь мир поп-культуры. Они давали интервью из постелей гостиниц всего мира. Во время этих «кроватных» интервью они анализировали, какими болезнями в данное время поражен мир и как избавиться от них. Джон отказался от каламбуров и шуток прежних лет и с головой погрузился в авангард. Он стал выступать в защиту различных людей и дел; вмешался, например, в дело об убийстве Ханратти, начал новые «Йоко-песни» взрывами эмоций, классовой борьбой и политическими лозунгами. Выходки Джона забавляют обывателей, что же касается критики, то с ее стороны уже раздалось немало похвал в адрес песен, которые он теперь сочиняет самостоятельно, - например, «Imagine» (1971). Джон вновь попал под влияние рок-н-ролла, но его диски, пожалуй, потеряли часть былой мощи. За два года не появилось ничего нового. Ни одна из его пластинок не стала хитом, как это сплошь и рядом происходило с пластинками «Битлз».

Джон женился на Йоко в 1969 году. После нескольких неудачных беременностей у нее родился сын Шон. Последние пять лет Джон провел в Нью-Йорке, официальным жителем которого стал в результате длительных судебных тяжб. Оглядываясь назад, Джон отрицает, что Йоко разбила их союз с Синтией. «Брак распался к тому времени сам по себе», - считает Джон. Что же касается раскола «Битлз», то причиной его, по словам Джона, является скука. Возможно, он прав. Он дал множество интервью о ранних днях «Битлз», описывал самые отталкивающие детали их сексуальной жизни, приема наркотиков, - именно в то время он назвал эту книгу

«лакированной».

Новые пластинки Джона не выходят уже два года - с 1975 года, активность его на нуле (по крайней мере сейчас, когда я пишу об этом), и все это вполне в характере Леннона, хотя два года - это довольно длинный срок. Его контракты с фирмами грамзаписи («ЭМИ» в Великобритании и «Кэпитол» в США) перестали действовать еще в феврале 1976 года, и он пока не нашел времени, чтобы уделить этому внимание. Состоялись беседы, были даны обещания, но не более того. В стародавние времена у него случались периоды ничегонеделания, - я заметил это, когда навещал его в Уэйбридже. Даже на пике активной деятельности «Битлз» выходили пластинки, над которыми он почти не работал, оставляя все Полу, как в случае с «Magical Mystery Tour».

В 1974 году Джон пережил личную драму, почти на год расставшись с Йоко, но теперь, когда они снова вместе, он вернулся к более спокойной домашней жизни, много внимания уделяя своему второму сыну. Джон продолжает судебную тяжбу с «Эппл», пытаясь получить свою долю или добиться решения, которое его устроит. Он отказался от авангардистских публичных выступлений, перестал ввязываться в политику. Теперь, когда умер Элвис, Джон стал «дедушкой» рока. Если Элвис в свое время полностью ушел от обыденной жизни, то Джон - лишь частично: он стал гуру в мире поп-культуры. Главенствуя над своим двором в Нью-Йорке, он принимает приезжих звезд рок-н-ролла и делится с ними собственной мудростью.

Его антипатия к Полу, по-видимому, не прошла, хотя Полу приятно делать вид, что их отношения теперь стали лучше, нежели несколько лет тому назад. Невольно приходит мысль, что Джон ревнует Пола к его коммерческим успехам, особенно к нынешним. Из всех «Битлз» Джон наименее удачлив в делах, хотя, конечно, было бы преувеличением сказать, что он беден; однако стоит Полу или кому бы то ни было предложить ему помощь в осложнениях, возникших с «Эппл», как он тотчас выходит из себя и на каждом шагу подозревает всех в благотворительности. Может быть, Джон бездействует из подсознательного протеста, в пику Полу, - он афиширует свою бездеятельность. Остальные трое заключили контракты и продолжают работать. Джон, как обычно, не идет на компромиссы. Он всегда утверждал, что, не будь «Битлз», он стал бы бродягой и бездельником, профукал бы свою жизнь, как это сделал его отец.

Впрочем, я не сомневаюсь, что он возродится. Появится новый партнер, музыкальный или какойнибудь другой, прищпорит его и откроет выход его энергии. Будем надеяться...

С тех пор как «Битлз» разошлись, Ринго, избежав соблазна пооригинальничать и выкинуть что-нибудь эдакое, выпустил несколько мелодичных альбомов «для дома, для семьи». Снялся несколько раз в кино, иногда играя самого себя. Но и в жизни Старра наступил период, когда он начал тревожиться за свою дальнейшую судьбу. Сможет ли он найти себе занятие? Он был моим соседом, жил в большом доме в Хайгейте; одно время Ринго решил попробовать научиться играть на гитаре. Однако ничего путного из этого не вышло. Попытался стать дизайнером и помог найти охотников на несколько стальных скульптур и еще кое-какие предметы.

Ринго тоже много переезжал. Из Хайгейта он перебрался в шикарный дом в Аскоте с 74 акрами земли - там до отъезда в Америку жил Джон. Согласно последним сообщениям, местные жители обеспокоены: дом является историческим памятником, но явно приходит в совершенное запустение. В 1975 году Ринго развелся с Морин - к этому времени у них было трое детей - и вместе со своей новой пассией отбыл в Америку. Теперь же, насколько известно, он обосновался в Монте-Карло. Для этого есть несколько причин, и среди них - система налогообложения. В своих первых альбомах он часто пел чужие песни - в основном написанные Джоном, Полом или Джорджем, теперь же начал сочинять сам. В альбоме Ринго «Rotogravure», выпущенном в 1976 году, ему принадлежат три песни, а в альбоме 1977 года «Ringo the 4th» - шесть. Сейчас он возглавляет собственную фирму «Ринго Рекордз», собирается выпускать по одному альбому в год и больше сочинять (в соавторстве). Его песни не потрясают эмоциональностью или новаторскими поисками, но они симпатичны, добры, радостны, обаятельны. Как сам Ринго.

Джордж тоже много переезжал с места на место и после одиннадцати лет совместной жизни развелся с Патти. Детей у них не было. Он остался жить в Великобритании, недалеко от Хенлея, ведя полуотшельнический образ жизни. После раскола «Битлз» он стартовал довольно резко, успев выпестовать свою новую страсть - индийскую музыку. Его песня «All Things Must Pass» (1970) была встречена с восторгом, так же, впрочем, как и «Concert For Bangladesh» в 1971 году. Увы, и Джордж погряз в судебных тяжбах, самой печально знаменитой из которых оказалась связанная с уличением в плагиате: Джорджа обвинили в том, что он украл у кого-то музыку своей знаменитой песни «My Sweet Lord». (Вердикт, вынесенный в Америке, гласил, что это случайное совпадение.) Несколько позже Джордж от души поиздевался над этим в другой песне, где он давал слово, что отныне не будет посягать на чужие авторские права. Он продолжает медитировать, есть вегетарианскую пищу и любить Индию. У него

возродился интерес к трансцендентной медитации, которая, несмотря на свехрекламу времен «Битлз», сумела тогда им не наскучить.

Джордж поклялся, что никогда не будет гастролировать, однако в 1974 году поехал на гастроли в Америку. Они прошли без особого успеха. Джорджа упрекали в чрезмерном увлечении экспериментами, хотя на самом деле публика была разочарована тем, что он не стал петь песни «Битлз». Джордж же - это свойственно его натуре - вовсе не хочет возвращаться назад, а стремится именно продолжать экспериментировать; он надеется продвинуться на этом поприще вперед. «Мы прошли столько разных стадий роста в бытность «Битлз», что вернуться к этому снова - значит ограничить себя. Эти рамки для нас уже тесны». Сейчас Джордж затрудняется ответить, проклятием или благословением была его принадлежность к «Битлз».

К своему дому в Хенлее он пристроил студию и выпускает пластинки с этикеткой «Дак Хорс» [«Dark Horse» - «Темная лошадка» (англ.)]. Он любит Великобританию (исключая ее систему налогообложения) и хотел бы, чтобы вся страна объединилась в дружеском участии друг к другу.

После разрыва Джон и Джордж публично критиковали Пола - не только в связи с судебными делами (в конце концов они вынуждены были согласиться с оценкой Клайна, данной ему Полом); они выступали также с нападкамии на новый взлет его карьеры. Приходится допустить мысль, что при всей независимости своих характеров, не склонных к компромиссам, они слегка завидовали обаянию Пола, той легкости, с которой он устраивал дела. Джордж объявил все песни Пола, написанные после разрыва, «сладенькими», Джон выразился грубее.

В отличие от остальных Пол начал свою новую жизнь весьма неуверенно. Все недолюбливали его новую жену Линду. У этого брака, в прочность которого никто не верил, было очень мало сторонников. Пол взвалил на себя груз судебных разбирательств, за которые его возненавидела тройка остальных «Битлз», обозлились фэны, ошибочно считавшие, что группу развалил именно он. Он тоже ушел в отшельники, что было очень модно среди суперзвезд начала 70-х годов. Нужно было скрыться куда-то и найти себя, чтобы доказать, что ты существуешь. Одно время пошли слухи, будто Пол умер. На самом деле он скрылся на своей ферме в Арджилшайре в Шотландии (она и сейчас принадлежит ему).

– Когда «Битлз» распались, я почувствовал себя скверно. Меня обвиняли в том, что я их бросил, но этого никогда не было. Когда шли судебные дразги, все мы были хороши. Я звонил Джону, а он посылал меня подальше. Я звонил Джорджу, а он все больше сыпал словами на

определенные буквы, вовсе не в духе Кришны.

Пол писал песни для других исполнителей, для кино, но наконец понял, что должен делать то, что всегда любил больше всего: играть с группой на сцене. Он и от «Битлз» долгое время стремился добиться этого: Пол мечтал, чтобы они выходили из студии хотя бы на разовые концерты. Он решил создать собственную группу «Уингз» [«Wings» - «Крылья» (англ.)], вместе со своей женой Линдой, не имевшей никакого музыкального опыта. В мире поп-культуры долго хохотали при этом известии. «Уингз» начали появляться то здесь, то там, без предварительных сообщений, в университетских кампусах, но не избежали суровой критики за то, что Линда посмела со своим ужасным голосом затесаться в группу Пола. Одним из первых синглов группы «Уингз» была песня «Mary Had A Little Lamb», и, надо признаться, особого воодушевления она не вызвала. Джон сказал, что Пол стал похож на Энгелта Хампердинка, - самое уничижительное и обидное в устах Джона сравнение. Потом он поиздевался над Полом в нескольких своих альбомах. В альбоме «Imagine» он, обращаясь к Полу, говорит о «музычке для моих ушей» [Иронический намек на девиз одной из фирм грамзаписи «Музыка для моих ушей»] и рассуждает «о хорошеньком личике, которое еще года два продержится».

Но группа «Уингз» становилась все лучше. Постепенно во время гастролей Пол стал включать в ее репертуар песни «Битлз», столь всеми любимые. А затем, сочинив «Band On The Run» и «Venus and Mars», он вновь вышел в мировые лидеры и едва ли не повторил успех «Битлз». Его гастроли 1976 года шли при сплошном аншлаге и доказали, что, несмотря на Линду, «Уингз» стали превосходной поп-группой.

Возможно, Пол уже не достиг таких высот, как в «Yesterday» и «Eleanor Rigby», но с коммерческой точки зрения он оставил остальных «Битлз» далеко позади. Его песня «Mull Of Kintyre», вышедшая в 1977 году, превзошла по успеху все синглы «Битлз». Полу, быть может, недостает хирургической точности Джона, безжалостно отрезавшего все сантименты, зато Пол доводит хорошие идеи до полного завершения. Джон, как и прежде, может забросить стоящую песню, так и не доведя ее до конца, потому что она ему надоела. Пола в лености не обвинишь.

Пол утверждает, что за два года работы в группе «Уингз» он заработал больше, чем за все время существования «Битлз». Учитывая, сколько людей владели акциями жизни и деятельности «Битлз», это не так поражает, как могло бы, но все же вызывает удивление.

Пол продолжает жить все в том же лондонском доме, он уже десять лет счастлив с Линдой, у них трое детей. Консерватор, он не любит

перемен и ни за что не уехал бы из Великобритании, несмотря ни на какие налоги. Он типичный счастливый семьянин, который, быть может, прилагает слишком много стараний, чтобы довести этот факт до всеобщего сведения. (Еще одна причина, по которой Джордж сбросил его со счетов, объявив «сладеньким».) Но семья действительно занимает важное место в жизни Пола, давно вытеснив из его эмоционального мира Джона и «Битлз». Марта жива и здорова.

Что сказать об остальных персонажах драмы «Битлз»? Их гастрольный администратор Нил Аспинал - один из директоров фирмы «Эппл», а также продюсер фильма «Будь что будет», - увы, отнюдь не перегружен работой или выпуском новой продукции, потому что в основном занят хождением по судам. Он женат, у него пятеро детей. Мэл Эванс, который в отличие от нервного Нила всегда казался таким спокойным и уравновешенным, закончил свой путь трагически. Он оставил жену и детей и перебрался в Америку, где в 1976 году в Лос-Анджелесе его застрелил полицейский. Скончались отец Пола Джим, отец Джона Фред и мать Джорджа Луиза Харрисон.

Джордж Мартин - преуспевающий независимый музыкальный продюсер. Правда, ему не удалось во второй раз открыть такие таланты, как «Битлз». Его предсказание, в котором он выразил сомнение относительно успеха начинаний каждого из «Битлз», если они разойдутся, можно на данный момент считать оправдавшимся. Из всей четверки наиболее удачно ведет дела Пол - впрочем, его темперамент, энергия и лирические данные всегда больше, чем у остальных, подходили миру поп-культуры с его суровыми законами выживания.

Будут ли они вновь играть вместе? Сегодня неприглядные факты, ссоры, распри остались позади и между ними воцарился шаткий мир, даже нечто вроде дружбы; но сказать, чтобы они жили душа в душу, никак нельзя. Они не стараются повидаться специально, однако при случайной встрече реагируют друг на друга вполне дружелюбно. Они как школьные друзья, которых связывают многие испытания далекого прошлого и чьи дороги в дальнейшем разошлись.

К ним постоянно обращаются с просьбами дать публичный концерт - в основном отчаянно нуждающиеся в саморекламе менеджеры. Им предлагают по 50 миллионов долларов за концерт, прекрасно понимая, что ничего из этого не получится. Во время мертвого сезона эту проблему любят муссировать газеты. Один менеджер заявил даже, что ради такого концерта готов пожертвовать всей своей прибылью, и обратился с призывом к фэнам, чтобы они захватили с собой деньги и одежду для

нуждающихся на всей планете. Это эхо тех безумных лет начала 60-х годов, когда встречались люди, искренне считавшие, что «Битлз» могут спасти мир. Думаю, что независимо от количества предложенных миллионов такой концерт не состоится. Правда, Джон говорит, что растратил (вернее сказать, выбросил на ветер) все свои деньги, но никого из «Битлз» даже в далеком приближении нельзя назвать нищим. Нет причин опасаться, что они снова попадут в лапы менеджера.

И все же мне кажется, что в один прекрасный день они соберутся вместе и сыграют, - не для публики, а для собственного удовольствия. Когда я общался с ними в зените их славы, в разгар битломании, они обожали рассказывать о своих ливерпульских денечках, о Гамбурге, об ужасных вещах, которые они вытворяли и на сцене, и вне ее, нисколько не считаясь с общественным мнением. Это было время их отрочества. Они искренне любили свои ранние песни. Они обожали быть «Битлами», пока не пришло время шумных и надоевших им гастролей. Мне кажется, что когда-нибудь они могут попытаться воссоздать атмосферу начала их пути и устроить «встречу выпускников», даже если участниками этой встречи будут они одни.

Однако нельзя представить себе, чтобы они снова начали вместе сочинять, а это, конечно, было бы самым важным. Уж слишком далеко все зашло. Они не стоят на месте. Пол и Джон стали совершенно разными людьми, и это не может не отразиться на музыкальном творчестве - их музыка, хорошо это или плохо, является выражением сущности двух непохожих личностей, их сути. Они не смогут вновь поймать то, что делали вместе, то, как они влияли друг на друга, то, как их таланты взаимосмешивались и накладывались друг на друга, производя на свет большее, нежели просто сумма слагаемых, если даже этими слагаемыми были таланты «Битлз». Нам придется удовлетвориться тем, что они создали как «Битлз». Я по-прежнему счастлив от того, что они сделали. Пусть они здравствуют вовеки.

ПАМЯТИ ДЖОНА ЛЕННОНА: ДЕКАБРЬ 1980

Когда 8 декабря 1980 года скончался Джон Леннон, в мире не было уголка, куда бы не проникло это известие. Оно заняло первые полосы всей большой прессы. А ведь Джон всего лишь играл и пел. В это трудно было поверить. Кончина премьер-министра или даже римского папы выглядела по сравнению с этим как локальное событие, интересующее далеко не весь земной шар. За время своей жизни Джон Леннон на самом деле стал более известен, чем Иисус.

Одобрив мы такое внимание к факту смерти Леннона или недоумеваем, нам остается только одно - признать его. Феномен музыки убаюкал и усыпил нас. Феномен личности Леннона, оказавшийся в тени его музыки, стал для нас неожиданностью. Только его смерть заставила нас осознать, что он перерос свою музыку.

Существуют два Леннона: американский и британский. Собственно личность Леннона и все, что он хотел сказать, были идентичны, но воспринимались по-разному - каждая нация впитывала в себя нужное ей.

В Великобритании мы воспринимали его как часть уже ушедшего в прошлое общественного движения, не несущего в себе политического заряда, но полного радости. В США Леннон стал фигурой, которую осмысливали и с философской, и с политической точек зрения. Он захватил там духовное лидерство, символизировал образ жизни, владел умами и сердцами, даже когда его годами не слышали и не видели воочию.

Общим знаменателем стала его музыка, без которой не могло быть ни общественного, ни политического влияния. Не было бы и публики - без музыки. Все прочее оставалось побочным, частью того мира, в котором мы волею случая жили в тот момент. Сама музыка вызывала повсюду одно и то же чувство: радость.

В Великобритании появление «Битлз» воспринималось как рождение новой, волнующей и необычной, силы, как нашествие странных звуков с Севера, как голоса, сохранившие в среднеатлантическом окружении свой ливерпульский акцент рабочего класса. До появления «Битлз» поп-музыка в Англии была американской. Вытеснив ее, совершив переворот в британской поп-культуре, став событием чисто английским, «Битлз» выразили дух времени.

Вдруг в целом ряде областей - от моды до финансов, от фотографии до издательского дела - молодежи было позволено взять бразды правления в свои руки. Теперь командовали парадом те, о ком еще вчера говорили, будто у них не то происхождение, не те взгляды. Для многих «Битлз» стали источником вдохновения.

Они дарили нам не только вдохновение, но и новую культуру, новую одежду, новые прически, от которых они отказались к тому времени, когда им начала подражать вся страна. Аккуратненькие пиджаки и начесанные на лоб волосы вскоре уступили место кафтанам, бусам и талисманам, а также длинным спутанным волосам; все это прогрессировало по мере их приобщения к «власти цветов», наркотикам, мистицизму и восточной магии - или белиберды, в зависимости от точки зрения.

Новый сленг, новое отношение к власти имущим, исходившие от них, порождали новые идеи, будоражили, причем «Битлз» делали все это вполне осознанно и с юмором. Лучшими высказываниями Джона остались его экспромты, которыми он сыпал направо и налево. «Это был легендарный человек... во время обеда», - острил он сам о себе.

«Битлз» казались явлением местного значения, пока мир вдруг не очнулся и не обратил внимание на то, почти не веря своим глазам и ушам, что такая мощная жизненная сила, такая подлинная самобытность может прийти с этого подуставшего, старомодного, битого-перебитого, чопорного маленького острова. Для всего западного мира 60-е годы получили британский привкус, и это нас поражало. Мы издевались над журналом «Тайм», над его чересчур серьезными размышлениями о том, что весь наш остров «свингует», но ведь только сейчас, когда все это ушло, мы начинаем понимать: происходило нечто из ряда вон выходящее и отличное от всего прочего. В наши дни полной общественной и экономической тоски хорошо бы вернуть хоть частичку жизнерадостности 60-х годов.

Влияние «Битлз» на Америку оказалось не менее поразительным. Там, например, усмотрели намек на наркотики, где ими и не пахло, - в песне «Lucy In The Sky With Diamonds». Именно американские ученые подвергли анализу каждую песню, каждое высказывание, особенно из тех, что принадлежали Джону. К его страстям отнеслись на полном серьезе. Жаждали набраться от него мудрости. «All You Need Is Love», «Power To The People», «Give Peace a Chance» [«Нужна только любовь», «Власть - людям», «Дайте миру шанс» (англ.)] - простые слова, простые мысли, ставшие лозунгами поколения.

В Великобритании часто превратно истолковывали деятельность Джона в движении за мир, да и сам он любил посмеяться над собой,

выкидывая бредовые номера и дурацкие фокусы, но он всегда был искренен, что бы он ни говорил. Американская молодежь приняла его как гуру, что в Великобритании исключалось. В конечном счете, может, и не будет преувеличением сказать, что он «дал миру шанс», по крайней мере в Америке. В том массовом движении за мир, когда американский народ вынудил свое правительство вывести войска из Вьетнама, голос Джона был голосом запевалы.

Среди его последователей встречались и неуравновешенные юнцы, безумцы, жаждавшие лидера и искажавшие его слова в своем больном мозгу. Банда Чарлза Мэнсона, терроризировавшая Лос-Анджелес, внушила себе, что слова «Helter Skelter» содержали в себе призыв к убийству. Отправляя на тот свет свои жертвы, они напевали строки из «Magical Mystery Tour». Когда Мэнсона схватили, то единственной книгой, которую нашли в его комнате, оказалась та, что вы сейчас читаете: «Авторизованная биография «Битлз».

Смерть Джона заставила нас понять, что теперь «Битлз» действительно умерли. Воскрешение исключено. По обе стороны Атлантики неоткуда ждать их возрождения.

Джон всегда был их лидером - самый оригинальный из них, самый мятежный духом. Его влияние доминировало в музыке и образе мыслей «Битлз». Пол был столь же музыкально одаренным, и в некоторых отношениях его чисто музыкальное дарование превосходило талант Джона, но именно Джон был впередсмотрящим. Лидером делала Джона сила его личности. Он был не просто старше Пола и Джорджа, которые на старых фотографиях выглядят именно такими невинными и уязвимыми, какими и были на самом деле, - Джон был куда более зрелым, выдавшим виды скептиком, все видящим насквозь, никому не доверяющим, отдающим себе отчет в окружающей фальши.

К удивлению многих, Пол и Джордж стали сильными личностями, и каждый из них повел «Битлз» в своем направлении. Джордж привел их к мистицизму и Махариши. Пол - к «Эппл», «Волшебному таинственному путешествию», в кинематограф. К этому времени Джон уже сам отрекся от своей роли, он наскучил сам себе, ему надоело быть «Битлом», он ждал, что подвернется что-то другое.

«Битлз» всегда существовали тем, что творили новое. Они входили в студию, предав забвению все, что было раньше, почти лишенные интереса к собственному творчеству, отказываясь повторяться. Каждый альбом 60-х годов становился событием - с новыми влияниями, новыми инструментами, новой одержимостью. Альбом «Sergeant Pepper» стал,

пожалуй, самым важным художественным событием того десятилетия.

Новым явлением в жизни Джона стало Йоко. Роман с Полом и «Битлз» кончился. Развод был тяжелым, Джон уехал в Америку, чтобы обрести новую жизнь и трагическую смерть.

Его общественное воздействие в Великобритании и политическая роль в США вскоре сотрутся из памяти. Пожелтеют от старости цели и одежды; о них вспомнят в Америке и Великобритании только при обсуждении 60-х годов. Когда-то Ринго сострил, что хотел бы попасть в учебники по истории, чтобы о нем прочитали школьники. Его пожелание сбылось при их жизни.

Но музыка «Битлз» будет жить до тех пор, пока существует поп-культура. Джон Леннон и «Битлз»: мы получаем два билета по цене одного. Среди исполнителей встречались и более крупные фигуры - например, Элвис Пресли или Фрэнк Синатра, которые, каждый по-своему, повлияли на целое поколение. Но они не были творцами. Леннон и Маккартни оставили в наследство по крайней мере сто песен, которыми всегда будут восторгаться, - даже когда их смешные прически, смешное произношение и жестокая смерть Леннона давно забудутся.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(Андрей Макаревич)

Вот и закрылась книга. Кончилась сказка с названием «Битлз». В 1980 году вместе с выстрелами Чепмена рухнула моя детская надежда на то, что эта волшебная команда соберется вновь. Все, к сожалению, имеет свой конец.

То, что делали «Битлз», я не могу назвать иначе, чем «волшебство». Философы спорят до хрипоты, в состоянии ли музыка изменить мир, а эти четверо ребят своими песенками свели с ума целое поколение, заставив молодых людей всей планеты забыть про технику, спорт, науку и взять в руки электрогитары. Мы жили и продолжаем жить в это время, и нам это кажется нормальным, но такого крена интереса молодежи в сторону музыки за всю историю человечества не было еще никогда. И, видимо, никогда больше не будет.

У американцев есть выражение: «Нужный человек в нужное время на нужном месте», - но здесь оно ничего не объясняет. Как-то принято было у нас считать, что эпоха биг-бита началась с «Битлз». Они, дескать, явились первооткрывателями и так далее... Чепуха все это. И до них существовало огромное количество групп. Имена их сейчас забыты. Послушайте эти группы конца 50-х, и окажется, что «Битлз» ничего не открыли и ничего нового не придумали. Просто взяли уже созданную стилистику и перевели все это в категорию волшебства. Их записи - даже самые ранние - не стареют. Я не могу объяснить этот феномен. Сегодня, когда мода на звук меняется чуть не каждый день, даже записи групп 70-х звучат как архаика. А песни «Битлз» не потеряли свежести, и я не могу отделаться от ощущения, что это записано только что. Я читал массу музыкальных исследований на тему того, как им это удавалось, и меня не удовлетворяет ни одно. Все можно объяснить, кроме того, что объяснить нельзя. Как нельзя объяснить искусство. Или гениальность. Или волшебство.

Я очень хорошо помню силу магии, исходившей от всего, что было связано со словом «Битлз» в конце 60-х. В газетах ругали «пресловутых жучков», а в классе по рукам ходила, наверное, в десятый раз переснятая фотка с четырьмя лицами. Фотка была захватана, изломана, подклеена и состоянием своим напоминала старую икону. Где на ней Леннон, где Маккартни, понять было уже невозможно. Но это не имело значения. Как

от старой иконы, от нее шла сила, заставлявшая нас часами вглядываться в еле проступающие лица «Битлов». Расскажи нам кто-нибудь тогда, что пройдет пятнадцать лет - и в магазинах будут свободно лежать их пластинки, мы бы рассмеялись. Песни их переписывались с пленки на пленку на первобытных отечественных магнитофонах до полной потери разборчивости звука. Мне в те времена неслыханно повезло. Отец привез из загранкомандировки «Hard Day's Night» и «Oldies But Goldies». Я вернулся из школы, открыл дверь и услышал этот звук. Было ощущение, что всю жизнь до этого момента я ходил с ватой в ушах, а тут ее вдруг вынули. Было также ощущение, что вдруг открылась Истина. За какие-то секунды стало до смешного ясно, как фальшиво, несовершенно и далеко от этой Истины все, что звучало с нашей эстрады. У песен «Битлз» хотелось греться, как у очага, настолько они были искренние, светлые и теплые. Мы заряжались от них энергией, как аккумуляторы. И еще одно важное их свойство - казалось, что это очень просто: не надо ни поставленных утробных голосов, ни консерваторского образования, надо просто собраться вчетвером (но только чтоб были друзья - ведь абсолютно ясно, что «Битлз» - друзья!), выучить несколько аккордов на гитаре и - вперед! Потом-то, конечно, становилось понятно, что не все так просто, но это было уже потом, когда ты начинал что-то уметь и хотелось двигаться дальше. До того, как я услышал их песни, я был весьма далекий от музыки молодой человек, и, не случись этого, я бы, честное слово, стал архитектором или художником, как и масса моих друзей-музыкантов, - сколько профессий принесено в жертву электрогитаре!

Мы крутили эти песни по двадцать часов в сутки, знали их наизусть (я думаю, у ребят моего поколения это осталось до сих пор). Мы могли проиграть в голове любую их пластинку - вплоть до царапинок. Это помогало нам высиживать уроки. Каждый новый альбом «Битлз» открывал новую страницу в нашей жизни. Какие-то их песни выполняли для нас функции самых настоящих молитв. Все наши портфели, тетради, а также детали одежды и открытые участки тела были исписаны цитатами из песен «Битлз». У каждого из нас дома в красном углу располагался алтарь, на котором стояли вылепленные из пластилина «Битлы» (особую радость и трепет доставляло изготовление крошечных барабанов, гитар и усилителей). В тот угол обращались заветные мечты, просьбы и чаяния.

Я уверен, что, читая про эти смешные проявления фанатизма, многие мои ровесники (а может быть, и не только ровесники) вспомнят себя. Поверьте, я - далекий от всякого поклонения чему-либо человек, относящийся к фанатизму с некоторым страхом и недоверием. И я не

стесняясь рассказываю все это сейчас, только чтобы попытаться передать силу воздействия магии «Битлз» на нас, а заодно на всех наших сверстников по всему земному шару. Мне трудно представить, как воспринимают песни «Битлз» сегодняшние пятнадцати-и двадцатилетние. Они росли в иное время, и другая музыка играет у них в голове. Но то, что песни «Битлз» и сегодня на Олимпе, хотя музыкальный рынок что ни день выбрасывает новых кумиров, говорит о том, что магия их музыки не боится времени.

Мне очень не хочется вдаваться в музыкальный анализ. К тому же я не музыковед. А ощущения мои, конечно, субъективны. «Битлз» всегда были законодателями музыкальной моды - и в то же время всегда в стороне от потока. Любая их песня запоминалась сразу, попадала внутрь, была очень проста - и всегда в ней было что-то неуловимое, то, что нельзя повторить, симитировать, или, как мы тогда говорили, «снять». Каждый их альбом был записан на одном дыхании и не походил на предыдущие. Они никогда не повторяли себя - поэтому их музыка не имеет никакого отношения к коммерческой. Они не ограничивали себя каким-то своим стилем - в этом и был их стиль. Особенно это заметно сегодня, когда каждая группа стремится найти свое звучание, залезть в него, как в нору, и уже не высовываться, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь эту нору не занял. Почти каждая песня «Битлз» была открытием. Она пробивала маленькую брешь в стене еще не придуманного, и туда за ней пробивался поток музыки, навеянный этим открытием. А «Битлз» в этот момент были уже далеко. Харрисон взял в руки ситар - и все кинулись в индийскую музыку, а заодно и философию. «Битлз» записали «Сержанта» - и тут же сотни групп выпустили своих «сержантов», ударились в психоделические изыски. А «Битлз» опять были уже далеко. Из каждой музыкальной строчки их песен можно сделать отдельную песню - они были удивительно щедры на мелодии.

Музыкальный критик Ник Кон в своей книге «Рок с самого начала» выдвинул «Битлз» забавное обвинение. Они, на его взгляд, положили конец эпохе рок-н-ролла, так как перевели рок-н-ролл в категорию искусства. А с каких это пор, спрашивает Ник Кон, рок-н-ролл имел отношение к искусству? Подражая «Битлз», масса групп потянулась за новыми красками, ударилась в эксперименты, часто неудачные (так как гениальными-то были только «Битлз»!), и старый рок-н-ролл умер, а мы ничего, в общем, не получили взамен. Такая вот мысль.

Не знаю, может быть, с точки зрения поборника чистого рок-н-ролла, он прав. Действительно, такой волны экспериментаторства, как в конце 60-

х - начале 70-х, рок-музыка не знала. Но, по-моему, мы должны не ругать «Битлз» за это, а сказать им спасибо - столько новых течений возникло с их легкой руки.

Мне всегда было жутко интересно, какую конкретно лепту вносил каждый из «Битлз» в каждую песню. Помню, мы спорили об этом до изнеможения. Все стало слышно, как только квартет распался. Зазвучала музыка каждого из четырех, и стало ясно, насколько они разные и как не похожи друг на друга в музыке и как в то же время осталось у каждого по кусочку битловского. Как будто разбили волшебный кристалл и всем дали по осколку. А магия ушла.

Позапрошлым летом «Машина времени» гастролировала по Америке. В «Хард-рок-кафе» города Далласа, где мы выступали, расположена колоссальная коллекция гитар звезд рок-н-ролла - более двухсот. Я увидел гитару Элвиса Пресли с автографом Короля, первую гитару Бо Дидли, которую он сделал сам из деревянного ящика, гитары Джимми Хендрикса, «Роллинг Стоунз», «Дип Перпл». Удивительно, что висели они прямо на стенах над столиками и никому из посетителей не приходило в голову что-то потрогать или, скажем, расписаться рядом с Бобом Диланом (думаю, у нас такой номер не прошел бы). Но гитара Джона Леннона не висела на стене вместе с остальными. Она хранилась в отдельном помещении в стеклянном шкафчике. Нас повели к ней, как к алтарю. Я держал в руках маленький старый черный «Риккенбеккер» Джона Леннона, гитару, на которой он, возможно, сочинил свои лучшие песни, - и не верил происходящему. Случись это лет на десять раньше, я бы, наверное, умер. Я вспомнил всю нашу былую битломанию, молодых «Битлз», молодых нас самих, бдящих у магнитофонов. Было забавно и было грустно. Грустно, что все кончилось.

Хозяин коллекции «Хард-рок-кафе» Айзек Тигрет рассказал нам, что есть проект, по которому гитара Джона Леннона будет запущена в космос в специальном спутнике на вечную орбиту вокруг Земли. Как память о «Битлз». Как символ Рок-н-ролла и Любви. По-моему, прекрасная мысль.